

ISSN 0130-8165

4 ■ 2022

ПОДЪЁМ

**Специальный проект журнала «Подъём»:
ПАВЛОВСКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ РАЙОН
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

- Проза и стихотворения авторов из Павловского муниципального района
- История, культура, мемуары, краеведение
- Картины павловских художников

12+

В. Семко. Кулаковка

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
ЕРМАКОВ Д.А. (Вологда)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Оренбург)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Санкт-Петербург)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — шеф-редактор (ответственный секретарь)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
ПЫЛЁВ С.П.
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

4 ■ 2022

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Максим ЯНЦОВ, глава Павловского муниципального района. **Есть чудный город в Придонье** 5

ПРОЗА

Александр ШПИЛЕВОЙ. **Несколько дней из войны.**
Рассказы 13
Павел ВИСЛОГУЗОВ. **Баба Васёна.** Рассказ 36
Андрей ВОРФОЛОМЕЕВ. **Не для меня**
Дон разольется... Роман 47
Зинаида МЫСЛИВЦЕВА. **Лучшенький кусочек.**
Рассказ 101
Ольга БОЛГОВА. **Любить по-настоящему.**
Рассказы 112

ПОЭЗИЯ

Николай ВОРОБЬЕВ. **Ненаглядный Дон.** Стихи 10
Сергей ЛУЦЕНКО. **Терновничек.** Стихи 30
Геннадий ПЕТРЕНКО. **Перекричать бы эту тишину.**
Стихи 43
Ольга ФОМЕНКО. **И тепло останется зимовать.**
Стихи 99
Галина ЧИКУРОВА. **Ожидая рассвет.** Стихи 109
Николай КАЛИНИН. **Грибное место.** Стихи 120
Алексей БОЛДЫРЕВ. **Война и мир через тысячу лет.**
Стихи 135
У сосновых холмов, мимо гор меловых.
Общая тетрадь. Стихи павловских поэтов 151
Скрытой силой земля так и полнится.
Общая тетрадь. Стихи павловских поэтов 189

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Виктор ИВАНОВ. **По приказу Петра I.** (Из истории основания города) 124
Николай КОМОЛОВ. **Как Осеред стал Павловском.**
(Переименование города: новые документы и факты) 126
Владимир ВЕРЕЩАГИН. **С павловских кораблей начиналась Азовская флотилия** 132

ИМЕНА

Леонид БРИЧКОВСКИЙ. **Первый секретарь.**
(Олег Застрожный — человек из когорты настоящих комиссаров) 138
Павел ВИСЛОГУЗОВ. **По законам гармонии.**
(Иван Дикун — народный художник России с павловскими корнями) 145

ИСТОКИ

Ольга ПОПОВИЧ. **О чем рассказывает говор.**
(Уникальное исследование истории и диалектов сел
Павловского района) 159

КРУГ ЖИЗНИ

Иван УДОДОВ. **Небо плакало, когда она ушла...**
(Живопись и поэзия объединились в таланте
Валентины Семко) 186

СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Зоя АПАНАСЕНКО. **Подвиг танкиста** 196
Леонид БРИЧКОВСКИЙ. **Разговор сына с отцом,
пропавшим без вести 14 июля 1942 года** 202
Евгений СЕДОВ. **Все мы родом из детства.**
Воспоминания 207

ДУХОВНОЕ ПОЛЕ

Римма ЛЮТАЯ. **«Забывтое», незабвенное...**
(Судьбы чудотворной православной иконы и людей,
сохранивших ее) 212

ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ

Дмитрий СОЛОДОВЧЕНКО. **По следам легенд
и былей** 224

ПОДВИЖНИКИ

Ирина НАКОНЕЧНАЯ. **Не бывает таланта без труда**
Татьяна МЕНДАК. **Украшы мастерицы.**
(Рассказы о творческой семье Ушаковых) 231

ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА

Иван УДОДОВ. **Словно музыка, застывшая в камне.**
(Изящная архитектура Павловска) 235
Ольга СТУЛЬНЕВА. **Подпевать лучше хором...**
(Народные песенные традиции Дворца культуры
«Современник») 237
Иван НИКОЛАЕВ. **Живописцы окунули свои кисти.**
(Родной край в картинах местных художников) 239

Подписные индексы:

73312, объединенный электронный каталог «Пресса России»: <https://www.pressa-rf.ru>

73312, электронный каталог «Пресса по подписке»: <https://www.akc.ru/itm/podem>

Подписка по Воронежской области: П3239, «Почта России».

Сайт и мобильная версия журнала: <http://www.podiemvrn.ru>

***Специальный проект журнала «Подъём»:
Павловский муниципальный район
Воронежской области***

Выпуск подготовлен
при содействии
администрации Павловского
муниципального района
с целью поддержки
творчества местных авторов.

Максим Янцов,
*глава Павловского
муниципального района*

ЕСТЬ ЧУДНЫЙ ГОРОД В ПРИДОНЬЕ

Восхищенное удивление — наиболее частая реакция гостей Павловска, впервые посещающих наш старинный город. Неповторимое городское пространство, где чудно соединились прошлое и настоящее, открывается сразу при въезде с трассы М4. Неудивительно, что книги отзывов в павловских музеях и страницы интернета пестрят восторгами и яркими эпитетами:

«В этом городке, жители которого так любовно и бережно сохранили красивые старинные здания, кажется, и воздух особенный, и настроение, и вся атмосфера... Мы рады, что есть такой чудный город на Воронежской земле...»

«Здесь чувствуешь аромат особенной провинциальной жизни. Даже хлеб, да и вся кухня в простеньких, по современным интерьерным размахам, но по-домашнему уютных ресторанчиках и кафешках пахнет каким-то настоящим вкусом...»

«Это просто очарование! Городец Павловск — точно мини-Петербург на Дону. Спасибо его жителям, что сохранили такую жемчужину...»

Действительно, аналогии с северной столицей здесь вовсе не случайные. Ведь при всей несоразмерности двух городов их возникновение связано с желанием и повелением одного человека — великого российского царя Петра I. «Здесь будет город заложен...» — монарший вердикт практически одновременно относится и Санкт-Петербургу, и к Павловску. Мысли заложить крепость и корабельную верфь в устье впадающей в Дон реки Осереды зародились у Петра I еще во время первого похода на Азов. Но прошло несколько лет, перемежаемых то восстанием казаков под предводительством атамана Кондратия Булавина, то славной победой над шведами под Полтавой, когда царь вернулся к былой идее. Так, в 1709 году на возвышенном левом берегу Дона при впадении в него реки Осереды появился будущий Павловск — крепость с корабельными верфями. Для работ Петр I прислал сюда три тысячи пленных шведов. Уже в 1711 году на новой верфи было заложено два военных корабля...

Сегодня, когда мы готовимся отметить 350 лет со дня рождения императора Петра I, с особым чувством следует отметить, что именно здесь, на Воронежской земле, в том числе и в Павловске, стала явью его мечта — создание Российского военного флота. Павловск развивался стремительно и уже к 1711 году назывался городом. Тут был создан, говоря современным языком, значимый по тем временам военно-промышленный комплекс: литейный и пушечный заводы, канатная и полотняная фабрики, адмиралтейство. В городе находился постоянный военный гарнизон из пяти пехотных полков. Впоследствии центром кораблестроения стал Санкт-Петербург, но Павловск не утратил своего значения. После вхождения полуострова Крым в состав Российской империи здесь строились суда для Черноморского флота. Руководил производством военных парусников будущий адмирал А.Н. Сенявин, командующий Донской (Азовской) флотилией. Контр-адмирал неоднократно бывал и жил в нашем городе, руководил постройкой новых военных кораблей, собирал военные Советы и лично возглавлял спуск и отправку эскадры на Азовское море. За успешное строительство военных судов в 1769 году Сенявину было присвоено звание «вице-адмирал» и пожалован орден «Святой Анны». А три военных корабля, построенных в Павловске, «Хотин», «Азов» и «Битюг», вошли в состав эскадры (из 11 кораблей) впервые сформированного в Севастополе Черноморского флота. Бывал здесь и прославленный адмирал Ф.Ф. Ушаков. Память о знаменитых флотоводцах увековечили две мемориальные доски на стенах Павловского музея военно-морского флота. В 1779 году Павловск стал уездным городом Воронежского наместничества.

Конечно, листая страницы прошлого, отмечая важные вехи и даты, мы должны понимать, что человек облюбовал берега Дона задолго до славных времен строительства флота. Как и вся территория современной Воронежской области, земли Павловского края были обитаемы со времен палеолита. А в середине I тысячелетия новой эры на берегах реки Дон, именовавшейся в древности Танаисом, а также на донских притоках возникли славянские поселения, о чем свидетельствуют многочисленные славянские городища IX–X веков, найденные археологами. Так, в двух километрах от города Павловска находится Павловское городище — памятник истории, занимающий площадь около 15 гектаров.

Центральные и южные районы современного Воронежского края еще долго находились под контролем кочевых племен. Во время монголо-татарского нашествия в первой половине XIII века древнерусские поселения были разрушены, и воронежские земли на несколько столетий превратились в так называемое «дикое поле», по которому проходили главные татарские дороги (шляхи) — Ногайский и Кальмиусский. Только в XVII веке эти земли стали заселяться: с севера — русскими людьми, с запада — черкасами-малороссами, спасавшимися от польского гнета. Это и определило этнокультурные особенности нашего края. Русские села здесь соседствуют с украинскими, в которых люди живут в мире и согласии уже более трех веков, подтверждая неразрывность общих исторических корней и свое духовное единство.

Сегодня Павловск, расположенный в 164 километрах от Воронежа, является административным центром Павловского муниципального района, который как самостоятельное административно-территориальное образование был создан 30 июля 1928 года. Район относится к регионам с преобладающим агропромышленным сектором в экономике. Причем ос-

новным направлением сельскохозяйственного производства является растениеводство и животноводство. По землям Павловского района протекают река Дон и ее притоки Битюг и Осередь, а также имеется значительное количество прудов и озер. На территории района, составляющей 1 886 квадратных километров, проживают почти 55 тысяч человек. При этом 45 процентов населения района сосредоточено в городе Павловск.

В настоящее время Павловский муниципальный район является территорией, привлекательной для проживания и ведения бизнеса. Его конкурентные преимущества заключаются в удобном географическом положении, богатой сырьевой базе, наличии развитой сети транспортных коммуникаций федерального и регионального значения, связывающих между собой южные и центральные регионы страны. Климатические условия благоприятны для развития самых разных направлений сельского хозяйства, а также туризма и рекреации.

Для повышения инвестиционной привлекательности и обеспечения условий для роста экономического потенциала региона в марте 2018 года здесь создана территория опережающего социально-экономического развития «Павловск». Этот статус позволяет установить для резидентов льготный налоговый режим. Приход в район новых инвесторов позволил создать новые рабочие места и повысить средний уровень заработной платы.

Прочный экономический базис — это надежная основа для динамичного функционирования и развития социальной сферы. В Павловском районе активными темпами продвигается проектирование и строительство жилых домов, детских садов, школ, спортивных объектов, удалось сохранить и модернизировать многие дома культуры и сельские клубы.

Красота природы, уникальность истории Павловского района и почитание народных традиций способствовали формированию здесь особой культурно-творческой атмосферы и появлению талантливейших людей, которые прославляют Павловское Придонье не только по области, но и по всей России.

В районе действуют самодеятельные коллективы, которым в разные времена было присвоено звание народных: хор имени Марии Мордасовой, ансамбль народных инструментов «Донские россыпи», хор ветеранов, танцевальный ансамбль «Дон», коллектив «Павловский диксиленд», духовой оркестр и другие, не раз становившиеся лауреатами самых престижных всероссийских конкурсов.

Ежегодно в районе проводится масса фестивалей, театрализованных и художественно-спортивных праздников, участие в организации и проведении которых принимают как профессиональные, так и самодеятельные артисты.

На Павловской земле свой творческий потенциал реализуют художники, мастера декоративно-прикладного искусства, писатели и поэты. Плоды их творчества можно увидеть в Павловском районном краеведческом музее.

Павловчане любят и ценят историю родного края и охотно делятся своими знаниями с многочисленными гостями района. Павловск — город с богатой историей. Его неповторимое лицо определяет старинная застройка, составляющая уникальный историко-культурный центр города, на территории которого находятся 42 объекта культурного наследия регионального значения. Одним из старейших зданий Павловска является церковь Казанской иконы Божьей Матери — прекрасный образец

архитектуры конца XVIII века. Она была возведена на средства казанских купцов, переведенных в город по приказу Петра I после Полтавской битвы.

В годы Великой Отечественной войны Павловск находился на линии фронта, проходившей по реке Дон. С 7 июля 1942-го по 17 января 1943 года город подвергался ежедневным артиллерийским обстрелам и бомбардировкам противника. Население помогало защищавшим левый берег дивизиям — обеспечивало их продовольствием, эвакуировало раненых, участвовало в строительстве укреплений, доставляло боеприпасы, помогало разведчикам. Успешная наступательная Острогожско-Россошанская операция советских войск в январе 1943 года отодвинула врага глубоко на запад... В память о тех событиях в городском парке создан мемориал в честь погибших на войне павловчан и защитников города.

В городе работают два музея: Павловский районный краеведческий музей и Музей российского военно-морского флота имени Петра Ляшенко. В экспозиции краеведческого музея представлены археология, палеонтология, геология, антропология, материалы и экспонаты эпохи Петра I, предметы крестьянского и купеческого быта, народный костюм, документы, фотографии и предметы, отражающие развитие народного образования, медицины, революционных событий и событий времен Великой Отечественной войны. На базе музея работает краеведческое общество имени Евфимия Болховитинова.

Музей российского военно-морского флота создан при станции юных техников руками увлеченных педагогов и детей, с помощью ветеранов морского и речного флота и просто неравнодушных людей. Главная ценность музея — многочисленные судомодели (катера, пароходы, подводные лодки, корабли и многое другое), модели авто-, авиа-, бронетехники. Большая часть этих экспонатов действующие, все они выполнены детьми и педагогами станции.

Павловская земля богата природными ресурсами. Одним из главных брендов Павловска и всего Павловского района признано считается крупнейший в Европе Павловский горно-обогатительный комбинат по добыче и переработке гранита. История открытия и изучения павловских гранитов уходит в далекое прошлое и представляет собой целый ряд интересных событий и фактов. Месторождение гранита под Павловском на Дону было открыто естествоиспытателем Н.С. Тарачковым в 1857 году. Впервые оно привлекло к себе общественное внимание во время поиска материала для изготовления пьедестала под памятник Петру I в Воронеже. Так впервые в истории павловскому граниту было найдено практическое применение. А в 1960 году после проведения полевых геологоразведочных работ было открыто Шкурлатовское месторождение гранита, являющееся одним из богатейших в Российской Федерации. На базе этих запасов гранита и был построен Павловский горно-обогатительный комбинат — самое крупное предприятие по добыче гранита в РСФСР и второе по величине в Советском Союзе, ныне реорганизованное в два предприятия ОАО «Павловск Промвзрыв» и ОАО «Павловск Неруд».

Визитной карточкой Павловского района считается и Шипова дубрава — начинающийся возле Павловска на правом берегу реки Осереда лесной массив, который удивительным зеленым островом раскинулся среди ныне распаханной степи. По одной из версий, свое название дубрава получила от английского слова «ship» (корабль). Еще в 1709 году за прево-

сходное качество строевой древесины этот уникальный лесной массив был наречен Петром I государевым корабельным лесом. А в наши дни 202 гектара дубравы, где в основном произрастают полуторавековые дубы, объявлены памятником природы.

Богатая история, достойные люди и непревзойденные красоты родной стороны всегда вдохновляли местных литераторов. Многие годы в районе работает литературно-творческое объединение «Донские родники», сплотившее вокруг себя поэтов, прозаиков, краеведов и музыкантов. Администрация района всегда старалась поддержать их. Так, объединение смогло выпустить семь коллективных сборников, в которые вошли стихи, рассказы, очерки, краеведческие материалы, публицистика, песни и сказки павловских авторов. Нынешний номер журнала «Подъем» в основном также подготовлен талантами из «Донских родников». Это значит, что их творчество вышло на новый уровень — к все-российской читательской аудитории. Поэтому нам всем хотелось бы, чтобы эти произведения не только пришлись читателям по душе, но и составили бы представление о разносторонних талантах и красотах Павловского Придонья.

Николай Иванович Воробьев (1926–2018) родился в городе Павловске Воронежской области. Участник Великой Отечественной войны. Окончил исторический факультет Саратовского государственного университета. Работал учителем, директором школы, заведующим отделением Павловского сельскохозяйственного техникума. Писал стихи с 1943 года, публиковался в газетах Тихоокеанского флота. Автор сборников стихов и прозы «Золотая нива», «За тебя, хлебороб», «Перекаты», «Степные запяхи». Член Союза журналистов России, Союза писателей «Воинское Содружество».

Николай Воробьев

НЕНАГЛЯДНЫЙ ДОН

УЛИЦА ЦЕНТРАЛЬНАЯ

От Петровской площади улицы — лучи,
И все эти улицы — к прошлому ключи,
Домики старинные горбятся, сутулятся,
Каждый —

многолетняя принадлежность улицы.

Улица всем улицам — просто магистральная,
Прадедам знакомая улица центральная...
Плыл когда-то улицей колокольный звон,
Разгонял купеческий и мещанский сон...

Благостные псалмы пел сосновый бор,
По центральной улице люди шли в собор,
Трудовым заботам приходил конец,
Тер об фартук руки молодой кузнец...

Печник шел от кладки, лудник —
от лужения,
Торопились толпами на богослужение.
Плыл когда-то улицей колокольный звон,
Падал с кручи желтой в тиховодный Дон...

КСЕНИЯ

Небо ли захмарилось,
Замутило день,
Ты ли так состарилась,
Отступила в тень?

Глаза робко вскинула,
А в глазах мольба,
И платок надвинула
На морщинки лба.

Платьице измятое,
В складках пальтецо
И у горя взятое
Серое лицо...

Видно, в дни осенние
Вянут и цветы,
Ты ли это, Ксения?
Ну конечно, ты...

Не стыдись измятостей,
Ведь в твоих глазах
Столько доброй святости,
Сколько в образах!

Подойди, обнимемся,
Бывший военврач,
Вместе к внукам двинемся,
Ну, не плачь, не плачь...

НА СКЛОНЕ ЛЕТ

Я видел смерть на поле боя
И вот теперь, на склоне лет,
Как из шахтерского забоя,
Полоской вижу белый свет...
В полоске многих, многих вижу:
И тех, кого я так люблю.
И тех, кого я ненавижу.
И тех, о ком до слез скорблю...
Из них, пожалуй, вижу чаще
Ребят, сгорающих в огне,
Что-то невнятное кричащих
Друг другу, Родине и мне.
Я видел смерть, но даже вчуже
Я на нее смотреть устал,
Мне без погибших стало хуже,
Я сам как будто мертвым стал.

ИСПОВЕДЬ

Я не всегда смотрел и видел
Все то, что трепетно искал,
Кого-то глупо я обидел,
Кого-то мудро приласкал...

Мы все грешим... и не грешим...
То в море рвемся, то на сушу,
Но мы все подвиг совершим,
Если ворвемся в свою душу!

* * *

Отчего мы живем так мало?
Отчего в мир иной спешим?
Или счастье к нам боком встало
Потому, что мы так грешим?
Или солнце нас очень греет,
Или нас холодит луна.
Отчего сердце часто млеет,
Отчего так болит спина...
Куда ветры нас всех носили,
Куда бури сейчас несут,
И какие такие силы
Волокут нас на Божий суд?

НЕНАГЛЯДНЫЙ ДОН

Ах ты Дон, мой Дон, ненаглядный Дон!
Ты и явь моя, и мой дивный сон.
Мое имя ты, мое отчество,
И сиятельство, и высочество...

Ты когда-то был фронтовым, мой Дон,
Слышал пули свист и солдатский стон,
Но, вдохнув в себя запах пороха,
Неприступным стал ты для врага.

Косы вяжутся из твоих глубин.
Плесы тянутся к пламени рябин,
Ах ты Дон, мой Дон, мой отец и брат,
Я с тобой всю жизнь обниматься рад...

Александр Васильевич Шpileвой (1926–2003) родился в селе Александровка-Донская Павловского района Воронежской области. Участник Великой Отечественной войны, моряк, был военным советником в Китае, почетный радист СССР. Окончил политехнический институт, работал заместителем директора Воронежского радиозавода, в Воронежском областном объединении «Орбита-сервис». Печатался с рассказами и повестями в местных периодических изданиях, коллективных сборниках. Автор книги «Невыдуманные истории». Награжден орденами Отечественной войны, Трудового Красного Знамени и другими правительственными наградами.

Александр Шpileвой

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ИЗ ВОЙНЫ

Рассказы

ЭВАКУАЦИЯ

Начало

Все началось неожиданно, несмотря на то, что уже более года шла эта невиданная по размаху и ожесточенности война, по праву названная Отечественной. Место действия — наше родное, неповторимое Придонье. Стоял теплый, безоблачный день лета 1942 года. Мы, колхозная ребятня 14–16 лет, привыкшие с ранних лет к крестьянскому труду и ставшие наравне с женщинами и стариками основной рабочей силой, находились в поле. К этому времени вся движимая колхозная техника была эвакуирована на восток, а в нашем распоряжении остались лошади и трехлемеховые распашники, с помощью которых мы вели междурядную прополку кукурузы. Близился обед, щедрое на тепло летнее солнце стремилось к зениту, и мы уже поглядывали на дорогу, ведущую от села. Там вот-вот должна была появиться повозка с тетей Варей и вкусными наваристыми щами. Где-то высоко в небе блестящим белым крестиком наружно провыл немецкий самолет-разведчик, что неоднократно случалось и ранее.

Вдруг мы услышали с западной, белогорьевской стороны Дона характерное тарахтенье наших По-2. В этом тоже ничего примечательного не было, если бы по мере приближения к нам трех самолетов мы не увидели нечто необычное.

— Гля, гля, на крыльях самолетов люди сидят! — закричали наперебой ребята.

— Ох ты, смотрите, вон у одного пилотка слетела с головы! Митя, сними быстрее постромки, я поеду...

И тут же верхом один из нас малой рысью устремился к тому месту, где, мелькая и крутясь, как сухой лист, упала не то пилотка, не то другой какой-то предмет, легкий, из ткани.

Вскоре он вернулся верхом на лошади в глубоко надвинутой на голову непомерно большой пилотке. А на крыльях бипланов действительно сидели и стояли люди в комбинезонах, уцепившись за тросы растяжек между крыльями. Пролетая над нами на очень низкой высоте, на которой могли летать только По-2, люди в комбинезонах что-то кричали нам, указывая в сторону Дона. Нам, естественно, ничего расслышать не удалось, но вскоре все выяснилось само собой, явив страшную действительность войны. Приглядевшись в сторону Белогорья, куда указывали нам с самолетов, мы сначала увидели большие клубы черного дыма, а через мгновение до нас докатились громадной силы разрывы бомб.

Белогорье и переправу через Дон бомбили немецкие самолеты. Они шли волна за волной по 9–12 штук и сбрасывали свой смертоносный груз на отступающие и скопившиеся на переправе наши войска, на эвакуирующихся беженцев. Снизу неистово лаяли наши зенитки, и белые облачка разрывов усеяли все небо.

Стервятники с черными крестами на крыльях, отбомбившись, слаженно выстраивались в звенья, разворачивались буквально над нами и уходили на запад. Их место занимали очередные самолеты и бомбили, бомбили... Мы, прекратив свою работу, с болью смотрели на эту удручающую картину безнаказанной расправы над нашим ближайшим соседом — Белогорьем и всем тем, что в нем в тот момент находилось. И мысленно умоляли зенитчиков:

— Ну, сбейте, сбейте хоть одного! Да попадите же, наконец. Хоть как-то накажите этих проклятых фашистов!

Тщетно. Хотелось плакать. И действительно, кое-кто из нас плакал. А бомбежка все продолжалась. Разрывов снарядов наших зениток становилось все меньше и меньше. Сплошная пелена черного дыма и пыли заволочла и скрыла за собой и Белогорье, и пойму Дона с ее зелеными лесами.

Позже отступавшие военные рассказали нам подробности трагедии, разыгравшейся на переправе.

Еще ранним утром у понтонной переправы через Дон начало скапливаться большое количество отступающих войск, боевой и гражданской техники, эвакуированных жителей, уходящих со скотом и домашним скарбом. Пропускная способность таких переправ весьма ограничена. Около десяти часов утра у переправы появилась группа военных во главе с полковником НКВД. Все они были одеты с иголочки и вооружены автоматами, которых в то время у нашей армии было очень мало. Полковник нашел руководителя переправы, которым был не то капитан, не то старший лейтенант, и, предъявив ему документ сотрудника НКВД, приказал пропустить через переправу сначала эвакуируемый скот, многочисленные стада которого были здесь же, на лугу, а затем уж... войска. Представляя,

что такая очередность парализует переправу на многие часы, руководивший ею наотрез отказался, ссылаясь на приказ, полученный ранее.

— Вы плохо знаете устав, — заорал на него полковник, — выполнять надо последний приказ!

Выхватив револьвер, он тут же застрелил несчастного.

Руководство переправой с этого момента оказалось в руках диверсионной группы во главе с «полковником». Налетом первой же девятки самолетов понтонная переправа была полностью уничтожена, а оставшиеся на правобережье Дона и заполнившие Белогорье войска оказались обреченными на уничтожение. Накануне первого же бомбового удара по переправе «полковник» и его группа бесследно исчезли.

Впрочем, версию о высадке немцами десанта с целью создания хаоса отвергает известный кинорежиссер и драматург А.П. Довженко, особенно запомнившийся всем по поставленной им картине «Щорс». В тот момент он вместе с другими работниками Киевской киностудии оказался как раз на нашей злополучной Белогорской переправе. В своих дневниковых записях он утверждает, что неразбериху и панику на переправе создал временный комендант Белогорья, который с группой подчиненных решил «навести порядок» на переправе и организовал проверку документов у военных и гражданских лиц, создав многокилометровую пробку из смешавшихся войск, техники, скота и повозок с беженцами. При появлении первых немецких бомбардировщиков этого «блюстителя порядка» как ветром сдуло. Сам же А.П. Довженко и его группа, чудом выбравшись из столпотворения, спустились вниз по правобережью Дона почти до Богучара, где и переправились на левый берег. Их дальнейший путь лежал через Калач на восток...

Между тем бомбежка переправы и войск, скопившихся перед ней, все еще продолжалась. С момента ее начала прошло не менее четырех часов. Обед нам, конечно, никто не привез. Не до того было. А мы, бросив распушки в поле и взобравшись на лошадей (благо, их всем хватило), отправились в свое село Александровку-Донскую. Но поехали мы не проселочной дорогой, а по глубокому оврагу, названному почему-то «вилами». Нас, мальчишек-всадников, было не менее тридцати.

Пыль столбом стояла от нашей кавалькады. Неизвестно, что подумали немецкие летчики, увидев группу всадников, движущихся не в сторону отступавших войск, а, напротив, в сторону Дона, то есть к фронту. Один из самолетов, отвалив от строя и перейдя на бреющий полет, начал поливать нас свинцом. Мы все посыпались с лошадей и прижались к земле, а лошади, привыкшие к «коллективным» действиям, освободившись от седоков, прямым ходом отправились в село, в конюшни.

Отлежавшись в бурьяне и придя в себя от первого в жизни пулеметного обстрела, благополучно закончившегося для всех нас, мы отправились пешком, тем более что идти оставалось не менее полутора-двух километров.

В селе царил хаос. Военные, переправившиеся через Дон вплавь, бродили по селу полураздетые, большинство босиком, без оружия. Жители села кормили их кто чем мог, а женщины плакали, слушая их рассказы о пережитых ужасах многодневного отступления.

«Как же так? — напряженно думали мы. — Еще вчера мы слышали по радио о боях за Харьков, Ворошиловград, а сегодня война у нас, на Дону?»

Несколько солдат, остановившись около нас, попросили принести махорки и водички. Мы нашли самосад, а женщины прибежали с крынками молока, с хлебом и другой домашней снедью.

— Вот что, пацаны, — сказал один из солдат, — бегите и вы подаль-

ше. Завтра утром немцы будут у вас. Ничем их, проклятых, не остановишь. Ох, сколько наших полегло перед переправой и на ней! Бегите, пока не поздно... А что они делают с мирными жителями, мы видели не раз. Но знайте — наша все равно возьмет. Вернемся мы или другие, и получит фашист сполна за все.

К вечеру бомбардировка утихла. Наступила жуткая тишина. Лишь изредка доносились глухие раскаты взрывов, напоминая, что война пришла и к берегам Дона. Это слышно было, как немцы бомбили станцию и речной порт в Лисках. А в середине ночи немецкий самолет «повесил» яркую осветительную ракету над Павловском. Вскоре раздался раскатистый взрыв. На Павловск была сброшена первая авиабомба. Война неотвратимо ворвалась и в наши дома. Всю ночь мы провели в глубокой тревоге. Днем военные нас уверяли, что к вечеру немцы будут в Белогорье, а к утру, возможно, наведут понтоны и переправятся сюда, на левый берег. У страха, как творится, глаза велики.

Как стало известно позже, передовая немецкая часть с бронетехникой вошла в Белогорье лишь на пятый день после бомбежки переправы. А что касается немцев, появившихся в первый же день, то это была все та же группа, возглавляемая «полковником НКВД». Похозяйствовав на переправе, они, переодевшись уже в свою форму, решили показать, кто теперь является настоящими хозяевами на правобережье Дона.

Уже на второй день утром мы не обнаружили в селе ни одного нашего военного. Все они, опасаясь прихода немцев, ушли на восток. Полное безвластие, неопределенность и страх нависли над селом.

Однако жизнь брала свое. Особую активность стали проявлять мы, несовершеннолетние пацаны. Запрягли никому теперь уже не нужных лошадей на колхозном дворе, набрали дома харчей и отправились ночью в Шипов лес. Партизанить собрались. День живем в лесу, другой. Кончается наш провиант. Тишина. Войны как и не бывало. Изредка прогудит провозет фашист высоко в небе. И опять тишина. От Шипова леса до нашего села двенадцать километров. Решили послать разведку. Через четыре часа наши конные разведчики сообщили — в Александровке-Донской нет ни наших, ни немцев.

Пошли купаться на Дон. Ничего, все нормально. Только вот время от времени проплывали трупы то людей, то животных, то обломки непонятных сооружений. Вскоре узнали, что вверх по течению между Александровкой-Донской и Бабкой, в так называемых Петровских ямах, затоплен караван барж с зерном и продовольствием. Пошли, проверили. Точно. Затоплены баржи и пароходы-буксиры. И ведь не все попали в глубокие Петровские ямы! Некоторые баржи оказались затоплены не полностью, и кое-что съедобное можно было из них извлечь.

Саша Кривобоков, будущий капитан дальнего плавания, ученый, Герой Социалистического Труда, придумал оригинальный метод как проникнуть в трюмы затопленных барж. В это время беспорядочного отступления на берегу в кустах, а то и просто на обочинах дорог, валялось бесчисленное количество противогозлов. Правда, они все почему-то были без сумок. Сумки от противогозлов военные приспособляли под более необходимое в пути, в повседневной солдатской жизни — под случайные продукты. Известно, что в пути и иголка тяжела, а противогозл... Лучше кiset махорки, лишний кусок хлеба...

Саша предложил брать гофрированные трубки от противогозлов и соединять их друг с другом по несколько штук. Эту «кишку», как мы ее

называли, затем присоединяли к одному из противогозлов. В этом противогозде один нырял в трюм баржи, а напарник держал «кишку» снаружи. Пожалуйста — дыши, смотри, работай!

И работа закипела. Вскоре во всех дворах села на всевозможных подстилках сушилось зерно, просо, пшеница, фасоль... Правда, все это изрядно пахивало силосом, но голод — не тетка! А некоторым счастливчикам удавалось выуживать из барж бочоночки-анкерки со сливочным маслом, вполне пригодным для употребления. Длилось это до тех пор, пока с противоположного берега добытчиков не обстреляли немецкие разведчики. А когда появились красноармейцы, то доступ к заветным баржам полностью прекратился. По руслу Дона пролегла линия фронта, продержавшаяся долгие восемь месяцев.

Жизнь на фронте

Итак, после двухнедельного безвластия и неопределенности на нашей, левобережной, стороне Дона начали появляться советские воинские подразделения: пехотинцы, минометчики, связисты, зенитчики, а с ними — солдатские кухни.

Селяне продолжали жить своей жизнью: растили картошку, огурцы, помидоры, доили коров, выпекали домашний хлеб, помогали военным. Нас, ребят постарше, привлекали рыть окопы и строить блиндажи на берегу Дона, но только в ночное время.

А на полях колхоза в тот год, невзирая на войну, вызрел богатый урожай пшеницы и ржи.

А что же дальше? Ведь после лета — осень, а там и зима. Как жить в условиях фронта, чем питаться и согреваться, в конце концов, что делать, живя практически на самой линии фронта?

Помню, в нашем дворе под развесистой грушей рядом с сооруженным блиндажом (он появился тогда в каждом дворе) собрались старики, чтобы обсудить эти вопросы:

— Немцы, теперь уже ясно, сюда не придут, — сказал мой отец. — Выдохлись, не та сила. Две недели здесь не было наших — они не сунулись, а теперь и подавно. Так что, мужики, давайте думать, как урожай убирать будем. Комбайны есть, а вот тягать их нечем. Вся надежда на старушки-косы да на бабы грабли.

— Так-то оно так, — отвечали ему, — да как только мы сунемся на поле, немцы нас из орудий и накроют.

— А не будем убирать, — парировал другой, — так сами, без помощи немцев, отдадим концы.

— Давайте по ночам работать, хоть что-нибудь наскребем, — предлагал третий.

— Нужно, наверное, посоветоваться с военными. Вон с горки спускается командир, весь в ремнях...

— Здорово, старики! О чем речь держите на своем совете в Филях? — спросил военный и присел к ним, закуривая.

— Да вот, начальник, думаем, как жить дальше и что кушать. Уже пшеница да рожь созрели в поле. Косить да молотить пора, а тут фронт, стрельба. Хотя бы на время немцев отогнали...

— Нет, батя, отгонять немцев не подошло время. Дон, он хоть и наш, да временно немцам это даже на руку. Так что вы организовывайтесь, да и начинайте с Богом.

Видно, от сохи был этот командир и понимал толк в сельскохозяйственных работах:

— Начинайте косить, вязать в снопы да подсушивать, а мы, ночами, поможем сложить в небольшие скирды, подальше одну от другой, а потом и с обмолотом помаракуем, — закончил он, как бы подводя итог разговора.

Вскоре старики, женщины и мы, подростки, вооружившись косами и граблями, отправились до рассвета в поле. Первые два дня прошли спокойно, хотя с Белогорских гор мы были видны, как на ладони. Однажды появился немецкий «Фокке-Вульф», прозванный «рамой». Порыскав над Павловском, он развернулся и снизился, пролетая над нами на такой высоте, что мы отчетливо видели лицо немецкого летчика. Он замахал рукой, имитируя нашу косьбу и показал большой палец: мол, молодцы, косите, убирайте — все равно это достанется нам! И в последующие дни этот самолет, сбросав с десятков килограммовых бомб на замеченную им солдатскую кухню, вновь прилетал к нам в поле. Мы уже не боялись его и, мало обращая внимание, занимались своим делом.

Кроме полетов разведывательного характера и обстрела подозрительных объектов, «рама» часто сбрасывала листовки. Однажды она усеяла всю округу листовками большого формата, сброшюрованными в журнал (как наш «Огонек»). Красочно оформленные, с цветными фотографиями на глянцевой бумаге, они полностью были посвящены плененному немцами Якову Джугашвили (сыну Сталина). На первой странице во весь рост была фотография Якова. Он стоял в шинели, наброшенной на плечи, в пилотке без звездочки и смотрел вдаль широко раскрытыми и полными безысходной печали глазами. Нельзя было без содрогания смотреть на образ и глаза этого обреченного. И подпись: «Яков Сталин чувствует себя хорошо». Под другими фотографиями, где Яков сидит за столом и ест из солдатского котелка, или прогуливается по какой-то аллее, были подписи: «Для Якова Сталина война окончена», «Яков Сталин любит прогулки». Или вопросы: «Почему И. Сталин нарушает свой приказ и не сошлет себя в ссылку? Ведь он так поступает с родственниками военных, сдавшихся к немцам в плен? Себя простил, а других, которых миллионы, — нет!»

А однажды «развлекательный» полет «рамы» чуть было не закончился для нас драматически. Это произошло в один из таких же солнечных дней. Около одиннадцати часов над нами вдруг раздалась пулеметная очередь. Мы все — врассыпную и попадали. Когда самолет улетел, мы все поднялись, а дед Сеня продолжал лежать.

— Деда Сеню убило, — закричал кто-то, подбегая к нему.

— Да живой я, живой... — глухо отозвался дед. — Я просто лежал подольше, чтобы фашист подумал, что я убит. Ведь я сам виноват, что разозлил этого гада. Кулак ему показал! А могли бы пострадать и вы. Ну, слава Богу, обошлось.

И все же люди гибли почти ежедневно. Хоронили их только по ночам и не только на кладбище, но и просто за околицей. Однако полевые работы не прекращались. И никто, в общем-то, нам в этом не мешал. Ну, наши — ясно. Они наши — и этим все сказано. Они поощряли и даже помогали, как могли. Но вот противная сторона! Обстреливая методично село, немцы, а затем и итальянцы почему-то не трогали работавших в поле. То ли они и вправду надеялись на то, что собранный урожай достанется им, то ли возобладали мотивы гуманного характера? Скорее всего, на первых порах, когда на правом берегу Дона были немцы, — то версия

первая. А когда немцев сменили итальянцы, то правдоподобнее вторая версия. И все-таки однажды это неписаное правило было нарушено.

Стоял жаркий и сухой день конца августа. Любое движение по проселочной дороге поднимало клубы черноземной пыли, которая из-за безветрия стояла на одном месте сплошной пеленой. К вечеру в село потянулось стадо коров, а вслед за ним мы, задержавшись тогда в поле дольше обычного. На это столпотворение вражеская сторона среагировала незамедлительно. По скоплению людей и животных был открыт беглый минометно-артиллерийский огонь. Началась жуткая паника. Крики людей, рев животных, обезумевших от одного вида крови, взрывов и смрада. Появились раненые. Когда обстрел прекратился, те, кто постарше и посмелее, стали оказывать первую помощь пострадавшим. А шестнадцатилетняя Люба Харцызова в этот день была сражена насмерть осколком снаряда.

Фронт есть фронт, поэтому жертв даже среди мирных сельчан становилось все больше и больше.

Вскоре наступил конец сентября 1942 года. Все мы напряженно размышляли: что же будет дальше? Ведь стоит задымить солдатской кухне, как с той стороны Дона по этому месту тотчас открывался огонь. А если все жители вынуждены будут зажечь (и не только ночью) свои очаги, чтобы согреть жилища? Однако когда наше командование объявило об эвакуации, то подавляющее большинство селян отнеслось к этому крайне отрицательно. Это были в основном женщины, старики и дети.

— Ну, куда мы с детьми без куска хлеба поедem, кто нас там ждет? Ведь пропадем с голоду да холоду! Здесь хоть картошку с капустой имеем, да хлеб хоть какой-никакой выпекаем. А там? Нет, что хотите, а мы никуда не поедem, — отказывались жители.

— Не-е-е, и не говорите, лучше тут помрем. Дома и смерть красна. Вона, уже больше трех месяцев живем, и ничего!

— Вам же как лучше хотя! — возражали военные. — Вон, смотрите, и подводы дают, по две на двор. Грузите свой скарб да малышей, забирайте скотину, а также харчи, какие есть, прихватите — и вперед... на восток. Вас уже ждут в Воробьевке, в Мужичьем...

Но никакие уговоры на баб не действовали: не поедem, и все тут!

И тогда командование организовало так называемые эвакогруппы — один офицер и три-четыре солдата, которые, кроме агитации, занимались и принудительным отселением семей. В свою очередь женщины создали свою группу активного противодействия. Ее организатором стала боевая, чуть-чуть взбалмошная селянка по имени Серафима.

— Ой, бабоньки, начали «вакуацию» Погореловской (ныне — Курортная) улицы. Айда туда!

И бабоньки бежали на эту улицу. Зараженные духом противоречия и противостояния здравому смыслу, они вмиг разгружали вещи, только что сложенные солдатами на подводы, отгоняли их с воплями от дворов и сноровисто распрягали лошадей, прятали сбруи.

И так ежедневно с улицы на улицу, от дома к дому.

Толпа... На первый взгляд — неуправляемая масса людей. На самом деле она всегда кем-то умело направляемая. Может натворить невиданное. Не каждому дано найти ключ к управлению этой массой. Безудержная лихость, хитрость или сила — вот что может управлять толпой, и то лишь в какое-то определенное время.

Прошло несколько дней, а из села не выехала ни одна подвода с эвакуированными. И если эвакогруппе удавалось загрузить вещи и отправить

повозку из села, а делалось это только под вечер, чтобы избежать обстрела, то к утру выехавшие уже оказывались дома, вернувшись с другой улицы, или с конца села.

Задуманная и крайне неизбежная операция явно срывалась.

Ох, как легко было бы сделать это в первые дни прихода немцев к Дону! Тогда ведь многие сами подумывали бежать подальше от фронта. Да некоторые и бежали в ближайшие села — Березки, Копанки, Майданку, Михайловку — к своим родным, близким, знакомым. А теперь? Оставшиеся свыклись с постоянной опасностью и напрочь отказывались покидать свои подворья.

А командование нажимало, обстановка требовала, напряженность возрастала. Руководивший эвакогруппой капитан получил серьезное предупреждение от вышестоящего начальства. От него потребовали решительных действий и установили срок — завтра вечером село должно быть очищено от жителей. Хотя большинство людей было охвачено духом сопротивления, эдакой бравадой неуязвимости, но все же и понимало — не устоять им перед властью, тем более перед военной!

Назревала развязка, но никто не знал, какой она будет. И развязка наступила.

Подъезжает подвода к подворью. Начинают грузить домашний скarb. И вот бабушка Надежда Василенко под улюлюканье и поощрительные крики бабьей толпы начинает развязывать супонь хомута и снимать с дуги гужи.

— Уйди, бабка, хуже будет, — грозит ей военный.

— Это ты отойди, милый. Вон иди с немцами воюй. Ишь ты, храбрый какой, с бабками воевать!

— Уйди, говорят тебе. Ведь приказ у меня. Стрелять буду.

Военный берет бабку Надю под локоть и оттаскивает от лошади. Вдруг бабка выходит из себя и со словами «поразит проклятый» бьет с размаху военного по спине.

И тут случилось неожиданное...

Офицер, выхватив из кобуры пистолет, стреляет в упор прямо в сердце бедной бабушке Наде!

Толпа ахнула и сначала замерла на месте, а потом в панике разбежалась по домам. На улице, где жила Серафима, другой офицер поступил более «разумно». Здесь сопротивление эвакогруппе было особенно яростным. Серафима, войдя в раж и заражая окружающих своей избыточной энергией, вступила в перепалку с капитаном.

— Послушай, тетя, ты на какой улице живешь? Где твой дом? Что-то, похоже, он у тебя на каждой улице?

— У меня, командир, везде дом, все село — мой дом, — крикнула Серафима и принялась развязывать супонь хомута, чтобы распрячь лошадь.

— Оставь в покое повозку, — сказал капитан, хватая Серафиму за руку.

— Брысь, паразит, не смей хватать! — и свободной рукой огрела капитана по плечу.

Был ли это экспромт или приступ ярости, а может быть, заранее продуманное действие, но капитан, молниеносно выхватив револьвер из кобуры и подняв вверх руку Серафимы, выстрелил чуть пониже локтя.

Толпа ахнула и, отступив на шаг, оцепенела.

— Разойдись! — крикнул капитан, и для острастки или самосохранения еще дважды выстрелил в воздух.

— Ах ты, паразит, что же ты сделал! — зажимая рукой рану, крикнула Серафима и длинно, витиевато выругалась.

Два солдата, подхватив под руки Серафиму, спросили у женщин, где она живет, и повели в ближайший двор. Там ей была оказана первая медицинская помощь. Она не противилась.

Женщины и ребяташки, ошеломленные происшедшим, понурились, медленно побрели по своим подворьям. Теперь-то ясно, что у военных было множество вариантов решения вопроса об эвакуации гражданского населения с фронтовой полосы, менее жестоких и менее рискованных. Но, как тогда говорили, не важна работа — важен результат. Война, мол, все спишет. Так или иначе, а лед тронулся. Теперь уж на подворьях давали не две, а одну подводку — и не всегда в парной, а в одиночной упряжке, да и тех недостаточно.

Поздним вечером из села потянулась длинная вереница подвод, груженных домашним скarbом. Плакали женщины, плакали детишки, беспокойно ревел скот, лаяли, не понимая, что происходит, собаки, удивленно поглядывали из подворотен брошенные на произвол судьбы кошки...

Началась сплошная эвакуация. Путь у эвакуированных пролегал через Михайловку, Петровку, Александровку, Воронцовку, Данило и далее — на Воробьевку, Мужичье, Нижнюю Толучеевку...

К счастью, правдой оказалось то, что эвакуированных в этих местах действительно ждали. Встречавшие их люди щедро делились теплом своих очагов, скудными запасами еды и корма для домашнего скота. А, главное, истинно русской душевностью, неподдельным сочувствием к горю, свалившемуся поровну на весь многострадальный русский народ.

Так закончилась еще одна из трудных историй жизни моего родного села Александровка-Донская.

САМОКРУТКА

*Если не сбросишь сначала со своей души
бремени, которое ее угнетает, то в дорожной
встряске она будет еще чувствительнее.*

Мишель де Монтень, «Опыты»

Ранним февральским утром 1943 года я отправился из села Мужичье Воробьевского района в придонское село Александровку-Донскую Павловского района. Это село, как и все придонские населенные пункты, было прифронтовым еще с июля 1942 года.

Участок фронта по Дону от Лисок до Богучара отличался относительным спокойствием, особенно после того, как немецкие воинские соединения с этого участка фронта были переброшены на более ответственное, Сталинградское направление, а их место заняли Альпийский корпус итальянцев и части венгерской армии.

Итальянцы, как известно, не отличались особым рвением помогать в войне своим главным хозяевам — гитлеровцам. По рассказам жителей, находившихся под оккупацией на правобережье Дона, после прихода итальянцев жизнь их стала относительно сносной. Почти полностью было исключено мародерство. Итальянские солдаты даже оказывали помощь в сельхозработах, а продукты питания, которых у них явно не доставало, обменивали у местных жителей на керосин, сигареты и другие вещи из

воинского имущества. Да и воевали они больше по принуждению. Так, они словно по строгому расписанию вели артиллерийский или минометный обстрел населенных пунктов Левобережья в течение 5–10 минут утром, в обед и вечером. Остальное время — тишина. Жители — да и военные — к этому четкому расписанию приспособились, уходили в блиндажи и другие укрытия. Разрушения и людские потери были минимальными.

После окружения и разгрома немцев под Сталинградом и ликвидации группировки итальянских и венгерских дивизий в ходе Острогожско-Россошанской операции фронт был отброшен за сотни километров на запад от Дона. Жители придонских сел и городов потянулись к родным очагам. Итак, фронта больше не стало и, несмотря на зиму, жители спешили к своим застывшим подворьям и холодным хатам, чтобы продолжить свою трудную жизнь в пору военного лихолетья.

К вечеру того же дня я с помощью попутных военных добрался до родного села. Село выглядело мертвым. Постучался в дом своего ближнего соседа, дяди Мити. Он открыл дверь, не спрашивая, кто пришел, и принял меня очень радушно. Оказалось, что в село уже вернулись жители, которые эвакуировались на 15–20 километров от линии фронта, и что даже председатель сельсовета Филипп Васильевич уже занял свое законное место.

Жизнь в селе постепенно возрождалась. Исправно работал «беспроволочный телефон», и буквально каждый день становилось известно, кто и как вернулся домой, у кого и что пропало за время отсутствия, кто подорвался на mine в вылазках за «трофеями» на правобережье Дона.

На третий или четвертый день рассылная Галя по приказу председателя пригласила меня в сельсовет.

Дом, в котором находился сельский Совет, еще не отапливался. Председатель Филипп Васильевич сидел за деревянным столом, одетый в полушубок и шапку-ушанку. Он что-то писал своей единственной правой рукой, придавив чугунным утюгом серый клочок бумажки. Перед ним стоял пожилой мужчина с винтовкой на ремне. Закончив писать, председатель достал из кисета печать, поплевал и подышал на нее, потом сильно прихлопнул по тому месту, где была его размашистая подпись. Мужчина с винтовкой взял со стола бумажку, сунул ее в карман и, не говоря ни слова, ушел.

— Он немой, — сказал председатель и окинул меня взглядом с ног до головы. — Ну что, воин, пора и тебе заниматься делом. Вон в углу стоит карабин, возьми две обоймы патронов — десять штук. Иди в магазин. Там двенадцать пленных итальянцев. Забирай их и веди в село Бабку. Приказано их по этапу отправить в Лиски. В Бабке пленных сдашь в сельсовет и принесешь мне расписку. Да смотри, не перестреляй их по дороге, а то я знаю вас, вояк сопливых. Понял?

— Понял, — сказал я, — только мне нужно сбегать домой и взять что-нибудь в дорогу.

— Беги, да поживее, сейчас день короткий, а уже почти десять часов.

Прибежал я к дяде Мите с карабином и рассказал ему, какое задание получил от председателя. Дядя Митя дал мне пять штук черных сухарей, добрую горсть махорки-самосада и старую, пожелтевшую районную газету «Луч коммуны».

Встречал я и раньше пленных на наших зимних дорогах, но то, что я увидел в бывшем магазине, потрясло меня. Передо мной были враги, пришедшие на нашу землю, чтобы сделать нас рабами. Но какими они были

сейчас, эти враги! Четверо из них лежали на соломе, плотно прижавшись друг к другу. Остальные топтались, заложив руки в рукава своих несурьезных одежонок. На головах были какие-то старые женские платки, ноги обмотаны тряпьем и перевязаны то веревками, то телефонными проводами, то еще Бог знает чем. Все они были давно небриты и страшно худы.

Жестами я объяснил, чтобы они выходили на улицу. Нагнувшись над лежавшими, я увидел, что по их лицам ползали вши. Знали ли эти молодые ребята, что их ждет в стране, куда они пришли как завоеватели? Что они думают о тех, кто послал их в эту далекую, непонятную страну?..

С большим трудом мы двинулись в свой восьмикилометровый путь. Дорога наша пролегла по берегу скованного льдом Дона. Но это была не дорога, а просто слабо проторенная тропинка. Шаг влево, шаг вправо грозил смертельной опасностью, так как весь берег реки был напшигован противопехотными и противотанковыми минами. Ведь всего несколько дней назад здесь проходила линия фронта, продержавшаяся на донских берегах долгие восемь месяцев.

Наше жалкое шествие, состоявшее из тринадцати человек, растянулось на добрые 200 метров. Я шел замыкающим. Мой карабин висел на плече стволом к земле, как и положено у конвоира, а две обоймы патронов покоились в карманах брюк. Мои подопечные шли медленно, часто останавливаясь и, как мне показалось, с опаской оглядывались. Вдруг впереди идущий пленный остановился и начал местами что-то показывать. Мы все увидели, что метрах в трехстах впереди нашу тропинку перебежала стая диких кабанов, направившихся в сторону дубравы, прилегающей вплотную к Дону. Не успели они скрыться за деревьями, как раздался оглушительный взрыв мины. Земля со снегом и ветками взметнулась вверх. Все пленные, как по команде, упали на тропинку. Сработал многолетний фронтовой опыт.

Когда первое замешательство прошло, один из итальянцев бросился в сторону взрыва. Я понял, что на такое безрассудство толкнул его голод. Пленный надеялся найти убитых миной кабанов, не осознавая того, что и сам может напороться на мину. Я быстро вытащил из кармана обойму, зарядил карабин и выстрелил в воздух. Все пленные опять упали в снег. «Беглец» тоже упал, но потом поднялся и медленно, понуро пошел назад.

Оторвав клочок газеты, я сделал самокрутку и стал высекать огонь при помощи кремня, стальной пластинки и слегка обожженного клочка ваты. Итальянцы с нескрываемым интересом, а может быть, и завистью, наблюдали за моей процедурой закуривания. И вдруг... Это было для меня как гром среди ясного неба!

— Товаришу, можно у Вас просить закурить?

— Камрад, камрад, — заговорили на непонятном мне языке другие.

— Откуда вы знаете русский язык? — спросил я.

— Моя мама украинка, а папа мадьяр, — ответил пленный, беря у меня оторванную на самокрутку бумажку. Я насыпал ему порцию махорки, и он стал неумело заворачивать самокрутку. У него явно не получалось и, наконец, вся махорка оказалась развеянной ветром по снегу. Остальные пленные недовольно зашумели. Видимо, всем хотелось получить хотя бы по одной-две затяжки.

— Вы сам, Вы сам... — попросил неудачник.

Воткнув карабин прикладом в снег, я стал ладить новую самокрутку.

Наконец он прикурил, сделал жадно одну затяжку, вторую, третью и блаженно заулыбался. Все остальные начали что-то быстро ему гово-

речь, но я, поняв, в чем дело, жестом остановил их и начал всем делать самокрутки, что вызвало у них возгласы одобрения. При этом мой карабин упал. Один из пленных поднял его и, как ни в чем не бывало, сказал:

— Продолжайте, продолжайте, я пока подержу ваше оружие.

Вот так само собой установилось взаимное доверие между пленными и их конвоиром.

Время неумолимо клонилось к вечеру. Кругом стояла благодатная тишина. Ветер утих. Подмораживало. Закончив перекур, мы продолжали свое безрадостное шествие. При помощи невольно обнаружившегося «переводчика» я предложил новый порядок движения. Теперь я иду впереди всех. За мною идет «переводчик», держась за ремень протянутого к нему карабина. Все остальные следуют за нами.

В деревню мы вошли, когда уже совсем стемнело. Подойдя к сельсовету, мы увидели, что он закрыт на замок. Напротив стояла полуразрушенная церковь, в полуподвальное помещение которой все мы и спустились. Я вспомнил, что у меня в кармане есть сухари, и у меня сразу же засосало под ложечкой. Вытащив один из них, я откусил от него и... сразу ко мне потянулись мои пленные. Что делать? Ведь сухари не хлеб, который можно разрезать на относительно равные части и делить. Мои пленные быстро сообразили, что следует сделать: четыре моих сухаря вмиг были превращены в мелкие крошки в одной из кожаных рукавиц, а на земляном полу на картонке появилось двенадцать равных кучек из крошек. Все это происходило при слабом свете костерка, уже разведенного пленными на полу у выхода из полуподвала. Крошки сухарей были мгновенно проглочены, и я приступил ко второму кругу изготовления самокруток.

Во время нашего похода и многократных остановок для отдыха мой «переводчик» на ломаном украинско-русском рассказывал о своей сложной и во многом трагичной жизни, которая, как ни странно, оказалась тесно переплетенной с моей собственной жизнью и жизнью близких мне людей.

Из рассказа мадьяра-«переводчика»

— Родился я в 1918 году в городке Святой Андрей под Будапештом. Меня зовут Шандор. Моя мать была украинка венгерского происхождения. Замуж вышла за состоятельного мадьяра Ласло Деречи. Сам Ласло имел хорошее состояние, доставшееся ему от родителей. У него был большой фруктовый сад, пасека и солидные земельные угодья. Ласло Деречи большую часть времени проводил в Будапеште: в основном кутил в ресторанах. Одним словом, вел весьма разгульную, «свободную» жизнь. Имением управлял престарелый родственник хозяина, а все работы по хозяйству исполнялись вначале батраками, а с 1916 года — русскими, взятыми плен в Первой мировой войне. Один из пленных, выполнявших в имении обязанности садовника, был воронежцем, родом из какого-то Павловска...

Здесь я прервал рассказчика, сказав, что если бы мы пошли из нашего села на юг, то ровно через такое же время пришли бы в этот самый Павловск.

Он долго молчал, а потом с волнением продолжил свой рассказ.

— ...Так вот, этот самый садовник, по словам моей матери, и был моим отцом. Я даже знаю его имя...

И здесь он сказал то, что я никак не мог ожидать.

— Его имя Владимир Сорокин.

— Сорокин?! — вырвалось у меня, ибо это были имя и фамилия моего отца!

— Да, да, Сорокин, Сорокин, — сказал он. — Я не видел его, да и не мог видеть. Родился я после того, как всех пленных отпустили домой, в Россию, как только произошла у вас революция. Вскоре погиб и мой «отец», Деречи, в очередной революционной схватке в Будапеште. Так при двух отцах я родился сиротой. Потом — школа, военное училище, служба и наконец этот фронт. Когда меня мама провожала на войну, то дала наказ — не убивать русских. Мне легко было его выполнить. Я был командиром роты радиотелефонистов... Мне не пришлось ходить в атаки или их отбивать...

Я поначалу слабо понимал то, что он с трудом и бессвязно излагал.

В моем воображении роились всевозможные мысли. Что делать? В детстве я часто слышал рассказы моего отца о том, что ему пришлось пережить в немецком плену, пока он и его товарищи не попали (по какому-то отбору) в имение богатое венгра.

Сказать пленному об этом? Но тогда... Тогда получится, что враг оказался моим братом, сыном моего отца. А в то время это грозило мне и всем моим близким самыми серьезными последствиями. Нет, решил я, нельзя раскрываться. Это было бы равносильно самоубийству.

Тут к нам в полуподвал спустилась какая-то старушка. В руках у нее был солдатский котелок, наполненный дымящейся картошкой в мундирах.

— Парень, — строго обратилась она ко мне, — можно дать пленным картошку?

Пленные оживились. Поднялись и подошли даже те, кто лежал.

— Можно, бабушка, можно, — вздохнул я. — Да вот беда, сельсовет закрыт, на улице холодно, да и здесь не тепло. Я сейчас уйду домой, а где этим бедолагам провести ночь? Может, вы их к себе заберете? Или разведете по домам?

Пока пленные аккуратно, без шума и ругани, делили картошку по уже известному принципу, по кучкам, старушка молчала. Я смотрел на нее и думал, какая же сила заложена в русском человеке, особенно в русских женщинах. Она сама, переживающая голодное лихолетье, отрывает от себя, а может быть, от своей голодной семьи последнее и кормит вчерашних врагов.

— Куда же я их, милый, возьму? У меня вон и хата — одна комната, да и еды у меня совсем нет, хлеба — ни крошки. Фасоль да картошка только.

— Им, бабуся, и простой кипяток — благо. А если они пойдут по селу, на огонек, кто их ночью пустит?

— Ладно, я отведу двух-трех к куме, к себе немного возьму, да и остальных на ночь как-нибудь пристрою.

Я рассказал своему «переводчику», а как теперь выяснилось, своему единокровному брату, то, о чем мы договорились со старушкой, и поручил ему собрать всех утром и привести в сельский Совет для организации дальнейшего следования в сторону Лисок. Он перевел. В ответ разноречиво прозвучало: грация, спасибо, данке и еще что-то вовсе непонятное. На клочке газетной бумаги печатными буквами я написал «На Лиски» и отдал листок Шандору, тем самым как бы назначая его старшим группы.

Попрощавшись, вскинул карабин на ремень и вышел на улицу. Стояла лунная ночь. За околицей меня оглушила жуткая тишина. Ночь была морозной, безветренной. Снег под лунным светом отливал загадочной

синевой. Как-то стало не по себе, но тут же вспомнил, что у меня есть оружие, есть еще девять патронов. В моем юношеском воображении я вполне обладал необходимой властью над этим безмолвным, но прекрасным миром. Подгоняемый крепким морозцем, подступившим вдруг голодом (ведь за весь прошедший день я съел один черный сухарик), не более чем за час добрался до околицы родного села. Здесь выпустил в воздух последний патрон. Остальные же израсходовал по дороге, подбадривая себя, шагая в одиночестве. Дверь в сельский Совет оказалась незапертой, но внутри никого не было. В печке догорали остатки поленьев. Водрузив карабин в отведенное для него место, я бросил в стол председателя две пустые обоймы и отправился домой, то есть к дяде Мите.

Он спросил, как я справился с поручением местной власти. Я ответил, что нормально, и, завалившись на теплую лежанку, уснул мертвецким сном.

Никто не спросил у меня ни расписку о сданных пленных, ни о расстрелянных патронах, как будто ничего и не было.

И все же то, что со мною произошло, то, что я пережил за этот день, оставило на всю жизнь глубокий след в моем сознании. Я и теперь, по прошествии почти полувека, часто возвращаюсь к тому эпизоду в моей жизни, тем более, что ровно через сорок лет — в 1983 году — эта история имела свое продолжение, но уже при других обстоятельствах и в другом месте. А именно — в Венгрии, в местечке Святой Андрей, которое расположено в нескольких километрах от Будапешта.

Сорок лет спустя

Итак, сорок лет спустя, в 1983 году, мне довелось быть в туристической поездке (в то время они носили достаточно массовый характер) по Чехословакии и Венгрии. В последней точке нашего маршрута нас посетили в гостиницу «Стадион», откуда мы «Икарусом» ездили по Венгрии. В поездках нас сопровождала гид Эрика. Она очень профессионально и непринужденно рассказывала о достопримечательностях своей страны, перемежая свой рассказ смачными шутками и прибаутками.

Выехав в очередной раз с нами в поезде из Будапешта, Эрика объявила, что мы проезжаем мимо Омского парка и что следующая наша остановка будет в городке Святой Андрей. Меня словно пронзило током. В памяти всплыли события давнего февральского дня 1943 года. За эти сорок лет мне довелось побывать на фронте, поработать длительное время в Китае в группе военно-морских специалистов, а после почти десятилетней службы в армии и на флоте окончить институт и продолжительное время потрудиться на заводе.

Мне не терпелось поскорее увидеть места нелегкой, подневольной жизни моего отца.

Свернув с трассы, мы проехали по нешироким улочкам к центру опрятного, чистенького городка. Остановились.

— Сколько времени мы пробудем здесь?.. — спросил я Эрику.

— Не более трех часов. Смотреть здесь особенно нечего, но у нас тут запланирован обед... А пока побродите по площади, проверьте содержимое магазинов и многочисленных лотков, освобождайтесь от ваших форинтов. Сбор на этом месте через два часа.

Я поблагодарил Эрику, предупредив при этом, что от обеда я отказываюсь — пусть она не беспокоится. Пройдя через площадь, я оказался на

довольно широкой, благоустроенной улице. Я еще не знал, что сделаю дальше. Мне просто хотелось побродить по этому чужому городу, где наверняка хаживал когда-то мой молодой отец, когда еще меня не было на свете.

Вдруг на мои глаза попался киоск, как мне показалось, справочный, так как никаких признаков торговли в нем не наблюдалось. Я быстро вытащил свой записной блокнот с ручкой и на листке написал три слова латинскими буквами: «Дечери Шандор. Адрес», подал в окошко миловидной женщине, при этом показывая ей свой заграничный паспорт.

— Вам нужен Шандор Дечери? — неожиданно по-русски спросила она.

— Да, прошу Вас, пожалуйста.

— Это человек известный и уважаемый в нашем городе. Он здесь недалеко работает директором нашей местной фабрики. Если он вам нужен, я могу позвонить и сказать ему о вас.

Я был в замешательстве. Что предпринять? Ведь он меня не знает, да и вообще забыл о том давнем эпизоде. А может быть, это и не он, а просто однофамилец?

— Скажите, пожалуйста, что русский из Воронежа просит с ним кратковременной, но срочной встречи.

Она позвонила, с кем-то долго говорила, потом молчала, держа у уха безмолвную телефонную трубку. Потом опять быстро говорила, улыбаясь и поглядывая на меня.

— Подождите немного, — сказала она, положив трубку, — скоро сюда подойдет машина.

Я поблагодарил и стал медленно прохаживаться у киоска, подавляя в себе невольно возникшее волнение.

Вскоре подъехали наши родные «жигули». Водитель подошел к киоску, что-то спросил и жестом пригласил меня в машину. Минут через пять мы остановились у небольшого здания. Поднявшись на второй этаж, водитель указал мне на дверь, в которую мне предстояло войти, но она внезапно открылась — предо мной предстал мужчина, седоволосый, лет шестидесяти. Мы поздоровались. Я сразу понял, что это он, Шандор Деречи, ибо стоявший был «облагороженной» копией моего отца! Мы вошли в кабинет. Рабочий стол, стол для заседаний на 18–20 человек. Уголок для отдыха с мягкими креслами, два телефона и диктофон на приставном передвижном столике. Все это я охватил одним взглядом. Стоя, мы пристально смотрели друг на друга.

— Присаживайтесь, слушаю Вас, — сказал он на чистейшем русском, но я остался стоять на месте, не решив еще, с чего начать наш разговор...

— Я приехал сюда из Воронежа в составе туристической группы. Остановились мы в Святом Андрее всего на три часа. Я хотел спросить, тот ли Вы Деречи Шандор, который был в составе группы военнопленных итальянцев, которую я сопровождал в феврале 1943 года?

Несколько секунд он молчал, как будто прокручивая в памяти события тех давних лет.

— О, да! Русский юноша с винтовкой... сухари... самокрутки! Здравствуйте, дорогой наш спаситель! Да возможно ли это? Но как, как Вы смогли разыскать меня в этой многоликой суете сует? Ведь столько прошло времени! Столько лет! Фантастика!

— Ваш отец, Сорокин Владимир, и мой отец — одно и то же лицо, — выпалил я на одном дыхании.

Шандор поднялся из-за стола. Лицо его побледнело, руки на столе нервно дрогнули. Он стремительно вышел из кабинета, но через несколько секунд вернулся, сел за стол, обхватил свою седую голову руками, пригнулся, по-видимому, слушать.

Я начал рассказ с того момента, когда он во время нашего похода назвал имя и фамилию моего отца. Я рассказал о том, что еще в детстве слышал о Святом Андрее, о жизни в нем русских военнопленных. Поведал я и о том, что когда-то подвыпивший мой односельчанин вскользя упомянул о том, что у моего отца «есть дети за границей», к чему я тогда отнесся, как к пьяному бреду. Но, очевидно, мой отец где-то кому-то проговорился об этом...

Между тем миловидная девушка внесла в кабинет поднос, на котором стояли два чашки дымящегося кофе, бутылка какого-то заморского коньяка, вазочка с конфетами, две коньячных рюмочки и два «прозрачных» бутерброда с сыром. Мы выпили, и я продолжил свой рассказ. Шандор сидел, внимательно слушая и одновременно потроша сигарету за сигаретой на чистый лист бумаги. Затем он взял со стола газету «Непсабашаг», оторвав от того листа газеты, где красовались два ордена. Быстро и сноровисто свернув самокрутку из сигаретного табака, он протянул мне ее не склеенной.

— Вы сами, Вы сами... — сказал я, точь-в-точь повторив слова, сказанные им сорок лет назад.

— Да, этим искусством я у вас в России овладел сполна, — сказал он, впервые улыбнувшись за время нашей беседы. Потом он сделал такую же самокрутку для себя. Под конец я сказал Шандору, что наш отец умер в 1954 году, так и не узнав о нашей встрече в тот зимний февральский день 1943 года. Шандор налил в рюмки коньяка, и теперь мы выпили, не чокаясь. Я посмотрел на часы. В моем распоряжении оставалось ровно сорок пять минут. А как хотелось услышать от Шандора, что он делал, находясь у нас в плену, сколько он там пробыл?

Он наполнил рюмки коньяком, спросил, куда мне нужно подъехать к своей группе. Я ответил.

— Ничего, успеем, — сказал он, — а теперь после всего того, что выяснилось, я предлагаю выпить «на ты», ведь мы братья!

В тот раз, и еще за две наши встречи в гостинице «Стадион» в Будапеште, Шандор поведал мне следующее.

— Никогда не перестану удивляться широте души и восхищаться добротой сердец русских, особенно женщин! Когда ты нас оставил в селе, название которого соответствовало тогдашнему населению этого и других русских сел, — Бабка! — нас старушка расселила по избам. Наутро, как и было условлено, мы все собрались у сельского управления. Долго ждали, когда придет председатель. Я показал ему бумажку, которую ты мне оставил. Он долго вертел ее в руках, а потом сказал, что если нам написали идти на Лиски, то и идите, и что у него нет людей для сопровождения. В селе остались одни бабки и инвалиды, да и тех мало.

В этом селе мы пробыли еще два дня. Отогреблись, освободились от вшей при помощи местных старушек, подмонтировали свою развалившуюся обувь. Предоставленные сами себе, мы все же решили двигаться в том направлении, как ты нам предписал. Расспросив, куда идти, мы ранним утром отправились в поход. Мне трудно сейчас сказать, сколько километров мы прошагали от села к селу, но помню, что шли мы двенадцать дней. Заходя в очередное село, мы искали местное начальство, предъяв-

ляли свой «документ» и нас, как правило, расселяли по избам, кормили, чем бог послал. Мы же, чем могли, помогали местным жителям: пилили и кололи дрова, чистили снег, ремонтировали двери, калитки, подправляли сараи...

В одном селе, кажется, в Колыбелке, нам местные жители устроили настоящую русскую баню, и мы обрели мало-мальски человеческий облик. Однако кто-то из нашей группы по дороге заболел тифом, и мы оставили его в одном из сел. О его судьбе я после ничего не узнал. Это был итальянец, лет двадцати пяти. Может быть, он там и похоронен.

Наконец-то, мы добрались до Лисок. Разыскали на железнодорожной станции военную комендатуру. Дежурному офицеру я предъявил свой изрядно помятый «документ». Он рассмеялся и начал расспрашивать подробности. Я, как мог, объяснил ему все наши дорожные приключения. К моему большому сожалению, он бросил «документ» в мусорную корзину, а нас под конвоем солдата-автоматчика отправил в казарму, расположенную неподалеку от станции. Казарма была большая, с трехъярусными нарами, застеленными соломой. В ней уже находилось человек 70–80 военнопленных, в основном немцев, к которым охрана относилась довольно строго. С этого момента началась наша, расписанная по дням, часам и минутам, жизнь в плену. Через несколько дней, когда военнопленных собралось около двухсот человек, всех отправили в Воронеж.

То, что я увидел в там, потрясло меня до глубины души. Город был полностью разрушен. «Чтобы восстановить этот город, — подумал я, — потребуется не менее пятидесяти лет». Вот этим-то как раз нам и пришлось заниматься долгие три с половиной года. Знание русского и немецкого языков значительно помогло мне выжить в столь трудное для вас и для нас время. Мы восстанавливали разрушенное, строили заново жилые дома и промышленные предприятия; восстанавливали трамвайные пути, выполняли другие работы. Будучи связистом по специальности, я был назначен руководителем отряда по прокладке слаботочных магистралей радиовещания и телефонной связи. Одновременно исполнял обязанности переводчика и вел канцелярские дела. Так мы жили, работали, болели, а подчас и умирали, прибавляя к десяткам тысяч погибших на придонских полях. Все, что произошло в нашей жизни, в жизни наших народов в связи с двумя мировыми войнами — ужасно, но в то же время поучительно, и заставляет задуматься о том, как переплетены судьбы людей разных стран и народов, какие мы разные и какие одинаковые. Вот и у меня где-то в Воронеже живет дочь, которой уже за тридцать, и носит она, как и я, не свою родную фамилию. Мы всю жизнь живем не так, как нам хочется, а так, как нам предпишут сверху. Сейчас я вынужден просить тебя весь этот наш разговор оставить между нами до лучших, может быть, времен. Верю, они наступят, хотя, может быть, уже и без нас.

Я полностью согласился с Шандором, так как думал и жил в то время по известным идеологическим канонам. И только теперь, по прошествии полувека, я решил рассказать эту историю.

От автора

В этой истории нет ничего придуманного, за исключением того, что истинные фамилии Шандора Деречи и его настоящего отца изменены.

Сергей Евгеньевич Луценко родился в 1980 году в городе Павловске. Окончил Воронежский государственный аграрный университет. Работал машинистом, оператором, слесарем, юристом, журналистом, мастером, преподавателем. Публиковался во многих российских и зарубежных литературных, общественных и научных изданиях. Автор восьми книг поэзии, прозы, документалистики. Член Союза писателей России. Живет в Павловске.

Сергей Луценко

ТЕРНОВНИЧЕК

* * *

Солнце, тучку зацепив блесной,
Тянет, тянет с самого рассвета,
Я же терпкой ягодой лесной
Угощаюсь на закате лета.

Много ли мне нужно? Погляди —
Все вокруг мое!.. Так отчего же
Что-то обрывается в груди?
Или грусть и радость тайно схожи?..

Ясени, ответьте мне! Дубы!
Для чего же на закате лета,
На закате, может быть, судьбы
Мне явилось понимание это?..

Стрекоза садится на пенек,
На нее глядит из терна птица...
Вновь шагаю, не жалея ног,
Потому что мир не повторится.

Оттого и солнышко вдали,
Ягоды, стрекозы, травы эти —
Милые создания земли
Мне дороже всех богатств на свете...

ДОЖИВИ ДО ВЕСНЫ...

Доживи до весны, доживи до весны —
Пусть коснутся тебя первых ландышей сны;

Доживи до весны — и на тихой тропе
Пусть черемуха нежно кивает тебе;

Пусть поет соловей свою песню — и пусть
Повторяет сердечко ее наизусть;

Пусть тебе улыбается ясно заря,
О счастливой любви говоря, говоря;

Пусть встречает тебя средь полей и лесов
Только радости зов, только радости зов!

Доживи до весны, доживи! А пока —
Вот на счастье строка, вот на счастье рука.

Нас предзимье морочит, снегами слепя...
Доживи до весны, заклинаю тебя!

* * *

Настоян полдень на меду...
На зов родной, приветный
Я через годы вдаль иду
Тропинкой неприметной.

Лесной тропинкой, луговой...
Нет слаще той тропинки!
Я всюду — светлый и живой —
От солнца до травинки.

Все отражая без конца,
Я жажду выраженья,
И всюду Божьего лица
Таится отражение...

ТЕРНОВНИЧЕК

Низкорослый, от зноя усталый,
От мороза дрожащий в ночи,
Одари меня ягодкой малой,
От обид и от бед излечи.

Я тебя не ругаю нисколько
И колючек твоих не боюсь,
Оттого что дороженькой долгой
Прилегла к тебе вещая Русь.

А когда вешней кипенью весь ты
Озаряешься, ласки даря, —
Русь веселая юной невестой
У лесного стоит алтаря.

* * *

Туман до полудня, и росы в избытке,
А к вечеру заулыбается лес,
И солнце висит на серебряной нитке
У края небес.

И нежится мир, отдохнув от кручины,
И солнышко медлит склониться во тьму,
И лист одинокий с холодной вершины
Все машет и машет ему...

* * *

Полно праздновать лентяя!
Пробудись — и звонко пой!
Бог, душа моя родная,
Надзирает за тобой...

Март снежок колючий мечет —
Только птичка на сосне
Зачарованно щебечет
Гимны солнцу и весне!

* * *

Сезон не грибной — за стихами
В лесные пределы иду.
Не буду, махая руками,
Удачу хватать на лету...

Растают свинцовые тени,
И станет светло, горячо.
Жар-птица мелькнет в отдаленье —
И сядет ко мне на плечо!

Певучей застигнутый речью
И лаской целительных крыл,
Блаженный, опять не замечу,
Как вечер поляну укрыл...

* * *

Небесные читал я письма
Сквозь латочку березовой коры:
Была червем изъедена она,
Но сквозь нее сияли мне миры;

Когда же к уху приложил ее,
Восстало пенье, древнего древней —

И сжалось сердце бедное мое:
Века и бездны шли и шли за ней.

И радостно и грозно здесь и там
Струятся воды и стремится свет...
Вот-вот я приложу ее к устам...
Что молвлю мирозданию в ответ?

* * *

Руси великой и живой
Во мне слились потоки плавно:
Я волхв, о Русь, извечный твой —
И песнопевец православный.

Я посох древний свой беру,
Еще беру немного хлеба —
И возле Дуба на юру
Творю помин Бориса, Глеба...

Во мне слились потоки все,
Дороги все сошлись упрямо:
Я песни числю по росе,
Веду их семо и овамо.

Вот, речью кликнута святой,
Садится на плечо Жар-птица;
На колеснице золотой
Илья-пророк навстречу мчится...

Я руку протяну свою,
Чтобы достать немного хлеба,
А достаю — а достаю
Обломки радуги и неба!

БЛАЖЕННЫЙ

Скушу заманчивую почку,
Склонюсь к веселому ручью,
Любимую поглажу кочку,
К родному прислонюсь пенечку
И милой птахе подпою:
«Фьюить-фью-фью!..»

Иду — и сердце песне радо!
А на ночь приютят меня...
Вот хлеб и соль, а вот заплата.
Мне больше ничего не надо,
Со мной везде моя родня!..

Не задружу с враждой и ложью,
Не приманю вовек обид,
Ведь на тропе и в бездорожье
Из-под ладошки Матерь Божья
На мою душеньку глядит.

* * *

Сошлись деревья в круг — и вот над ними
Божественное облако легло...
И сокровенное сказалось Имя,
И стало в мире навсегда светло:

Нет ни тоски, ни алчности, ни мщенья,
Стянулись раны — и отпало зло...
И — время спит. И — Ангел Всепрощенья
Над миром держит белое крыло.

* * *

И мхи, и бабочки, и звезды,
И сны зверей, и тайны-гнезда,
И глубь земли, и неба высь
Во мне уютно улеглись;

Лежат — и потихоньку дышат,
И пульс тысячелетий слышат:
Они, храня мои пути,
Ждут знака — песней прорасти...

* * *

Птицы, звери алчут гнезд и нор...
Рыбы залегают в теплый ил...
Только Дуб стоит как Святогор,
Полон древних, изначальных сил.

Напитавшись из глубинных струй,
Дотянувшись до седьмых небес,
Стой — тысячелетия связуй:
Ты не странник, ты хозяин здесь.

Наготове — гусли и мечи,
И столетья у тебя — в строю...
Ты былины-старины шепчи,
Рокочи — тебе я подпою!

Ну а коли доведется лечь,
На кону — иные времена...

Не замолкнет, знаю, наша речь —
Живы корни, живы семена.

Ветры, мхи залечат слом и срез,
Запоют из бездны родники,
Божьи струны зазвучат с небес —
И в века потянутся ростки...

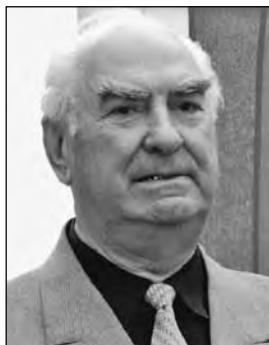
* * *

Не жди ни похвал, ни гонений,
Не чти сильных мира сего, —
Они промелькнут, словно тени,
И вновь справит червь торжество.

Истлеют богатство и злоба
В бездонной утробе земли,
Но Слово останется, чтобы
Они от Суда не ушли!

Все — прах. Только доброе Слово
Победно идет сквозь века.
Нет в мире спасенья иного —
Лишь эта дорога крепка...

Нет в мире спасенья иного!
Давай, не сбиваясь с пути,
В бессмертье светло и сурово
Заветное Слово нести...

Павел Андрианович Вислогузов (1927–2017) родился в селе Гороховка Верхнемамонского района Воронежской области. Участник Великой Отечественной войны. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Около 10 лет провел на партийной работе, 30 лет был председателем колхоза и директором совхоза. Возглавлял Павловский сельскохозяйственный техникум. Отличник народного просвещения, Почетный работник среднего профессионального образования РФ, кавалер орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного знамени, «Знак Почета». Автор 10 книг.

Павел Вислогузов

БАБА ВАСЁНА

Рассказ

Село в войну сгорело дотла. Оно стояло на правом берегу Дона в линии неприятельских укреплений. Прорвать их можно было только в этом месте, поскольку и слева, и справа над рекой круто нависали меловые обрывы. Наша разведка установила, что жителей в селе нет. Оккупанты выгнали их с родных мест, и те расселились кто где: или по хуторам у знакомых и родственников, или в землянках, наскоро сооруженных в лесу.

А когда враг дрогнул и стал откатываться на запад, жители вернулись. Расчищали пепелища, заготавливали хворост; по озерам резали камыш, пока не растаял лед. Камыш шел потом на кровлю и даже для закладки простенков. Выбирали из руин кирпич и бережно складывали в сторонке, чтобы впоследствии соорудить хотя бы простенькую печь.

Весной 1943 года закипела работа. В течение двух лет старики, женщины и подростки село восстановили. Правда, вновь построенные жилища были примитивными. Они представляли собой небольшие избы из хвороста, глины, самана с соломенными или камышовыми крышами, с земляным полом. Даже дымоходные трубы сплетались из хвороста и обмазывались с обеих сторон толстым слоем глины. А кирпича едва-едва хватало на саму печку, в которой нужно было готовить пищу, включая выпечку хлеба.

Еще более примитивны были надворные постройки. Но они обязательно строились. Кормилицу-корову под открытым небом не оставишь. Естественно, необходим был погреб, и он сооружался из меловых блоков.

К 1956 году село таким и оставалось. Даже сельский Совет и правление колхоза располагались в одном здании, так же, как и крестьянские избы, имеющем земляной пол и по одной оконной раме небольшого размера. И выглядело все это таким вплоть до шестидесятых. Только тогда, по мере роста достатка среди колхозников, стали появляться первые приличные новостройки. И все же селяне больше уделяли внимания созданию общественной производственной базы, строили животноводческие помещения, механическую мастерскую, возводили другие хозяйственные объекты. Понимали, что нужен достаточно прочный источник существования, без которого собственное надежное обустройство пока еще невозможно.

С самого начала своей председательской работы я старался поближе познакомиться с колхозниками, под каким-либо предлогом побывать у них дома, увидеть житье-бытье каждого.

Как-то бросилась мне в глаза небольших размеров избенка с очень маленькими оконцами. Водитель объяснил, что живет здесь одинокая женщина. Во дворе она не появлялась, поэтому решил сам заглянуть к ней.

Постучал.

Ответа долго ждать не пришлось. Дверь отворила хозяйка и, не смущаясь, даже довольно любезно, пригласила войти.

Чтобы сразу разрядить обстановку и избежать излишнего напряжения и скованности, представился, сразу сказал о цели прихода — познакомиться и узнать, как живет-может. Оказалось, хозяйке 81 год. Но чересчур дряхлой она не выглядела. Напротив, была подвижной, в какой-то мере энергичной, а в ее рассуждениях даже ощущался оптимизм, правда, в меру. Внешне выглядела опрятной, ухоженной, на ней была обыкновенная крестьянская одежда тех лет: кофта посконна да юбка суконна, на голове — чисто выстиранный белый платок, завязанный под подбородком, а для утепления — ватная стеганая жилетка. В избе чисто. Пол, хотя и земляной, выровнен, аккуратно подмазан глиной. На полу разостлан домашнего изготовления половичок, тоже чистенький и свежий. На оконцах вывешены ситцевые, с синими цветочками занавески. В кухонном углу (отдельно кухни не было) на скамеечке поставлено ведро с водой и кружка. А рядом аккуратно расставлена немудреная крестьянская посуда: пара чугушков; глиняные миска и горшок для каши; один или два глиняных кувшина для молока и несколько деревянных ложек, сложенных на деревянном подносе и укрытых чистой салфеткой.

Держала хозяйка молочную козу да пять курочек с петушком. После того как назвал себя, она тоже представилась:

— Меня зовут баба Васёна. А если по батькови и с фамилией, как по книжному полагается, то Василиса Стефановна Диканьская.

Присели. Разговорились. И постепенно хозяйка поведала о своей вдовой доле. Правда, рассказано было далеко не все. Значительная часть ее личной истории ею же самой оставалась не раскрытой то ли из-за скромности, то ли по принципу: не все выкладывай малознакомому человеку, хотя он и председатель колхоза. Было понятно одно, что овдовела она еще в годы Русско-японской войны. Растила дочку. Но та в четыре года заболела и, к великому горю матери, умерла. С тех пор так и осталась Васи-

лиса Стефановна одинокой. Была моложе — как могла перебивалась. А теперь, конечно, всем после такой войны нелегко; а ей в ее преклонном возрасте тем более: надо на зиму заготовить дрова, да не только заготовить, но и растопить печку, принести воду из колодца, да мало ли каких забот не возникает в крестьянской жизни. Все выполнять приходится самой. Поэтому предложение о том, что правление колхоза подберет молодую женщину для оказания помощи по дому, старой колхозницей было встречено с благодарностью.

— Если кто-то в зимнюю непогоду принесет ведро воды, для меня это уже большая помощь... — вздохнула она.

В тот же день я поручил одной молодой женщине оказывать Диканьской помощь, без которой обойтись нельзя: нарубить дров, растопить печь, принести воды, подоить козу, накормить ее, дать корм курам, убрать в избе и при необходимости приготовить простую крестьянскую еду для самой хозяйки. Все как будто наладилось и пошло так, как и хотелось бы. В конце концов, думалось, так и должно быть поставлено дело в колхозе: заботиться об одиноких людях — в этом одно из преимуществ коллективной жизни и коллективного хозяйствования. Дома для престарелых в то время существовали, но пробыть туда из деревни было не так просто. Учитывая такой первый опыт, было решено выявить всех одиноких старых колхозников, чтобы оказывать им хотя бы минимальную помощь, прикрепив к ним за определенную плату помощников.

О том, как пошли дела у Василисы Стефановны, информация поступала регулярно от, как бы мы сегодня назвали, «социального работника». Потом все реже и реже, а затем совсем прекратилась. Однажды спрашиваю:

— Ну как идут дела? Как баба Васёна?

Женщина сильно засмущалась, и я почувствовал, что в нашем добром деле что-то не сработало, произошло нечто неладное. Стал настойчиво расспрашивать. А она в ответ:

— Мне вам как-то неудобно было говорить. Я у бабушки давно не бываю.

— Что же случилось? — нетерпеливо интересуюсь, невольно испытывая неловкость от того, что вроде хотел как лучше, а потом упустил из виду и получилось так, как довольно часто в жизни бывает: добрый порыв вспыхнул, но из-за отсутствия обязательности и настоящего чувства долга погас. Слово, выпорхнувшее воробьем, улетело, не задержавшись в порослях обещаний. — Поссорились? Не сошлись характерами? И почему же вы мне ничего не сказали об этом?

Моя собеседница еще более засмущалась, опустила глаза и, сильно волнуясь, попыталась как-то объясниться:

— Мне показалось, что бабушку больше бы устраивало, если бы я не приходила. Работой-то моей она вроде и довольна. Но я заметила, что иногда она с какой-то тревогой посматривает в окошко и поторапливает, поторапливает меня уйти. А однажды причина открылась, когда я, набравшись смелости, напрямик спросила ее: возможно, мне не следует к Вам приходить? Она обрадовалась, даже засмеялась как-то по-молодому и скоренько так согласилась: «Да, милая, не приходи сейчас, не приходи, пока я весточку тебе не подам, — а сама зарумянилась, меня поблагодарила, поцеловала. — Да председателю, девонька, не говори ничего, чтоб не осудил. Молодой — не поймет меня». А я вот не смогла скрыть от вас и все разглаголила. Стыдно мне.

— Ну а в чем же секрет? Почему не устраивает ее наше с вами внимание?

— Лучше сами с ней поговорите. А то я, бесстыжая, и так наболтала с три короба.

Не стал я все это откладывать в долгий ящик и отправился к бабе Васёне. Встретила она меня, как и раньше, приветливо и, как показалось мне, с какой-то внутренней радостью. Может быть, оттого, чтобы разъяснить ситуацию и разрядить создавшуюся неловкость. Но это все мне казалось. А как было на самом деле — сказать трудно.

В избе тепло, чисто прибрано. Хозяйка предложила мне снять пальто, видимо, заранее предполагала беседу небыструю, усадила меня на табурет, а сама села на скамеечке, прислонившись спиной к горячей лежанке.

Разговор начался сразу сам собой. Я спросил о случившемся, а хозяйка, не уклоняясь и не скрывая ничего, стала рассказывать о своей жизни и той ее части, которая, по обычаю, скрыта от посторонних глаз и сознательно не выставляется напоказ. При этом о самой деликатной стороне она говорила не торопясь, подбирая слова так, чтобы они выражали подлинное чувство двоих, уже пожилых людей. По-своему старалась сказать так, чтобы произнесенное было собеседником понято и сообразно существу его оценено без осуждения и, боже упаси, без осмеяния. Было видно по всему, что она впервые за всю свою жизнь, вынужденная обстоятельствами, сообщает постороннему человеку самое сокровенное из своей личной жизни, будто на исповеди. И потому старается сказать правду, ничего не утаив; и в то же время невольно облечь сообщаемое в такую форму, которая не подвергала бы ее жизнь презрению. Это был как раз *тот* случай, когда можно было бы предложить слушателям, если бы они присутствовали при нашем разговоре, бросить в нее камень, если они осуждают ее поведение. Желającego бы наверняка не нашлось.

Это ведь теперь, когда пишутся эти строки, телевидение бесцеремонно и навязчиво, разнузданно и нахально выставляет на всеобщее обозрение то, что может быть достоянием только двоих. И вообще кощунственно без нужды вторгаться в личную жизнь людей. Не от высокой культуры газеты публикуют фотографии супругов с надписями о том, что эти люди счастливы в браке, верны друг другу, в любви — всю жизнь. Так и хочется сказать: люди, побойтесь Бога, хоть сюда-то не лезьте, ведь брак — великое таинство.

В общем, вдовья жизнь не сладка. Не только потому, что трудно одной вести хозяйство и обеспечивать какой-никакой материальный достаток. Она сложна ее одиночеством, незащищенностью, открытостью для подозрений и незаслуженных нападков и обвинений. Хоть спала, хоть не спала, да такая слава стала — пословица как бы закрепляла общественное отношение к вдове. Почему? Да потому, что женщина, особенно деревенская, не имела самостоятельности, у нее не было специальности, независимого заработка, а впоследствии и пенсии. Овдовев, женщина становилась незащищенной со всех сторон. Отсюда нередко в ее адрес возникает подозрительность и необоснованные нападки.

Замуж выходила Василиса Стефановна за Захара Диканьского не по любви, а потому что родительская воля на то была. А любовь? «А как же, была», — с блеском в глазах рассказывает баба Васёна. Девушкой она была красивой, веселой, с прекрасным голосом первой певуньи на селе. Как только стукнуло 15 лет, от парней отбоя не было. Но никому из них

предпочтения не отдавала. Нельзя было: грех, если что, отцовский сыромятный пояс мог проехать по спине до крови. А на семнадцатом году почувствовала настойчивые вздохи своего ровесника Филиппа Тощенко. Куда бы ни пошла девушка с подругами, везде обнаруживался Филипп. Всегда молчал и не сводил с Васёны глаз. Постепенно и она потянулась к нему. Думала только о нем и видела мысленно его и никого более. Однажды случилось так, что они оказались на вечорке рядом, и Филипп, краснея и заикаясь, предложил проводить ее домой. Девушка лишь кивнула головой в знак согласия. С этого все и началось. Зимой после вечеринки, постояв у калитки ее дома, разбегались, а с весны и до осени подолгу сидели на скамеечке либо в ее, либо в его густом саду. Село спокон веку славились своими вишнями, яблонями, грушами, сливами — здесь весной и летом царил неповторимый аромат, разливались соловьиные трели.

В общем, Василиса и Филипп были влюблены друг в друга безгранично и не помышляли о том, что какая-либо сила сможет разлучить их. Чем ближе к совершеннолетию, тем горячее становилось их чувство и тем ощутимее виделось какое-то злое молчание родителей и с той, и с другой стороны. А когда пришло время, Филипп попросил отца с матерью о сватовстве к Васёне, без которой он жить не может. И тогда-то услышал ответ, обдуманый и заготовленный ими заранее: нет! Объяснение одно: девка собой хороша и умна, но... бедна. Сватовство будет. Но к другой — Федосье Постоловой.

Сколько не просил, не умолял родителей Филипп, те уперлись — и ни с места. Бедность нам не нужна! Тогда Филипп использовал последнее средство — стал грозить бегством с Васёной. Но отец твердо заявил: прокляну. И тут же состоялось сватовство к Федосье. А дальше пошло трудно ныне понимаемое. Любовь, чистую и светлую, рушили силой. Филиппу навязывали в жены Федосью, а к Васёне посватались Диканьские.

Были и слезы, и отчаяние, вспоминала баба Васёна. Были и клятвы, и заверения в вечной любви между ней и Филиппом. Были и какие-то проблески надежды. Но жизнь складывалась так, как требовали тогдашние порядки: воля родителей, непререкаемая и неосуждаемая, венчание в церкви, после которого не только наступал запрет на внебрачную, неосвященную любовь, но и сами мысли о возлюбленном или возлюбленной считались греховными. А людская молва и того страшнее.

Время шло. Васёна жила с мужем, как все. Но любовь не забывалась ни ею, ни Филиппом. Однако явно не проявлялась ни с какой стороны. При случайных встречах здоровались, отводя в сторону или низко опустив взгляды, и делали вид, будто между ними никогда ничего и не было. Никаких попыток к разговору и воспоминаниям не допускалось, и уж тем более исключен был всякий соблазн тайных встреч. В селе никакая тайна не могла сохраниться: все и все знали обо всех его жителях.

И даже тогда, когда Васёна вскоре овдовела, никаких намеков на возобновление свиданий не возникало ни у нее, ни у Филиппа. И только по прошествии года все, что не угасало в душе обоих, вдруг вспыхнуло с накопившейся огромной силой да так и не померкло до нынешних дней.

Так случилось, что она шла с граблями домой с покоса ржи, а он вез на лошадях ржаные снопы. Догнав ее на повороте к лесу, легко соскочил с воза, поздоровался, и, забыв обо всем на свете, Васёна и Филипп бросились друг к другу в объятья. А в село въехали, когда над ним опустилась теплая, густая и наполненная тайнами ночь.

Встречи их вначале скрывались от людских взглядов. Но рано или поздно все тайное становится явным. Всему селу стало известно об их запретных свиданиях. Односельчане по-разному относились к этому. Одни косились при встречах, другие проявляли сдержанность, понимая, что любовь не пожар, а загорится — не потушить; третьи мысленно стояли на стороне Васёны: она же одинока, какой с нее спрос! Ведь без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить. А потом все привыкли к происходящему; притерлись и попросту не стали замечать, что у их земляков существуют необычные отношения.

Федосья хорошо знала о встречах ее жениха и Васёны, и однажды, уже перед свадьбой, осторожно спросила том, как же все теперь будет. Филипп просто, удивительно просто, без обиняков сказал:

— А так и будет. Васёну любить не перестану.

— Филя, а как же я? Ведь я тебе Богом буду определена.

— Нет ценности супротив любви. А где любовь, тут Господь.

Федосья расплакалась.

— Не реви, — успокаивал Филипп невесту, — ты можешь воспротивиться воле родительской?.. Нет. И я нет. Выход-то, конечно, есть. Сказать нам обоим твоим и моим родителям: жить не будем, что хотите делайте. Иначе задумшимся или утопимся. Но ведь мы слабаки с тобой, родителей тоже жалко. Остается одно — привыкать. Привыкнем — и хорошо. А любовь — судьба. Ежели не пройдет, не обижайся, Федосьюшка, я тебе правду сказал. Неверным оказался я перед Васёной, а не перед тобой.

Никогда больше они не заговаривали на эту тему. Мужиком Филипп был работающим, отцом заботливым (росли две дочки), Божеских заповедей не нарушал, Федосью почитал, опять-таки, просто, как подобает православному христианину. Ведь она мать, хозяйка и к мужу внимательна. А что касалось чувства любви, то он как-то старался не раздумывать об этом и не примерять что к чему.

А когда прошлое вновь вспыхнуло и Федосья не вытерпела, было начала выговаривать загулявшему мужу теперь уже на правах законной жены, Филипп повернулся к ней, внимательно посмотрел в глаза, наполненные обидой и злом, и медленно проговорил:

— Федосья, ты никогда мной не была обижена, девочки тоже не голыбосы и не голодны. Я не пьяница и не вор. Было так и будет до моей гробовой доски... — Помолчал, а потом медленно продолжил: — А то, о чем тебе сильно захотелось поговорить, не вороши, не нужно. Оно касается только меня и той, с кем когда-то начиналось и до поры приостановилось. И если вновь ожило, не мешай ему, пусть идет своим чередом. Хорошо, когда сердце сердцу весть подает.

С тех пор Федосья никогда, по крайней мере, внешне, не злилась, не выказывала ревности и не затевала скандала. А с Васёной общалась и даже стала к ней более внимательной и дружелюбной. В конце концов, отношения между ними образовались настолько тесные, что не было никаких оснований посудачить любительницам слухов. А теперь уж и Федосья давно нет и, стало быть, не существует помех для их встреч с Филиппом.

Василиса Стефановна, интуитивно почувствовав мой вопрос, опередила его ответом:

— Почему мы не сошлись? Это тебя интересует?

И высказала две причины. Одна из них — верность своему долгу и данному слову Филиппа Федоровича. Похоронив Федосью (а он до после-

днего ее часа заботился о ней), он продолжал оставаться добрым и внимательным отцом своим дочерям. А они обе овдовели. Муж старшей умер от болезни, а меньшей — погиб на войне в 1943 году, оставив троих детей на руках матери. Вот с ней-то и проживал отец, помогая ей по хозяйству и приглядывая за внучатами, когда дочка была на колхозной работе. А другая причина, по словам бабы Васёны, заключалась в том, что к такой жизни она привыкла. В молодые годы — иначе Господь не велел, а стали старыми — привыкли.

— Прости меня, ты мне по возрасту внук, — зарделась баба Васёна. — Я всегда была согласна с поговоркой, что целовать женатого не сладко и что чужого мужа полюбить — себя погубить. Но ведь миловалась-то я всегда не с чужим мужиком, а со своим. И я, и он первый раз поцеловались в нашем садике. И мы друг друга ни у кого не отнимали. И сейчас, когда он, уже старенький, приходит ко мне, он мой, дороже для меня не было и нет никого на свете. Приболел — я его лечу, как еще моя бабушка научила. Я приболела — он заботится обо мне. От его ласки да нежности я выздоравливаю. А если здоровы, сядем вот тут, на лежаночке, прислонимся друг к дружке да и повспоминаем о прошлом. А счастье? Что ж, наверно, в том и состоит: есть дружок — есть и заступничек. Так что и по хозяйству моему немудреному помогает. Потихоньку, сколько Господь сил пошлет. Изгородь, сарай для козы, дровишки — все дело его заботливых рук. А Олюшку, назначенную мне помощницей, пожалуйста, не брани. Она хорошая и добрая. Ее бабушка, моя подруга, такая же хлопотливая была. Олю я отослала. Как-то нам с Филиппом Федоровичем стало неудобно. Мы с ним еще на ногах, а о нас вдруг такая забота, как о немощных. Да и, признаться, стесняется он при ней. Он ведь у меня до сих пор такой же, будто нам по 16 — 17. Любит погладить меня, понежить и готов часами глядеть мне в глаза. Что он в них там нашел — не знаю. То они ему озерами кажутся, то небом. Так бы и смотрел в них вечно. Так ты Олюшку-то не жури. Это я по-своему распорядилась.

Вдруг баба Васёна засуетилась:

— Что же это я, старая, совсем растерялась? Давай я тебе чайку заварю с травкой зверобоем. А хочешь, выпей кваску. Я научена приготовить его матушкой-свекровью, царство ей небесное.

Попросил квасу. Он действительно был отменным.

Прощаясь, понял я, что одиноким можно быть и в большой семье, а, бывает, живя одиночкой, никогда не ощущать одиночества.

Геннадий Вячеславович Петренко родился в 1964 году в селе Александровка Павловского района Воронежской области. Окончил Воронежский педагогический институт. Публиковался в районных газетах, коллективных сборниках, журнале «Подъём», на сайте «Российский писатель», в сетевых изданиях интернета. Автор книг «Из истории села Бабка», «На распыляющих ветрах...», «Как дождь не лей», «Дом на восьми ветрах». Лауреат областных поэтических фестивалей «Батька Дон», «Воронцовая Русь», обладатель Гран-при фестиваля «Калитвянский причал». Живет в Павловске.

Геннадий Петренко

ПЕРЕКРИЧАТЬ БЫ ЭТУ ТИШИНУ

* * *

Пора непрошенных дождей
и хмурых туч на небе темном...
Листва высоких тополей
крепка к ветрам неугомонным.

За лето солнце обожгло
простор земли — и спит устало,
по-детски сохранив тепло
под ярко-звездным покрывалом.

Я здесь, как дождь — незванный гость.
Но отражает лужа тело —
и рад: увидеть довелось
надежды луч на свете белом.

* * *

Перекричать бы эту тишину
и, не боясь несказанного слова,
из бездны Истину вычерпывать одну
к поверхности водицы родниковой.

* * *

Обнажились вороны жилища
и нависли на голых суках,
а жильцы пропитание ищут
на раздольных полях и лугах.

Здесь, в глубинке, им — воля-раздолье!
На дорожных густых полосах
гулы ветра пронзительной болью
обвивают тропинки в лесах.
Все одно: темноватая осень,
черствый след, и парит воронье.
И меня, может, кто-нибудь спросит:
«Здесь ли было жилище твое?..»

НОЧЬ

Я не сплю, я не сплю, почему?
И не кашель тревожит мне душу —
Эта жизнь.
Эту жизнь наяву
я хочу тихой ночью послушать.
Ну, давай, ночь, давай говорить —
и разбудим округу стихами!
Вот и ветер струною гудит,
да и звезды поют вместе с нами...
Мы сыграем в четыре руки,
и проложится музой — тропинка...
Не страшны нам тугие замки!
Открывайся, родная глубинка.
Верю, жизни той скомканный лист
не затронет ночного простора:
он исписан!.. он жил!.. он — не чист!..
И в душе — ни хулы, ни раздора.

КОЛОДЕЦ

Предчувствуя слепое невезенье
и горькие превратности судьбы,
сильней, как цепь, натягиваю звенья
в процессе добывания воды.
В святом глотке оттягиваю время,
укоряясь прочно на земле,
зачерпывая тайны исцеленья
Вселенной, потянувшейся ко мне.

* * *

Месяц выгнулся подковой,
пяткой встал на пьедестал —
над макушкой сосновой
на вершину белых скал.
Между небом и землею,
над звериной тропой,
над моею головою
и раскрытою душой.

Небо мыслить помогало,
не упасть в немую грусть...
И под звездным одеялом
видеть — Праведную Русь.

* * *

Вот он летит, последний лист —
как стих, в прохладе.
На миг лишь в воздухе повис —
и вниз, не глядя.
Толпой затоптан — ну и что ж,
пустяк, казалось.
А если б стих — вот тут бы дрожь
в душе осталась...

* * *

Много прежних друзей
откололось по половинкам:
кто в начальство ушел,
кто в погонах звездистых завис.
Ну а я прошагал в тишину
по весенним дождинкам —
под прижатый судьбой
камышовый просевший карниз.
Как за дальнюю даль посмотрел
в родниковый колодец —
там увидел луну
в отражение холодных глубин...
И поверил:
я сам — тот наивнейший первопроходец
среди полей и небес
у огромных зимующий льдин.

* * *

Бежим по путаной судьбе
без остановки.
Как в русской зрелищной игре —
нужна сноровка.
Там мяч до неба, как мечта:
чем выше — лучше.
Неприхотливая лапта,
и нам не скучно...
И набираются очки
на перебежках.
А каждый промах на пути
грозит: не мешкай!..

Вот так и мчимся во всю прыть
с душой открытой.
Ах, лишь бы сердце не разбить,
как мячик битой!

* * *

А что мне — вспыхнуть да погаснуть,
оставив след на слякоти ночной...
Стремление ввысь —
светло и не напрасно.
Напрасно жить с потерянной мечтой.

* * *

Первый снег, морозом скованный,
хруст капустный под ступней,
темный омут заколдованный
под замерзшею рекой...
Вот в саду просторном яблоня
держит жухлую листву...
Торжествуешь ли ты, зяблая,
или плачешь в синеву?
А под небом тропка свежая
от заветренных ворот
вдаль уходит, непроезжая,
до неведомых широт.

* * *

Моя весна уж на ладони:
разливом беспокойных вод,
как растревоженные кони,
несет по Дону хрупкий лед.
Его прощальное мгновенье
хоть возвышает на дыбы,
но все же — бьется в наводнение
о телеграфные столбы...
Душа хранить не перестанет
картины Родины глухой...
В нагрудном унесу кармане
любовь к земле моей — домой.

СЛОВНО МУЗЫКА, ЗАСТЫВШАЯ В КАМНЕ

*Изящная архитектура
г. Павловска
(фото из фондов
районного краеведческого музея
и открытых источников)*

Памятник Петру I —
основателю г. Павловска

Районный краеведческий музей (дом купца Одинцова)

Павловск с высоты птичьего полета

Сельскохозяйственный техникум
(здание бывшего духовного училища)

Павловская СОШ с углубленным изучением отдельных предметов
(здание бывшей женской гимназии)

Педагогический колледж
(здание бывшего реального училища)

Проспект Революции

Казанский храм —
один из старейших храмов города

Фасад дома купца Меркулова

Административное здание

Андрей Алексеевич Ворфоломеев родился в 1977 году в городе Павловске Воронежской области. Работал на промышленных предприятиях Павловского района и обозревателем районной газеты «Вести Придонья». Публиковался в журналах «Подвиг», «Родина», «Наука и жизнь», газетах «Тайны XX века», «Все загадки мира», в региональных изданиях. В 2020–2021 гг. московское издательство «Вече» выпустило романы Андрея Ворфоломеева «Агент поневоле» и «Миссионер поневоле». Живет в Павловске.

Андрей Ворфоломеев

НЕ ДЛЯ МЕНЯ ДОН РАЗОЛЬЕТСЯ...

Роман

1

Нижний чин Степан Воинцев попал в плен во время так называемой «резиновой войны». В начале 1915 года австрийские войска начали наступление в Карпатах в надежде отбросить русскую армию от перевалов, ведущих на Венгерскую равнину. Для тех и других в условиях горной местности бои вылились в цепь мелких, но оттого не менее ожесточенных стычек с ничтожными общими результатами. Продвижение вперед или назад исчислялось буквально метрами. Ну и солдатскими жизнями, разумеется. Озверение достигло крайних пределов.

Полурота 14-й пехотной дивизии, в которой служил Воинцев, была окружена австрийскими горными егерями по гребню превосходящих высот. И все же русские, возможно, сумели бы вырваться из кольца, если бы враги не применили жуткую техническую новинку, разом сломившую у наших солдат всякую волю к сопротивлению.

Со стороны австрийцев раздался винтовочный выстрел, и Степан только и успел заметить, как голова припавшего рядом к камням поручика Лебедянского словно взорвалась изнутри. Брызги крови, перемешанные с ошметками

Журнальный вариант. Печатается с сокращениями

плоти, далеко разлетелись вокруг. От следующего залпа оторванная рука рядового Петрухина выскочила из страшной раны, образовавшейся на месте правого плечевого сустава. Отовсюду послушался дикий вой чудовищно искалеченных людей.

— Братцы! Что же это делается?!

Так русские солдаты впервые познакомились с разрывными пулями «дум-дум». Впоследствии те из австрийцев, у кого в подсумках находили обоймы с ними, принципиально не брались нашими в плен, а уничтожались на месте. Однако сейчас остатки полуроты были полностью деморализованы. Не каждый рассудок мог выдержать зрелище столь ужасных увечий. Да и предыдущими боями солдаты были вымотаны основательно. Приходилось сражаться в сильные морозы, по пояс в снегу и при начинавшем уже сказываться недостатке боеприпасов. Выручала русская смекалка и русский же штык. Но не всегда же на них рассчитывать! Особенно когда противник так и сыпет вокруг смертоносной шрапнелью.

Сам Степан в плен сдаваться не собирался. Но от судьбы, как известно, не уйдешь. Один из егерей швырнул со скалы ручную гранату, и от близкого разрыва Воинцев на мгновение потерял сознание. А когда очнулся, то невольно поразился воцарившейся в горах тишине. То тут, то там, беззвучно разевая рты, словно в увлекательном фильме про войну, метались русские и австрийские солдаты. Красиво взмывали вверх фонтанчики снега, поднятые неслышно летавшими пулями и осколками.

— А?.. Что?.. — выронив винтовку и прижав руки к ушам, тщетно прокричал оцепеневший от осознания собственной глухоты Степан. Ответом послужил ловкий удар, которым подскочивший ражий егерь разом сшиб его с ног.

Полностью слух вернулся к Степану лишь через несколько часов.

За это время австрийцы построили захваченных пленных в колонну и, подгоняя ударами прикладов, погнали в расположение своего полка. Ну а что такое плен? Окрики конвойных, зуботычины, постоянное унижение. Плюс ломовая работа. Не далек был тот час, когда и Австро-Венгрия вслед за Германией введет и на своей территории продовольственные карточки. Пока же продуктов в тылу хватало. Но, разумеется, только для своих. Так что на долю русских пленных выпадала лишь сушеная свекла да баланда из нечищеного турнепса.

Крестьянин из села Украинская Буйловка Белогорской волости Воронежской губернии Степан Воинцев считал себя «хохлом», хоть и говорил, естественно, не на чистом украинском языке, а на своеобразном «суржике». Тем не менее это помогло ему завязать знакомство с некоторыми солдатами-гуцулами из охраны лагеря. У тех тоже был свой «суржик». Только не русско-украинский, а украинско-польско-немецкий.

В общем, как-то один из горцев, высокий, вислоусый Григор Зирняк, рассказал, подмигнув, Степану любопытную солдатскую сказку:

— А ты знаешь, отчего война-то началась? Собрались раз ваш царь с немецким кайзером и заспорили. Николай и говорит: «У меня войска столько, сколько зерна на поле!» А Вильгельм в ответ: «Я выпущу такого железного петуха, который все твое зерно склюет»!

Воинцев не мог не признать правдоподобности этой байки, вспомнив с внутренним содроганием огонь германской и австрийской тяжелой артиллерии, разметающей русские позиции.

Впрочем, нельзя сказать, будто все западные украинцы одинаково относились к нашим пленным. Люди везде разные. Кто, оглядевшись по сторонам, украдкой перебрасывал через лагерную ограду сухарь или кусок брынзы, а кто, многозначительно передернув затвор винтовки, окриком заставлял отойти подальше от колючей проволоки.

Что до Степана, то пробыл он в прифронтовой зоне не очень долго. Кроме нехватки продовольствия, в Австро-Венгрии начал ощущаться и серьезный недостаток рабочих рук. Поэтому однажды всех военнопленных вывели из лагеря пешим строем, пригнали на ближайшую железнодорожную станцию и, погрузив в теплушки, повезли вглубь страны. А там уже начали быстро и сноровисто распределять исходя из своих потребностей. Кого отправили на шахты и заводы, кого — на сельскохозяйственные предприятия. Воинцева же наряду с наиболее сильными и выносливыми опять загнали в вагоны и повезли дальше к югу. И вот настал момент, когда на горизонте замаячили вздымавшиеся чуть ли не до самого неба заснеженные вершины Доломитовых Альп.

У себя дома вслед за односельчанами Степан наивно называл горами обрывистые меловые утесы высокого правого берега Дона. А иных в степях и не водилось! И лишь попав во время войны в Карпаты, он понял, что такое настоящие горы. Однако Альпы оказались еще выше и величественнее. Долгие годы Доломиты являлись естественной границей между Австро-Венгрией и Италией. Но сейчас, похоже, здешнему спокойствию приходил конец. Итальянцы, хотя и считавшиеся союзниками австрийцев, давно имели к своим северным соседям территориальные претензии. Однако те за одну только военную поддержку отдавать Трентино и Южный Тироль отнюдь не собирались. Поэтому воинственные подданные короля Виктора-Эммануила III все чаще и чаще благосклонно поглядывали в сторону Антанты. Уловив тревожные тенденции, командование австро-венгерской армии принялось лихорадочно укреплять позиции в горах. Особенно в окрестностях перевалов, ведущих на территорию страны. Для этой цели использовались любые трудовые ресурсы, вплоть до мобилизованных гражданских лиц и многочисленных военнопленных.

Степан Воинцев оказался приписан к 29-му рабочему батальону, занимавшемуся укреплением и без того труднодоступного хребта Лагацуои. Разумеется, помимо собственной воли. Его согласия, впрочем, никто особо и не спрашивал. В противном случае имелась надежно сколоченная батальонными саперами виселица. Если не хочешь болтаться на ней, то бери кирку, тачку или лопату и отправляйся в горы. На позицию «Гоигингер», если быть точнее. От окружающей перспективы и впрямь захватывало дух. Крутые, почти отвесные склоны, сложенные из светло-шоколадного известняка, гибельные пропасти, на дне которых поблескивали тоненькие ниточки протекавших там рек. Расправившие широченные крылья орлы, зачастую парившие гораздо ниже работающих в скалах людей. И наконец резко выделявшаяся на фоне остальных вершин неправильная пирамида горы Тофане, вся расчерченная косыми полосами слоев осадочных пород. Тут не только камни ворочать — ходить было опасно!

Их взводом командовал молоденький кадет Схейбек. Подобно своему знаменитому литературному собрату — кадету Биглеру из «Похождений бравого солдата Швейка», — он тоже страстно хотел совершить какой-нибудь героический поступок. Вот только контингент обоим попался совершенно неподходящий. Поэтому, когда 15 июня со всех сторон вдруг посыпались итальянцы в своих шипованных ботинках-скарпах и украшенных перьями шляпах, никто и не подумал сопротивляться.

— Ну что же вы?! Сражайтесь!!! — со слезами на глазах воскликнул Схейбек, которому враги выкручивали руку с судорожно зажатым в ней револьвером.

— Чем? Этим? — на ломаном немецком ответил Степан, отбрасывая в сторону опостылевшую кирку. — И за что?

В роли невольных освободителей выступила 229-я рота батальона альпийских стрелков «Валь-Чизоне». Узнав, что среди захваченных австрийцев находятся и русские военнопленные, итальянцы тотчас отсортировали их из числа прочих.

Теперь же они считались союзниками! Чуть позже, уже после спуска на итальянскую сторону хребта, перед Степаном и его товарищами выступил сам командир батальона подполковник Джузеппе Ратти. Русского переводчика, правда, не нашлось, но многие пленные успели по верхам нахвататься немецкого. На нем кое-как и беседовали с итальянцами.

Ратти не стал ходить вокруг да около. Желаящие, сказал он, будут немедленно переправлены в тыл и там станут ждать ближайшей okazji для возвращения на родину. Но есть и другое предложение. Те, кто захочет, могут быть зачислены во вспомогательные части доблестной итальянской армии. В таком случае их немедленно поставят на полное пищевое довольствие и даже начнут выдавать жалованье в лирах. А после полной победы над врагом (разумеется, скорой!) они тоже вернутся домой, но уже богатыми людьми!

Степан Воинцев поверил посулам подполковника. И дело здесь заключалось даже не в деньгах. Просто единственный путь из Италии в Россию в условиях военного времени проходил только по морю. А австрийская пропаганда настолько расхваливала успехи немецких подводников, будто бы топивших все без исключения пароходы союзников, что данный вид транспорта среди пленных стал считаться дорогой не на родину, а на дно. Ко всему и с довольствием Ратти не обманул. Итальянская армия снабжалась гораздо лучше австрийской, и на столах даже вспомогательных подразделений регулярно бывали кофе, сыр, салатами, сгущенное молоко, макароны и неизменная каша — полента. Плюс добрая порция отменного красного вина. Альпийские стрелки, впрочем, на высокогорье предпочитали пить виноградную водку граппу. Но и работу Степану приходилось выполнять более чем нелегкую.

Однако бодро начавшееся наступление итальянцев в Доломитовых Альпах тоже постепенно застопорилось. Хотя у них были свои успехи. Пусть и локального значения. Так, 19 октября 1915 года взвод младшего лейтенанта Пеннати из 228-й роты того же батальона альпийских стрелков «Валь-Чизоне» занял горный выступ на пике Малый Лагацуои, расположенный к югу от высоты 2779 и удачно доминировавший над австрийской оборонительной позицией «Фонбанк». Впоследствии его начали называть «Выступ Мартини» в честь нового командующего батальоном подполковника Этторе Мартини. Теперь там кипели ожесточенные бои. Итальянцы закрепились и беспрерывно обстреливали австрийцев, а те то и дело пытались сбить их с выступа. В свою очередь высокогорные гарнизоны надо было постоянно снабжать. И тут суровая природа Доломитовых Альп диктовала свои условия. В предгорья все необходимое доставлялось на автомобилях. Там грузы поджидали караваны мулов, поднимавшие их еще выше. Однако наступал такой предел, когда и эти выносливые животные не могли одолеть возрастающую крутизну склонов. Тогда в дело вступали так называемые подносчики, подобные Степану Воинцеву и остальным добровольцам из бывших пленных. Они взваливали грузы на свои плечи и карабкались с ними к вершине: несли мины, снаряды, ящики с патронами и гранатами, мешки с продовольствием, тюки теплой одежды, бревна, доски и другие строительные материалы. Обрато спускали носилки с больными и ранеными, конвоировали пленных, выносили трофейное и вышедшее из строя оружие.

Степан очень скоро запомнил все, даже самые мельчайшие подробности этих монотонных и утомительных восхождений по узеньким тропинкам, тесным расщелинам или деревянным лестницам, проложенным в горах. Здесь крутой поворот, а там находится скальный выступ на уровне колен, через который надо обязательно переступить, чтобы не споткнуться и не полететь вниз. Тем не менее некоторые так принаравливались ко всему этому, что даже умудрялись дремать на ходу! Иногда подносчиков сменяли бесконечные вереницы поднимавшихся на

позиции войск. Солдаты шли с полными подсумками патронов, набитыми вещевыми мешками, некоторые помогали себе длинными альпенштоками. Почти все одновременно надевали на головы стальные каски.

День ото дня русским рабочим, если честно, начали нравиться эти подвижные и азартно жестикулирующие итальянцы. У них, казалось, напрочь отсутствовало чинопочитание. Так, после первых же серьезных неудач на фронте альпийские стрелки принялись, не стесняясь, распевать язвительные стишки собственного сочинения, далеко не в лучшем свете выставлявшие высшее командование армии. В вольном переводе они звучали так: «Виктор-Эммануил отправился в Кортину посетить своих солдат. Затем он поехал в Фальцарево, где генерал горных стрелков показал: “Вон там Сассо-ди-Стрия, а мы идем обратно!”» Или: «Генерал Кадорна написал своей королеве, что если она хочет видеть Триест, то пусть купит открытку с видом города!» Их можно было понять. Отнюдь не генералы замерзали в пургу и срывались со скал под кинжальным огнем противника.

В первой половине дня 31 октября Степан Воинцев как обычно поднялся к «Выступу Мартини». Сейчас там в который уж раз кипел жаркий бой. Альпийские стрелки отражали очередную атаку австрийских егерей. Степан поначалу не обратил на это ровно никакого внимания, поскольку импровизированный склад, куда он сгружал свою ношу, находился в сравнительно безопасном месте. Да и сама позиция, всего двенадцать дней назад занятая взводом Пеннати, изменилась почти до неузнаваемости. В скалах были оборудованы деревянные укрытия и прорублены дополнительные пещеры и галереи. Немного передохнув и еще раз подивившись человеческой изобретательности, русский подносчик собрался уже идти обратно, как вдруг со стороны перевала Вальпарола открыла огонь австрийская артиллерия. Снаряды дальнобойных гаубиц с пронзительным свистом начали падать в расположение итальянцев. Но странное дело, вместо привычных разрывов отовсюду доносились лишь не очень громкие хлопки. А следом из образовавшихся воронок поползли плотные клубы густого желтого дыма.

— Газы!!! — заорал кто-то нечеловеческим голосом. — Газы, ребята!

На «Выступе» началась лихорадочная паника. Как бороться с дьявольской отравой, тогда толком никто не знал. Да и противогазов еще не было. Мимо Степана, задыхаясь от кашля, промчался один из альпийцев с искаженным от ужаса лицом. Вслед за ним, побросав карабины, устремились остальные. А тут еще и австрийцы, воспользовавшись тем, что ветер дул в сторону «Выступа», пошли в новую атаку.

Однако в одном из укрытий, преодолевая опасность быть отравленными, осталось отделение пулеметчиков-сардинцев. Они и открыли огонь по наступающим австрийским егерям. Те, словно подкошенные, падали на скалы, а одинокий «Фиат-Ревелли» продолжал строчить, не давая врагу ни малейшего шанса на продвижение вперед. Газ, похоже, не брал отважных сардинцев, зато боеприпасы, увы, неумолимо подходили к концу. По крайней мере, выпустив несколько касет, используемых итальянцами вместо более привычных лент, пулемет стал стрелять гораздо медленней и расчетливей.

— Картуччи! Картуччи! — раздался отчаянный крик командира отделения младшего лейтенанта Пиньоли. — О, мамма миа!

Степан не сразу понял, что тот просит принести еще патронов. Однако вокруг уже никого не было. Облако газа, не успевшее поползти до подносчика, по-прежнему продолжало клубиться, заволакивая собой «Выступ Мартини». Взглянув на него, Степан на мгновение заколебался между чувством самосохранения и товарищеским долгом. Но тут все мысли из головы вытеснила одна — ясная и понятная. Если итальянцы не сумеют отбиться, то «Выступ» захватят австрийцы. А там что? Опять в плен попадать? Ну уж нет! Пускай сами свеклу сушеную жрут!

Быстро осмотревшись, Степан разворошил штабель одинаковых деревянных ящиков с трафаретной надписью «Cartucce da 6,5» и, наконец, отыскал то, что нужно, — коробки со снаряженными кассетами для пулемета. Подхватив сразу две, он вдохнул поглубже и, постаравшись задержать воздух в легких как можно дольше, со всех ног помчался сквозь ядовитую пелену к бункеру пулеметчиков.

— О, руссо! — обрадовавшись, прокаркал кашлявший и утиравший беспрерывно текущие слезы младший лейтенант. — Молодец! Давай, давай! Темпо!

Вдвоем они мигом заменили почти опустевшую кассету, и Пиньоли опять приник к ходившему ходуном «Фиату». И вовремя. Подобравшиеся близко австрийцы в очередной раз были скошены смертоносной очередью. Степан же, больше не в силах терпеть, ненароком глотнул отравленного воздуха, и в ноздри его тотчас словно вонзили по раскаленному гвоздю. Закашлявшись и невольно замотав головой, русский поднощик постарался подползти поближе к прорубленной в скале амбразуре. Но, как видно, недаром сардинцы держали в углу своего бункера икону Девы Марии, висевшую по соседству с развешанными по стенам касками. Да и Пиньоли не зря перед каждым боем целовал извлеченный из-за воротника мундира маленький нагрудный крестик. Так или иначе, помог Всевышний или произошло счастливое стечение обстоятельств, однако концентрация газа на позициях пулеметчиков так и не достигла предела, способного отравить взрослого человека. Оба храбреца не только остались живы, но даже не потеряли сознания. А там и подмога подоспела, поскольку итальянским офицерам удалось быстро пресечь панику и навести порядок среди своих подчиненных. Австрийскую атаку отбили.

2

После отравления газами на «Выступе Мартини» Степан попал в тыловой госпиталь. В палату к «русскому герою» сразу же зачастило множество народу: журналисты, представители общественности, восторженные девицы с цветами, апелесинами и коробками папирос. Совершенно неожиданно очутившийся в центре внимания вчерашний крестьянин поначалу стеснялся этого бесконечного круговорота лиц, то и дело перемежающегося вспышками бурных эмоций и ура-патриотических заверений. Однако особенно сильное впечатление произвел на него визит весьма примечательного посетителя. Сначала в дверной проем вдвинулся довольно объемистый живот, затем показалась солидная окладистая борода с проседью, и наконец в палату вплыл представительный мужчина лет пятидесяти в штатском пальто. Свою шляпу, равно как и сложенный зонтик, он держал в руках.

— День добрый! — к крайнему изумлению всех присутствующих по-русски пророкотал незнакомец, сквозь стекла пенсне всматриваясь в Степана. — Так вот он каков, наш герой! Выглядит молодцом! Ну что ж, давайте знакомиться. Я — Амфитеатров! Он же — Московский Фауст, он же — Старый джентльмен!

— Не имею чести знать! — простодушно признался Воинцев.

Очевидно ожидавший совсем иной реакции визитер удивленно воззрился на солдата.

— Что, совсем ничего не читали?

— Никак нет, ваше благородие!

— Ах, оставь. Какое я тебе благородие! Да, вот это сюрприз. А я уж, грешным делом, думал, будто мое имя по всей России-матушке гремит. А оно вон что получается. Откуда ж ты такой выискался, служивый?

— Воронежские мы!

— Это я знаю. Степан Воинцев, верно?

— Так точно!

— Ну-с, о ваших подвигах на «Выстуге Мартини» я уже слышал. Поговорим о других боевых эпизодах. Начнем, пожалуй, с Италии. Для русской публики это будет звучать гораздо более экзотично. Как фельетонист с огромным стажем говорю! Здесь, в Доломитах, вы только на Лагацуои были?

— Нет. Еще на Мармоладе.

— О, Мармолада! Королева Доломитовых Альп!

— Она самая...

Расположенный на самом левом фланге Доломитов, увенчанный сверкавшим на солнце огромным ледником горный массив Мармолада вздымался на высоту более трех тысяч метров. 8 июня 1915 года подразделения финансовой гвардии и батальона альпийских стрелков «Беллуно» заняли перевал Омбретта — единственный, связывавший между собой долины Валь-Контрин и Валь-д'Омбретта. Их вел пятидесятилетний горный гид Винченцо Ферзош, хорошо знавший здешние места и сумевший отыскать трудную, но вполне проходимую тропу на вершину стены Вернелъ. Однако дальнейшее наступление итальянцев, как и повсюду, быстро застопорилось, остановленное проволочными заграждениями и огнем искусно замаскированных австрийских пулеметов. Это и неудивительно. Горные егеря противника тоже были хорошо подготовлены, да и занимали заблаговременно обстроченные позиции на господствующих высотах. Итальянцам же приходилось штурмовать их в лоб, что обходилось немалой кровью.

В свою очередь, обозленные первыми неудачами и гибелью товарищей альпийские стрелки задумали целую карательную операцию. С неимоверными усилиями они умудрились втащить артиллерийское орудие на перевал Кирелле. Впрочем, это было легче сказать, чем сделать. Узкая горная дорога не позволяла встать более чем четверым в ряд, и потому остальные, подобно русским бурлакам, выстраивались в длинные колонны по десять-двенадцать человек и, впрягшись в импровизированные лямки, тянули пушку за собой. Иногда для транспортировки одного тяжелого орудия собиралось до пятидесяти альпийцев и их помощников. Участвовал в восхождении на Кирелле и Степан. Напрягая все силы, он при этом то и дело оборачивался назад, дабы посмотреть, как идет в гору пушка. Это занятие полностью поглощало внимание и не давало по достоинству оценить простирающиеся вокруг пейзажи. А они и впрямь были незабываемыми. Больше всего поражала Степана особенность здешнего известняка окрашиваться в розовый цвет на закате солнца.

Впрочем, суровая действительность вскоре опять властно напомнила о себе. Установив с таким трудом доставленную пушку на перевале, итальянцы навели ее и 6 сентября 1915 года до основания разрушили находившуюся по ту сторону хребта высокогорную гостиницу «Контрин», использовавшуюся австрийцами в качестве тыловой базы. Тем не менее Мармолада так и осталась кратковременным эпизодом в альпийской карьере Воинцева. В основном он все же находился на Лагацуои.

— Понятно, — покивал головой Амфитеатров. — Ну, а кормят в итальянской армии как? Терпимо? А то во Франции уже стал гулять анекдот. Мол, наши соотечественники, которым посчастливилось бежать из немецкого плена и очутиться в расположении союзников, жаловались, будто на обед им дают сырое мясо и коровий навоз! В конечном итоге выяснилось, что таким образом ниши солдатики именовали бифштексы с кровью с гарниром из шпината, ха-ха-ха!

И фельетонист, закинув голову, оглушительно расхохотался. Для приличия усмехнулся и Степан, хотя совершенно не понял соль шутки. У итальянцев с питанием дело обстояло гораздо проще. И привычней. Полента — та же каша, пусть и по-другому называемая. Саями — колбаса. Ну и так далее.

Очевидно, уловив повисшую в воздухе неловкую паузу, Московский Фауст поспешил перевести разговор на иную тему:

— Ладно. Теперь давай вернемся к делам российским. Так значит в плен ты, милейший, угодил в Карпатах?

— Именно.

— А до того службу где проходил?

— В 56-м пехотном Житомирском полку 14-й пехотной дивизии 8-го армейского корпуса 8-й армии генерала от кавалерии Брусилова! — единым духом выпалил солдат.

— Ничего себе! — изумился журналист. — И как ты все это запомнил?

— Армия, ваше благородие, всему научит. А фельдфебель — заставит!

— Охотно верю! И раз ты, друг любезный, под началом Брусилова служил, то, наверное, и в Галиции повоевать успел?

— Только частично. Меня же в армию после начала войны призвали. Обучали, правда, недолго. Через какой-то месяц в эшелон погрузили и — вперед. А уже ранним утром 29 августа 1914 года наш батальон пополнения получил приказ в спешном порядке идти ко Львову. Дороги развезло от проливных дождей, а на горизонте ощутимо погромыхивало. Там всюду разгоралась встречная Городокская баталия...

Потерпевшие поражение в сражении на Гнилой Липе и оставившие Львов, Галич и Станислав австро-венгерские войска решили взять своеобразный реванш. Остановившись на рубеже реки Вережица, они форсированными темпами приводили себя в порядок, стягивая отовсюду подкрепления. Сложившаяся обстановка, казалось, благоволила подданным престарелого кайзера Франца-Иосифа. Перед их силами, насчитывавшими в общей сложности до семи пехотных корпусов, теперь находилась лишь одна русская 8-я армия (3-я двинулась на Раву-Русскую). Ободренные своим численным перевесом, австрийцы перешли в наступление 28 августа 1914 года. Однако и генерал Брусилов не любил отсиживаться в обороне и отдал приказ атаковать. К тому же его армия занимала случайные позиции и вряд ли смогла бы долго удерживать натиск противника. Завязалось упорное встречное сражение.

Первоначально австро-венгерские войска обрушились на правофланговый 12-й корпус, но то был не более чем отвлекающий маневр. Действительно, в скором времени вся тяжесть боя сместилась к центру и левому флангу 8-й армии. В таких условиях Брусилов принялся экстренно собирать все, имевшиеся в его распоряжении, резервы. В их число попали и два батальона новобранцев, среди которых и находился наш Степан Воинцев. Почти все вновь прибывшие части шли на усиление центра армии, поскольку из донесений воздушной разведки стало ясно, что именно сюда австрийцы переносят направление своего главного удара. Очевидно, они намеревались прорвать русские позиции и вновь овладеть Львовом. Брусилов решил упредить неприятеля, стянув сюда до восьмидесяти пяти батальонов пехоты. К тому же на рассвете 30 августа 7-му и 8-му армейским корпусам было опять приказано атаковать. Правда, продвинулись они ненамного, однако притянули к себе значительные силы противника.

На всем фронте дела у австрийцев начали складываться далеко не лучшим образом. В тот же день их войска потерпели поражение еще и у Равы-Русской, где действовала наша 3-я армия генерала Рузского. Прорвать фронт Брусилова тоже австрийцам не удалось. Поэтому вечером 30 августа их генералы предприняли короткую атаку, под прикрытием которой и отошли за реку Вережицу, предусмотрительно разрушив за собой все переправы. В общем, боевое крещение у Степана удалось на славу! Главное, что закончилось оно победой русского оружия.

— Да, довелось тебе, братец, пороху понюхать, — уважительно подытожил

рассказ Степана Амфитеатров. — И в Альпах, и в Карпатах. Домой-то небось охота?

— Не то слово!

— Ну, не горюй. Я постараюсь что-нибудь узнать. Хотя в военное время с возвращением пленных из Европы в Россию дело сложно обстоит. Особенно — для рядовых. Но чем черт не шутит!

Амфитеатров слов на ветер не бросал. У него действительно имелись кое-какие серьезные связи. Проживая сначала в Леванто, а затем в Риме, Московский Фауст организовал своеобразное зарубежное бюро влиятельной отечественной газеты «Русское слово», при помощи которого активно боролся с прогерманской агитацией и всячески подталкивал правящие круги Италии к вступлению в войну на стороне Антанты. Впрочем, те и сами этого откровенно хотели. Популярность Амфитеатрова была настолько велика, что он запросто телеграфировал великому князю Николаю Николаевичу, в бытность того главнокомандующим русской армией. И получал обстоятельные ответы на свои вопросы. Чего уж тогда говорить о знакомстве с будущим президентом Чехословацкой республики профессором Масариком! Или с самим премьер-министром Италии Антонио Саландрой!

3

Московский Фауст и впрямь замолвил словечко среди своих влиятельных знакомых в Риме. А тут еще и счастливая оказия подвернулась. Младшего лейтенанта Пиньоли надумали послать во французские альпийские части для обмена опытом. Вот командование итальянской армии и решило отправить вместе с ним Воинцева. Все равно ведь дорога в Россию через Францию пролегает. А там пусть русский военный атташе граф Игнатъев с соотечественником и разбирается!

Хлопоты по возвращению Степана домой начались сразу после его приезда с фронта в Париж. Правда, поначалу русский военный атташе полковник Игнатъев совсем не воспылал желанием возиться с очередным, свалившимся словно снег на голову, военнопленным. Потому и предложил Степану пока поработать на химической фабрике «Аллэ и Камарг». Мол, все бежавшие из плена русские солдаты так делают. А если каждого из них в Россию отправлять, то, извините, никакого тоннажа не хватит! Однако Воинцев, чувствуя за плечами поддержку итальянского представителя при французской Ставке, что называется, уперся рогом. Отправляйте на Родину и точка!

И Игнатъев уступил.

Из Франции в Россию в условиях военного времени можно было попасть несколькими путями. Самый длинный из них — почти кругосветное путешествие через Дальний Восток — не хотелось даже рассматривать. Другой вел вокруг Скандинавии в Архангельск или Романов-на-Мурмане. И, наконец, третий пролегал по территории нейтральной Швеции вплоть до границы с Финляндией, тогда входившей в состав Российской империи. По нему частенько выезжали на Запад различные военные, дипломатические либо думские делегации.

Решили отправить вокруг Балтийского моря и Степана.

Родина-матушка, вопреки всем ожиданиям, встретила своего сына неласково. Не было ни цветов, ни ковровой дорожки. Более того, вместо давно чаемого отпуска Степан прямиком попал в запасной полк. Да не в родной Воронеж или куда-нибудь поближе к дому, а аж в стоявший на самой Волге Царицын.

Однако перед тем как отбыть к новому месту службы, Степан неожиданно очутился в эпицентре так до конца и не понятой им интриги. К 1916 году прежний офицерский корпус русской армии уже потерял свою былую монолитность. Все

громче в нем стали звучать голоса своеобразных «младореформаторов», где тайно, а где и явно критиковавших высокопоставленных «стариков» за косность мышления и дедовские методы руководства. При этом хорошим тоном в определенных кругах стали постоянные ссылки на западный опыт ведения войны. «Давно, давно пора и нашей армии перенять французские и британские методы, да, жаль, замшелые умы и темные силы этого не понимают», — притворно вздыхали мечтавшие о генеральских лампасах майоры и подполковники.

Для того чтобы добиться вождеденной цели, в ход шли разные способы. В том числе всевозможные комиссии, зачастую инспирированные не военным руководством, а представителями «прогрессивной общественности». Но ведь откуда-то им становилось известно о многих болевых точках действующей армии? И вот тут, очевидно, не обходилось без добровольной помощи «младореформаторов». Иначе откуда, в таком случае, в прессе периодически муссировались вроде бы секретные сведения о численном составе некоторых частей? Как, например, в случае с 77-й пехотной дивизией, потерявшей с начала войны уже 72 тысячи человек! Возможно, в других соединениях дело обстояло не лучше, однако именно эта информация попала на страницы газет. Оттого в 77-ю дивизию и отправилась очередная комиссия для выяснения столь больших потерь.

Нежданно-негаданно включили в нее и Степана. Тут, скорее всего, с ним просто не разобрались. В спешке Воинцева приняли едва ли не за полноправного представителя итальянской армии, каковым тот, естественно, не являлся. В итоге Степан чувствовал себя откровенно неуютно рядом с «господами» и потому старался все время держаться поближе к денщикам. Конечно, в ходе поездки недоразумение быстро прояснилось, но было уже поздно.

В расположение дивизии прибыли через Лунинец и Сарны 23 марта 1916 года. 308-й пехотный Чебоксарский полк стоял в это время на реке Стырь. Причем штаб и тыловые подразделения находились по одну ее сторону, а передовые части — по другую. Для переправы с берега на берег приспособили давно взорванный железнодорожный мост, между опорами которого саперы уложили временный настил. От станции до расположения полка можно было добраться на дрезине, чем визитеры и воспользовались.

Вообще в тот день в землянке полковника Василия Ивановича Глыбовского собралась весьма разношерстная компания. Когда столичные гости вошли, то там уже сидели полковой батюшка, а также два брата милосердия из стоявшей на станции санитарной летучки, немало удивившие Степана своими необычными серебряными погонами. В армии он отродясь прежде такого не видел. Один из медбратьев, худощавый юноша с кудрявым чубом, представившийся Дмитрием Фурмановым, был в звании прапорщика. Только не армейского, конечно, а «земгоровского». То есть состоявшего на службе в объединенном «Союзе земств и городов» (сокращенно — «Земгор»).

Между тем батюшка, а вслед за ним и остальные визитеры принялись уговаривать полковника разрешить им посетить непосредственно окопы.

— Так ведь опасно. Там постреливают. Как бы греха не случилось, — попытался урезонить их Глыбовский.

— Да ведь на всю жизнь, господин полковник, на всю жизнь запомнится! Больно охота посмотреть, — не сдавался священник.

— Ну, если вы уж такой храбрый, что ж, пойдете. Только разделить надо, господа. Кучей не надо идти. Лучше — по двое.

Окопы представляли собой подлинный лабиринт, сырой и прохладный. Даже Степану они были в диковинку, поскольку доселе столь наглядного проявления позиционной войны он не видел. Инженерная мысль не стояла на месте, постоянно придумывая все новые и новые виды маскировки. С фронта огневые точки при-

крывались деревянными заслонами, сделанными в несколько рядов, промежутки между которыми засыпались грунтом. Снаружи все это сооружение искусно обкладывалось дерном, чтобы создать у неприятеля полное впечатление обычного зеленого холма. Для наблюдения и ведения огня оставались лишь небольшие, тщательно замаскированные амбразуры. Такими же заслонами в ряде мест сверху перекрывались и сами траншеи.

Для несущих боевое охранение солдат в стенках окопов откапывались укрытия, где те могли отдохнуть прямо на соломе, брошенной на землю. Каждая такая примитивная землянка вмещала по шесть человек. Перед гостями фронтовики не преминули похвалиться недавно захваченным во время вылазки немецким пулеметом — новым, делавшим до 420 выстрелов в минуту. Хватало и иных впечатлений. Батюшка, например, неумоимо собирал осколки снарядов, гильзы, шрапнельные стаканы, то и дело приговаривая, что это теперь ему «на всю жизнь, на всю жизнь запомнится». Фурманов же тем временем разговорился со Степаном. Он, как видно, тянулся к нижним чинам.

— Ну а ты, братец, чего здесь делаешь? Среди офицеров-то? Я поначалу тебя за денщика принял, а потом понял, что ошибся.

— Да я и сам не знаю, ваше благородие, для чего меня сюда потянули. Только недавно на землю родную вернулся. Сначала в полоне австрийском был, затем у союзников обрелся. Думал, хоть на побывку домой отпустят, а тут вишь, какая беда.

— Что ж, с отпусками сейчас действительно проблема. Их больше ловкачам каким-нибудь дают, чем честным солдатам. Одному ухарю пришла телеграмма, будто отец его при смерти лежит. Ну и отпустили. Как не пустить-то? Чай, все мы люди. А потом выяснилось, что отца у того уже лет двенадцать как в живых нет. Начальство веру в людей и потеряло. Вот так из-за одного подлеца отпуска по семейным причинам больше никому не дают.

— Беда. Так я вить не по семейным обстоятельствам. Слыхал, будто по возвращении из полна побывку должны давать.

— Тут я ничего не могу тебе сказать. Может, и дадут.

— Будем ждать. А еще у меня вопрос к вам, ваше благородие. Что это за форма на вас такая чудная? Никогда прежде не видел.

— Это, братец, форма земского союза. Неумные люди нас еще «земгусарами» называют. Хотя, с другой стороны, я и сам все чаще убеждаюсь, что первоначальный благородный порыв, давно, к сожалению, выродился во что-то иное. Не скажу за всех, но многих в первые дни войны влекла в союзы именно идея. Хотелось, презрев опасности, помогать ближнему своему. Только скоро выяснилось, что никакой особой романтики на войне нет, а есть грязь, кровь, человеческие страдания. Сам был свидетелем тому, как в санитары-добровольцы по ходатайству сверху зачислялись совершенно случайные люди. Единственная их ценность заключалась в том, что они являлись чьими-то родственниками или хорошими знакомыми. Разумеется, пользы от подобных работников не было совершенно никакой. Зато они преспокойно сидели вдали от фронта, да еще и получая неплохие оклады. Когда же мы с другими санитарями указали на подобное несоответствие, то нас и слушать никто не стал.

— Да, вона как... — выслушав этот крик души, покачал головой Степан. — Дурость, она везде все портит.

Вскоре «младореформаторы» убедились, что вернувшийся из-за границы солдат никакой ценности для них не представляет и резко потеряли к нему интерес. Степана направили, как и первоначально планировалось, к новому месту службы.

В Царицыне Воинцев в первый раз увидел Хлебникова. Конечно, тогда Степан еще не знал, что перед ним знаменитый поэт, а также по совместительству «Председатель Земного шара» и прочая, и прочая. Просто из окружающей толпы солдат 93-го запасного пехотного полка ратник ополчения II разряда Виктор Хлебников выделялся как высоким ростом, так и несколько отстраненным выражением лица человека «не от мира сего». Словно погруженного в какие-то свои, глубоко сокровенные мысли. Ну и, разумеется, совершенно нестроевым видом. Хлебников не мог никак приноровиться шагать в ногу, постоянно путался в командах и, что самое страшное с точки зрения вышестоящего начальства, периодически забывал отдавать честь. А за это полагалась незамедлительная гауптвахта. Не шибко складывались отношения у поэта и с товарищами по казарме. Будь Хлебников помладше, то его в полку, несомненно, затравили бы. А так — просто относились как к своеобразному юродивому.

Потому неудивительно, что поэт с видимым воодушевлением воспринял появление человека, только недавно вернувшегося из-за границы. Пускай и не шибко грамотного и в делах искусства почти ничего не смыслившего. Соответственно, ни о какой тесной дружбе между ними не могло идти и речи. Хлебников, невзирая на свалившиеся на его голову армейские злоключения, все равно держался несколько свысока. Он вполне заслуженно считал себя гением и человеком, добившимся в жизни чего-то. Пусть это «что-то» и ограничивалось участием в коллективных полулюбительских сборниках, издававшихся ничтожным тиражом. Это, впрочем, совсем не мешало Степану относиться к поэту с известной долей благоговения. Ведь тот был «барином», да еще и «образованным»! Одно титулование чего стоит! «Король времени Велимир I»! Не абы кто!

Хлебников же искренне считал, что солдатчина способна попросту убить в нем поэта. И это в те дни, когда загадка «законов времени», казалось, приблизилась к полному своему разрешению! За неимением иных собеседников заросший бородой мечтатель щедро делился своими выкладками и идеями со Степаном.

— Виктор Владимирович, — однажды робко спросил тот, — а каким оно будет, наше будущее?

— Конечно, прекрасным! — экспансивно воскликнул поэт. — Все, буквально все должно измениться! Ведь научно-технический прогресс открывает перед нами широчайшие возможности! Возьмем, к примеру, архитектуру. Неужели мы и дальше будем жить в спрессованных в пределах улиц и словно слитых воедино домах-крысятниках?! Разумеется, нет! Развитие новых технологий приведет к тому, что каждый сможет выбирать себе жилье по собственному вкусу. Представь только — дом-качели!

— Как это?

— Очень просто! Берется домик и подвешивается на тросах меж двух опор! И плавно раскачивается в такт дуновению ветра!

— Интересная идея. А мутить, извиняюсь, не будет?

— Ну... — Хлебников на мгновение задумался. — Ну, это же не для всех! Для моряков там или мыслителей. Да и вообще. Дом будущего, скорее, будет напоминать железный остов. Или каркас, к креплениям которого станут прикрепляться передвижные стеклянные домики-каюты. Человечество таким образом полностью удовлетворит свою страсть к путешествиям. И ездить по белу свету ты будешь не сам лично, а вместе с собственным жильем! Особенно если каюты эти сумеют сделать летающими. Тут и вовсе горя мало! Надоело тебе, например, в Москве — так не беда! Отстыковался от своего места в общем доме-каркасе и лети себе, положим, в Амстердам. Или в Рим. А там тебя уже ждут.

— Звучит, конечно, прекрасно, но осуществимо ли на практике? Как в той же Италии смогут узнать о моем прибытии?

— Ну, это и вовсе проще простого! Не забывай, дорогой друг, о современных технологиях! При полете к любому выбранному городу связываешься по радио с местным регулировщиком или диспетчером и сообщая о своем желании временно пожить у них. А тот, в свою очередь, указывает тебе номер башни со свободным местом. И все! Спокойно пристыковываешься и гостишь, сколько душа пожелает. Радио — это вообще великая вещь. И в будущем, судя по всему, роль его будет исключительно велика. Передача новостей со всего мира, мгновенная связь между людьми, живущими на разных континентах, передача изображения по радиоволнам, да мало ли еще что... Даже дух захватывает!

Суровая действительность, впрочем, иногда властно вторгалась во все эти прекраснотушные мечтания. Спустя неделю после этого разговора Хлебников загремел в лазарет. А еще через несколько дней в расположении полка появился молодой человек, разыскивавший поэта. Степан в это время вместе с остальными солдатами участвовал в обычном воскресном параде, проходя строем по расположенному в двух верстах от города импровизированному плацу, и о случившемся узнал не сразу. Приезжего звали Дмитрием Петровским. Это был один из прежних друзей Хлебникова, специально приехавший в Царицын. Отыскав наконец поэта в лазарете, он сразу же увел того в город. Там на трамвайной остановке обоим по счастью удалось встретить еще и архитектора и художника-новатора Владимира Татлина. И тут же, не сговариваясь, экзотическая тройца договорилась провести совместную лекцию в местном Доме науки и искусств. Все хлопоты по ее устройству взял на себя Петровский. Однако командование полка, и так косо смотревшее на чудачества Хлебникова, наотрез отказалось отпустить того на выступление, посвященное собственному творчеству. Пришлось «королю времени» прибегнуть к банальнейшей самоволке. Впрочем, для того чтобы «не дразнить гусей», договорились, что основную часть лекции будет вести Петровский, а Хлебников при нужде станет подсказывать из-за кулис. Но подобная конспирация, разумеется, никого не могла ввести в заблуждение. Присланные из полка фельдфебели и унтер-офицеры прекрасно знали, где следует ловить сбежавшего поэта.

Лекция, в привычно вызывающем футуристическом стиле называвшаяся «Чугунные крылья», состоялась 25 мая 1916 года. Арендованный под выступление зал был практически пуст. Внутри сидели лишь полковые шпионы, намеревавшиеся прихватить Хлебникова, что называется, на месте преступления, да несколько местных городских сумасшедших. Да и впрямь, о каком футуризме могла идти речь, если всего три года назад солдаты тогда расквартированного в Царицыне 187-го Аварского пехотного полка после мытья в бане стали развешивать свое выстиранное белье прямо на оголенные электрические провода?! Двоих убило током. Сразу же после этого по всему городу прошли манифестации с красноречивым лозунгом «Долой электричество!» А вы о каком-то там будущем...

Пошел на лекцию и Степан. Причем, в отличие от прочих, — по личному приглашению Хлебникова. Да и увольнительная весьма кстати подвернулась.

Открывший выступление Дмитрий Петровский сразу начал говорить о вещах поистине невероятных:

— Все мы сейчас, без преувеличения, находимся на пороге величайшего открытия в истории человечества! Впервые появилась возможность постичь законы такого, казалось бы, неуловимого процесса, как время. Да, да, не смейтесь. Именно так. Согласно вычислениям, опубликованным выдающимся пророком современности, поэтом, мыслителем и математиком Велимиром Хлебниковым в его труде «Время — мера мира», течение времени, как видно из названия, тоже подчиняется определенным числовым закономерностям. На данный момент открыто лишь

несколько основополагающих чисел, и мы, по сути, находимся еще только в самом начале пути. Тем не менее даже предварительные наброски способны дать поистине потрясающие результаты. Судите сами. Первым в этом ряду по праву стоит число 365 или «год богов». Почему — объяснять, думаю, не стоит. А вот вторым по значимости в изучении законов времени следует признать число 48. История его возникновения пока до конца не выяснена, но важность не вызывает никаких сомнений. Ведь именно путем отнимания 48 от 365 было получено третье эпохальное число 317. Его еще можно назвать «колебательными волнами». Именно оперируя числом 317 и его производными, наш гениальный современник Хлебников заложил первый кирпич в основу изучения и упорядочения единого закона времени. Не верите? А зря. Приведу лишь несколько примеров из общеизвестных фактов мировой истории. В 665-м и 31-м годах до нашей эры соответственно Египет покорили ассирийский царь Ашшурбанипал и Юлий Цезарь. Но эти события отстоят друг от друга на 634 года или ровно на 317, умноженное на 2! Идем далее. Великий поход Наполеона в Россию состоялся спустя 951 год после набега варягов на Царьград, тоже, кстати говоря, окончившегося неудачей. Но число 951 тоже есть 317, умноженное на 3...

И так далее, в том же духе. Впрочем, иногда Петровского — а вернее, Хлебникова, чей свистящий шепот отчетливо доносился из-за кулис, — откровенно заносило. Среди его многочисленных цифровых выкладок встречались, например, и такие: «В 1911 году в Швеции было 317, помноженное на 95, финнов и норвежцев»! В завершение вечера пару слов о своем творчестве, а также о законах «формы и веса» сказал и Владимир Татлин. В целом лекция прошла достаточно ровно, однако без некоторого конфуза обойтись все же не удалось. Когда по окончании выступления был поднят занавес, чтобы Петровский и Татлин смогли пройти за кулисы, перед зрителями во всей красе предстал не успевший спрятаться Хлебников. Таким образом, к длинному списку его дисциплинарных проступков автоматически прибавился еще один.

В полной мере осознав это, «король времени» решил махнуть на все рукой и вместо явки с повинной в полк продолжил вечер в гостинице, где остановился Петровский: «Семь бед — один ответ»! Помимо его и хозяина, туда же отправились и Татлин со Степаном, купив по пути чайной колбасы, ситного хлеба и дешевого красного вина.

Войдя в скромно обставленный номер, Хлебников снял фуражку и задумчиво произнес:

— Да, только в таких местах я и чувствую себя по-настоящему свободным. Словно путешественник, приехавший в незнакомый город. Гостиница помогает сохранить иллюзию утраченной свободы. Вот так посидишь здесь и поневоле забудешь, что утром тебя опять ожидает казарма с ее потоками ругани и кулачной учебы. А вообще, если честно, никакого будущего для себя в армии я не вижу. Ну разве что мне дадут какую-нибудь очень интересную службу? К примеру, на воздушном корабле «Илья Муромец». О подвигах наших авиаторов так увлекательно пишут! Да и, по-моему, будущее — именно за покорением неба!

— Вполне возможно. Но не в такой форме, как сейчас, — покачал головой Татлин — подобно Хлебникову, человек громадного роста со светлыми волосами и простым выражением лица. — Слишком уж нынешние аэропланы смахивают на тупиковый путь развития воздухоплавания.

— Почему?

— Ну, посуди сам, Велимир. Что в современных «фарманах» и «моранах» от птиц? Да ровным счетом ничего! Обшивка жесткая, а у птиц, напротив — оперение мягкое, пластичное. Оттого они и могут парить часами, практически не затрачивая усилий! Вот я и хочу, основываясь на их анатомии, создать совершенно

новый летательный аппарат. Легкий и гибкий, в котором человек не будет празднично сидеть в кожаном кресле, а располагаться лежа, подобно пловцу. И управлять руками и ногами!

— Хм, а какой же двигатель будет стоять на вашем аппарате? — наконец отважился подать голос Степан, целиком захваченный разворачивавшейся перед ним новой грандиозной мечтой.

— Ясное дело, что не бензиновый! Я полагаю, что педального привода, при всей легкости конструкции, будет более чем достаточно! Типа как на велосипедах. И летать на нем следует учить сразу с восьмилетнего возраста. Словно птенцов, ставить детей, так сказать, на крыло! Пусть привыкают! Вот когда у каждого будет свой собственный летательный аппарат, тогда мы и придем к светлому будущему!

— Полностью с тобой согласен, Володя! — незаметно подмигнул остальным Хлебников. — А как же ты планируешь назвать свой чудо-аппарат?

— Как? Ну хотя бы «Летатлин»!

— Звучит оригинально. Это получается производное от слова «летать» и твоей фамилии?

— Получается, так, — скромно потупился художник.

— Хвалю. Жаль только, что ни одного экземпляра «Летатлина» пока не построено. Придется проситься на «Илью Муромца»...

Разговор этот имел весьма необычные последствия. Отсидев в очередной раз на гауптвахте, Хлебников подбил Степана составить ему компанию в написании рапорта о переводе в эскадру тяжелых бомбардировщиков. Получив его, командир полка чуть не лишился рассудка:

— Да они что, шутки шутить вздумали?! — задыхаясь от душившего его гнева, воскликнул тот. — Хороши авиаторы, ничего не скажешь! Один толком в ногу до сих пор ходить не научился, другой тоже хорош с его церковно-приходской школой! И они еще о нашей гордости — эскадре «муромцев» заикаются! Ничего себе! Да надо мной вся армия смеяться будет, если я таких клоунов туда направляю! Нет, нет и еще раз — нет!

Хлебников, впрочем, если честно, на иной ответ и не рассчитывал. Поэтому он параллельно с неудачной попыткой завербоваться в авиацию обратился к своему другу и соратнику по футуристическому движению Николаю Ивановичу Кульбину, имевшему приравнивавшийся к генеральскому чин действительного статского советника с просьбой о признании себя невменяемым. И тот незамедлительно начал действовать. В конечном итоге у поэта и впрямь обнаружили «состояние психики, которое никоим образом не признается врачами нормальным», и отправили для дополнительного обследования в земскую больницу в Астрахань. А Степан с очередным маршевым пополнением отправился на фронт...

Единственное, в чем порадили бывалому солдату в Царицынском воинском присутствии, заключалось в том, что приписали его к 26-му Могилевскому пехотному полку, входившему в состав «родной» 7-й пехотной дивизии, в мирное время дислоцировавшейся в Воронеже. Правда, перебрасывалась она на усиление другой армии — 11-й, но это было не суть важно, поскольку прежний командующий 8-й армии генерал Алексей Алексеевич Брусилов тоже пошел на повышение и сейчас возглавлял весь Юго-Западный фронт. Так что воевать Степану предстояло практически в тех же самых местах, что и полтора года назад, да и к тому же с хорошо знакомым начальством. Вот только время стало иным.

Едва попав в действующую армию, Степан начал замечать первые признаки растущего недовольства, пока еще, правда, тлеющего под спудом. Нижние чины

откровенно устали от войны. Да и в качественном составе войска заметно изменились. Если в прежнее время на службу призывали только после строжайшего отбора, то сейчас гребли практически всех. За исключением, разумеется, явных инвалидов. Ну и тех, у кого хватало денег и связей для того, чтобы откупиться от передовой. Не в лучшую сторону изменилось и продовольственное снабжение. О щедрых пайках первого периода войны теперь вспоминали с умилением. Шутка ли, по тогдашним нормам только на одного солдата действующей армии полагалось три фунта хлеба, фунт мяса и полфунта сала. Вот уж действительно, ешь — не хочу! В шестнадцатом году о подобном изобилии можно было только мечтать. Лишь по большим праздникам серьезно урезанная порция мяса поднималась до привычной фунтовой нормы. Иногда к ней прибавлялись еще и фунт подсолнечных семечек, одна селедка и полуфунтовая белая булка.

Другим откровением для вернувшегося из чужих краев Степана стало то, что стране не удалось достичь полного единения, необходимого для окончательной победы. Царь так и не отважился ввести во всей империи военное положение. И результат не заставил себя ждать. Армия на передовой истекала кровью, в то время как в тылу практически беспрепятственно работали рестораны, кафешантаны и прочие увеселительные заведения. Гремела музыка, и лишь шампанское по причине сухого закона заменялось разносимым в чайниках спиртом. В карты и рулетку спускались огромные состояния, нажитые на военных поставках. С трибуны, превратившейся в настоящее гнездо оппозиционеров Государственной Думы, постоянно неслись антиправительственные лозунги. А власть ничего не могла поделать! Царь Николай честно старался угодить всем, почти не прибегая к репрессивным мерам. Так что люди день ото дня все больше убеждались в откровенном бессилии верховной власти. А прибавьте к этому еще и полную вседозволенность прессы. Во многих газетах чуть ли не открытым текстом писалось о бездарных генералах и прямой измене, свившей себе прочное гнездо у трона Романовых. Будто бы всеми делами там заправляет не безвольный царь, а немка-царица в компании с разудалым хлыстом Гришкой Распутиным, около которых так и выются многочисленные иностранные шпионы. Мокнувшие в окопах и бросаемые в бесплодные кровопролитные атаки простые солдаты внимательно слушали подобные сплетни. В бой идти они пока не отказывались. Но только — пока.

Между тем, пока Степан мок и мерз в окопах, лейтенант Пиньоли, отнюдь не забывший своего боевого товарища, пусть и отправившегося на далекую родину, написал письмо в итальянскую миссию при Ставке русского Верховного главнокомандующего, обязанности коего, как известно, в конце 1915 года возложил на себя не кто иной, как император и самодержец всероссийский Николай II. Да и в самой итальянской миссии произошли серьезные кадровые перестановки. Весной 1916 года прежнего представителя — полковника Марсенго — сменил другой полковник (позднее генерал-адъютант) граф Ромеи Лонгена. Русские офицеры, впрочем, памятуя о бессмертной трагедии Шекспира, звали его попросту Ромео.

Новый глава миссии и получил письмо Пиньоли, в котором тот просил установить точное местонахождение бывшего военнослужащего вспомогательных частей итальянской армии Степана Воинцева. Завязалась долгая и нудная переписка с различными армейскими, корпусными и дивизионными штабами. В конечном итоге Степана отыскали и в торжественной обстановке вручили ему письмо из Италии. И он даже успел написать растроганному лейтенанту обстоятельный ответ. Мол, жив, здоров, воюю — с приложением неперменных «кланяюсь» и «спешу сообщить». И завертелось.

Без сомнения, вся эта эпистолярная эпопея запомнилась и самому графу Ромеи. По крайней мере, он крепко держал ее в голове, когда 7 октября 1916 года в

сопровождении подполковника Ориго и капитана Альбертини прибыл в распоряжение 64-й пехотной дивизии 18-го армейского корпуса, входившего в состав 8-й армии русского Юго-Западного фронта.

Высокопоставленных визитеров встретил временно исполняющий обязанности начальника генерал-майор Андрей Евгеньевич Снесарев — будущий известный теоретик и геополитик с воронежскими корнями — родился в семье священника в селе Старая Калитва Острогожского уезда. Встреча прошла на самом высшем уровне (то есть выпито было немало!). Граф Ромеи изъявил желание посетить передовую линию, где и попал под обстрел на наблюдательном пункте, что привело темпераментного (и не вполне трезвого) итальянца в полный восторг. Дальнейший банкет, впрочем, решили продолжить в более безопасном месте.

64-я дивизия в то время занимала позиции в Лесистых Карпатах. Естественно, за столом речь просто не могла не зайти и о специфике ведения горной войны. Союзники на все лады расхваливали своих доблестных альпийских стрелков.

— Да, в нашей армии таких специализированных частей пока нет, — подытожил внимательно слушавший Снесарев — между прочим, окончивший с отличием физико-математический факультет Московского университета. — А иметь их было бы полезно. Не всегда же на равнине приходится воевать. Как сейчас, например. А наши гвардейские егеря только по плацу маршировать и привыкли. Какие уж там горы! Чего уж тогда о матушке-пехоте говорить? Ей и вовсе тяжело вато приходится. А ведь могли бы на штурм перевалов специальных горных стрелков послать. Но где их взять? Ведь, повторюсь, ни соответствующего опыта, ни подходящих инструкторов у нас не имеется.

— Ну, это дело поправимое, — пожал плечами Ромеи. — Особенно насчет опыта. У вас, по-моему, в 11-й армии служит один человек, успевший повоевать в Доломитовых Альпах вместе с нашими горными батальонами «Валь-Чизоне» и «Валь-Кордеволе».

— Из эмигрантов, что ли?

— Нет, обычный солдат. Попал в австрийский плен где-то здесь, в Карпатах, и был впоследствии освобожден нашими альпийцами после вступления Италии в войну. А потом вернулся домой.

— Хм, любопытно... — строго задумался Андрей Евгеньевич.

Снесарев полученную от итальянцев информацию хорошо запомнил, и она уже вскоре ему пригодилась.

Два дня спустя 64-я дивизия сменила соседнюю 78-ю на позициях в районе знаменитого «Орлиного гнезда» — узкого горного выступа, глубоко вдававшегося в расположение австрийских войск и позволявшего держать под постоянным обстрелом занятый противником город Кирлибаба. Гребень этот несколько высокопарно величали еще и «перстом, указующим на Вену». Чего уж поделать, любили наши военачальники громкие слова! Если же говорить серьезно, то «Орлиное гнездо» представляло собой очередной «Выступ Мартини». Только в больших масштабах. Естественно, как и в Доломитах, австрийцы не могли смириться с его существованием. Обложив выступ почти со всех сторон, они беспрерывно подвергали его артиллерийскому обстрелу. С остальными позициями дивизии «Орлиное гнездо» соединялось лишь посредством узкой скальной перемычки, поэтому постоянно существовала опасность полной изоляции находившегося там 2-го батальона 253-го Перекопского пехотного полка. Оттого и приравнялся он чуть ли не к гарнизону осажденной крепости!

Туда и решил направить генерал Снесарев затребованного по его срочному запросу нижнего чина Степана Воинцева. Пускай опытом делится, раз толк в горной войне знает!

Для того же вызов на новое место службы оказался совершенно неожиданным.

Только-только начал привыкать к очередным боевым товарищам — и тут *на тебе*. Но ничего не попишешь, солдат — существо подневольное: куда пошлют, туда и идет. Сборы тоже оказались недолгими. Да и какое имущество на войне? Вещмешок увязал, ложку за обмотку засунул — и готов. Скатку и ту по причине дождливой погоды носить не надо. Шинель и так пригодится.

От Смолявы до Бразы расстояние не столь и большое. Поэтому в расположении 253-го пехотного полка Степан очутился достаточно быстро. И опять попал, что называется, как пресловутый кур в пресловутые щи. Или в ощи. Тут уж кому как нравится.

19 октября после полудня австрийцы подвергли «Орлиное гнездо» сокрушительному артиллерийскому обстрелу. Сила огня была настолько велика, что двое солдат, не выдержав, сошли с ума. Даже Степан, уже побывавший в серьезных переделках и многое повидавший на войне, и тот было решил, что пришел его последний час. Пихты и ели, вырванные с корнем, подбрасывались вверх и приземлялись на собственные кроны. Кругом разлетались огромные камни и валуны, блиндажи и окопы ровнялись с землей. Оставалось лишь лежать, бессильно закрыв голову руками, сотрясаясь от близких разрывов и горячо шептать любые, пришедшие на ум молитвы. Казалось, что ничто живое не сможет уцелеть в этом аду. Тем не менее собственные потери 2-го батальона оказались на удивление невелики — всего двое убитых и пятнадцать раненых.

— Н-да, хорошо же здесь гостей встречают! — нашел в себе силы пошутить Степан, отряхивая всю засыпанную землей гимнастерку.

Еще более ожесточенную атаку гарнизону крепости довелось пережить 23 октября. Тут уж австрийцы одним обстрелом, начатым в восемь утра, не ограничились и ринулись на штурм. С превеликим трудом его удалось отбить, однако передовую линию окопов пришлось оставить. Все равно она в буквальном смысле слова была перепахана вражескими снарядами и завалена трупами — своими и чужими.

А австрийская канонада не стихала. Противник явно готовился к повторному натиску. Его артиллеристы предусмотрительно держали под губительным огнем вышеупомянутую перемычку, соединявшую «Орлиное гнездо» с дивизией, не давая перебросить по ней никаких подкреплений.

Вторая атака последовала в полдень, третья — в три часа. Она оказалась самой тяжелой. Штыковая докатилась почти до самого штаба батальона. Прикрывавшая его 8-я рота погибла почти вся, но позиций не оставила. Полуразрушенные окопы многократно переходили из рук в руки, и все же к вечеру остались за русскими. От усталости оставшиеся в живых защитники выступа еле держались на ногах. Людям требовался отдых, батальону — пополнение, а главное — необходимо было в спешном порядке расчистить и привести в порядок засыпанные землей окопы.

Контратака при поддержке заградительного огня дивизионной артиллерии состоялась на следующий день и сразу же принесла ощутимые плоды. Австрийцев, морально сломленных неудачными штурмами, удалось и вовсе отбросить подальше от «гнезда».

Не забывал своих подчиненных и генерал Снесарев. 20 и 26 октября он вместе с начальником штаба дивизии полковником Соллогубом лично посетил выступ, награждал отличившихся, побеседовал с солдатами. Недаром те сочинили о своем комдиве простую и несколько бесхитростную песню:

Пусть враги на скалах диких!
Нам не страшен пушек рев.
Ведь для подвигов великих
С нами вождь наш Снесарёв!

Поговорил он и со Степаном, однако быстро понял, что, кроме самых общих положений, тот ничего о службе на высокогорье не знает. Да и странно было бы ожидать иного от рядового солдата, простого подносчика снарядов! Невзирая на столь разочаровывающий результат, генерал по-прежнему имел на прикомандированного нижнего чина определенные виды. Тем более что в начале декабря подходил к концу срок временного исполнения Снесаревым обязанностей начальника 64-й пехотной дивизии.

Однако до этого его подчиненным предстояло провести еще одну боевую операцию. 15 ноября в 11.00 после артиллерийской подготовки они пошли на штурм высоты 1307, занятой противником. И вновь повторилась та же история: взять-то высоту взяли, но удержать не смогли. К тому же начал накрапывать мелкий дождь. Повторную атаку решили перенести на следующий день, заодно изменив и ее цели. Теперь дивизии предстояло штурмовать и непременно занять высоты 1318 и «Голый пуп». Примечательное название!

Утром 16 ноября слегка подморозило, и в воздухе после вчерашнего дождя повис густой туман. От промозглой сырости, словно разлитой повсюду, Степана бил постоянный озноб, казалось, пробиравший до самых костей. Стоя в окопе, он то и дело дул на красные, озябшие ладони, сдвинув винтовку к плечу или в сгиб локтя. Изо рта клубами вырывался пар. Ничего не изменилось и после сигнала ротного. Солдаты полезли на бруствер вяло, недружно, поминутно чертыхаясь и оскальзываясь на покрытых инеем камнях. От былой молодецкой удали не осталось и следа. Да и устали они порядком.

Поняв, что атака грозит провалиться, вперед устремился сам начальник штаба дивизии полковник Соллогуб. Однако его вскоре ранили в голову, и наступательный дух русских окончательно угас. Они вернулись в свои окопы, так и не сумев закрепиться на захваченном было «Голом пупе». Но он же — голый! Шутка, конечно. Если же говорить серьезно, то даже за столь невнятный результат генерал-майор Снесарев оказался удостоен очередного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия III степени. Офицерского Георгиевского креста, короче говоря. Солдатам же, по большому счету, кресты достались деревянные...

6

Между тем подошел к концу и срок временного исполнения генералом Снесаревым должности начальника 64-й пехотной дивизии. 9 декабря он сдал все дела своему преемнику, неделю спустя тепло распрощался с подчиненными и на следующий день выехал в Каменец-Подольск. Следовало подумать и о новом назначении. Впрочем, относительно него у генерала имелись кое-какие задумки. Оттого и взял он Степана с собой в Петроград.

В столицу империи оба (в компании еще и с генеральским денщиком Яшкой) они прибыли на поезде 23 декабря 1916 года. Первым делом Снесарев, разумеется, отдохнул в кругу семьи, которую уже не видел порядком времени, и лишь потом занялся своими служебными делами. Сказать по правде, после боев в Карпатах и бесед с представителями итальянской военной миссии у него окончательно оформилась идея о необходимости создания в русской армии специализированного горного подразделения. Для подкрепления своих доводов генерал и взял Степана с собой. В качестве своеобразного живого свидетеля, так сказать. Одновременно Снесарев рассчитывал, что создать, а затем и возглавить новое соединение поручат именно ему. Однако в Генштабе к данной затее отнеслись без особого восторга, ограничившись только расплывчатыми фразами, за которыми явно проступал решительный отказ.

Генералу-то что? Нет так нет. Взял под козырек и отправился домой, другого

назначения ждать. А Степану? Ясное дело, что ему придется в окопы возвращаться, но вот куда? В 7-ю пехотную дивизию или 64-ю? А может, лучше сразу в родную 14-ю? С котлового-то довольствия его везде пока сняли.

С такими невеселыми мыслями Воинцев и направился в местное воинское присутствие, невольно ощупывая в кармане сопроводительные бумаги, составленные генералом Снесаревым. И тут его неожиданно окликнули:

— Стефано! Руссо!

Обернувшись, Степан, к своему немалому изумлению, увидел приближавшегося к нему, широко раскинувшего руки Амфитеатрова.

— Узнал? — пророкотал Московский Фауст и оглушительно расхохотался. — Не зря же говорят, что только гора с горой не сходятся. А я, брат, тоже на Родину вернулся. Хотя в Италии и хорошо, а дома лучше. Ну а тебя какими судьбами в Питер занесло?

— Да вот за новым направлением иду.

И Степан в двух словах рассказал журналисту о своих приключениях.

— Тю! А ты что? Растерялся?

— Да не то чтобы... Просто не знаю, куда на этот раз служить пошлют.

— Ты, братец, главное, не спеши. Попробуем твоему горю помочь...

И Амфитеатров опять порадел. Еще в 1911 году, в бытность редактором и фактически руководителем журнала «Современник», он привлек к сотрудничеству, а потом и подружился с известным всей тогдашней читающей России поэтом Сашей Черным (в миру — Александром Гликбергом). Оба в определенной степени были близки к масонским кругам. Хотя почему, собственно, близки? Едва очутившись за границей, находившийся в оппозиции к царскому правительству Александр Амфитеатров не преминул вступить в парижскую ложу «Космос». Саша Черный стал масоном гораздо позднее. Тем не менее многие считают, что именно благодаря покровительству второго брата — наставника московской ложи «Возрождение» князя Оболенского — поэту удалось перевестись из штаба 5-й армии сначала в госпиталь дворцового ведомства в Гатчине, а затем и в расположенный во Пскове 18-й полевой запасный госпиталь. Там он исполнял обязанности палатного надзирателя. Водил Черный дружбу и с главным врачом госпиталя коллежским советником Држевецким. Так что совсем неудивительно, что свое очередное назначение Степан получил именно в Псков. «Тук-тук»! — как любили говаривать тогда «вольные каменщики».

К новому месту службы Воинцев прибыл в самый канун Рождественского сочельника. В госпитале ему сообщили, что ни главного врача, ни палатного надзирателя Гликберга здесь нет, однако подсказали адрес, по которому их можно было найти. Путь к незнакомому дому проходил вдоль скованной льдом реки Псковы. Врано потемневшем небе блистали яркие декабрьские звезды. Свистел холодный, пронизывающий ветер. Степан, поневоле замедлив шаг, даже залюбовался окружающей природой. Настоящая ночь накануне Рождества!

Дом «тети Вали» оказался довольно вместительным особняком. Едва войдя внутрь, предварительно обстучав снег с сапог, Степан сразу же услышал возбужденный гул множества голосов и увидел сваленную в передней целую кучу шуб и шапок. Осознав, что нечаянно нагрянул на самое натуральное торжество, солдат смутился и постарался было выйти вон. Однако хозяева и гости, по преимуществу фрондирующая интеллигенция, не позволили ему это сделать. Многие из них все еще исповедовали трогательную идею полного единения с простым народом. А тут такая оказия! Оттого представителя этого самого народа потянули сквозь зал, в котором возвышалась украшенная игрушками и сверкающими огнями елка, и усадили за накрытый традиционными рождественскими кушаньями стол. Главное место на нем занимали кутья с маком и узвар из сушеных груш. Хватало и

иных блюд и напитков. В том числе и запрещенного по случаю «сухого закона» вина. Так что обстановка за столом была веселой и непринужденной.

Поэт и по совместительству палатный надзиратель Саша Черный оказался худощавым, несколько нескладным человеком лет под сорок, с ироничным выражением лица и почти сплошь посеребренными ранней сединой висками. По-видимому, пребывал он в хорошем настроении. По крайней мере, много шутил и смеялся. Ну и охотно поддерживал разговор на самые возвышенные темы. Похуже, прошедшие два с половиной года страшной войны, так и не смогли до конца убить некоторых прекраснодушных мечтаний этого поэта. Вот и сейчас, хлопнув пару рюмок замечательной мадеры, он оседлал своего излюбленного конька.

— Вы знаете, как не избито это звучит, но надо нести искру просвещения в простой русский народ. Приобщать к искусству, литературе. Вот, например, у нас в госпитале священник отец Василий читает раненым Гоголя. И это просто замечательно! Но ведь одним Николаем Васильевичем наша литература отнюдь не ограничивается. Можно же и что-нибудь поактуальнее солдатам давать. Чехова там или Максима Горького. Вот вы на передовой о них хоть краем уха слышали? — заинтересованно обратился Черный к Степану.

— О ком? — чуть не поперхнулся узваром тот.

— Ну, о Чехове. Или о Максиме Горьком.

— Про первого, честно признаться, не слышал. А вот Максима Горького в окопах прекрасно знают. Здорово же нам от него достается!

— От кого? От Максима Горького?!

— Ну да. Так у нас разрыв шрапнели называется.

— Ой, молодцы! Складно придумали! — рассмеялся поэт. — Знал бы Алексей Максимович, как чтут его полемический талант на фронте! Раньше голоса писателей к набатному колоколу приравнивали, а теперь, получается, к артиллерийскому разрыву. Прогресс на месте не стоит!

— Какой еще Алексей Максимович?

— Ну, Пешков. Так его на самом деле зовут. А Максим Горький — это псевдоним.

— Понятно. Сложно все у вас тут...

— Где? В тылу?

— Да.

— Так и на передовой, по-моему, не легче. К войне-то как там у вас относятся? По-прежнему — «до победного конца»?

— Нет, — отрицательно мотнул головой несколько расслабившийся Степан. — Скажу вам, как на духу, ваша милость, заканчивать надо. Устал народ. Как бы чего не вышло.

— Вот-вот! — опять оживился Черный. — Я об этом давно говорю. К чему эта кровь, страдания? Взяли бы все да разом крикнули: «Не хотим больше воевать»!

— А как такое крикнешь? — криво усмехнулся Степан. — На это, чай, военно-полевой суд существует.

— Нет-нет! Вы меня не поняли. Я имею в виду всех, кто на фронте гибнет. И наших, и немцев, и австрийцев. Надо, чтобы они все разом крикнули! Одновременно. Тогда и войне конец придет.

— Звучит, конечно, хорошо, но явно несбыточно... — вздохнул Степан.

Сама пирушка закончилась только под утро. А потом опять потянулись обычные служебные будни. По ходатайству уведомленного Амфитеатровым Саши Черного зачислили Степана санитаром все в тот же 18-й полевой запасный госпиталь, занимавший помещение древних Поганкиных палат. Вообще во Пскове все словно дышало исконной русской стариной. А вот сама новая служба давалась Степану довольно непросто. Как выяснилось, он не мог спокойно смотреть на постоян-

ные страдания, пусть и совершенно незнакомых людей. Да и хороши обязанности для здорового мужика — подкладные судна из-под раненых вытягивать! Нет, этим пусть лучше недоучившиеся студенты занимаются! Которым на фронт до дрожи попасть не хочется! Оттого и старался Степан побольше на работы по хозяйственному снабжению напрашиваться: мясо, молоко и масло у окрестных крестьян получать, извозом заниматься.

Ситуация усугубилась 2 февраля, когда главного врача госпиталя доктора Држевецкого перевели в управление военных сообщений штаба Северного фронта. Сашу Черного тот вскоре тоже перетащил за собой. Степан остался в окружении почти чужих людей и поневоле затосковал.

Между тем в стране назревали серьезные события. Вскоре по воле случая в их эпицентре оказались и Псков с его окрестностями. К началу 1917 года династия Романовых перестала устраивать практически всех.

В 23.40 второго марта после прибытия в Псков посланцев Государственной Думы Шульгина и Гучкова Николай II подпишет Манифест об отречении, но не в пользу сына, а в пользу брата Михаила. На следующий день от престола откажется и тот. Династия пала...

Вскоре после революционных событий Степан наконец добился своего, подав прошение о переводе в действующую армию самому главнокомандующему войсками Северного фронта генерал-адъютанту Рузскому. Тот, впрочем, слушал его не очень внимательно. Оно и понятно. Ситуация в стране начала складываться не совсем так, как планировали включившиеся в заговор против императора военные. Если честно, то мыслили они слишком узкими категориями, оттого и оказались обведенными вокруг пальца своими недавними союзниками из числа либеральной интеллигенции, захватившими власть в феврале 1917 года. Вот те, напротив, в отличие от генералов, о политике думали постоянно и терпеть каких-либо сильных конкурентов отнюдь не собирались. Потому едва ли не первыми шагами новоявленного Временного правительства стал решительный слом всей прежней системы управления. В отставку отправились многие губернаторы и градоначальники. А вскоре за ними последовали и наиболее влиятельные и популярные командующие армиями и фронтами. Пример Наполеона Бонапарта, на гребне революции вышедшего из военной среды, а потом захватившего власть, был еще достаточно показателен для образованной части общества. Потому «думцы» и стремились не допустить ничего, даже близко подобного.

А тут еще этот непонятный Совет рабочих и солдатских депутатов, шустро возникший, чуть ли не одновременно с новым правительством. Именно ему принадлежала инициатива издания отменявшего всякое чинопочитание и тем самым сыгравшего роковую роль в жизни армии «Приказа №1». Дисциплина в частях начала стремительно падать. И хотя первоначально пресловутый приказ предназначался только для войск Петроградского гарнизона, в скором времени о нем узнала и вся армия. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кресло под генералом Рузским ощутимо зашаталось. В фигуральном смысле слова, разумеется. Немудрено поэтому, что слушал он Степана весьма поверхностно. И лишь после ухода солдата Рузский словно встрепенулся и спросил у своего начальника штаба генерала Данилова (Черного):

- А чего он, собственно, хотел?
- Вернуться на фронт, Николай Владимирович.
- Похвальное желание! А в какую часть? Я, признаюсь, о своем думал.
- На Юго-Западный фронт, это я точно запомнил. А вот насчет части...

Надо сказать, что Степан, на свою голову, упомянул о наличии в 14-й пехотной дивизии, помимо 1-й пехотной, еще и 2-й гренадерской бригады. В которую, соб-

ственно, и входил его 56-й пехотный Житомирский полк. И вот сейчас оба генерала, пребывавшие уже в летах, с трудом припоминали об этом.

— По-моему, он просился в какую-то гренадерскую дивизию, — наконец, твердо произнес Данилов.

— Да? А какие у нас есть на Юго-Западном фронте?

— 3-я гренадерская! В 25-м армейском корпусе.

— Вот туда его и пошлем! Пишите предписание...

Так Степан нежданно-негаданно очутился в рядах 9-го гренадерского Сибирского генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полка. Упомянутое шефство, впрочем, довольно скоро было снято. Давали знать о себе новые, революционные веяния. На фронте стояло относительно затишье. Расквартированный на территории Луцкого уезда Волынской губернии полк занимался рутинными работами по укреплению и дальнейшему обустройству собственных позиций. Поскольку подоспела ранняя весна с ее бурным таянием снегов, то из окопов и ходов сообщения постоянно приходилось откачивать воду. Солдаты ходили в ватниках, заляпанных грязью сапогах и лихо заломленных папахах. Дисциплина еще поддерживалась, пусть и не надлежащем уровне. По крайней мере, командование полка было вынуждено периодически напоминать солдатам о соблюдении самых простейших гигиенических требований и так далее.

В 1917 году Пасха пришлась на 3 апреля. Как и в прежнее время, солдаты любовно выстроили из еловых ветвей полевую церковь. Образ Спасителя для нее написал прапорщик Нечаев. Однако вместо привычной аббревиатуры БЦХ (Боже, царя храни) повсюду виднелись надписи типа «Свободные граждане». Да и музыканты полкового оркестра выступали теперь не иначе, как под красными знаменами. Пробудилась Русь!

После заутрени, отслуженной полковым священником отцом Константином Богоявленским, состоялось разговение. Прямо на земле расстелили брезент, на котором расставили ящики и лукошки с крашеными яйцами, разложили присланные из тыла палки чайной колбасы, а добровольцы из солдат принялись сноровисто резать на куски большие, пятифунтовые куличи. Не обошлось и без традиционных развлечений. Под звуки разухабистой «ливенки» и всевозможных дудок и сопелок в команде связи отплясывали лихую «Камаринскую» и распевали наскоро сочиненные частушки. Чуть поодаль разносились звуки едва толком разученной «Марсельезы». В общем, у всех кружилась голова!

Попеременно, то откусывая от солидного ломтя кулича с зажаристой корочкой, то прихлебывая из железной кружки выданное по особому случаю мутноватое молодое вино, Степан вспоминал все праздники, которые ему довелось пережить на войне. Начать, пожалуй, можно с Нового года. Особенно — первого, из военных. В декабре 1914 года 14-я пехотная дивизия, в которой он тогда проходил службу, стояла в заснеженных Карпатах. Неожиданно в ночь с 19 на 20 декабря со стороны австрийских позиций донеслись возгласы радости, в небо взлетели десятки осветительных ракет. Потом загрохотала артиллерия. Впрочем, вопреки ожиданию, палила она тоже в воздух. Недоумение русских длилось до тех пор, пока один из «образованных» не вспомнил:

— Так ведь сегодня австрияки Новый год празднуют! Сильвестр, по-ихнему!

Действительно, австрийские немцы, чехи, хорваты, да и венгры тоже праздновали Новый год по григорианскому календарю. От принятого в России юлианского, в двадцатом веке, он отличался на тринадцать дней. Однако в армии империи Габсбургов служили еще и униаты или греко-католики, такие как русины, гуцулы или румыны. Вот у тех как раз Святки совпадали с православными. Поэтому вплоть до Крещения на фронте установилось затишье. Обе стороны чистили бес-

прерывно сыпавший снег, занимались укреплением стен блиндажей и окопов. Ну и праздновали, само собой!

Вообще, весна 1917 года запомнилась многим ощущением сплошного праздника. Сколько впереди было надежд и ожиданий! Большие и малые торжества и памятные даты, казалось, шли бесконечной чередой. Вслед за Светлым Христовым Воскресением на горизонте явственно замаячил Первомайский праздник трудового народа. Впервые в бывшей империи Романовых его готовились отметить на государственном уровне.

В полосе Особой армии основные праздничные мероприятия состоялись в уездном Луцке. Довелось побывать на них вместе с делегацией от полка и Степану. Впервые очутившись на Замковой площади, он едва не оглох от грохота многочисленных духовых оркестров и разноголосого гула огромной человеческой толпы. В глазах буквально рябило от обилия красного цвета. Всевозможные банты, знамена и транспаранты реяли над головами. Увы, но корень будущих разногласий, похоже, закладывался уже здесь. Начертанные крупными буквами лозунги словно спорили друг с другом: «Война до победного конца!» и «Долой войну!», «Вся власть Советам!» и «Да здравствует Временное правительство!» И наконец венчавшее все: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

С площади толпа солдат в пятнадцать-двадцать тысяч человек переместилась на лагерное поле. Никаких заранее подготовленных трибун не было. Все желающие выступали прямо с телег или открытых кузовов грузовиков. Собравшиеся то и дело взрывались аплодисментами. Причем хлопали всем. Лишь бы говорили побойчее да обильно уснащали свою речь звонкими «р-р-революционными» фразами.

Между тем одно только это являлось первым тревожным симптомом грядущего развала армии. Весной Юго-Западный фронт начал готовиться к проведению запланированного еще в конце прошлого года летнего наступления. По всем прикидкам состояться оно должно было в июне. Однако почти сразу выяснилось, что теперь войскам уже недостаточно просто приказать. Их требовалось еще и уговорить! Потому и зачастили в действующую армию всевозможные высокопоставленные визитеры во главе с самим Главнокомандующим Керенским, немедля иронично прозванным «Главноуговаривающим».

Солдатики, расстегнув крючки шинелей, слушали да мотали себе на ус. Наступать-то они, в конечном итоге, вроде бы согласились. Но это решение было принято в безопасном тылу и не под гром немецких пушек...

7

По сравнению со своими соседями к лету 1917 года Румынский фронт еще сохранял некоторую боеспособность. Обуславливалось это, прежде всего, тем, что пребывал он в относительной изоляции от остальной армии с ее революционными веяниями. Да и номинальное командование здесь осуществлял румынский король Фердинанд. Входили в состав фронта и остатки разбитых и заново переформированных румынских войск, лишь при помощи русских сумевших закрепиться на жалком клочке собственной территории. Тем не менее, постоянно поддерживаемые французами король Фердинанд и его генералы еще пытались, образно выражаясь, «качать права» и отстаивать собственное мнение. В конечном итоге, по их настойчивым требованиям Румынский фронт должен был перейти в решительное наступление на реке Нижний Серет с целью отвоевания утраченной Валахии. Реальный командующий — генерал Щербачев — с этими планами согласился, сделав основную ставку на подвергнувшуюся меньшему развалу артиллерию. Остальные войска пришлось в прямом смысле слова уговаривать. Так, например, 6-я

армия лишь после долгих и зажигательных речей согласилась, наконец, участвовать в наступлении.

Артиллерийская подготовка началась 9 июля. Два дня спустя в атаку пошли 2-я румынская и 4-я русская армии. Поначалу им даже сопутствовал некоторый успех. Однако вмешались обстоятельства иного порядка. Наступавший правее, вконец распропагандированный Юго-Западный фронт, сначала замедлил свое продвижение, а потом и вовсе рухнул под напором немецких и австро-венгерских войск. «Самая свободная армия в мире» превратилась в зараженное паническими слухами дезорганизованное стадо. О каком-либо планомерном отступлении не могло идти и речи. Солдаты попросту побежали с боевых позиций.

В таких условиях совсем потерявший голову председатель Совета министров Временного правительства Керенский своей телеграммой приказал остановить всякие наступательные действия. В том числе и на Румынском фронте. Тщетно начальник штаба и командующий пытались скрыть ее содержание от вверенных им войск. Посредством солдатских комитетов приказание Керенского быстро распространилось среди всех русских частей. И они незамедлительно отказались сражаться. Румыны продолжили наступление в одиночку. Но о прежних масштабах, разумеется, теперь можно было только мечтать.

Буквально накануне столь грозных событий Степан и прибыл в свою «родную» 14-ю пехотную дивизию. Встреча, откровенно говоря, оказалась невеселой. Почти никого из прежних боевых товарищей он уже не застал. Да и странно было бы ожидать иного. Как-никак три года войны отгремело. И какой войны! Разбросала судьба людей по белу свету. Кто убит, кто ранен, кто в плен угодил, а кто и попросту дезертировал.

В этих боях неуклонно растущее число раненых пополнил и Степан. Не успел он, перекрестившись, вылезти из окопа для отражения очередной немецкой атаки, как тотчас потерял сознание от разорвавшегося неподалеку снаряда. Осколками посеколо правое бедро и сжимавшую винтовку руку. На счастье Степана, все кости и крупные сосуды остались целы.

После выписки из госпиталя он наконец побывал в родных краях. Пусть и в самом конце войны. Ко времени его прибытия в Воронеж 5-й запасный пулеметный полк являлся самым крупным воинским подразделением из числа расквартированных в городе. История его возникновения довольно любопытна. К лету 1917 года в Воронеже находились 58-й и 59-й пехотные запасные полки, составлявшие основное ядро 8-й пехотной запасной бригады. Оба они стремительно левели, представляя собой самую благоприятную почву для всевозможной пацифистской агитации партии большевиков. Однако после известных июльских событий, когда Временное правительство сумело ненадолго вспомнить о своих прямых обязанностях и показать, «кто в доме хозяин», 58-й полк в полном составе удалось отправить на фронт. Располагавшийся же в Чижовских казармах, на тогдашней окраине Воронежа, 59-й полк, подвергнув серьезной чистке, решили и вовсе переформировать в 5-й пулеметный запасный. Но тут, что называется, хотели как лучше, а получилось — сами знаете, как. Взамен отправленных на фронт наиболее революционизированных солдат на пополнение новой части прислали пулеметчиков из тыловых сибирских гарнизонов. Оказалось, впрочем, что они заражены большевизмом еще в большей степени! Сменили, получается, шило на мыло...

Разумеется, очередное пребывание Степана в запасном полку разительно отличалось от того, что было в начале, да и в середине войны. Во-первых, буквально на глазах падала дисциплина, достигнув, пожалуй, своего низшего предела. На занятия никто не ходил. Вместо этого солдаты либо массово посещали всевозможные митинги, либо попросту шарились по городу в поисках каких-никаких при-

работков. Последнее было далеко не лишним, поскольку и с продовольственным снабжением дело в полку обстояло весьма туго. Зачастую приходилось довольствоваться простой чечевичной похлебкой. Хорошо еще если из дома кому-нибудь присылали немного сала! Помимо случайных заработков и мелочной торговли, многие из солдат, особенно старших возрастов, настойчиво просились в отпуск на время полевых работ. В самом деле, на носу жатва, а в деревнях одни бабы, старики да дети малые! Однако соответствующее прошение ратников ополчения из пеших дружин командование гарнизона оставило без ответа.

Это и ему подобные решения в еще большей степени усиливали рознь, возникшую между рядовым и офицерским составом. Дошло до того, что многие командиры неделями не появлялись в своих частях! И высшие, и низшие чины фактически образовали некие замкнутые клубы «по интересам». Никто тогда и не подумал о том, что незнание настроений солдатской массы вполне может оказаться фатальным для всей верховной власти. Зато это прекрасно понимали агитаторы различных политических партий, всячески старавшиеся заручиться поддержкой многотысячного гарнизона города. Как правило, основные митинги проводились в Доме народных организаций. Так несколько выпендренно стал называться бывший губернаторский особняк, после февральской революции реквизированный под нужды Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Ходил слушать выступления местных и заезжих говорунов и Степан. Да не один, а построившись повзводно, вместе с товарищами из своей и остальных рот полка! Поначалу с непривычки у него просто шла кругом голова. Да и к тому же многие из выступающих говорили слишком сложно, совершенно не учитывая уровень образования солдатской массы. Особенно часто подобным грешили представители кадетов (конституционных демократов). Хотя с другой стороны, они особо и не стремились заигрывать с «чернью», позиционируя себя, в первую очередь, как партию профессоров и адвокатов. О робкой пропаганде монархистов нечего и говорить. Их престиж после отречения Николая II упал очень низко. Гораздо большей благосклонностью среди солдат пользовались партии левых взглядов. Но и тут требовалось известное время, чтобы понять, кто куда клонит. Меншевики упирали на солидарность с европейскими социал-демократами, «священной коровой» эсеров был крестьянский вопрос, большевики с придыханием вещали о пролетариате. Но не только.

Из всех вышеперечисленных, пожалуй, именно последователи Ленина были самыми цепкими и к тому же беспринципными. Они первыми поняли, что для захвата власти все средства хороши, и начали говорить с народом простым и понятным языком. Никаких реформ, платформ, Учредительного собрания! «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам!» И все. Точка. Казалось бы, что может быть проще? В подробности никто не вдавался. Лидеры большевиков цинично понимали, что наобещать можно чего угодно. Главное — взять власть. А там разберемся. И в этом было их главное отличие от своих недавних соратников меньшевиков. Те, будучи более образованной и интеллигентной частью социал-демократической партии, попали в ловушку европейского парламентаризма и, словно волки перед красными флажками, никак не могли поступиться принципами, завоеванными в феврале 1917 года. Большевики же действовали проще и грубее. Они не стеснялись кардинально менять правила игры, если это, в конечном итоге, приводило к выигрышу.

Показательной в подобном плане выглядела история с голосованием на заседании Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов. На нем фракция большевиков в связи с угрозой, исходившей от казачьих отрядов наказного атамана Войска Донского генерала Каледина, предложила создать Военно-революционный комитет. Причем состав его трактовался весьма узко. В комитет предполагалось

включить по два представителя от эсеров и большевиков и по одному — от левых эсеров и железнодорожников. Естественно, что остальные социал-демократы не могли согласиться с таким ущемлением их прав. В противовес большевикам, правые эсеры и меньшевики выдвинули идею создания более расширенного органа — Комитета общественной безопасности. После бурных прений, оба предложения были поставлены на голосование. И пусть с незначительным перевесом, но победил проект эсеров-меньшевистской коалиции. Тогда большевики ничтоже сумняшеся объявили решение Совета контрреволюционным и оставили за собой право не подчиниться ему. И свой комитет все равно создали. То есть, если на заседании Совета проходит большевистская резолюция, то хорошо, а если нет — так долой его!

Об Октябрьском перевороте в столицах, впоследствии переименованном в социалистическую революцию, в Воронеже стало известно лишь три дня спустя, преимущественно из газет, поскольку местный Союз почтово-телеграфных работников находился под сильным влиянием меньшевиков и эсеров и потому старался не давать в руки своих политических противников столь серьезного козыря. Однако долго замалчивать правду о событиях в Петрограде и Москве не получилось. Получив достоверные известия о революции, местные сторонники Ленина тоже активизировались. Вечером 29 октября в Доме народных организаций состоялось экстренное собрание военной организации большевиков. На нем был поднят вопрос о возможном вооруженном захвате власти и в Воронеже. Однако не дремала и противоположная сторона. По иронии судьбы, права свергнутого Верховного «главноуправляющего» Керенского, заслужившего всеобщее презрение в армейской среде, собрались защищать именно представители высших военных чинов города — начальник 8-й пехотной запасной бригады полковник Вознесенский и командир 5-го пулеметного запасного полка полковник Языков. Но опереться им, за исключением немногочисленных офицеров гарнизона, было не на кого. Тогда 29 октября по распоряжению Вознесенского в город прибыл кавалерийский эскадрон размещенного в Лисках 4-го кавалерийского запасного полка. И вечером того же дня удалось разоружить и состоявшую из пожилых ратников ополчения 682-ю пешую дружину. Но на этом успехи защитников Временного правительства и закончились.

Противостоял же им целиком 5-й запасный пулеметный полк. Всю ночь в его расположении кипела лихорадочная работа. Набивались ленты, раздавалось оружие, снаряжались полевые кухни и санитарные двуколки. Поскольку практически все офицеры исчезли из казарм и примкнули к организации Языкова и Вознесенского, то всеми делами в полку заправлял комиссар ревкома большевик Шалаев. По его приказу готовились сразу несколько отрядов для захвата вокзала, почты, телеграфа, а также штаба 8-й пехотной запасной бригады.

Разумеется, шила в мешке утаить не удалось. Полковник Языков, узнав о готовившемся его подчиненными вооруженном выступлении, утром 30 октября дважды звонил в полк с требованием оставаться в казармах и не предпринимать никаких противоправных действий. Однако все его приказания прозвучали лишь гласом вопиющего в пустыне. Да и странно было бы ожидать иного от части, где офицеры общаются с рядовыми лишь посредством телефонной связи! Слишком прочной оказалась стена, отделявшая их от нижних чинов.

В 8.30, когда скрывать дальнейшие намерения было уже бессмысленно, вооруженный отряд в полторы тысячи человек двинулся по дороге, ведущей в город со стороны Чижовки. Стояло тусклое октябрьское утро. Над землей стелился редкий предрассветный туман. В числе рот, выделенных для захвата штаба бригады, шагал с винтовкой наперевес и Степан. Поддерживал ли он платформу большевиков? Скорее да, чем нет. Слишком соблазнительно для вчерашнего крестьянина звучал их лозунг «Земля — крестьянам» и особенно «Мир — народам»! После бо-

лее чем полугодовой агитации (не только большевистской) война для него давно потеряла всякий смысл. Да и к тому же Степан прекрасно видел, что порядка в стране нет, и втайне мечтал о приходе крепкого хозяина и возвращению к прежней, налаженной и упорядоченной жизни.

У штаба бригады пулеметчиков уже ждали. Однако силы были слишком неравны. Да и что могли поделать триста офицеров и кавалеристов против полутора тысяч? В память Степана впечатался лишь истерический, очевидно, от чувства собственного бессилия, выкрик Языкова:

— Пулеметный полк! Стой!

Никто и не думал останавливаться. Нервы у всех были напряжены до предела, и вскоре хлопнул первый выстрел. Неизвестно, кто его произвел, однако он послужил своеобразным сигналом. Разгорелась суматошная и беспорядочная перестрелка. Офицеры тотчас постарались укрыться в здании штаба, а пулеметчики залегли. Впрочем, продлилась баталия недолго. Стоявшие во дворе штаба кавалеристы решили, что с них хватит, и выбросили белый флаг. Без их поддержки сопротивление защитников прежней власти оказалось быстро сломлено. К тому же, пока длилась перестрелка, многие из офицеров благоразумно предпочли ретироваться через задние дворы. В их числе оказался и полковник Вознесенский. Впоследствии ему удалось пробраться на Дон, к атаману Каледину. Полковник же Языков, сопротивлявшийся до последнего, был убит на месте, как и еще четыре офицера и двое солдат.

Новоявленных противников после разоружения тогда еще предпочитали отпускать по домам. Арестовывали лишь немногих.

Захватив власть в Воронеже, равно как и в других российских городах, большевики в первые же дни столкнулись с проблемой массовой самодемобилизации армии. Отовсюду раздавались недовольные солдатские голоса: «Обещали “мир — народам”, вот и нечего! Повоевали! Будя! Отпускайте по домам!» Напрасно лидеры ревкомов и полковых комитетов драли горло об опасности контрреволюционного и буржуазного окружения. Никто их слушать не желал. По домам — и basta! И тогда кто-то подал идею отправить делегацию в Петроград. Если уж не к самому Ленину, то к другим вождам. Мол, пускай они и объяснят, какой линии придерживаться в дальнейшем. Распускать ли армию полностью или подождать? Да и остальными инструкциями по текущему моменту заpastись было бы полезно. Официально, в число «ходовых» было отобрано три человека. По одному от большевиков, левых эсеров и беспартийных. Однако анархия в полку оказалась настолько велика, что наряду с ними в столицу отправились и несколько «сопровождающих». С самыми различными целями. Поехал в Питер и Степан. Просто так, от чистого любопытства. Хотелось хоть одним глазком на новое правительство взглянуть. Что это за люди, которые ни царя, ни Керенского в грош не ставят? Да и скучно просто так, без дела, в полку сидеть. Все равно ведь домой не отпускают!

В Петроград воронежская делегация прибыла 12 ноября 1917 года. В былом державном граде еще не улеглись недавние разброд и шатания. В прокуренных и заплеванных подсолнечной шелухой коридорах бывшего Смольного института благородных девиц толклось множество народа. Зачастую в одном кабинете находились по два-три наркомата новорожденной республики Советов. Первоначально воронежцев принял один из руководителей Военной коллегии Константин Мехоношин. Впоследствии сюда же подошел и Николай Подвойский. Последний одно время вообще позиционировал себя в качестве фактического главы Наркомвоена (Народного комиссариата по военным делам).

И для Мехоношина, и для Подвойского стало приятной неожиданностью то, что в Воронеже также произошел инспирированный большевиками вооруженный переворот.

— Очень хорошо! — потирая руки, воскликнул Подвойский. — Значит, массы на нашей стороне! А вы не могли бы написать об этом статью для петроградских газет?

— Что ж, написать можно, — пожал плечами представитель делегации от партии большевиков, бывший оружейный мастер 5-го пулеметного запасного полка Бакулин. — А с демобилизацией как? Что людям-то говорить?

— Вопрос этот чрезвычайно сложный, — вмешался в разговор Мехоношин. — Постарайтесь удержать солдат от самовольных уходов домой. Немцы ведь мир пока еще не подписали. Всякое может случиться.

— Как же их удерживать?! Разве только силой оружия? Да и то, чай, не старая власть!

— Ну, не знаю. Уговаривайте. Пайки продуктовые обещайте. Призывайте еще немного потерпеть, до окончательной победы над контрреволюцией. Вам же с Дона может Каледин угрожать! Вот на это и упирайте.

Дальше беседа пошла в гораздо менее напряженном ключе. Между прочим, Бакулин представил обоим руководителям Наркомвоена Степана, как Итальянца. Именно такое прозвище Воинцев заработал за короткое время пребывания в полку. И тут же пояснил историю его возникновения.

— Вот как? Интересно, — совсем по-иному взглянул на Степана Подвойский. — Так значит, были в Италии и во Франции? И язык знаете?

— Только итальянский. И то немного, — смутился столь пристальному вниманию солдат.

— Это не страшно. Ценно еще и то, что вы и опыт военный имеете. А такие люди нам нужны! Не все же на бывших царских специалистов опираться! Надо и собственные кадры растить. Поэтому я и приглашаю вас перейти на службу к нам, в Питер.

— Да я, право, не знаю. Как-то все неожиданно...

— Тыфу, дурной! Чего теряешься? — толкнул Воинцева в бок Бакулин. — Что ты в своей Украинской Буйловке забыл? А тут вон какие возможности!

— В самом деле, батенька, соглашайтесь, — подражая Ленину, мягко произнес Подвойский. — В стране, похоже, тяжелые времена наступают. А у нас твердая и гарантированная оплата, пайки, квартиры. Да и навыки ваши, смею надеяться, в будущем должны пригодиться. Поскольку с союзниками бывшими мы связи окончательно терять не намереваемся. Пока, по крайней мере. Авось и вас удастся в переговорах с итальянской миссией с какого-либо боку задействовать.

И Степан согласился.

Сразу же после получения первых известий о начавшихся в Брест-Литовске мирных переговорах между правительствами Советской России и Германской империи все посольства прежних союзных держав по Антанте приняли незамедлительное решение покинуть Петроград и через Вологду и Архангельск выбираться в себе на родину. Официальной причиной для этого стало опасение возможного немецкого плена. Ведь тогда еще никто не мог точно сказать, где остановится стремительно продвигавшаяся вперед германская армия. И станет ли она соблюдать зыбкую демаркационную линию или двинется еще дальше, оккупировав, в конечном итоге, не только Петроград, но еще и Москву? Подобный вариант рассматривался весьма серьезно. Причем, на самом высоком уровне. Недаром в среде большевистских лидеров раздавались отдельные голоса о переносе столицы и вовсе в Нижний Новгород! Мол, туда немцы точно не дойдут. Войск не хватит!

28 февраля 1918 года после долгих консультаций и переговоров с Совнаркомом

и собственными правительствами из Петрограда выехали представители британских, французских, итальянских, бельгийских, сербских, греческих и португальских посольств и военных миссий.

Этим поводом и решили воспользоваться сотрудники недавно созданной ВЧК, в чью задачу, помимо собственно карательных, входили также и разведывательные, и контрразведывательные функции.

По распоряжению чуть ли не самого товарища Дзержинского, Степан, еще не успевший толком обжиться в Питере, был незамедлительно прикреплен к красноармейскому отряду, предназначавшемуся для охраны итальянской (равно как и прочих) военной миссии. Свои глаза в чужой епархии, знаете ли, не помешают! Сыграло свою роль, несомненно, и относительное знание Степаном итальянского языка.

Тем не менее путь на север не обошелся без некоторых приключений. Да и странно было бы ожидать иного от того поистине безумного времени! Первоначально эшелон с союзниками намеревался пересечь территорию Финляндии, ранее, как уже говорилось, входившую в состав Российской империи. Но это, увы, это оказалось невозможно. В самой Финляндии уже вовсю полыхала собственная гражданская война. Красные финны сражались с белыми. Последние при этом охотно прибегали к помощи не только отдельных немецких инструкторов, но и целых воинских подразделений. В таких условиях для союзных представителей гипотетический германский плен легко мог превратиться в реальный.

Лишь после нудных и нервных переговоров финны, наконец, согласились пропустить поезд через Сортавалу на Петрозаводск, откуда он попал на Тихвин-Череповецкую ветку, по которой и прибыл в последних числах марта в Вологду. Началось четырехмесячное посольское «сидение». Поскольку Вологда всеми рассматривалась исключительно как временное пристанище, то представители Антанты даже и не пытались подыскать подходящие помещения в городе и жили прямо в вагонах, постепенно обрастая нехитрым житейским скарбом. Питались они преимущественно консервами, что по условиям тогдашнего голодного времени считалось вполне сносной пищей. Не бедствовали и поставленные на довольствие к дипломатам красноармейцы. Так что Степану, можно сказать, повезло с новым местом службы.

Донимало только одно — скука. Очень уж томительно тянулись долгие северные вечера. Ничего особенного в Вологде не случалось. От грохотавших в стране событий сюда докатывались лишь слабые отголоски. Некоторое разнообразие вносило входящее в негласное задание наблюдение за жизнью посольской колонии. Довольно скоро дипломаты разделились на два совершенно противоположных по своим взглядам лагеря. Наиболее ярким представителем одного из них был французский посол Жозеф Нуланс. Он ратовал за немедленную союзную интервенцию, свержение засевших в Кремле «узурпаторов» и продолжение войны с Германией. Американский же посол Дэвид Френсис поначалу решительно высказывался против всякого вмешательства во внутренние дела Советской России. Другие посланники, исходя из собственных предпочтений (и тайных инструкций своих правительств, разумеется), примыкали либо к той, либо к иной стороне.

Понемногу налаживался и быт. 19 апреля по предложению городского головы Александра французское посольство переехало с вокзала в особняк на улице Екатерининско-Дворянской. Итальянская миссия разместилась в доме Никуличева на углу Козленской и Галкинской улиц, английское вице-консульство — в доме Дружинина. Американское же посольство, прибывшее еще раньше и на другом поезде, квартировало в роскошном особняке Пузан-Пузыревского. Помимо улучшения бытовых условий, иностранные дипломаты могли гораздо спокойнее чувствовать себя и в ином плане. Еще 6 марта 1918 года с борта английского лин-

кора «Глори» в Мурманске высадился первый отряд из ста пятидесяти морских пехотинцев с двумя орудиями. Делалось это под предлогом охраны военного имущества, поставленного союзниками и с целью недопущения захвата его немцами. Днем позже к «Глори» присоединился английский же крейсер «Кокрэн», а 18 марта — и французский «Адмирал Об». Теперь союзники могли переходить к решительным действиям.

3 апреля в Вологде состоялась конференция с участием послов США, Италии и Франции совместно с главами миссий, военными атташе и капитаном английской армии Гарстином. На ней было принято принципиальное решение о необходимости японской интервенции на Дальнем Востоке. Против высказался лишь уже упомянутый посол США Френсис. Но здесь он, очевидно, ратовал скорее за интересы своей державы в данном регионе. Согласились союзники и с дальнейшим расширением интервенции на Севере.

Вместе с тем весьма любопытные события развивались и далеко за пределами России. Вскоре после Октябрьского переворота представители русской военной миссии в Италии прервали всякие отношения с Генеральным штабом, вставшим на путь сотрудничества с большевиками. Да и после заключения Брестского мира в дальнейшей их работе при Главной итальянской квартире не было никакого смысла. 1 марта 1918 года миссия покинула Падую, а ее бывшие сотрудники занялись устройством своей дальнейшей карьеры. На родину из них пока никто не возвращался не собирався. Прежний военный агент полковник Энкель еще 28 февраля добился перевода в сербскую армию, а назначенный уже Временным правительством новый представитель генерал Миллер принялся ратовать за скорейшее создание в Италии «Союза возрождения России в единении с союзниками».

Данный факт не мог не встревожить Советское правительство. Появление еще одного контрреволюционного заграничного центра было ему совсем ни к чему. Вот тогда в Совнарком и вспомнили о недавно назначенном на должность начальника штаба бывшей Ставки Верховного Главнокомандующего генерале Бонч-Бруевиче, кстати говоря, брате ближайшего сподвижника Ленина. Чем не лучшая рекомендация? Ему и поручили настоятельно разобраться в том, что сейчас происходит в Италии. Задание, только на первый взгляд кажущееся простым. Дело в том, что у генерала попросту не было надежных сотрудников для отправки на Апеннинский полуостров. Офицера, пусть и согласившегося сотрудничать с большевиками, не каждого пошлешь. Вдруг да и перебежит к тому же генералу Миллеру? Бывали уже прецеденты. В лояльности же профессиональных революционеров, еще до войны многократно поездивших по Европе, напротив, никто не сомневался. Но в военном деле они были откровенными профанами. Да и состояли на учете, несомненно, если не в иностранной контрразведке, так в тайной полиции.

При таком раскладе появление Степана для Бонч-Бруевича было настоящим подарком судьбы. О его существовании генералу подсказал вездесущий Подвойский, хоть и частенько ругавшийся со «старорежимным» военспецом, однако готовый иногда для пользы дела поступиться принципами.

И Бонч-Бруевич срочно затребовал Воинцева к себе. Кандидатура была и впрямь со всех сторон подходящая. Воевал на Итальянском фронте, достаточно знает язык, награжден «Бронзовой медалью за военную доблесть» (за «Выступ Мартины»). Опять же — не офицер. Политике большевиков сочувствует. Чем не агент? Дело оставалось за малым — уговорить. Или заставить. На последнее генерал рассчитывал больше, психологически верно угадывая внутренний пиетет вчерашнего нижнего чина перед ним — «Его Превосходительством»! Так оно и вышло. Пропали надежды Степана на скорую мирную жизнь после демобилизации. Да и, если честно, кто особо интересуется личным мнением простого винтика государственной машины? Надо — и все тут! Нечего рассусоливать!

Для Степана же предложение вернуться обратно в Италию прозвучало словно гром среди ясного неба.

— Как же я снова туда попаду? — удивленно спросил он.

— Ну, это дело нехитрое! — подбодрил солдата генерал. — Обратишься к представителю итальянской миссии. Делла Торретта, по-моему, его зовут?

— Так точно. Пьетро Томази делла Торретта. Маркиз!

— Вот. И заявишь, что хотел бы повидать старых боевых товарищей. Ну и приложить посильно руку к полному разгрому австрийских оккупантов. Тебе, как обладателю их почетной боевой награды, отказать, думаю, не должны. Только, смотри, сразу в армию не просись! А то зачислят рядовым, и пиши — пропало! Много не сможешь узнать. Лучше постарайся держаться при войсках. Если, конечно, получится. Мы, то есть старые генштабисты, постараемся дать тебе соответствующие рекомендации. Что ты отпускаешься в Италию в качестве представителя не большевиков, а нашей военной организации. Они же там спят и видят, когда нынешние военспецы наконец переворот против Совнаркома затеют! Так что не унывай! Примут тебя за границей, если не с распростертыми объятиями, но и не совсем плохо. Как первую весточку от организаторов грядущего антисоветского восстания! Да и что тебе в России сейчас делать? Опять в армии служить? Да-да, братец, не удивляйся. О мирной жизни на ближайшее время можешь смело позабыть. Вон сколько врагов у Советской власти объявилось. Значит, опять нам придется армию создавать. Красную...

Со стороны маркиза делла Торретта, как и предвидел Бонч-Бруевич, особых возражений не возникло. Он только порекомендовал Степану сразу нарядиться в итальянскую военную форму, нацепить на грудь медаль и поменьше разговаривать по-русски. Во избежание возможных негативных последствий. В Италии сейчас после заключения Брестского мира на каждого русского смотрят как на пораженца и агента большевиков. Могут и освистать. А тайная полиция и вовсе особое дело заведет. Так что лучше ему заблаговременно написать своему старому приятелю капитану (уже — капитану) Пиньоли для получения соответствующей рекомендации. Это явно не помешает. Ну и он, Торретта, тоже постарается дать самый благоприятный отзыв о стремящемся на фронт простом русском солдате. Как это трогательно и благородно!

Итальянская форма подходящего размера отыскалась в Романове-на-Мурмане. Туда как раз в придачу к англичанам и французам начали прибывать солдаты союзнического экспедиционного корпуса. А уже оттуда Степан отправился дальше морем — вокруг Скандинавии. «Господи, и занесла же нелегкая! — кристался он, приговаривая про себя, при виде исхлестанных ветром угрюмых гранитных скал норвежских фиордов. — Тут и без всякой войны ни за грош пропасть можно!»

Плавание, к огромному облегчению, закончилось в Кале. А впереди ждал Париж. Столица Франции, несмотря на нахождение в относительном тылу, кое-где серьезно пострадала от разрушительного действия дальнобойной немецкой артиллерии. Невзирая на это, город по-прежнему жил своей привычной жизнью. Если не считать, конечно, обилия солдат сразу нескольких армий мира, заполонивших его улицы. Кстати, здесь Степан впервые воочию увидел так много американских солдат в их гетрах и форменных широкополых шляпах. Соединенные Штаты подготовились к войне основательно. Переброшенная за океан их миллионная армия была снабжена всем необходимым. Вплоть до автофургонов с «Кока-колой»!

Другим, давно забытым зрелищем для Степана стала откровенно ласкающая взгляд картина повсеместной воинской дисциплины. Солдаты ходили опрятные, чистые. Не забывали своевременно отдавать честь встречавшимся по пути офицерам. После приключившейся в апреле 1917 года жуткой «бойни Нивеля» Фран-

ция тоже пережила полосу солдатских мятежей. Однако нигде они не достигли такого размаха, как в нашем родном отечестве.

Из Парижа поезд доставил Степана в Милан. В Италии к гостю из большевистской России поначалу отнеслись откровенно подозрительно. Однако наличие награды и безупречных рекомендаций постепенно сделали свое дело. Да и ходатайства Торретта и отыскавшегося на фронте Пиньоли пригодились. А тут Степан, не будь дураком, как бы между слов упомянул еще и имена Амфитеатрова и Саши Черного. В конечном итоге командование итальянской армии разрешило ему пребывание на передовой. Причем не отправило прямиком в боевые части, а прикомандировало к многочисленному корреспондентскому корпусу. Это давало определенные преимущества. Воинцев мог теперь выбирать, куда стоит поехать, а куда — нет. Что, собственно говоря, ему и надо было!

9

Между тем, вновь очутившись на итальянской земле, Степан первым делом приметил множество изменений. Да и линия фронта теперь проходила далеко в глубь страны от мест хорошо ему знакомых. В октябре прошлого 1917 года Италия тоже очутилась на краю пропасти, однако, в отличие от России, сумела устоять. Причины этому были все те же. И в первую очередь — усталость от самой войны. Если на русском фронте, помимо страшных поражений, случались и блистательные победы, подобные Галицийской битве, Брусиловскому прорыву или штурму Эрзерума, то в долине реки Изонцо изо дня в день, из месяца в месяц происходило одно и то же. А именно — бесплодные и кровопролитные атаки на заранее подготовленные австрийские укрепления. За два с половиной года здесь состоялось одиннадцать (!) итальянских наступлений, так и не приведших к положительному результату. Ничтожные территориальные успехи оплачивались многими тысячами человеческих жизней. Настоящая мясорубка!

Немудрено, что, в конечном итоге, моральный дух итальянской армии оказался сломленным, и когда на помощь к тоже порядком обескровленным австрийцам пришли гораздо лучше вооруженные и организованные немцы, то подданные короля Виктора-Эммануила III не выдержали и просто побежали. Грозивший перерасти в полную катастрофу прорыв фронта произошел 24 октября у местечка Капоретто. Итальянцы разом потеряли не только отвоеванные таким трудом километры чужой территории, но и порядком собственной земли. Лишь неимоверными усилиями, казалось, неудержимое продвижение немецких и австрийских войск удалось остановить на линии реки Пьяве и горной системы Граппа, за которой, собственно, и начиналась сама итальянская равнина.

Это сокрушительное поражение, по сути, стало лебединой песней прежнего Главнокомандующего генерала Луиджи Кадорны, с почетом отправленного в отставку. А ведь альпийские стрелки в свое время даже песню о нем сочинили: «И Кадорна послал сказать, что здесь, на границе, он нуждается в альпийцах, чтобы двинуться вперед». Но теперь все это осталось в прошлом. Новый Главнокомандующий — генерал Армандо Диаз — деятельно принялся наводить в армии порядок. Одним из предложенных им рецептов было широкое внедрение так называемых штурмовых отрядов «ардити», в которые отбирались только наиболее смелые и опытные солдаты. Идея, в принципе, далеко не новая. Впервые подобные отряды начали создавать немцы, в надежде выйти из сложившегося на Западном фронте тупика позиционной войны. Имелись они под названием ударных частей и в русской армии, на финальном этапе ее существования.

Результаты их деятельности Степан мог воочию наблюдать во время пресловутого «наступления Керенского». И хотя идея ударничества под влиянием паци-

фистской агитации большевиков и иных социалистических партий полностью себя дискредитировала, именно наличием ударных батальонов, шедших в авангарде донельзя распропагандированных полков и дивизий, русская армия обязана своими последними успехами в июне-июле 1917 года. А когда они почти в полном составе погибали, то и всякое наступление тотчас прекращалось.

В Италии же служить в частях «ардити» считалось почетным. Каждый штурмовик или «ардито» имел на вооружении карабин, двенадцать гранат, ножницы с длинными древками для резки колючей проволоки и специальный кинжал для ближнего боя в траншеях. Для защиты их практиковалось использование металлического нагрудника и особой модификации стандартной каски Адриана без полей. Степан и сам сполна смог в этом убедиться, поскольку почти сразу после прибытия на фронт оказался приписан к 9-му штурмовому батальону, впоследствии получившему почетное наименование «Кол-Мошин». Кстати, для него поистине неприятным сюрпризом стало известие об оставлении альпийскими стрелками обильно политых кровью позиций в Доломитовых Альпах. Произошло это в результате все того же злосчастного прорыва у Капоретто, когда возникла реальная угроза проникновения противника в тыл 4-й итальянской армии и полного ее окружения. И альпийцы были вынуждены с горечью отступить, хоть и не потерпели прямого поражения.

Теперь итальянская армия готовилась к отражению очередного наступления австро-венгерских войск. Сначала наступательный порыв австрийцев был еще очень высок. Но к вечеру у них начали заканчиваться боеприпасы и вода, а предстояло штурмовать еще третью линию итальянской обороны, оставшуюся не прованной. Противник же, почуяв ослабление наступательного порыва, сразу же после наступления темноты перешел в контратаку. Ведущую роль в ней играл 9-й штурмовой батальон «ардити». Вместе со всеми пошел вперед и Степан. Вот он-то как раз преспокойно мог остаться в тылу, однако совесть не позволила.

Расстреляв все боеприпасы, оставшиеся в живых двадцать шесть офицеров и двести пятьдесят рядовых выбросили белый флаг. При этом преобладавшие здесь русины неожиданно запели сложенную ими в годы войны грустную народную песню, в которой матери убитого в бою солдата предлагалось засеять песком голую скалу: «Когда тот песок житом взойдет, тогда твой сын с войны придет. Песок житом не всходит, нет сына, не приходит».

— О чем они поют, Стефано? — спросил Воинцева один из «ардито». — Ты же их язык вроде должен знать...

Степан в двух словах пересказал ему сюжет песни.

— Черт возьми, как это верно! — воскликнул итальянец, хлопнув себя по подмышку.

Сам же Степан со смешанным чувством смотрел на понуро стоявших пленных. Это же были украинцы того самого подразделения 85-го пехотного полка, товарищи которых захватили его в полон во время зимней Карпатской битвы 1915 года. Теперь роли, получается, поменялись...

После окончания сражения на фронте установилось относительное затишье. Пользуясь своим новым положением, Степан спокойно разъезжал по передовой, посещая различные воинские части. Такая жизнь понемногу начинала ему нравиться. В самом деле, военный корреспондент (или приравненное к нему лицо), в отличие от рядового окопника, — птица вольная. Нынче здесь, а завтра там. Никто его на одном месте не держит. Так и Степан. Да и чем ему еще было заниматься, скажите на милость? Первые робкие попытки, говоря на языке разведки, «внедриться» в окружение генерала Миллера ни к чему пока не привели. Пресловутый «Союз возрождения России» являлся организацией преимущественно офи-

церской, и простому нижнему чину, пусть и заслуженному (а Степан, помимо итальянской награды, имел еще и Георгиевскую медаль 4-й степени за Галицийскую битву и Георгиевский же крест за Брусиловский прорыв), было чрезвычайно трудно проникнуть в него. Не шибко важного полета птица! Да и сам генерал Миллер отличался крайней подозрительностью. В любом посланце новой большевистской России (да и к тому же, повторюсь, не офицере) он на первых порах видел только засланного казачка и мог допустить в свою организацию лишь после тщательной проверки. Поэтому Степан и решил пустить все, что называется, на самотек и вернуться к возобновлению попыток проникнуть в «Союз» не раньше, чем через два-три месяца.

В ночь с 8 на 9 июля Степан находился в расположении 69-го пехотного полка пехотной бригады «Анкана». Занимаемые ею окопы тянулись почти параллельно поросшему камышом берегу Пьяве. Чуть поодаль в излучине реки скорее угадывалась, чем просматривалась позиция тяжелых пулеметов. Над погруженной в ночную тьму землей стояла обманчивая тишина. Лишь кое-где постукивали редкие винтовочные выстрелы сторожевых постов, на которые бывалые солдаты привыкли не обращать ровно никакого внимания.

Но тут внезапно с австрийской стороны Пьяве гулко ухнул тяжелый миномет. Следом раздалась пулеметная очередь. Тотчас после этого на обоих берегах разом зажглись десятки искусно замаскированных прожекторов, и доселе спокойная ночь полетела в тартарары. Загрохотали пулеметы, затрещали винтовки и карабины.

— Что это? Атака?! — встревоженно спрашивали высыпавшие из укрытий солдаты.

Однако никто ничего толком не знал. Перестрелка, постепенно затихая, продолжалась до самого рассвета...

— Тененте Эрнесто ранило! — сказал, снимая каску, один из офицеров, поутру наведавшийся в штаб полка.

— Кого? Лейтенанта Эрнеста? — переспросил Степан и сразу же все понял.

Да и как можно было позабыть девятнадцатилетнего парнишку из числа американских добровольцев? Сначала лейтенант Эрнест Хемингуэй проходил службу в 4-м санитарном отряде Международного Красного Креста. Однако это юноше быстро наскучило, и он взял на себя обязанности еще и так называемого траншейного ассистента. Снабженца, если по-простому. Каждую ночь, когда выдавалась свободная минутка, Хемингуэй брал мотоцикл и развозил по передовой почту, шоколад, сигареты и так далее. Сверкая белозубой улыбкой, он словно олицетворял собой оптимистичный американский лозунг «Well All Right» («Все олл-райт!»).

— Тененте Эрнесто, война скоро кончится? — спрашивали ассистента солдаты, обступившие его мотоцикл.

— Конечно! — неизменно отвечал он. — Ведь Америка ввязалась в дело, парни! Теперь бошам точно не поздоровится! Мы побьем этих колбасников!

И мчался дальше.

— Мальчику захотелось поиграть в войну... — сказал кто-то, когда треск мотоциклетного мотора затих вдали.

— Брось! — примирительно отозвался другой голос. — Вспомни себя в его годы! Небось тоже на подвиги тянуло!

— Не надо сравнивать! Мы с тобой в окопах вшей кормим, а он на передовую, словно на курорт, приезжает!

— Ну что ж, надо и это кому-то делать. Вон Марио письмо от жены получил — и рад! Да и табачком мы поиздержались. Как тут без Эрнесто?

— А я слышал, — вмешался в разговор третий солдат, — будто у тененте зрение слабое. Вот и не взяли его в регулярные части. А он просился...

В минувшую ночь лейтенанту Хемингуэю тоже довелось хлебнуть солдатского лиха. Обстоятельства его ранения были отчасти глупыми, а отчасти до ужаса рутинными. За истекшие четыре года войны все уже успели привыкнуть к подобным нелепостям. По обыкновению, молодой ассистент привез в траншеи передовой линии очередную порцию подарков. Один из встретившихся офицеров сказал ему, что в столь темную и безлунную ночь стоило бы держаться подальше от австрийских позиций. Тем не менее Хемингуэй взял у ближайшего солдата винтовку и выстрелил в сторону противника. Оттуда ответили минометной миной. И все. Смертоносный «гостинец» угодил прямо в окоп, где находился Эрнест. Одного солдата убило наповал, другому оторвало ноги. Он тоже вскоре умер. Третий — Фиделе Темперини из Монтальчино — был ранен. Сам тененте также получил множественные осколочные ранения в обе ноги. При этом одна из них оказалась неестественно вывернутой в сторону. Однако, невзирая на боль, гулко стучавшую в висках, Хемингуэй нашел в себе силы взвалить на спину раненого Темперини и поползти в тыл. Это, без сомнения, спасло ему жизнь, поскольку обоих почти сразу осветил австрийский прожектор, а потом обстрелял пулемет. Хемингуэя ранило еще дважды, однако основной поток пуль принял на себя Темперини, который, возможно, сам того не желая, сохранил для потомков будущего классика мировой литературы, прикрыв его своим телом. Что, собственно, и стоило ему жизни.

Потерявшего же сознание лейтенанта вытащили с поля боя санитары и доставили на ближайший перевязочный пункт. Всего в ходе нескольких операций из его ног извлекли двадцать восемь осколков, не считая примерно двух сотен более мелких, которые так и остались в теле. Да и первоначальный прогноз оставался весьма неблагоприятным. Никто не мог дать гарантии, что только недавно отметивший свой день рождения юноша сможет ходить. Речь шла даже об ампутации одной ноги. К счастью, обошлось.

На первых порах, вплоть до предстоящей эвакуации в Милан, тененте Эрнесто лежал в полевом госпитале, обслуживавшемся добровольцами из числа граждан республики Сан-Марино. Узнав об этом, Степан, повинувшись какому-то неосознанному чувству, запасся шоколадом и апельсинами и отправился туда. Хемингуэй был в сознании, однако глаза его, похожие на блестящие маслины, казалось, еще больше потемнели от боли. Да и пускали к раненому ненадолго.

— А, вы тоже с подарками?! — свистящим от сдерживаемого стога голосом, произнес Хемингуэй. — Ирония судьбы! Раньше я возил шоколад в окопы, а теперь несут мне. Но все равно — спасибо!

— Ну, как вы тут? — не зная, о чем дальше говорить, спросил Степан.

— Да не очень. Теперь явно не скажешь, что все олл-райт! Мутит страшно, и в горле пересохло. Плюнуть вон и то не получается. Сейчас бы выпить чего-нибудь освежающего, покрепче воды, но врачи не разрешают. Подозревают еще и сотрясение мозга.

— Раз так, то не надо. Вы, тененте, еще молодой. Успеете свою бочку выпить!

— Дай-то бог. Если ноги, конечно, не отрежут!

— Типун вам на язык!

— И вот еще какая вещь получается, — продолжил, очевидно, не слыша собеседника, погруженный в какие-то собственные мысли Хемингуэй. — Лишь очутившись на госпитальной койке, я понял, что война — это не бейсбольный матч. Здесь калечат. А иногда и убивают...

Что же касается итальянских литераторов, то на передовой их всегда было даже с излишком. Особенно — в редкие минуты затишья. Пальма первенства здесь, несомненно, принадлежала поэтам. Итальянской речи вообще свойственна некото-

рая певучесть. Недаром каждый выходец с Апеннинского полуострова считает себя непревзойденным знатоком оперы. Да и рифмованные поэтические лозунги по сравнению с прозой звучат ярче и запоминаются гораздо эффективнее. Это давно усвоили соответствующие органы, призванные заниматься пропагандой в войсках. Оттого и зачастили в армию поэты всех мастей. Кого только не довелось слышать Степану в компании со стоявшими по стойке «смирно» итальянскими солдатами! И теоретика футуризма Филиппо Томмазо Маринетти, и Коррадо Гавони и Альдо Палаццески. Особенно страстно призывал к свершению героических подвигов одноглазый Габриэле д'Аннунцио. Кстати, название «Равноденственное сражение» по отношению к битве на Пьяве придумал именно он. А потом еще и прописал в пропагандистских листовках, лично сброшенных им во время налета эскадрильи итальянских истребителей «Ансальдо» на Вену в августе этого же 1918 года. Степану, впрочем, больше импонировали тихие и проникновенные строчки рядового окопника Джузеппе Унгаретти. Такие, например, как в его коротком стихотворении «Солдаты»: «Чувствуешь себя, как на осенних деревьях листья...» Чтобы такое написать, надо действительно побыть на передовой. И не один день.

10

И опять в жизнь Степана самым решительным образом вмешалась политика. После эвакуации посольств стран Антанты в Вологду, далеко не все сотрудники союзного дипломатического корпуса покинули Москву и Петроград. Некоторые из них остались на правах своеобразных наблюдателей. По сути, они выполняли функции отсутствовавших послов, не обладая при этом никакими дипломатическими полномочиями. Ведь правительство большевиков на тот момент не признало ни одно из воюющих государств Европы за исключением Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Так, Францию представлял капитан Жак Садуль, а Великобританию — небезызвестный впоследствии шотландец Роберт Брюс Локкарт.

Оба, кстати говоря, поначалу находились в очень хороших отношениях с Лениным, Троцким и их соратниками и одновременно выступали за скорейшую союзную интервенцию. Но не для свержения большевиков, а для их повсеместной поддержки. Резон рассуждений Локкарта и Садуля заключался в следующем. Раз немцы не остановились на демаркационной линии, а продолжают медленно, но верно наступать вглубь России, то большевикам рано или поздно придется или потерять власть, или вести освободительную войну против захватчиков. Однако полностью распропагандированная и деморализованная старая армия сражаться просто не в состоянии. Значит, им придется создать новую Красную армию. А помогать большевикам в этом и станут подготовленные офицеры-инструкторы из войск союзников. Параллельно в портах Мурманска, Архангельска и Владивостока высадутся несколько дивизий стран Антанты, чтобы рука об руку с революционной армией продолжить войну с Германией на территории России! План, конечно, утопичный, но тогда он казался многим вполне выполнимым.

По-разному сложилась и судьба его авторов. Если симпатия Садуля к Советской России продолжала оставаться неизменной, что и привело его, в конечном итоге, в ряды Красной армии, то взгляды Локкарта, напротив, претерпели сложную эволюцию. Решающим фактором для этого стало заявление кайзеровских дипломатов о давно ожидаемом прекращении боевых действий на Востоке, отказе от оккупации Москвы и Петрограда и налаживании дальнейшего экономического сотрудничества с новым русским правительством. Стало окончательно ясно, что нужда в обороне от Германии для Ленина и его соратников отпала, а значит,

они теперь и слышать не захотят ни о какой интервенции. К тому же присутствие войск Антанты на территории России вполне может быть истолковано немцами как отказ от соблюдения «препохабнейшего» (по выражению самого Ленина) Брестского мира. В свою очередь и Локкарт решил обратиться более пристальное внимание на зарождающееся белое движение и иные антибольшевистские силы.

27 мая он выехал за дальнейшими инструкциями в Вологду, куда и прибыл три дня спустя в выделенном, кстати говоря, советским правительством спальном вагоне. Впрочем, время для любезных улыбок закончилось. Сейчас Локкарт всецело разделял агрессивные намерения французского посла Нуланса по свержению «Ленина и компании» и поддержке любых иных русских политических партий на условиях непременно возобновления боевых действий против Германии и ее союзников. И все эти воинственные планы составлял относительно молодой человек. Британскому наблюдателю тогда шел только тридцать второй год. Поразительный контраст с седовласыми старцами, прежде решавшими судьбы Европы! Что подделаешь, новое время требует новых людей.

Тем не менее молодость далеко не всегда является преимуществом. Особенно в сложных и запутанных дипломатических хитросплетениях. Так случилось и с Локкартом. В силу отсутствия должного опыта и наличия мягкого, внушаемого характера он периодически подпадал под влияние всевозможных «сильных личностей», наиболее ярким представителем которых являлся международный авантюрист и агент британской секретной службы Сидней Рейли. Он же — уроженец Одессы (!) Соломон Розенблюм. Он же — Георгий Релинский. Он же — S.T-1. Он же... Впрочем, паспортов у него хватало на добрый десяток имен, фамилий и национальностей.

Прибывшего в Москву с чемоданом денег Рейли познакомил с Локкартом петроградский помощник последнего капитан Кромби. Он же рекомендовал его как человека весьма решительного. И Рейли эти авансы сполна оправдал, с ходу предложив план ни много ни мало по захвату власти в России! По словам суперагента, ему удалось выйти на связь с бойцами охранявшего Кремль отряда латышских стрелков, которые якобы и согласились выступить против большевиков при условии беспрепятственного возвращения на Родину. Ну и солидного денежного вознаграждения, естественно.

Беда Рейли заключалась в том, что он слишком верил в силу подкупа. А Локкарт, в свою очередь, всецело попал под его влияние. К тому же с февраля 1918 года он состоял в любовной связи с некоей Марией (Мурой) Закревской, в замужестве — Бенкендорф. Роль этой женщины так до конца не прояснена и до сих пор. Многие (и небезосновательно) считали ее осведомительницей органов ВЧК. Так или иначе, но в мае во время отлучки Локкарта в Вологду его личный шифр становится известен ведомству Дзержинского. И чекисты получают прекрасную возможность знакомиться со всеми секретными донесениями наблюдателя в Лондон. И принимают собственные ответные шаги.

Но Рейли этого, разумеется, не знал. В его голове уже вызрел очередной блестящий план. Согласно ему, высадившийся в Архангельске английский десант в количестве двенадцати тысяч человек должен будет наступать на Москву, а отправленные ему навстречу латышские стрелки, вместо сопротивления откроют фронт и совместно с союзниками арестуют Ленина с его приспешниками. Подосланные агенты ЧК согласились, что столь рискованный план имеет все шансы на успех. При этом они стали настойчиво помогать, во-первых, денег для раздачи товарищам в казармах и, во-вторых, рекомендательного письма для командующего британским экспедиционным корпусом генерала Пуля. На самом деле подобное письмо, будь оно написано, послужило бы советскому правительству для еще большей дискредитации английских дипломатов и их закулисных игр.

Неизвестно сколько бы еще продолжалась эта оперативная игра, если бы события не приняли совершенно неожиданный оборот. 30 августа в Петрограде эсер Леонид Канегисер застрелил председателя местного отдела ВЧК Урицкого. А вечером того же дня, но уже в Москве эсерка Фанни Каплан совершила покушение и на самого Ленина. Ответом большевиков послужило развязывание Красного террора. Заодно под шумок решили покончить и с «Заговором послов».

В бывшей столице после выстрелов Канегисера воцарилась страшная неразбериха. Для стороннего наблюдателя и в самом деле складывалось полное впечатление начала контрреволюционного переворота. Чего, собственно, местный отдел ВЧК и добивался. Рыбу, как известно, всегда лучше ловить в мутной воде! Сперва добиться активизации враждебных сил, а потом разом всех и прихлопнуть. В полном соответствии с этой задачей и действовали многочисленные чекистские отряды, направленные в ночь с 30 на 31 августа по самым различным петроградским адресам. Одним из них был и особняк британского посольства, располагавшийся по адресу Дворцовая набережная, 4. Его быстро окружили со всех сторон, взяв под контроль черный и парадный входы. Действовали без излишней конспирации в надежде захватить противника врасплох. Однако англичане держались настороже. Оставшиеся сотрудники посольства под руководством исполнявшего обязанности военно-морского атташе капитана Кроми сразу принялись жечь шифры и уничтожать секретную документацию. Дверь в особняк они предусмотрительно успели запереть.

Чекистов, впрочем, это нисколько не смутило. В завязавшейся потом схватке Кроми был убит. Сотрудников посольства арестовали. На следующую ночь в Москве у себя на квартире задержали и Брюса Локкарта. Сиднею Рейли удалось скрыться.

«Дело трех послов» нанесло огромный удар по престижу дипломатии стран Антанты, наглядно продемонстрировав ее попытки вмешаться во внутренние дела Советской России с использованием шпионажа, подкупа и так далее. Все замешанные в нем сотрудники союзных миссий были незамедлительно высланы из страны, а помогавшие им русские подданные приговорены к расстрелу либо к солидным срокам заключения. Кстати, задержанную в те же дни и по тому же делу любовницу Локкарта Марию Закревскую-Бенкендорф в скором времени попросту... отпустили! Что лишний раз указывает на ее причастность к разоблачению заговора. И некие услуги, несомненно, оказанные органам ВЧК.

11

Раскатившийся по всей Европе скандал, связанный с «заговором трех послов», самым непосредственным образом сказался и на дальнейшей судьбе Степана. Говорить о какой-либо внезапной изоляции, конечно, не стоит, поскольку он и так действовал в Италии в одиночку. Однако возникли проблемы со связью и, что самое главное, с возвращением. Как не высокопарно это звучит, но новорожденная Советская Россия ко второй половине 1918 года действительно оказалась в кольце врагов. Черноморские проливы, пока шла война, контролировали турки. Путь через Персию (теперешний Иран) находился в руках англичан. Они же в компании с французами высадились в Мурманске и Архангельске. На Дальнем Востоке хозяйничали японцы и американцы. Китай — и тот выступал на стороне союзников.

Подобный вариант развития событий в Москве, откровенно говоря, предусмотреть не смогли, когда отправляли Степана за границу. Да и стоит ли удивляться? Разведывательные службы большевиков, по сути, находились только в самом начале своего становления. Опереться на прежний агентурный аппарат они, разу-

меется, не могли. Вот и учились работать хорошо известным методом проб и ошибок. Да и, с другой стороны, а как должен был поступить заброшенный за рубеж агент в случае возникновения форс-мажорной ситуации? Да еще в столь непростых условиях? Никаких резервных каналов связи нет, поскольку нет ни торговых, ни дипломатических представительств. Почта, несомненно, перлюстрируется. Да и идет она долго (и не факт, что дойдет). Радио уже существует, однако портативные радиостанции изобретут лишь через добрый десяток лет. Значит, и этот путь отпадает.

Хотя существовал так-таки один возможный канал связи. Правда, Степана заблаговременно предупредили, что рассчитывать на него следует только в самом крайнем случае. Канал этот оказался Социалистической партией Италии. Еще до начала войны видное место в ее рядах занимала уроженка Российской империи Анжелика Балабанова, протежировавшая, кстати говоря, самому Бенито Муссолини. Он тогда только делал свои первые шаги на политической арене. К сожалению для Степана, весной 1917 года Балабанова в компании с другими русскими социал-демократами вернулась в Россию в знаменитом «пломбированном вагоне». Но тут особых проблем не возникало. Ведь оставались такие товарищи, как Антонио Грамши или молодой Пальмиро Тольятти. Беда заключалась в том, что социалисты в Италии постоянно находились под пристальным надзором полиции. Обращаться к ним значило привлечь излишнее внимание к собственной персоне. С возможным риском последующего разоблачения.

Поэтому свою встречу с представителями местной социалистической партии Степан и решил отложить до более безопасных времен. К тому же ни в каких срочных инструкциях из Москвы он сейчас не нуждался. Сразу проникнуть в организацию Миллера, как уже выше говорилось, новоиспеченный агент не сумел. А потом генерал и вовсе уехал во Францию, где занялся работой по расформированию и частичной репатриации отдельных пехотных бригад Русского экспедиционного корпуса. Туда же вскоре отправились и его ближайшие сподвижники.

«Союз за возрождение России в единении с союзниками» на территории Италии прекратил существование. Вместе с ним потеряло всякий смысл и дальнейшее пребывание Степана на чужбине. Теперь можно было конкретно подумать и о возвращении. Для этого Воинцев намеревался воспользоваться скорым окончанием войны, которая, по его расчетам, вряд ли должна продлиться больше пары месяцев. А вот тогда на волне всеобщей эйфории от долгожданной победы полицейский контроль, глядишь, и ослабнет, и можно будет смело посетить редакцию газеты «Аванти» или любое иное место сбора лидеров социалистической партии.

Война и впрямь шла к своему завершению. Еще летом французский маршал Фош потребовал от нового главнокомандующего итальянской армии генерала Диаза предпринять очередное решительное наступление на австрийцев. Итальянский премьер-министр Орландо в буквальном смысле нагнал на генерала Диаза, в почти ультимативном тоне требуя возобновления решительных боевых действий. Наконец, тот согласился. Был разработан план перехода войск Итальянского фронта в наступление сразу в двух местах — в горах Монте-Граппа и на реке Пьяве.

Вплоть до конца октября австрийцы сопротивлялись упорно и даже предпринимали собственные контратаки. Хотя и у них проблем хватало с избытком. И в первую очередь — политических. Империя Габсбургов начала трещать по всем швам. О независимости чуть ли не в открытую заговорили чехи, словаки, хорваты, словенцы. В таких условиях правительство Венгрии отдало негласный приказ о выводе своих национальных воинских формирований с фронта и возвращении их в пределы страны. Тем временем наступление итальянцев не прекращалось. Дабы избежать полного разгрома, командование противника решило просить о перемирии. Последний час империи Габсбургов пробил. Начиная с 1 нояб-

ря, ее войска помышляли только об отступлении, иногда превращавшемся в откровенное бегство. Наконец было объявлено, что всякие боевые действия на Итальянском фронте будут прекращены в 15.00 4 ноября.

Все это время Степан находился при 8-м армейском корпусе 8-й же армии. Его сокровенной мечтой было закончить войну там, где она для него здесь и начиналась. А именно — в Доломитовых Альпах. И это бывшему русскому подноскичу почти удалось. Итальянским броневикам, устремившимся по дороге к Кортине д'Ампеццо, сопутствовал успех. Развив бешеную по тем временам скорость в семьдесят километров в час и непрерывно завывая включенными сиренами, они едва не врубилась в хвост отступавшей неприятельской колонны.

— Прочь! Прочь! В сторону! — еле перекрывая лязг и грохот, орали итальянцы.

Австрийцы безропотно расступались, пропуская машины. У них не могло возникнуть даже мысли о сопротивлении. Степану такая бескровная война откровенно нравилась. «Вот бы рассказать об этом санитару Черному! — мелькало у него в голове. — Поэт наверняка был бы в восторге!»

В три часа дня итальянская кавалькада достигла точки на старой границе между Боркой и Сан-Вито, что близ массива Доломитов Альберго. Развернув броневики и нацелив на подходивших австрийцев пулеметы, хмельные от одержанной победы самокатчики объявили тех взятыми в плен. И окончательно деморализованные солдаты противника подчинились. На том Первая мировая война для Степана и закончилась. Сняв с запотевшей головы порядком опостылевшую каску, он с наслаждением подставил разгоряченное лицо прохладному осеннему ветерку. А потом повернулся и еще раз посмотрел на вздымавшиеся к небу заснеженные вершины Доломитовых Альп. Сколько людей погибло за обладание их склонами! А они все те же. Сверкают на солнце, как и сотни лет назад...

12

После окончания войны в Италии улицы городов заполнили ликующие толпы людей с красно-бело-зелеными знаменами, увенчанными гербом Савойской династии. Возвращавшимся с фронта солдатам дарили цветы. Повсюду играли оркестры. Вот под прикрытием атмосферы этого всеобщего карнавала Степан наконец и решился выйти на связь с итальянскими социалистами. Разумеется, прямых контактов с Москвой те тоже не имели. Как правило, использовались всевозможные курьеры, проникавшие в окруженную со всех сторон Советскую Россию самыми различными способами. При этом подавляющее большинство их двигалось по территории Германии. Либо использовало в качестве посредников представителей немецкой социалистической партии.

Доподлинно неизвестно, кого итальянцы направили в Россию в конце 1918 года, однако дальнейшие инструкции для Степана вкупе с приглашением на предстоящий первый конгресс III Коммунистического Интернационала (Коминтерна) они получили посредством Барты Рутгерс, жены известного голландского инженера Себастьяна Рутгерса Барты.

Что же касается его самого, то он был личностью довольно примечательной. На взлете карьеры весьма успешно работает в Управлении строительства Роттердама, позже занимает высокий пост директора Управления строительства мостов и дорог на западном берегу Суматры. Однако, невзирая на явный инженерный талант, он сравнительно рано увлекся социальными проблемами. Вступил сначала в Социал-демократическую рабочую партию Голландии, потом в отколовшуюся от нее Социал-демократическую партию Нидерландов. Впрочем, до поры до времени партийная карьера не мешала карьере профессиональной.

Все меняется, когда голландского инженера в 1918 году с неизъяснимой силой начинает манить загадочная Россия, где начался великий социальный эксперимент. 23 сентября 1918 года ему с женой наконец удается добраться до Москвы. Почти сразу их окружил водоворот местной политической жизни. Рутгерс делает доклад во ВЦИК, встречается с Лениным и даже получает должность генерального инспектора водных путей. Находится поручение и для жены Рутгерса, Барты. В марте в Москве должно состояться открытие первого конгресса III Коммунистического Интернационала. В связи с этим ей и поручается проездом через Германию вернуться в Нидерланды и передать приглашение на него делегатам от европейских социалистических партий. Параллельно Барта Рутгерс снабжается и большим количеством драгоценностей, предназначенных как для дальнейшего использования на нужды революционного движения, так и для придания ей облика респектабельной дамы на пунктах пограничного контроля.

Среди поручений, привезенных ей для немецких товарищей, оказалась и инструкция, непосредственно касавшаяся дальнейшей судьбы Степана Воинцева. И она содержала весьма неожиданный поворот. В этом Степан смог убедиться во время очередной встречи с Антонио Грамши, которого в свою очередь ввел в курс дела явившийся из Берлина курьер.

— Bon Giorno, товарищ Стефано! Спешу вас обрадовать! В Москве о вашем существовании отнюдь не забыли. Ну и наш запрос, смею надеяться, сделал свое дело. На днях от проверенных товарищей нами получены достаточно четкие инструкции. А значит, период неопределенности для вас закончился.

— Рад это слышать!

— Охотно верю. Хотя и не знаю, насколько обрадует вас дальнейшее поручение. Но тем не менее, уполномочен сообщить, что Москва приказывает вам, товарищ Стефано, в самое ближайшее время отправиться в Китай.

— Куда?!

— В Китай. В Пекин, если быть совсем точным.

— И что же там мне делать?!

— В этом и заключается суть партийного задания. В Китае вы должны будете выйти на связь с профессором Пекинского национального университета Ивановым. Русским, как нетрудно догадаться по фамилии.

— Никогда о таком не слышал.

— Это не беда. Профессор Иванов — очень интересный человек! Родился он в городе Ливны Орловской губернии в 1885 году. Обучался сначала в местном реальном училище, а потом в Париже. Там примкнул к партии анархистов. В 1905 году Алексей Алексеевич вернулся в Россию и сразу же принял участие в декабрьском вооруженном восстании в Москве. После его разгрома получил двухлетний срок заключения в арестантских ротах и, освободившись, вновь уехал во Францию. В Париже продолжил заниматься образованием, поступив в «Национальную школу живых восточных языков», где в совершенстве овладел китайским и японским. А тут и февральская революция подоспела. В числе прочих политэмигрантов, изъявивших желание сотрудничать с новой властью, Иванов очутился в Петрограде. Там его зачислили в сотрудники Министерства иностранных дел и включили в состав российской дипломатической миссии в Китае. Однако, когда новоиспеченные дипломаты прибыли наконец к месту прохождения службы, представлять оказалось некого — дома к власти пришли большевики. Иванов единственный выступил в их поддержку и фактически очутился в полной изоляции. Жить ему пришлось в помещении заброшенного буддийского храма на улице Янь Яохутун в Пекине, а средства к существованию добывать сначала журналистской работой, а затем преподаванием в местном университете на факультете французской и западноевропейской литературы. А поскольку Иванов достаточно

долго прожил в Китае, вам и надлежит получить от него самую подробную характеристику тамошних политических кругов. В сфере дальнейшего установления дипломатических отношений между обеими странами.

— Уж озадачили вы меня так озадачили! Я-то надеялся поскорей домой попасть!

— Вот через Китай и вернетесь. Когда задание выполните.

— Что ж, и на этом спасибо...

Немного остыв и успокоившись, Степан не мог не признать справедливости слов Грамши. В самом деле, теперь он мог вернуться домой лишь при помощи большевиков. Любой иной путь автоматически вел в ряды белых армий. Конечно, попытаться перейти линию фронта можно и оттуда. Но тут уж — как повезет. Да и к тому же белые ведь тоже не дураки были. А ну как заставят каких-нибудь воставших крестьян вешать? В крови замараешься — и все. Обратной дороги точно не будет. Да и кто даст гарантию, что перейти на другую сторону так легко и просто? Поди потом доказывай, что ты не белая, а законспирированный красный агент. Тогда уже поздно будет! Свои же могут не разобраться и в горячке шлепнут. Короче говоря, как ни крути, но новое задание действительно предлагает самый оптимальный выход из сложившегося положения.

Посоветовавшись с итальянскими товарищами, Степан решил, что наиболее удобная дорога в Китай пролегает через... Париж! Да-да, именно так! Французские компании давно загребли в свои руки почти все железнодорожные перевозки в центральном Китае. Вот под предлогом устройства на работу Степан и мог заявиться в одну из их контор. Единственное, что порекомендовал Грамши, так это приобрести билет до Пекина на собственные деньги. Тогда у него сохранится определенная свобода для маневра. Необходимые средства Грамши пообещал изыскать в партийной кассе. Ведь и итальянским социалистам кое-что перепало от бриллиантов, щедро выделяемых Москвой для торжества мировой революции.

Перед отъездом во Францию Степан прогулялся по Риму. Кто знает, доведется ли еще когда-нибудь увидеть этот город? И ноги вынесли его на площадь Венеции. Стоял погожий зимний денек, конечно, без привычных в России снега и мороза. На фоне прозрачного голубого неба отчетливо выделялись вздымавшиеся ввысь беломраморные колонны «Витториано» — грандиозного монумента в честь первого короля объединенной Италии Виктора-Эммануила II. И пусть многие римляне относились к этому памятнику достаточно иронично, величая «гигантской пишущей машинкой», у Степана при виде его, как всегда, захватило дух. Поневоле он почувствовал себя муравьем у подножия огромного, похожего на самую натуральную гору мраморного комплекса. «Господи, ну к чему такой большой монумент? — невольно подумал он. — Да, понятна радость нации, наконец получившей единую страну, но ведь сколько ресурсов было потрачено! Хотя, с другой стороны, смотрится красиво»!

Подивившись на «Витториано», Степан свернул налево и неспешно пошел по улице Императорских Форумов. К многочисленным развалинам античных построек он был совершенно равнодушен. Просто привлекала сама улица — тихая и, в отличие от той же Корсо, почти малолюдная. В те времена хаживали здесь в основном знатоки древностей, университетские профессора да немногочисленные туристы. Один из подобных старичков, отдыхавший на скамеечке, сразу привлек внимание Степана. Отчего-то подумалось, что тот непременно русский. Так, впрочем, и оказалось.

— Здравствуйте, молодой человек! — приподняв панаму, ответил на немой вопрос старец. — Вы, как я вижу, тоже родом из богоспасаемой матушки-России?

— Да, а как вы догадались?

— Ну, такие вещи на глубинном уровне определяются. Не зря же в народе говорят, что земляк земляка видит издалека!

— И то верно!

— Вот видишь, — усмехнулся старик. — И каким же ветром тебя в Италию занесло, мил человек? Небось война виновата?

— Она самая. В плен к австриякам в Карпатах угодил, а итальянцы освободили, — в дальнейшие подробности Степан вдаваться не стал.

— Понятно. Я о чем-то подобном и подумал. На студента вы явно не похожи! Ну и как в Италии, служивый? Нравится?

— Да как вам сказать. Велик город Рим, а помолиться-то и негде!

— Почему? Тут же храмов вон сколько! Буквально на каждом шагу!

— Так они же все католические!

— Ну и что? Католики разве не Христу молятся?

— Так-то оно так, да не совсем. У них и календарь вон иной.

— Что ж, в таком случае, помочь вашему горю сложно. Но можно. Пройдите чуть дальше, к Колизею, и справа увидите небольшую церквушку. Это базилика святых Косьмы и Дамиана. Кузьмы и Демьяна, если по-нашему. Построена она еще до разделения церквей, а значит, и православные там молиться могут. По крайней мере, я так думаю. Только смотри, вход в нее со стороны Форума. Через бывший храм Ромула.

Степан не преминул воспользоваться советом старичка. Походив по заставленному развалинами Форуму, он вышел к круглому зданию, построенному из узкого розовато-красного кирпича. Створки массивных, позеленевших от времени бронзовых дверей были гостеприимно распахнуты внутрь. Поднявшись по ступенькам вверх и осенив себя крестным знамением, Степан очутился в новой церкви. Взгляд его сразу приковала к себе расположенная под куполом большая мозаика, изображавшая сцену Второго пришествия. В центре на плывущих в синем небе красных предрассветных облаках стоял Христос-Спаситель в золотых одеждах. Справа от него находились святые Павел, Косьма и римский папа Феликс IV, слева — святые Петр, Дамиан и Феодор. Внизу в виде двенадцати агнцев были представлены двенадцать апостолов. «Да, на Руси святых Кузьму и Демьяна “кашниками” да “курятниками” кличут. А тут вон какая красота! — подумал Степан, еще раз истово перекрестившись и затеплив свечку. — Авось и помогут они мне благополучно домой воротиться!»

13

В неведомый Китай Степан отплыл на французском пароходе. Путь туда, охватывавший добрую половину земного шара, пролегал через Средиземное море, Суэцкий канал, Аден, Цейлон, Сингапур и Гонконг. «Свят, свят, свят! Вот куда меня занесло», — то и дело повторял про себя бывший солдат, потрясенно озирая открывавшееся взгляду тропическое величие. Удивляло все. И все казалось чужим. И невиданные доселе овощи, и фрукты самых разнообразных форм и расцветок. И крикливые обезьяны. И шустро бегавшие по стенам юркие ящерицы-гекконы. И змеи. И огромные, мерзкие на вид, жуки и тараканы. «Тьфу, пакость такая»!

В Шанхае пришлось делать пересадку на другой пароход. Теперь уже — речной, поднимающийся вверх по широкой и полноводной Янцзы. Принадлежал он американской судоходной компании с броским названием «Роберт Доллар».

Подобно другим европейцам одетый вместо привычной гимнастерки в светлый полотняный костюм и шляпу, Степан с комфортом расположился на самой верхней палубе. Китайцев сюда не пускали ни за какие деньги. К их услугам оставались каюты первого и второго классов, а самые бедные и вовсе ютились в душном и зловонном трюме. Спускаться туда даже из простого любопытства не хотелось.

Хватало и доносившегося из люков ужасного запаха немых тел и кишечных газов.

Почти на каждой остановке пароход сразу же окружала целая флотилия утлых лодочнок. Сидевшие в них лавочники и мелкие торговцы на все лады расхваливали собственный товар. Как правило, это были самые ходовые и нехитрые в приготовлении продукты питания — пиво, горячее рисовое вино, вареные яйца, колбаса, студень, жарившиеся прямо здесь же в масле пирожки и лапша, яростно бурлившая в котлах на жаровнях. Попадались, впрочем, лодки, способные удовлетворить аппетиты и несколько иного рода. На одних из них день напролет стучали костяшки и слышались азартные выкрики, на других из-под раскрытых зонтиков выглядывали накрашенные красавицы (не первой, правда, свежести). Целые плавающие публичные дома, вперемешку с игорными заведениями!

Путешествие по Янцзы заканчивались в порту Ханькоу. Оттуда до Пекина можно было добраться только поездом. Тоже, кстати говоря, принадлежавшем иностранной компании, на сей раз французской. «Ну и страна! — не устал удивляться Степан. — Вроде и народу много, а своего ничего нет! Все в руках иноземцев находится!» Как выяснилось вскоре, замечал это не один только он. В Китае долгие годы зрело подспудное недовольство чужестранным засильем, захватившим буквально все жизненно важные отрасли. И время от времени оно прорывалось наружу стихийными вспышками протеста. Одно из таких выступлений и произошло 4 мая 1919 года в столице. А эхо от него раскатилось едва ли не по всей стране.

Когда Степан приехал в Пекин, то застал город гудевшим, словно растревоженный пчелиный улей. По улицам, врываясь в лавки торговцев, металась толпа молодых людей с перекошенными от гнева лицами. То и дело раздавались звуки разбитых вдребезги стекол и посуды. На мельчайшие осколки разлетались выброшенные на мостовую чашки, кружки, термосы, блюда, зеркала. Следом к быстро разложенным кострам молодежь тащила охапки всевозможной галантереи. И над всем этим погромом стоял неумолчный ор из многократно повторяемых и скандируемых слов «та-сы!», означавших, как потом выяснил Степан, «бей до конца!»

«Мать твою за ногу! — озираясь по сторонам, мысленно присвистнул гость из далекой России. — И в какой переплет я на сей раз угодил? И здесь революция что ли?..»

К счастью, в ситуации ему довольно быстро помог разобраться проводник-француз, увидевший явное замешательство, проступившее на лице пассажира-европейца. Он же подсказал, как добраться до правления железнодорожной компании. Ведь, согласно легенде, Степан именно туда приехал устраиваться.

После визита во французское консульство Степан занялся поисками профессора Иванова. Или И Фаэра — так звучало его имя, переделанное на местный лад. Ситуацию облегчало то, что преподавал он именно во французской секции Национального университета. А значит, в консульстве могли приблизительно подсказать, где его отыскать. Хотя и поморщились при одном только упоминании «этого большевика». Степан, впрочем, отбоярился тем, что надумал заняться изучением китайского языка. Ведь в будущей работе без этого, очевидно, никак. А кто еще, кроме соотечественника, поможет лучше усвоить чужую речь? Ну не французы же!

Профессор Иванов оказался светловолосым человеком средних лет с голубыми, глубоко посаженными глазами. Внимательно изучив протянутое Степаном предписание Совнаркома, полученное через Барту Рутгерс, он кивнул и указал гостю на свободный стул.

— Присаживайтесь. Честно говоря, я чертовски рад вас видеть! Устал, знаете ли, в чужой стране в одиночку находиться. Но и здесь особо четких указаний я не

вижу. Что конкретно Москву может интересовать? В каком направлении дальше работать?

— Да я и сам толком не знаю. Тоже на родине, считай, год не был. Но думаю, прежде всего, речь идет об общем обзоре обстановки.

— Что ж, звучит логично. В общем, положение в Китае и впрямь очень запутанное. Да вы и сами, наверное, уже успели в этом убедиться.

— Движение «Четвертого мая» имеете в виду? Да уж, посмотрелся!

Получив от профессора все интересующие Москву сведения, Степан засобирался в дорогу. Не хватало еще в Китае зависнуть на несколько месяцев!

Однако осталось утрясти кое-какие формальности. Для начала следовало решить вопрос с возможным «трудоустройством». Во французской фирме Степан как на духу заявил, будто намеревается отправиться на север — в Харбин, где будет пытаться искать работу на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Тамошняя обстановка, мол, ему ближе. Как-то роднее! В Пекине же, напротив, все чужое. Иные обычаи, традиции. Да и французский язык он плохо знает. Не говоря уже о китайском! Французы только руками развели. Да и что они могли возразить? Вот если бы Степан предварительно завербовался в головной конторе в Париже, тогда — да, другое дело. Можно было заставить его что-то отрабатывать. А так — никакого спроса.

В Харбин Степан добирался тоже на поезде. На сей раз проходившая через Мукден и Чаньчунь железнодорожная линия контролировалась японцами. Из них преимущественно состояли локомотивные и поездные бригады — машинисты, проводники, кондукторы. В предназначенные для иностранцев комфортабельные вагоны китайцы практически не допускались. Вот вам и титульная нация! Когда страна слаба, то ее никто ни в грош не ставит.

В Чаньчуне японская полиция произвела тщательный досмотр пассажиров. К Степану никаких вопросов не возникло. Европейская внешность, подлинные документы плюс рекомендательное письмо французских железнодорожников к своим русским коллегам. Конечно, японцы имели на КВЖД свои виды, но при этом они же были заинтересованы и в ее бесперебойной работе.

Харбинский вокзал встретил Степана неумолчным многоголосьем гомоном. В годы гражданской войны сюда стекалось великое множество самого разнообразного народа. Беженцы из Европейской России, лица, уклоняющиеся от мобилизации (в любую армию), наемники, всевозможные искатели приключений, авантюристы всех мастей... У возглавлявшего на тот момент «Желтороссию» генерал-лейтенанта Хорвата ни сил, ни желания для того, чтобы справиться с этим сбродом, явно не было. Свою задачу он видел лишь в поддержании относительного порядка в полосе отчуждения КВЖД. Но и тут власть престарелого генерала то и дело оспаривали новоявленные японские ставленники атаман Семенов и есаул Калмыков.

Одним словом, в дальнейшем пути без опытного проводника Степану явно было не обойтись. Да и к тому же, чем дальше от Харбина, тем труднее будет увертываться от принудительной мобилизации или прямиком в белую армию, или в какую-нибудь из многочисленных бандитских группировок. Это здесь еще можно достаточно свободно слоняться под предлогом найма на железную дорогу. Да и то до определенного времени. А значит, имело смысл скорейшее форсирование перехода на нелегальное положение.

Наконец после осторожных и ненавязчивых расспросов Степан познакомился с хитроватым мужичком неопределенного возраста, которого все звали не иначе как «дядя Ваня». Смерив незнакомца взглядом, тот сорвал с головы фуражку и, хлопнув ей об колено, воскликнул: «Рыскну! Уж очень ты мне, паря, понравился!» На том предварительные переговоры и закончились. Все заботы по подготов-

ке путешествия дядя Ваня взял на себя. Степан лишь покупал продукты и необходимые предметы снаряжения, без которых, по словам проводника, в дальнюю дорогу нечего и соваться. А довести клиента он пообещался аж до Забайкальского края.

Бывалый контрабандист оказался весьма словоохотливым человеком. После первых же дней пути ледок недоверия между ним и Степаном окончательно растаял. Дядя Ваня то вспоминал различные эпизоды из своих прежних походов, то рассказывал народные легенды и предания, связанные с окрестными местами, то вдруг принимался сетовать на плохие времена и связанное с ними резкое падение заработков: «Сухой-то закон, чай, в России негласно отменили! Куда ж старому спиртоносу податься?!»

— Впрочем, есть еще одна вещь, гораздо более ценная, чем спирт, — неожиданно закончил свою мысль дядя Ваня.

— И что же это, если не секрет? — рассеянно поинтересовался Степан.

— Опиум, паря. Опиум. Но я с ним стараюсь не связываться.

— Почему?

— Очень опасно. Особенно в нынешнее лихое время, будь оно неладно! Только посмотри, сколько борцов с коммунизмом сейчас развелось! Семенов, Орлов, Калмыков!.. Я не говорю уже о более мелких отрядах. И у каждого собственная контрразведка имеется. И все по поездкам на КВЖД шныряют. Ты думаешь, они там большевиков ловят? Как бы не так! Ну, может, и их, конечно, но в основном на торговцев опиумом охотятся. На мужчин, женщин — неважно. Опиум — это же огромные деньги! Если его обнаружат, то все. Пиши пропало. Торговца тут же объявляют большевистским агентом, выводят из вагона и под шумок незамедлительно расстреливают. А опиум продают. Очень удобная позиция! Агентом коммунистов, знаешь ли, можно объявить любого. Кстати, вот тебе мой совет на будущее. Старайся никогда не ездить в классных вагонах. Лучше в теплушке. Пусть в тесноте, да не в обиде. А иначе есть риск вообще никуда не доехать. Наши борцы «за единую и неделимую» стараются только в классных вагонах пассажиров и досматривать. А в других им пожить нечем! Недавно вообще дикий случай произошел. Подручные Калмыкова прознали, что у представителя Красного Креста из какой-то нейтральной страны — то ли Швеции, то ли Дании, имеется несколько сотен тысяч рублей. И тотчас повесили его, объявив большевистским агентом. А деньги, разумеется, присвоили себе. И что? Да ничего! Невзирая на все протесты иностранцев, все им сошло с рук! Ошибочка, мол, вышла!

— Но это же, как ни крути, полный произвол!

— Само собой. Об том я тебе и толкую. Раньше хоть взятки драли в три шкуры, но зато законы действовали. Городовой был фигурой! А сейчас к кому обратиться? К нашим вечно пьяным и расхристанным милиционерам? Так их даже китайцы, местные, ни во что не ставят. «Ты теперь ходя, а я — капитана!» — так прямо в лицо и говорят. Вот тебе и власть...

Сделав вид, будто до глубины души потрясен подобными ужасами, Степан намекнул дяде Ване о том, что хорошо ему бы было добраться до расположения большевиков. Или им сочувствующих местных повстанцев. Контрабандист оказался человеком понятливым. Тем более что далеко идти и не пришлось бы. Как раз в Монголии и Забайкальском крае действовал сражавшийся с колчаковцами крупный партизанский отряд полукоммуниста-полуанархиста Нестора Каландаришвили по кличке Дед. И это был далеко не единичный случай. Весь южный фланг «государства» Колчака охватывал пояс почти непрерывно полыхавших крестьянских выступлений. В Енисейской губернии стихийно возникли отряды штабс-капитана Щетинкина и поручика Кравченко, в Томской — унтер-офицера Лубко-

ва, в Алтайской — Мамонтова, в Иркутской — братьев Бабкиных. Не говоря уже о более мелких. Верховного правителя, как и поддержавших февральскую революцию генералов, погубила свойственная многим военным некоторая узость мышления.

В этом однажды воочию убедился Степан, спросив одного из подавшихся в повстанцы мужиков:

— Ну а вы-то зачем большевиков поддерживаете? Чего вам еще не хватает? Вон как справно живете! У нас в России о таком хозяйстве можно только мечтать!

— Так большевики, бают, землю дают! А Толчак (так в Сибири зачастую называли адмирала) только обещаниями кормит. Вот одержим, мол, победу, тогда и разберемся. Понял? Не землю обещает дать, а только разобраться, кому она будет принадлежать! Так вестимо, кому! Опять небось баре на нашу шею сядут! А мужичку, стал-быть, — кукиш с маслом! И за это я кровь проливать должен?! Не желаю!

Если с дядей Ваней Степан на прощание щедро расплатился деньгами, то при встрече со здешними партизанами в ход пошел полученный из Москвы мандат, предписывавший оказывать подателю сего повсеместную поддержку. И повстанцы охотно шли навстречу.

Так и передвигался Степан от отряда к отряду, пока не вышел наконец в расположение регулярной Красной армии. Оттуда он добрался до Москвы уже гораздо быстрее. В основном на поездах. Литерных!

Неизвестно, сыграли ли доставленные Степаном сведения какую-либо решающую роль, однако 25 июля 1919 года правительство РСФСР обратилось с посланием к китайскому народу, а также к президенту республики Дуань Цижуну и лидеру партии «Гоминьдан» Сунь Ятсену. В нем разъяснялись основные положения «Декрета о мире» и излагались новые взгляды на дальнейшие взаимоотношения между обеими странами. Так, Советская Россия отказывалась от любых прав экстерриториальности в Китае. С этого момента все проживающие там граждане РСФСР были обязаны подчиняться местным законам. Как говорилось в послании: «В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа». Подлежали прекращению ежегодные выплаты контрибуции за убытки, понесенные русским правительством в ходе «Боксерского восстания» 1900 года. Подписал данное обращение заместитель народного комиссара по иностранным делам Карахан.

Казалось бы, чего еще надо? Сплошные шаги навстречу и готовность к сотрудничеству. Однако никакого ответа Советское правительство так и не получило. Тогда, 26 августа, текст обращения был опубликован еще и в газете «Известия». И вновь — никаких эмоций. Находившаяся под сильным влиянием держав Антанты, правящая в Китае клика продолжала упорно игнорировать все советские инициативы. Только в марте следующего 1920 года текст обращения появился в китайской печати. Да и то лишь под серьезным давлением общественности. Ознакомившись с текстом столь важного документа, пекинские студенты, частенько выступавшие в качестве заводил всевозможных беспорядков в стране, обратились в министерство иностранных дел с петицией, призывавшей к скорейшему установлению дипломатических отношений с Советской Россией. 11 апреля оттуда был получен весьма взвешенный и обтекаемый ответ, полный всяческих недоговорок. Основная мысль, заключавшаяся в нем, гласила о том, что требуется еще «повременить». На том первая попытка установления каких-либо контактов между РСФСР и Китаем на правительственном уровне и закончилась. Но тут уж никакой вины Степана, как нетрудно догадаться, не было. Свою часть задания он выполнил безукоризненно.

Из Москвы после подробнейшего отчета о своем заграничном вояже Воинцева, как проверенного товарища, направили в родные края для укрепления там советской власти.

Время было горячим. Летом и осенью 1919 года по тылам красных прошли рейды генералов Мамонтова, Шкуро и Коновалова. Поэтому в уездном военкомате Степана опять мобилизовали «вплоть до особого распоряжения». Так что попасть домой ему пока не довелось. Да и воевать пришлось не на правом, а на левом берегу Дона — на территории Богучарского уезда Воронежской губернии. И все же это были почти родные места. У бывшего солдата даже на душе потеплело при виде крытых соломой, мазанных глиной хат, вербовых плетней и резкими чертами вздымавшихся в небо колодезных «журавлей». На бесприютной, засыпанной снегом равнине черными пятнами выделялись стаи грачей и воронья. Им явно было чем поживиться этой зимой!

Калач красные взяли благодаря тактической хитрости временно исполнявшего обязанности командующего Конно-Сводного корпуса Дмитрия Жлобы. 26 ноября 1919 года в город направили множество переодетых в крестьянскую одежду разведчиков. Был базарный день, и никто особого внимания на них не обратил. Да и вообще белые из 2-го конного корпуса генерала Коновалова вели себя крайне беспечно. Караульная служба неслась плохо, боевое охранение практически не выставлялось. Воспользовавшись этим, 1-я партизанская бригада красных в тот же день атаковала Калач. Дополнительную сумятицу внесли и проникшие ранее в город разведчики, незамедлительно открывшие огонь по офицерам, пулеметным расчетам и узлам управления. Не выдержав столь стремительного натиска, белые начали поспешно отступать к Дону.

5 декабря 1919 года 14-я стрелковая дивизия заняла село Солонку. Однако в девять часов вечера со стороны Новой Кривой на дороге показалась неизвестная кавалерийская часть, двигавшаяся походным порядком. Вернее, обнаружили ее практически на подступах к селу, поскольку стояла уже непроглядная ночная тьма. Державшиеся настороже пехотинцы дали предупредительный выстрел. В ответ загрохотала пулеметная очередь, и сразу же разгорелось внезапное и оттого порядком суматошное сражение.

Пристроившийся у сарая на окраине, Степан вместе с товарищами палил из своей трехлинейки, стараясь ориентироваться по вспышкам ответных выстрелов. Из всех видов боя он больше всего не переносил именно ночной, когда не видно ни зги. В кого стреляешь, куда? Это вам не мировая война с ее осветительными ракетами и мощными прожекторами, освещавшими поле боя и в буквальном смысле превращавшими ночь в день!

Наконец час спустя несколько всадников ворвались-таки в Солонку. И только тут красноармейцы разглядели на них буденовки и папахи с красными лентами. Выяснилось, что в роли неведомого противника выступал 2-й кавалерийский полк 2-й Горской бригады, также получивший приказ занять село и не знавший, что оно уже находилось в руках своих. Конникам эта трагическая неразбериха обошлась в двоих убитых. В 14-й стрелковой дивизии погибло трое.

Увы, но в гражданской войне подобные роковые ошибки случались частенько. Все того же 5 декабря 4-я кавалерийская бригада белых пошла в контратаку на хутор Богомолов, где столкнулась с 1-й партизанской бригадой Жлобы. В завязавшемся упорном бою красные одержали верх и начали преследовать противника вплоть до села Березняги. Там к белым подошло подкрепление. Двинувшаяся в обход свежая кавалерийская бригада опасно нависла над левым флангом красных. Тогда Жлоба, воспользовавшись наступившей темнотой, принял решение

незаметно отойти обратно к Богомолу. Не заметившие этого маневра белые атаковали, как и задумывали, но вместо красных в ночной неразберихе обрушились на своих же. Целый час они яростно уничтожали друг друга, пока наконец не разобрались, что к чему. Вот после этой кровавой и неудачной стычки многие казаки (особенно — из местных) начали массово отказываться идти в бой. Видимо, «дружественный огонь» и стал тем последним ударом, окончательно слоившим их упорство, и так распатанное чередой непрерывных поражений.

Фронт стремительно покатился к границе Войска Донского. Степан, впрочем, в дальнейших боях участия уже не принимал, поскольку его в скором времени догнала грозная бумага, предписывавшая «товарищу Воинцеву немедленно вернуться в Острогожск и приложить все силы к налаживанию мирной жизни в этом уезде». Сказать по правде, он и сам этого давно желал. За, почитай, пять лет войны порядком надоела. Пахать хотелось, строить, жить!

ЭПИЛОГ

22 октября 1921 года Владимир Ильич Ленин приехал на поля Бутырского хутора под Москвой для испытания первого электроплуга. Делу этому в стране придавалось очень большое значение. Недаром около года назад на VIII съезде Советов был принят знаменитый план ГОЭЛРО (Государственная Электрификация России). Вот в связи с этим концепция электропахоты и начала активно претворяться в жизнь. В ней виделся спасительный выход из сложившегося после гражданской войны бедственного положения, когда из-за недостатка тягловой силы многие поля стояли необработанными.

Первый опытный образец электроплуга соорудили рабочие Петроградской городской электростанции весной 1920 года. В качестве основы были взяты две лебедки, установленные на автомобильные шасси. Вот между ними при помощи троса и протягивался обыкновенный балансирный (или перекидной) плуг. Ну а лебедки, соответственно, приводились во вращение электромоторами. Первые же опыты по пахоте подобным способом показали питерским товарищам весьма удачными. Дальше — больше.

Молва об электропахоте быстро понеслась по всей стране. Рассказал о ней кто-то и Ленину. Ильич, как человек увлекающийся всевозможными техническими новинками, тоже заинтересовался и принял самое живое участие во внедрении проекта в народное хозяйство. По его поручению была создана смешанная комиссия «Электроплуг», в задачу которой входило наблюдение за проектированием электроплугов, размещение заказов на их производство на предприятиях Советской России и разработка планов по дальнейшему использованию.

От простых полукустарных моделей дело быстро вышло на серьезный государственный уровень. Конструированием электроплугов (вернее — их комплектующих) занималось сразу несколько предприятий страны. Лебедки строились на Балтийском судостроительном заводе, собственно плуги — на Брянском паровозостроительном, электрооборудование — на заводе «Электросила» и так далее. Ленин внимательно следил за выполнением хода работ. Оно и понятно. Ведь по самым радужным подсчетам, годовая производительность каждого электроплуга должна была составлять порядка двух тысяч гектаров!

Наконец, опытный образец фабричного производства был готов к испытаниям. Для их проведения было выбрано поле располагавшегося на Бутырском хуторе учебно-опытного хозяйства Московского зоотехнического института. 22 октября здесь собралась внушительная делегация из представителей ВСНХ (Высший Совет Народного Хозяйства), Наркомзема (Народный комиссариат земледелия) и иных наркоматов и ведомств. Ну и трудовых коллективов, естественно! После-

дних, что вполне объяснимо, особенно привлекали носившиеся в воздухе слухи о новой невиданной чудо-пахоте!

Часов в одиннадцать прибыл Ильич вместе с Надеждой Константиновной Крупской и своей сестрой Марией Ильиничной. Помимо электропахоты он намеревался посетить еще и молочную ферму, а также осмотреть двухэтажный дом, недавно построенный для сотрудников опытного хозяйства. Совместить, так сказать, нужное с необходимым!

Стоял хмурый осенний день. Дождя, впрочем, не было, что шло только на руку предстоящим испытаниям. Когда новый восьмикорпусной плуг, движимый лебедочным стальным тросом, двинулся вперед, Ленин не сдержался и подошел поближе.

— Владимир Ильич! — сразу же замахали на него руками устроители испытаний. — Отойдите подальше! Это опасно! Не дай бог, трос порвется или плуг выскочит из борозды! Греха тогда не оберешься! Хвостом ударить может!

— А как же вы намереваетесь его в народном хозяйстве применять? — резонно переспросил Ильич. — Этак никаких пахарей не напасешься!

Плуг и впрямь то и дело выскакивал из борозды. Происходило это тогда, когда он наткался на серьезное препятствие либо на слой утоптанной почвы. А таковыми поле Бутырского хутора, вдоль и поперек исхоженное пешеходными тропинками, буквально изобиловало. Как будто места много для испытаний нельзя было подобрать! Ответственное дело — и на тебе! Плуг-то, оказывается, не тянет!

— Какого черта он у вас хвостом крутит?! — недовольно проворчал Ленин.

Чувствовалось, что он раздражается все больше и больше. А тут еще какой-то мальчонка из окрестной детворы принялся гонять слетевшихся на борозду галок:

— Кыш-кыш!

— Ты зачем это птиц прогоняешь, постреленок?

— А чего они червяков обижают!

— Что ж, коли так? Полезны и те, и эти. Природа, брат — тонкая штука!

Мальчика, впрочем, вскоре оттерли от высокого гостя. Однако согласно дальнейшей житийной версии Ильич о нем не забыл и даже прислал впоследствии комплект учебников вместе с теплой одеждой!

Пока же Ленину было явно не до этого. Осмотревшись по сторонам, он подошел к группе представителей трудового крестьянства и затронул одного из них.

— Здравствуйте, товарищ! Вот вас как зовут?

— Воинцев. Степан. Из Воронежской губернии.

— Что-то мне лицо ваше знакомое, товарищ Воинцев. Мы не могли нигде раньше встречаться?

— Все возможно, Владимир Ильич! По коридорам Смольного в октябре семнадцатого много народу слонялось!

— Тут вы, батенька, совершенно правы! Анархия тогда и впрямь стояла преизрядная! Ну, ничего. Нам на тот момент простительно было. Только-только власть взяли и еще, по сути, учились управлять государством. Но речь не об том. И как же вы, товарищ Воинцев, с позиции крестьянства оцениваете результаты сегодняшней электропахоты?

— Да как вам сказать, Владимир Ильич. С одной стороны, электричество — вещь, безусловно, полезная. Его и в самом деле стоит повсеместно внедрять и развивать. У нас в Воронеже молодой инженер Андрей Климентов выпустил под псевдонимом Платонов брошюру «Электрификация». Страстная вещичка, скажу я вам! В электричестве он тоже видит чуть ли не панацею от всех наших теперешних бед — нищеты, голода и так далее. Тут я с ним полностью согласен. Электрический рай на Земле возможен. Но — в будущем. Отдаленном или нет, пока не знаю. А взять, к примеру, ту же электропахоту. Чтобы подобный способ обработки по-

чвы широко внедрить в народное хозяйство, надо практически к каждому полю протянуть провода. А где их взять, если даже хаты в деревнях у нас до сих пор керосиновыми лампами освещаются? Вот когда построим достаточное количество электростанций, тогда и об электропахоте станем речь вести. Далее. Если сравнить простой примитивный плуг с лошадкой или тот же американский трактор, то для их обслуживания требуется один, максимум два человека. А здесь сколько? Посчитайте, цельных пять! Один на плуге, двое у лебедок и двое — у трансформаторов. И где же тогда экономия?

— Верно подмечено! Так значит, вы против внедрения электроплуга?

— В данном варианте — да. Лучше бы нам поскорей начать свои трактора строить! Проку от них, по-моему, гораздо больше будет! Они же не только пахать могут!

— Совершенно верно! Полностью с вами согласен, батенька! Вот он — глас народа! — вскрикнул Ленин. — Надо нам чаще к нему прислушиваться.

Ленин, прощаясь, сделал было пару шагов в сторону, но потом неожиданно вернулся.

— А ведь я вас вспомнил, товарищ Воинцев! Это же вы по поручению Совнаркома выполняли ответственное задание за границей. В Италии и Китае, если мне память не изменяет?

— Все верно, Владимир Ильич!

— А чего в таком случае скромничаете? И, кстати, почему в Воронежской губернии очутились, а не в Москве работаете?

— Да я, Владимир Ильич, рад без памяти, что наконец домой попал! Своей семьей обзавелся, да на земле осел! Сколько ж можно воевать да по чужим краям скитаться!

— Ну это вы, батенька, зря. Негоже свои революционные таланты в землю закапывать! Тем более что для них вполне может очередное применение отыскаться. В Генуе весной следующего года должна состояться очередная союзническая конференция по урегулированию вопросов, не охваченных Версальским мирным договором. В кои-то веки и представители нашей страны получили туда приглашение. Поедет внушительная делегация во главе с наркомом Чичериным. А переводчиков не хватает! Не успели еще своих вырастить. Улавливаете, о чем речь идет?

— Вполне. Вот только я, Владимир Ильич, лишь итальянским языком и владею. Да и то — с середины наполовину. Не приведи Господи, еще опозорюсь где-нибудь! Стыда не оберешься!

— Ну, батенька, к чему такой пессимизм? Не стоит себя недооценивать. Не боги горшки обжигают! Да и к тому же, не зря говорится, что нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики!

— Все так, но только я беспартийный! Сочувствующий.

— Ну это я фигурально говорю. Что с того, что беспартийный? Зато наш, проверенный товарищ!

— И все же, неужели нельзя без меня там никак обойтись? Жену не хочу бросать! Только недавно свадьбу сыграли!

— Разве это проблема! Вместе поедете! Мы и на нее документы оформим. Заодно и супруге Италию покажете. Весной! Красота-то какая!

— Ну я, право, не знаю...

— А вы подумайте, товарищ Воинцев, подумайте... С таким народом, как вы, мы отныне твердо и неуклонно пойдем к новым победам! Так, товарищи?

Товарищи разногласия согласились и несмело заплодировали, спугнув картых галок с косой борозды.

Ольга Ивановна Фоменко родилась в селе Новая Криуша Калачеевского района. Окончила Павловское педагогическое училище и экономический факультет Московской гуманитарной академии. Была индивидуальным предпринимателем, менеджером, администратором. Печаталась в районных газетах, журнале «Подъём». Член литературного объединения «Донские родники». С 2020 года проживает в Воронеже.

Ольга Фоменко

И ТЕПЛО ОСТАНЕТСЯ ЗИМОВАТЬ

ВЕТЕР ОБШАРИЛ КАРМАНЫ

Ветер обшарил карманы — там пусто,
Ну а поглубже заглядывать... лень.
Тени ложатся упрямо и густо,
Значит, мной прожит отпущенный день.

Месяц пьет воду в подтаявшей луже,
Звезды в веселый сошлись хоровод.
Вновь по-весеннему голос простужен...
Значит, мной прожит отпущенный год.

Запад прожорливый давится солнцем,
Время споткнуло стремительный бег.
Свет затухает в последнем оконце...
Значит, мной прожит отпущенный век.

Ветер обшарил карманы — там пусто,
Сушит слезинки, которых не счесть.
Пусть поболит... поболит и отпустит...
Вспомнил меня — значит, я еще есть.

ПУСТЬ ЗАКОНЧИТСЯ ВСЁ

Пусть закончится всё: предложения без точек,
Недосказанность слов, недомыслие дум,
Затеряется подлость души между строчек,
И уляжется пыль, и заглушится шум...

Пусть последние нити порвутся без боли,
А на грязные рты пусть навесят замки,

Чтоб на их языках рассосались мозоли
Всем законам о сплетнях и лжи вопреки.

Пусть театра абсурда последние гости
Разойдутся уже — насмотрелись сполна...
Закрома раздражения, подлости, злости
Исчерпаются пусть до глубокого дна.

Пусть забудется страх, не останется силы
Зря надеяться, биться в истериках, ждать...
Пусть поставят надгробья на наши могилы.
Пусть закончится всё, чтоб начаться опять.

ПРИДУМАЙ МИР

Придумай новый мир для нас...
В нем дом наполнен ярким светом,
Пространство нежностью согрето,
Там щедро делятся советом,
Живут в нем «здесь», живут «сейчас».

Придумай мир, где нет обид,
Где не завидуют успехам,
Где сердце сердцу вторит эхом,
Где дом наполнен детским смехом
И чайник по утрам кипит.

Сумей себе вообразить,
Что значит просыпаться рядом,
Друг друга обнимая взглядом,
И знать о счастье непочатом...
Придумай мир, и будем жить.

ВЕТЕР СЛОВ

Извини за резкость и громкость слов,
Признаю, что часто я неправа...
Просто ветер рвется из берегов
И в лицо бросает тебе слова!

К сожаленью, не в силах теперь уже
Их поймать я. Их много — почти за край...
Не копи их в сердце и на душе,
Ты их просто с воздухом выдыхай.

Свод небес прозрачен и невесом...
Я с тобой начну в унисон дышать,
И наполнит легкость наш светлый дом,
И тепло останется зимовать.

Зинаида Анатольевна Мысливцева родилась в селе Стояновка Аннинского района Воронежской области. С 1973 года проживает в городе Павловске. Окончила Воронежский государственный педагогический институт. Более 40 лет работает учителем истории в Павловской школе-интернате № 2, руководитель школьного музея. Почетный работник общего образования РФ, лучший руководитель музея образовательного учреждения Воронежской области. Член литературного объединения «Донские родники». Печаталась в местных СМИ и коллективном сборнике «Павловская лира».

Зинаида Мысливцева

ЛУЧШЕНЬКИЙ КУСОЧЕК

Рассказ

Соня, моя родная тетка, жила тихо и скромно, лишней копейки не имела. Огород, садик, куры — вот и все хозяйство. Немногословна, все больше слушала, если случалось присутствовать при разговоре. Никогда ни о ком ничего дурного не говорила, как некоторые деревенские бабы судачат почем зря, как сойдутся во множестве, по принципу: «В чужом глазу и соринка видна, а в своем бревно незаметно».

А тут случилось горе у соседей. Умерла жена и остался муж один. По имени его не звали. Фамилия звучала как имя. Марчук — и все тут. Погоревав, выдержав траур, решив, что одному плохо, стал он приглядываться к своим соседкам, одиноким женщинам. С правой стороны — Софья, с левой — Екатерина, обе ровесницы, одиночки с большим стажем. Думал, рядил — и пошел все-таки к Софье. Пришел и сказал: Соня, давай жить вместе, оно как-то сподручнее, да и нравишься ты мне».

От услышанного Соня растерялась: наверное, и не думала, что кто-либо обратит на нее внимание и случится на старости лет ее женское счастье.

Ничего другого ей в голову не пришло, как сказать: «Надо з Лизкою посоветоваться». Это значит — к моей матери,

младшей сестре своей, надо идти просить совета. Марчук одобрительно кивнул головой, уверенный в том, что надо соблюсти формальности и родственников поставить в известность. Так положено. По ее виду он сразу понял, что она согласна.

К нам в дом она не зашла, а влетела — запыхавшаяся, разгоряченная. Наверное, не шла, а бежала, что есть духу, от радости. И сразу выпалила: «Лизко, шо его робыть, Марчук приходив свататься!»

Она покрывалась пятнами от волнения, она была уверена, что младшая сестра разделит наверняка с ней ее переживания, одобрит ее намерения, что они посидят, поплачут по-бабьи, посетуют на свою женскую долю, как это бывает.

Марчук — мужик непьющий, работающий, с женой жил ладно. Лучшего претендента в мужья и не сыскать.

Но Лизка, сцепив зубы, поставив руки в боки, со злостью прошипела: «На шо вин тоби нужен, живешь як королева, лучшенький кусочек соби в рот. Ни клята, ни мята. Надумала?! Гони его в шию».

От таких слов Соня вся съежилась, будто ее ударили хлыстом, ей вдруг стало как-то стыдно, будто ее уличили в чем-то нехорошем. А сестра не унималась: «Подывись, як я живу з мужиком, на черта тоби нужна така жизнь».

Тот мужик, о котором она говорила, был ее мужем и отцом ее детей. Он в это время спал мертвецким сном, будучи в хорошем подпитии — от него страшно разило перегаром и куревом. Курил законный супруг по три пачки папирос в день в доме, совершенно не думая о своих домочадцах. Не знаю, что творилось у них в легких после таких ингаляций, но занавески постоянно были желтые, и Лизка их время от времени стирала и часто выговаривала: «Накурыв, хоть топор вишай».

От том, что Марчук был совершенно другой — и близкого сравнения нет, — сестра не хотела и думать: она костерила все мужское племя, стригла всех под одну гребенку и была уверена, что если было бы у нее ружье, она бы их всех, пьяниц, порешила бы. В ней говорила неумная ярость, она была плохим советчиком.

Соня молча выслушала ее пламенную речь и тихо, не говоря ни слова, ушла. Она проплакала всю ночь, вспоминая свою жизнь.

Она вспомнила, как выходила замуж...

1940 год.... На деревенских посиделках она увидела его, Козуба Василия, солдата срочной службы, который приехал на побывку домой на две недели. Он сразу ей понравился. Симпатия оказалась обоюдной, и случилась скорая свадьба и быстрые сборы в дорогу. Так она вместе с мужем отправилась дослуживать на Дальний Восток.

Едва родился сын, как началась война, и в первые ее дни муж был отправлен на запад. Больше она его не увидела...

Она осталась одна в совершенно чужом краю и решила ехать домой. Но фронт приближался к родным краям, и отец в письме просил не трогаться с места. Но она так решила: будь что будет, но в беде надо быть рядом с родственниками.

Долго и с большим трудом добиралась до Рубашевки.

Каждый день она молила Бога за своего Васю, чтобы он остался живым и невредимым. Тихо плакала по ночам, и вместе со всеми переносила все тяготы и лишения военного времени. В колхозе пахала на быках, скирдовала, полола, доила коров...

Все мужчины призывного возраста ушли на фронт, работали тогда и стар и млад, включая всех женщин. С нетерпением ждала письма с фронта от любимого Василя и верила, что дождется его, что смерть обойдет его стороной и они непременно будут счастливы.

Затаив дыхание, односельчане слушали сводки с фронтов. Красная Армия уже шла с победоносными боями на Запад.

Последнее послание пришло из Львовского госпиталя, где находился на излечении ее подорвавшийся на mine муж. Далее — тишина. Ни умерший от ран, ни погибший в бою, ни без вести пропавший: ни живой, ни мертвый. Эта безвестность ее терзала, она не могла спать, от каждого шороха просыпалась. И все думала и думала, что же могло случиться с ее любимым?

Уже и война окончилась, а она продолжала ждать, а вдруг вернется живой, ведь на войне чего только не бывает. Она своим сердцем чувствовала, что он живой.

Соня постоянно смотрела на дорогу, чтобы не пропустить возвращения своего мужа. Она не раз представляла встречу с ним: как бросится к нему в объятия, как прижмется к нему всем телом, как заголосит на его плече.

Ждал отца и уже подросший их пятилетний сын Славик. Он знал, что у него есть папа, что его задерживают важные дела после войны и что он со дня на день обязательно вернется и привезет ему большущее ружье.

Не может не вернуться, ведь его ждут два любящих сердца....

Соня часто выходила за околицу и вглядывалась вдаль дороги, дороги, по которой возвращались с войны мужчины домой. Шли пешком по одному или по нескольку, запыленные и уставшие, с вещмешками за плечами. Оставшиеся метры уже не шли, а бежали, чтобы скорей увидеть самых близких и родных людей. Каждое возвращение было знаменательным событием для всего села, радовались за каждого вернувшегося односельчанина.

А затем пришло письмо... от Василя... Не ей, а его родителям, где он писал, что жив! и здоров! Просил прощения за долгое молчание и сообщал, что нашел свое счастье во Львове (эта женщина подняла его на ноги после тяжелого ранения) и домой возвращаться не будет. А о жене и сыне ни слова, как будто их в его жизни и не было вовсе. Долго не решались сказать об этом свекр и свекровь своей теперь бывшей невестке, пока по деревне не пошли слухи о таинственном письме, ими якобы полученном.

От такого известия Соня почернела, она отказывалась в это верить. Она не могла смириться с тем, что ее Вася, муж и отец, про них со Славиком совершенно забыл. Этого не может быть! Она каждый день ходила к своему брату, председателю колхоза, и умоляла его ехать во Львов и забрать ее Васю, которого окрутила разлучница-хохлушка.

— Андрей, я тебе Хрыстом-богом прошу... — говорила она и начинала рыдать-причитать так, что даже самый безжалостный человек на свете не остался бы равнодушен к ее мольбам. Ее невозможно было утешить.

Андрею было жаль сестру, он ее каждый раз терпеливо выслушивал, но не представлял, чем может помочь. Оставить колхоз надолго было нельзя, да и опасно стало в послевоенное время в Западной Украине. Там бесчинствовали банды бандеровцев.

Жена Татьяна сочувствовала своей золовке, но мужа отпускать «к черту на кулички» опасалась.

— Ты шо, хочеш мене оставить без мужа, а своего сына сиротой? Уедете и с концами сгинете. Шо тодди робить, подумай о Славике.

Со временем, выплакав все слезы, Соня смирилась, но боль застыла в душе навсегда. Шли годы. И наконец она с облегчением решила, что, слава Богу, муж ее живой — и мысленно пожелала ему счастья. Она знала, для кого ей надо теперь жить — для сына.

А однажды приехал Василь тайно в деревню к родственникам на два дня, как-то тихо, что никто и не знал. Как трус. Увидеться с Соней не захотел, наверное, было стыдно, да и что он мог сказать ей, глядя в глаза, что обрек ее на вечное одиночество? Мужиков в войну много побило, так что шансов стать женой у женщин военного и послевоенного времени было мало.

Когда Славику исполнилось 14 лет и он закончил семилетку, встал вопрос о дальнейшей учебе. Сама Соня была без образования, она даже в школу не ходила. Жили они страшно бедно, за работу не платили, только ставили трудодни, на которые выдавали зерно, масло подсолнечное, сахар и другие продукты, но в таком количестве, чтобы только не умереть от голода. Да и уехать из села на учебу было невозможно, не выдавали паспортов. Такая политика проводилась в стране, чтобы удержать крестьян на селе для выполнения каких-то немыслимых грандиозных планов социалистического строительства, прямо-таки крепостные государственные.

В общем, обернулось так: Василий вдруг позвал сына к себе...

Славик был не против, и Соня противиться не стала, интересы сына были для нее прежде всего. Назад Славик не вернулся, так и остался во Львове на всю жизнь. Получил высшее образование, сделал научную карьеру, получил ученую степень, стал профессором и преподавал во Львовском политехническом институте. А еще он женился, создал прекрасную семью.

Так Соня осталась совершенно одна.

Ни жена, ни вдова, ни черту кочерга. Ни счастья, ни горя, ни поплакать, ни посмеяться, ни порадоваться, ни огорчиться. Жизнь без полос: ни тебе черных (слава тебе, Господи), ни тебе белых...

Наутро Марчук пришел за ответом. Опустив опухшие от слез глаза, Соня еле выдавила из себя, что была занята и не выбрала время посетить сестру, сегодня обязательно это сделает. Сказать о совете сестры она была не в силах.

Марчук был в недоумении, узнав, что Соня не выбрала времени сходить к сестре, чьим советом она так дорожит.

Все это время за затянувшимся сватовством внимательно наблюдала из-за забора Катерина. Она в душе злилась на соседку, ее одолевала ревность. Она недоумевала, почему Марчук выбрал не ее. Ведь и лицом она была лучше, как ей казалось, и проворнее, все у нее в руках горело, не то что медлительная и нерасторопная Соня, которая еще и размышляет по поводу замужества. Уж на ее месте она повела бы себя совсем по-другому. Она поняла, что у нее есть шанс. В голове созрел план, чисто женский, коварный.

Вечером она позвала Марчука и обратилась якобы за помощью:

— Марчук, а Марчук, у мене ризетка зломалась, зайды.

Ей даже пришлось повредить розетку, чтобы был убедительный повод заманить соседа.

Марчук и не подозревал, что идет в ловко расставленные сети. Он пришел, по-деловому разложил инструменты, отключил ток и принялся устранять неполадки.

После выполненной работы соседка пригласила его за стол:

— Марчук, давай поснидаемо, ужин готов.

На столе уже стояла дымящаяся картошка «в шинелях», вареные яйца, зеленый лук, крупно нарезанные помидоры и бутылка мутной са-могонки.

Выпили по одному полустаканчику... Мария обвила его шею руками, прижалась к крепкому мужскому телу.

Истосковавшийся по женской ласке Марчук не отстранился, а после второй рюмки он уже ничего и не помнил. Проснулся утром в постели с Катькой, да так и остался у нее навсегда...

Ни наутро, ни на другой день Марчук так и не появился у Сони.

Через два дня она увидела его во дворе... соседки и сразу все поняла. Еле зашла в дом, упала на кровать и залилась горячими слезами...

Она поняла свою ошибку. Она злилась на Лизку, которая сбила ее с панталыку и не дала принять ей самостоятельное решение, да и себя укоряла за нерешительность, понадеялась на мудрый совет сестры, которая работала в сельском совете и имела ума палату...

С тех пор прошло много времени. Ушли из жизни и Марчук, и Катерина, прожив ладком в мире и согласии. А Соня все жила, и стукнуло ей уже 95... Почему ей такая судьба была уготовлена свыше? Каждый день она вспоминала какой-нибудь отрывок из своей жизни, анализировала все мельчайшие детали, но не могла она понять: такая долгая жизнь — это подарок судьбы или наказание свыше? В душе она все еще держала обиду на сестру. Но лишь однажды Соня упрекнула ее. Та же никогда за всю жизнь ни разу не почувствовала себя виноватой и сразу нашла, что ответить: «Надумала вспоминать прошлогодний снег. Ну где той Марчук, где та наглючая Катька? Давно на том свити. А ты все живешь. Лучшенький кусочек себе! А был бы мужик, стильки не прожила б... Не о чем жалеть!»

Соня смахнула невесть откуда взявшуюся слезу и еле слышно, почти шепотом произнесла: «Зачем мне такая долгая жизнь, если она без радости от одиночества, зачем мне лучшенький кусочек, если его не с кем было разделить?!»

ХРИСЬКИНЫ ДЕТИ

До войны, той самой, большой, жил в селе Садовом рыжий, с большими яркими веснушками, веселый, добродушный, невысокого роста мужичок — Александр Гусев. И я, и мои родственники о нем никогда бы и не узнали, не случись у него беды, не дай Бог никому такого.

Родив ему четвертого ребенка, жена сразу же и померла... Тогда на селе рожали дома, и хорошо еще, если присутствовала при этом бабка-повитуха, у которой были хоть какие-то навыки помощи роженицам. Трудно сказать по истечении времени о настоящей причине ухода женщины из жизни, но, видимо, открылось кровотечение, как часто бывает, и случилась скорая смерть.

Закручинился мужик, не мог сдерживать слез при виде своих детей. Сиротинушки... Только что родившийся ребенок Александра был у его родной сестры, и она уже не единожды намекала, чтобы брат побыстрее решал свою семейную проблему, так как ей было тяжело: своих детей восемь — мал мала меньше, да и сама находилась на сносях очередным ребенком. Одни посоветовали Александру сдать малышей в детдом. От

этой мысли у него все холодело внутри, принять такое решение он был не в силах. Гусев не хотел об этом даже и думать, он обожал детей и не собирался с ними расставаться. Родственники помочь не могли, в каждой семье было по десятку и больше детей, и там едва сводили концы с концами. Рассчитывать на их помощь не приходилось. Совсем растерялся Александр. Совет жениться прозвучал для него как издевка. Какая женщина пойдет на четверых детей? Времена-то какие.

И тут пришла ему в голову одна мысль... Стали вместе с его родственниками искать по окрестным селам ту, которая засиделась в девках. Замуж в те времена выходили рано, в 16–18 лет, не взятых в жены к тридцати годам и старше называли старыми девами. Причины, по которым не выходили замуж, были совершенно разные, одна из которых как приговор: не вышла ликом. И сейчас речь пойдет о родной сестре моего деда Нестора. В метрике она была записана как Кристина, Кристина Куценко, а звали ее просто — Христя. Трудолюбивая, добрая, но на внешность какая-то мужиковатая, нескладная, с грубыми чертами лица, большими руками и 43-м размером обуви. Природа женственностью ее не наделила, мужским вниманием она была обойдена. Не случилось женского счастья, а ведь уже тридцать лет, и жила Христя в семье брата, нянчила племянников и уж совсем не надеялась на перемены в своей жизни.

Вот к ней-то в Рубашевку и приехали свататься из Садового. Расчет был прост: засидевшаяся в девках легче согласится выйти за вдовца с детворой, а чтобы не напугать ее количеством детей, решено было не говорить о четырех, сказать только о трех, а там подумали, что со временем она пообвыкнется, примет и четвертого.

Сватов приняли радушно, посадили за стол, выпили, закусили, долго рядили. Скрамная, застенчивая Кристина зарделась ярким румянцем: она пребывала в растерянности, боялась поднять голову и получше рассмотреть приехавших. И уж очень хотелось ей разглядеть *его*. Кристина представляла, что такое трое малолетних детей. И понимала, что это может быть первое и последнее в ее жизни предложение руки и сердца. Она знала, что решение принимать только ей. Мучилась в сомнениях, пытаясь все взвесить: либо оставаться в семье брата вечной домработницей, либо попытаться своего счастья, своих детей произвести на свет, возможно, и полюбить этого рыжего кандидата в мужья. А он разглядывал ее в упор. О чем думал при этом — трудно сказать. Может, о том, сумеет ли она заменить ему его жену, которую любил до самозабвения, сможет ли она быть его детям любящей заботливой матерью — а это, пожалуй, самое главное.

Вроде сватов и не проводили с отказом, но и не пообещали ничего. Решили, что приедут в Садовое посмотреть на дом, на детей, расспросят соседей о ее потенциальном будущем суженом — не буйный, не пьющий ли? И вот погожим деньком Нестор запряг коня Буяна в телегу и поехал с сестрой навстречу ее будущей судьбе. Он понимал, что без нее будет в семье трудно, но счастьем сестры противиться не стал бы, принял бы любое ее решение. Их ждали. Детей научили, как встретить тетю: чтобы ее разжалобить, они должны броситься к ней, обнять и назвать мамой. Подъезжая к дому, отметили, что хата добрая, крепкая, двор ухоженный — так бывает у настоящего хозяина. Соседи про Александра ничего худого не говорили, наоборот, хвалили — дескать, и самостоятельный, и трудолюбивый, и добрый. Жалели его и... помогали, чем могли. Как только гости зашли в дом, дети робко подошли к Кристине, как их учили, но,

назвав ее мамой, забыли обо всем на свете, стали громко голосить, хватали ее за юбку, самый маленький тянул свои ручонки кверху, чтобы его взяли на руки, он и в самом деле подумал, что это мама. За месяц отсутствия матери он забыл ее, а после криков «мама» решил, что это она и есть. На миг Христя растерялась, острое чувство жалости пронзило ее, она присела, обняла всех детей своими крепкими руками, сгребла их в кучу и разрыдалась, затем быстро подхватила маленького, прижала к себе, тот уткнулся ей в плечо, наконец, успокоился и даже заснул. И Кристина поняла, что уже не уйдет из этого дома.

Вот так у нее появилось разом трое детей, которых она сразу и полюбила — сначала их, а потом и их отца. Ребята быстро к ней привыкли, а она привязалась к ним всем своим сердцем, и ей казалось, что это ее дети. К мужу же Христя привыкала долго, и когда почувствовала, что носит под сердцем своего ребенка, душа ее наполнилась теплом и счастьем.

А новоиспеченный муж думал, как признаться ей в том, что у него есть еще один ребенок. Ему было совестно, выходило, что он обманул Христю, а она этого не заслуживала. По ночам Александр плохо спал, часто вздыхал и ничего не мог придумать. Каждый день он ходил украдкой к своей сестре, проводывал своего сына и говорил ей: «Потерпи еще немножко, сестрица, еще не время сына возвращать».

Разрешилось все как-то само собой, неожиданно.

Почувствовав, что начинает рожать, сестра спешно направилась в дом к брату, ни слова не говоря, быстро отдала на руки ничего не понимающей Христе орущего ребенка, а сама убежала. Кристина стояла в недоумении, не зная, что и думать, пока дети не дали понять, что от нее скрывали нечто важное. Они подбежали и стали радостно кричать: «Это наш Колька, Колька! Наш братик!» Все поняла Кристина, лишь слезу смахнула и произнесла: «Ну теперь, я надеюсь, все мы вместе, никого больше нет на стороне? Будем теперь ждать братика Сашку». И когда муж пришел домой, то увидел свою заплаканную жену, укачивающую Кольку и поющую ему колыбельную. Вмиг нахлынувшее острое чувство благодарности к жене и щемящее раскаяние за свой обман заставили его упасть перед ней на колени. Александр разрыдался. Заплакала и Христя, тихо, еле сдерживая всхлипывания, чтобы не напугать заснувшего ребенка...

А через положенное время появился их общий сын, такой же рыжий, как и его папка, такой же крепкий, как мамка, и назвали его в честь отца — Санек, Александр Александрович (или Сан Саныч, как его по жизни в дальнейшем величали). А потом появились еще двое их общих детей, две дочки. И оказалось у них всего семеро ребятишек — четыре сына и три дочери. Соседи, чтобы отличать детей от первой и второй жен, называли ее детвору «Хриськины дети». Но она считала это несправедливым, обижалась и говорила: «Все они мои». Стирала, готовила, дети были накормлены, ухожены. Дом держала в чистоте, в нем всегда пахло свежим хлебом. Она боялась, что кто-то из детей заболеет и, не дай Бог, помрет. Детская смертность тогда была высокой — и голод, и холод, и болезни, и врача днем с огнем не сыщешь, времена-то какие... чего только не пришлось пережить.

Всех детей смогла сохранить Христя. На всеххватило тепла, ласки, доброты. Всех вынянчила, всех вырастила, определила в жизнь. Ни разу ни от кого не услышала в свой адрес злое слово «мачеха». И никогда не пожалела о своем замужестве. Любил ли ее Александр, она не знала, красивых слов тогда о своих чувствах не говорили, но за всю жизнь ни дур-

ного слова, ни упрека от него ни разу не услышала. Жалел ее. Разделял с ней все заботы по дому. Всем о ней с нежностью говорил: «Моя Христюшка», — и с гордостью хвалился: «Вкуснее, чем моя женка, хлеб никто не печет». Соседи видели их счастье и по-доброму радовались за них...

Затем все вмиг переменилось. Война! Великая Отечественная. Она коснулась любой семьи, горем и болью отозвалась в сердце каждого. По очереди ушли на войну муж Кристи и два их сына. Она на всю жизнь запомнила их растерянные лица, улыбки, застывшие на губах, не высказанные перед расставанием нужные слова. Проводив самых дорогих людей, она не находила себе места. Боль и тревога не покидали ее. Она надеялась увидеть всех живыми и невредимыми. Но судьба распорядилась по-своему. Из трех ушедших на войну вернулся только один... сын, тот самый первый ее сын — Сан Саныч.

Давно уж нет и Христи, и ее мужа, умерли и их дети.

И живут сейчас на белом свете их внуки да правнуки, добрым словом поминают своих предков, но вряд ли знают в подробностях об этой истории.

Галина Васильевна Чикурова родилась в городе Камышин Волгоградской области. Окончила Кемеровский техникум пищевой промышленности. Печата-лась в районных газетах, журналах «Подъём», «МО-ЛОКО», «Наследник», аль-манахе «Академия поэзии», коллективных сборниках. Автор книги стихотворе-ний «Длиною в жизнь». Ла-уреат музыкально-поэти-ческих фестивалей «Ков-чег», «Воронцовая Русь». Член литературного объеди-нения «Донские родники». Живет в селе Пески Павлов-ского района Воронежской области.

Галина Чикурова

ОЖИДАЯ РАССВЕТ

МАТУШКА-ЦЕРКОВЬ

1

Стены обшарпаны. Корни деревьев
Свесились вниз и ползут с потолка.
Матушка наша, красавица-церковь,
Строили предки тебя на века.
Ангелы плачут незримо и тихо,
Ветер сквозит из разбитых окон,
Видно, в селе разгулялося лихо,
Если и в церкви не стало икон.
Служат мамоне, кто ближе к «кормушке»,
Души свои за гроши продадут.
Лишь сизари да голубки-толстушки
В храме воркуют, как службу ведут.
Знать разучились мы, грешные, верить,
Счастьем достаток представив себе.
Ну почему надо горе примерить,
Чтобы душой повернуться к Тебе?!

2

В сугробах спрятались деревни,
Метет, метет по всей Руси.
Звучит в тиши церквушки древней:
«Помилуй, Господи, спаси».
Трепещут робко свечек блики,
Кадилом фимиам разлит,
Святых торжественные лики
Внимают шепоту молитв.
Давно — наверное, полвека —
Над ней молчат колокола,

И лишь четыре человека
Сюда тропинка привела.
Не слыша воя завирухи,
Чтоб Свет Божественный не гас,
Здесь батюшка да три старухи
Молитвами спасают нас.

СТАРЫЙ ДОМ

Он жил людьми, их бедами и счастьем,
Он не жалел для них тепла и сил,
Он был уверен, да и прав отчасти,
Что это он им счастье приносил.
Он помнил крики «горько», смех детишек,
Как сад сажали дружно всей семьей,
Как каждый вечер с замираньем слышал:
С работы возвращаются, домой!
Какие песни пелись под гармошку!
Как тесно было в праздник за столом!
Но вот остались лишь хозяйка с кошкой,
И одиночество пробралось в дом...
Крылечка скрип. Калитки всхлип последний.
Упавший тополь крышу повредил...
Дом умирает на краю деревни,
Глаза-окошки ставнями прикрыв.

* * *

Солнечный погожий день осенний.
Самая пора колоть дрова.
Колет дед, а складывать поленья
Напросилась к деду детвора.
Дед доволен поворотом дела,
Как снуют мальцы туда-сюда:
«Не лентяи, сразу видно — в деда,
Хоть и “городские”, “господа”!»
Дед пошутит, песню замурлычет,
Поворчав, советы даст свои.
Вдруг услышал, как с небес курлычут,
К югу собираясь, журавли.
Кружат над полями, лесом, долом,
Клин еще не выстроен пока,
Но незримой силою ведомы
Скоро воспарят за облака.
Улетят в неведомые дали...
Приложив ладони козырьком,
Дед и внуки вместе наблюдали
За прощающимися косяком.

ПОМОЛЮСЬ

Выходной. Воскресный день.
Спит село устало.
Всех предутренняя лень
Зело спеленала.
Снег скрипит. Луна, как блин,
Прилепилась к небу.
У меня же путь один
Душе на потребу:
В храме благостно светло,
Помолюсь Мессии
За себя и за село,
И за всех в России.

АНГЕЛ МОЙ

Ангел мой! Ты еще не устал
Укрывать меня белым крылом?
В перевернутом мире зеркал,
К сожалению, все мы живем.
Белый свет не всегда — белый цвет,
Разноцветною кажется мгла.
Сколько раз, ожидая рассвет,
Я в пути заблудиться могла!
Когда веру теряла в людей,
Когда мрак обступал, боль и зло,
Поднимая молитву горе,
Понимала, как мне повезло:
Ты со мною незримо встречал
Каждый миг, что начертан судьбой.
От крещенья, от самых начал,
Ангел мой, я хранима тобой!

Ольга Константиновна Болгова родилась в селе Лосево Павловского района Воронежской области. Профессиональный художник. Окончила Бутурлиновское художественное училище. С рассказами публиковалась в журналах «Крестьянка», «Работница», «Юность», «Собеседник. Детектив», «Воронеж провинциальный», еженедельнике «В Округе», коллективных сборниках «У Дона Тихого», «Под Знаменем Победы!» Автор книги рассказов «Не прячь душу в тень». Ее произведения печатались в США и Израиле. Живет в Павловске.

Ольга Болгова

ЛЮБИТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ

Рассказы

Танюша стояла возле квартиры своей бабульки (по матери) и прислушивалась к гомону, доносившему из нее: «Опять собрались вчетвером, не подожгли бы чего, а то гадали на Рождество, так весь стол и стена — как после бандитской перестрелки. Просто удивляюсь, что им еще нужно знать: что было, то прошло... Что будет? Одно из двух — мерцательная аритмия или дубовая опочивальня на одну персону».

Она держала четыре пакета с подарками, груз был не из легких, но все это оправдано минутами счастья. Еще немного постояв, Татьяна поставила их на пол, подтянула джинсы, насколько это возможно, расчесала волосы, стерла с губ яркую с блестками помаду, еще раз посмотрела в зеркало, загасила сигарету в банке на подоконнике, погрызла леденец. Ну, с Богом. И нажала на звонок. В ответ бодренький голос предупредил:

— Иду, иду.

Дверь открылась, Танюшку тут же обняли, расцеловали.

— Девчонки, внуча пришла... — Вся компания мигом была возле Тани. Ее обнимали и почти силой раздевали.

— Бабульки, меня уполномочили поздравить вас с праздником, с женским днем, Восьмым марта. — Она взяла один из пакетов.

— Девчата, вы слышали, как она сказала «бабульки»? Чисто мокнув головой в прорубь.

— Баба Настя, вечно ты возмущаешься, а я вот тебе электрический чайник дарю, — Танюшка улыбнулась, потому что знала: Настасья Алексеевна по достоинству оценит подарок, для нее все, что светится, горит и пыхтит, имеет свою необъяснимую ценность.

— Ух ты!.. — Алексеевна заглянула внутрь чайника. — Здесь где-то должна быть красная лампочка.

— Бабуля, ты че, лампочку Ильича потеряла?

— Издеваешься?

— Нет. Ты же пословицу слышала, что «дареному коню в зубы не смотрят»?

— Конфетки, бараночки, словно лебеди, саночки, — запела Настя, делая волну подолом цветастого, почти девичьего платья, а то, что на ногах шерстяные носки чуть ли не до колена, так это она просто в праздничной суете забыла их снять.

— А мне чего?.. — любопытствовала Екатерина Львовна.

— А тебе, бабуль, твоя внучка передала, что они с друзьями поехали на пикничок. Если будут после в достойном виде, то заедут поздравить и сфоткаться, и просили приготовить раскладное кресло для малыша, так как они приглашены кумовьями на вечерние посиделки...

Старушка развела руками:

— Они поздравлять приедут или правнука на ночь спихнуть?

— Бабуль, ну ты как хочешь понимай. Вот, держи подарок, — Танюша вручила онемевшей старушке светильник, похожий на букет цветов неземной красоты.

Вся честная компания побежала в большую комнату, чтобы там включить его.

— Эй, люди, вы куда, я еще не все подарки вручила!

— А ты, Дед Мороз, погоди, мы оцениваем каждую вещь, как бриллиант в каратах, только весовая категория — это ваши души.

— Баб Вер, ну что так строго, мы всей копной выбирали вам подарки, а знаешь, как это сложно, у вас характеры, ну прямо скажем, не полевые цветочки: некоторые с шипами, а некоторые ближе к угарному газу — раза два вдохнешь такой аромат и копыта отбросишь.

— Ну а я кто же у тебя, не перегар ли от паленой водки? — Вероника Марковна хитро прищурилась, вытирая руки о фартук: вот сейчас она его снимет, и белоснежная шелковая блузочка будет в какой раз ей парадной формой.

— Нет, ты у меня — духи французские, «Шанель номер пять», очаровательные, этот парфюм никогда не забудешь, — Танюша обняла бабулю.

Удовлетворенная подарками, компания вернулась на исходное место в коридор к Тане.

— А теперь, Вероника Марковна, торжественно вручается вам жемчужное ожерелье.

Вероника смотрела на подарок, вытирая слезы.

— Я понимаю, что это не настоящий жемчуг, но как красиво, бабоньки! — Она надела украшение и тотчас совершенно изменилась, даже помолодела и тихо, серьезно добавила: — Вы не поверите, а я замуж хочу...

— Танюша хоть и фея, но это твое желание ей не по силам... Такого возраста невеста, как ты, только Кошею Бессмертному подойдет, а он в единственном экземпляре и вечно занят, — сделала вывод баба Катя.

— Да я помирать не спешу, могу подождать.

Старухи рассмеялись.

А Вероника, крутясь возле зеркала, напевала: «Хороша я, хороша, лучше не бывает, черны брови, алы губки, девушка на выданье».

И опять заливистый смех. Танюша от души веселилась со своими бабками и прабабками, все удивляясь, как это старухи смогли подружиться: в других семьях тещи, свекрови, их сестры и братья — как закодированные враги, а шифр кто-то потерял, все становятся навсегда чужими, а эти — исключение из правил, жить друг без друга не могут!

— Так, один подарок остался, это самой младшенькой бабульке, — Танюша загадочно полезла в пакет и достала две фарфоровые фигурки Ивана Царевича и Елены Прекрасной. — Ну как, Любовь Павловна?

— Ох, уж угодила, внученька, моей душе. Поставлю на комод и буду любоваться с утра до вечера. Красота!

— Люба... — не выдержала Вероника Марковна. — А тебе никого этот царевич не напоминает? Нет? А мне напоминает. Присмотрись получше... — она сняла с себя очки и напялила их Павловне на нос.

— Знакомое лицо, но что-то не припомню...

— Позор, Люба. Вспомни, из-за кого ты топилась?

— Не может быть! Он, батюшки... Он, стервец!

— Говорила тебе цыганка: вернется он к тебе. А ты не верила, — Марковна хитро улыбалась, а остальные уже смеялись в голос.

— Ничего, Танюша, пусть смеются... — вздохнула Любовь Павловна. — А тогда не до смеха им всем было! Я их страсть как напугала. Вероника так тужила, думала, что я помру, а я вот дожила до таких серьезных годов. А любила всегда как в последний раз.

— Люба, ты у нас нескончаемая сказка, как «Тысяча и одна ночь»! — прищурилась Вероника.

— Ох, пришиби! — засмеялась Любовь Павловна. — Ладно, хватит изгаляться, щас пойдем выпьем винца и занырнем в глубины памяти наших былых веков!

— Любушка, запутаешься в паутине, — у Вероники Марковны заблестели глаза, она вытерла платочком слезы. — Бабоньки, хватит байки травить, пошли за стол нашу гостью угощать.

Настя обняла Танюшу:

— Пойдем, внуча, мы тебе сейчас спасибо говорить будет.

Танюша, конечно, спешила: ее ждал возле подъезда Дима, но не могла же она им сегодня отказать? Больше всего на свете она боялась обидеть своих бабушек и прабабушек.

Сели за круглый стол, накрытый по всем правилам русской кухни: тут и поросенок, запеченный в духовке, и пироги с печеночкой, и картошечка целенькая с зеленым луком да укропчиком — да что там, всего и не перечислишь.

— Давайте, мои дорогие и любимые, возьмем в руки бокалы и выпьем за нашу любимую Танечку, за ее подарки! — Вероника Марковна сделала паузу, многозначительно посмотрев на внучку.

— А что вы так на меня смотрите, это мы всей семьей: и мои родители, и дядьки, и тетки, в общем, все ваше потомство для вас расстаралось... — смутилась Таня.

— Ну, знаем мы, положим, все, да и ладно с ними, самое главное — это то, что ты знаешь каждую из нас как саму себя. Значит, помнишь и

любишь. Девчата, давайте сюда наш ответный подарок! — Настасья Алексеевна подала Танюше темно-вишневую коробочку.

Она открыла ее и ахнула — золотое кольцо с большим бриллиантом!

Таня взволнованно закрыла ее.

— Не может быть, я, наверное, ошибаюсь! — Она опять открыла коробочку. — Боже, оно настоящее! Я просто не могу в это поверить!

— Танька, одевай, ты у нас сама как чистый бриллиант, — Вероника Марковна выпила вино. — А что, ведь я правду говорю, помните, как она в десятилетнем возрасте сказала, что не переступит порог дома, пока мать не попросит у меня прощения, это у свекрови-то? Каково, и добила своего, просила Светка у меня прощения, да. После того я поняла, что надо хвост прижать, а то если эта кроха поймет, что в споре виновата больше я, не миновать мне прилюдного разоблачения. Так что потом я у Светки грехи замаливала, а все из-за Танюшкиного крутого характера.

Марковна, немного захмелев, пыталась аккуратно положить себе в тарелку салат.

— Танечка, одевай колечко, не стесняйся, мы в восемнадцать лет детей имели, а некоторые по второму мужу, — Любовь Павловна погладила по голове внучку. — Давайте выпьем.

Она помогла Марковне положить салат в тарелку, взяла два бокала — свой и ее — и поставила их на середину стола:

— Договаривай, за что же пить будем! — Настасья Алексеевна налила в бокалы вина.

— Девоньки, держитесь, я щас произнесу торжественную речь! — Она встала из-за стола, взъерошила на кофточке кружевное жабо, поправила вылезшие из пучка волос шпильки: — Я и моя мама... короче, мы решили жить вместе!

Вся компания оживилась: что же такое небывалое случилось?

— Ничего особенного... — Екатерина Львовна, чтобы навести порядок, постучала по графину. — У меня возраст такой, уход мне должный требуется, так что нам с Любой вместе будет легче. А эту квартиру мы дарим Танюше (Львовна подмигнула правнучке). Причина на то имеется веская — предстоящая свадьба! Давай, невестушка, зови своего парня, пускай на него старухи полюбуются, а то небось с гражданской войны женихов в глаза не видали.

Таня вышла на балкон и рассмеялась:

— Дима, заходи, общество тебя требует!

Парню ничего не оставалось, как послушаться. Он легко бежал на второй этаж, рассчитывая увидеть дремучих старух.

Его встретили очень даже шустрые бабульки. Усадив рядом с Таней, они не сводили с него своих счастливых взглядов.

Таня что-то быстро шепнула на ухо Диме.

— Ох, извините... — спохватился он и вытащил из-за пазухи довольно-таки большой букет mimoz.

— Вот еще один душеугодник! — Вероника Марковна поцеловала парня в щеку и похлопала по плечу. — Не тушуйся, мы тут все свои, перед старой гвардией будешь держать ответ за нашу Таню!

— Ба, ну ты прекрати, замашки у тебя, прямо скажем, революционерки, — Таня посмотрела на смутившегося Димку. — Он еще мне не муж, а вы с него уже стружку снимаете.

— Когда будет мужем, поздно чего предпринимать, а сейчас если не сдрейфит — наш человек! — Марковна положила ему на тарелку куриную

ножку, поймала на вилку миниатюрный соленый огурчик: по всему было видеть, что парень ей по нраву.

— Ну вы посмотрите, — рассмеялась Настасья Алексеевна, — а мне своего Колю привезла с Владивостока, когда поздно было и заикаться о каких-то нравоучениях.

— Мама, я на своем горьком опыте собаку съела.

— Ну нет, мои дорогие члены домашнего военсовета, я уж сама как-нибудь разберусь со своим женихом... — Таня собралась выходить из-за стола.

— А ну сядь, — Екатерина Львовна властно заставила Танюшку вернуться. — Вероника Марковна дело говорит. Кто за то, чтобы удовлетворить рвение старейшин?

Все подняли руки.

— Вот, видала, что значит наш голос против твоего? — весело продолжала Марковна. — У меня тоже есть один вопросик. Все о том же, о любви.

Танюша и Дима покраснели, опустив глаза.

— Ба, прекращай смущать.

— Не перебивай, я в смысле о святой любви, которая ведет под венец.

— Дорогие, прекрасные, милые женщины, — Дима встал, взял бокал с вином. — Я очень люблю Танюшу, и наше решение пожениться — это серьезно, а теперь выпьем за ваш праздник и за мой вечный праздник — за Танюшку.

— Лихо! — Марковна подала руку Диме. — Я на твоей стороне, парень!

Танюша с облегчением вздохнула.

Опустошив бокалы, компания налегла на закуски.

— Ну что, ответом обе стороны удовлетворены?

— Вполне! — Марковна махнула рукой. — А теперь хочу цыганочку с выходом!..

Екатерина Львовна поставила пластинку, только танцевать старушки не спешили. Расчувствовались от неожиданно пришедшей к ним в дом молодой любви. Обветренные долгой и нелегкой жизнью, они тем не менее сохранили веру в светлые чувства. А то, что не было рядом с ними зазнобушек, так это их беда: умеющие любить по-настоящему живут долго.

ЕДИНОРОГ

Дед Савва доживал свой век, но не сдавался: сторожил молочную ферму и поныне весьма даже уважал женщин, даже годовалых называл сударынями.

Хорошо было бабам с ним, понимал он женскую натуру с полувзгляда. Прожил с женой 60 лет. Так и пошел бы за ней на тот свет, да больно не хотелось расставаться с жизнью, такой красочной и неугомонной.

Все знали, что Савва любит байки рассказывать, и дежурившие по ночам доярки, бывало, не столько следили за стельными коровами, сколько слушали деда, а он соловьем заливался перед розовощекими жизнерадостными девчатами.

— Дед, а почему у тебя один глаз постоянно прищуренный?

Савва иногда раскрывал свой глаз в полную силу, но только от удивления. Почему он у него такой — и сам не знал. Но рассказывал о своем недостатке всегда по-разному. Однажды поведал такую историю:

— Да было дело, я тогда хозяйских коров нанимался пасти, еще до женитьбы. Бабенки меня подкармливали, ухаживали. Молодой ведь. Ну, значит, жила такая Марфа, гулена несусветная, полногрудая, белолицая. Хорошая, стерва! Маловат я был, а то бы приласкал. И вечно она просыпала. Знатные, видать, мужики к ней похаживали. А мне частенько приходилось ее коровенку доить. Жалко — животное недоенная мается. А тогда и сам весь день с молочком, и телятам с козлятами пиршество. А сколько раз Буренке в стойле приходилось оставаться из-за своей любвеобильной хозяйки! Коровка черная была, без единого пятнышка, умненькая такая. Если б только понимал я ее мычание: станет возле меня и рассказывает. Ну, обижать, конечно, неохота, послушаю маленько, но не весь день.

И вот все происходило как обычно. А тут Марфушка проспала, а соседка стучит ей в окно, разбудив всех в округе. И тут — взвизг калитки, выскакивает корова, а за ней Марфа. Смотрю, а бабенки со смеху катаются возле своих дворов. Я было подумал, что у меня с гардеробом что-то не в порядке, оглядел себя — все вроде в норме. Подогнала Марфа свою Буренку, круто развернулась — и назад. Я думал, меня парализует. Смеяться толком не мог, рот перекосило, глаза повело, батюшки, я упал на колени и просто рыдал, содрогаясь всем телом. Эта вареная кукла, соскочив с постели и сняв с себя ночную рубашку, на голое тело надела фартук, а сверху коротенькую телогреечку, и в таком виде выскочила на улицу. Когда она бежала ко мне, вид у нее был нормальный: все прикрыто, а вот когда повернулась ко мне спиной... Всем колхозом неделю смеялись над этим светопреставлением, а то и более того, точно сейчас не помню.

После такой байки доярки повалились на кровати, хохочут, а дед ухмыляется себе в усы: «Угодил!» Он уже так стар был, что даже смотреть со стороны на жизнь ему было в радость: каждую минуту зорко замечал и любовался ею. Бывало, сядет на скамеечку и с любопытством разглядывает прохожих, слушает разговор, как музыку... Все удивлялись: в такие-то годы старик все осознает ясно. У него в саду каждое дерево свое имя имело, а потомство этих деревьев — уже и отчество: все как у людей.

Рассказывают пожилые люди, что хорошим наездником был Савва, любил ветер, не боялся ничего и никого, разве только Бога. Война для него стала сильной душевной болью, но не страхом. Эти девушки и представить не могут его скачущим на лошади с удалой выправкой донского казака.

А сколько девчат в его сети попадалось... Возле него и сейчас молодые бабенки смущаются.

Но он никогда не хвалился своими похождениями, как иные пожилые люди. Он любил время, в котором живет, о родителях рассказывал, об их любви и верности друг другу. Люди удивлялись: да разве можно в это поверить? Разве раньше так любили? А он доказывал, что больше любили: в то время любимый человек приравнялся к святому, буквально молились на него, терпели все, дабы не потерять. Счастливец было мало.

...Нахохотавшись, девушки спросили:

— Дед Савва, как же Марфушка в таком срамном виде к людям ходила?

— А что, по телевизору сейчас еще и не такое показывают.

— Такое или не такое, а второй глаз у тебя не скукожился! — донимали доярки.

— Да это что, вот фельдшер зайкой от той бабенки остался.

— А что было, расскажи?

Марфа в то время работала поварихой в школе. Сами знаете, там нужно медосмотр проходить, здоровье врачам показывать. Приходит она как-то к фельдшеру Рябошлыку, тот оглядел ее, как полагается. «Одевайтесь», — говорит. А председателем был у нас тогда человек с барскими замашками и, входя к кому-нибудь в кабинет, никогда не стучал. В общем, миновав пациентов, сидящих в очереди к фельдшеру, заходит не спросясь, а Марфа только платье надела. И что в голове у нее сработало — то ли очень рада была, что успела одеться, то ли огорчилась...

— Ой, а я уже оделась, — заявила она.

Председатель сделался красным, а фельдшер сполз со стула под стол — смеялся до икоты и все спрашивал:

— А что было бы, если нет?

В общем, икота его так-таки прошла, а легкое заиканье осталось, но фельдшер не обижался на Марфу: такое тогдашнее веселие, как он сам признался, ему лишь один раз в жизни довелось испытать.

— Дед, — смеялись доярки, — да неужели это правда было?!

— Да чтоб мне до ста лет не дожить!.. Пошли, голубки, на нашу беременну глянем, а то за хиханьками вся ночь прошла. Это что, обыкновенные истории, житейские, а вот чудо сегодня обязательно произойдет, посмотрите на небо.

Они стояли втроем на скотном дворе, всматриваясь в ясное, усыпанное звездами небо.

— Какая красота!

— Вот-вот, и я говорю, иногда нужно подымать голову от земли и восхищаться увиденным в космосе!

Метеориты так и сверкали, оставляя за собой хвосты.

Девушки зашли в коровник. В стойле лежала корова, а рядом с ней примостился теленок с одним рогом во лбу, красной масти, совсем не похожий на белую с черными пятнами мать. Они остолбенели.

— Это вам счастье! Говорят, кто первый увидит рожденного единорога, тому за всю жизнь беды не видеть... — задумчиво произнес Савва.

Бычок глупо смотрел огромными глазами на девушек, обтиравших его.

— Наш ты соколик, красавчик, как тебе белый свет, еще непонятно, да? Ну ничего, мы твои крестные мамки, и в обиду тебя не дадим.

— В детстве я видел рождение лошака-единорога, так и жизнь прошла у меня как у избранника Божьего! — вздохнул Савва. — Жена была умница, молоденькую я ее взял, а самому тогда уже тридцать было. Дети выучились, образованные, правда, старенькие уже. А я все люблюсь созданием Творца — миром, в котором живу, и расставаться с ним неохота. Ну что, девоньки, укройте одеялом и мамашу, и сынка, вроде лето, а прохладой тянет.

— Дедушка, как же люди это воспримут, а вдруг осмеют наше счастье?

— А вы больно-то на людей не глядите, они чего не понимают — боятся, а оттого и ждать от них всего можно. Сохранить это чудо надо, такое красивое существо рождается редко, грех будет на мясо его забить.

— Если чего, мы его выкупим в колхозе.

— Хорошо, я доволен...

Через несколько дней дед Савва в свои сто десять лет помер. Двое сыновей и дочь быть на его похоронах не смогли по причине немощной старости, а приехали только внуки — пожилые, солидные. Обычно стариков проводить в последний путь мало людей приходит, а тут даже из других деревень понаехали, всем хотелось своими глазами посмотреть на что-то неувлочно значимое, важное, что их ныне покидало навсегда. Ведь к старику частенько люди разные приходили, рассказывали свое прошлое, а он им в будущее показывал ту единственную праведную тропинку, по которой потом и шли они с уверенностью. Своей необыкновенной мудростью он помогал людям и был счастлив.

Савва утверждал: помогла ему в жизни волшебная сила единорога. Кто знает, так это или нет, но старик всегда убеждал людей верить в добро. Поможет ли в жизни девушкам родившийся теленок-единорог, никому не ведомо, но ведь дед тогда заставил-таки их поверить в свое неминуемое счастье.

Николай Григорьевич Калинин родился в 1955 году в селе Краснофлотском Петропавловского района Воронежской области. Окончил Борисоглебское техническое училище связи. Работал по специальности в Белгороде, Воронеже, Петропавловке, Павловске. Публиковался в центральных, областных и районных изданиях, коллективных сборниках. Автор книг «Новый день», «На обратной стороне медали», «Матюшин лог — межа казачья». Лауреат областных фестивалей поэзии «Батька Дон», «Воронцовая Русь», «Калитвянский причал». Живет в селе Елизаветовка Павловского района Воронежской области.

Николай Калинин

ГРИБНОЕ МЕСТО

ПРИЗНАНИЕ

Мне не снился и не снится
Свет реклам, дворцов колонны.
Лесостепью окрыленный,
Не мечтал я жить в столице.
Мне приятней обнаженность
Низких крыш провинциальных,
И над ними устремленность
Тополей пирамидальных.
Глушь, беседка в винограде —
Вот мечты моей обитель.
Вот чем вызвал смех у дяди.
Он Москвы ревнивый житель,
Излагал мне план свой дерзкий,
Убеждал при нем остаться.
Но не мог мой почерк сельский
В городской квартал вписаться...

ХУТОРОК

Властью обманутый, богом забытый.
Что с тобой стало, степной хуторок?
Двери распахнуты, стекла разбиты.
Сник под дождями, озяб и продрог.
Центр, а в нем оступись — и окраина.
Где хуторян узнавалось лицо,
Ветер гуляет. Здесь он за хозяина.
Скрипнет калитка, качнется крыльцо.
Жди — не дождешься ни детского крика,
Ни бригадира в рассветном окне.
Некому больше мечтать о великом.
Незачем думать о завтрашнем дне.

Нет больше сельского слоя — прослойка.
Те, у руля, в повороте крутом
Вдруг развернули в стране перестройку.
Сменят другие — продолжат погром.
Выделят долю в развалинах бани.
В прибыль — тепло от порушенных стен.
...Выпьет сивухи, закурит Мишаня.
Он — ветеран всех былых перемен.

ГРИБНОЕ МЕСТО

Вот уж здесь грибнику-то забава.
И ведро наготове. Но стоп!
Под ногой не простая канава,
А по виду надежный окоп.
Не случайно здесь целы маслята —
Их отвал прикрывает собой.
Видно, жизнь сохранил он когда-то
Не одну в полосе фронтовой.
А что битва тут шла, над обрывом,
Есть свидетель — земли косогор.
Разворочен он силою взрыва
И глядит исподлобья в упор.
Ствол и ветви сосны однобокой
Искривились и так полегли,
Словно в ней перемешаны с соком
Наша боль и страданье земли.
Кто-то выстоял здесь, чтоб за Доном
Гнать фашиста и бить до конца.
...Тех грибов я, конечно, не тронул.
В них я в каждом увидел бойца.

УТРО НА РЕКЕ

Ночная снята с берега охрана.
В лесном крыле означилась река.
И гладь воды под толщею тумана
Скорей потрогать тянется рука.

Здесь нет пока ничьих грехов свершенных.
Еще в затоне чавкает сазан —
Рыбак, в его повадках искушенный,
В густой траве затих, как партизан.

Прибрежный куст на пальчиках коротких
Повис в речной туманной бороде...
Случайный стук весла по борту лодки —
И рыба мелочь прыснула в воде.

Движеньем дня встревожена сорока.
След на траве — осыпана роса.
И рыжий хвост в расщелине далекой —
То солнца луч, а вовсе не лиса.

ДЕНЬ СЕЛА КРАСНОФЛОТСКОЕ

Без сожаленья брошены дела.
Толпятся люди. Музыка и пляски.
На клубной сцене праздник — День села.
Объявлен хор. В нарядах стиль и краски.
В «talанты» гнет приезжий бард-солист,
Да зря успехом гости разогреты.
В селе, где каждый третий — гармонист,
Всегда свои отыщутся поэты.
Они не все бежали в города.
Кто кинул край, тому найдется смена:
Танцует школа, номер — хоть куда!
И про гармонию споет завклубом Лена.
Вы приезжайте, гости, на денек.
Да заночуйте средь полей неброских.
Вас опьянит поэзии глоток,
Настоянный на зорях краснофлотских.

* * *

День добрый, речка-говорушка!
Как будто кто-то ночь не спал,
Все гнал волну шершавой стружкой,
И гладил, и полировал.
А солнце в радужной обновке
Резвится возле поплавка:
Роняет луч в кругах поклевки,
Сверкая, слепит рыбака.
Прибрежных трав узорны тени.
Вода прозрачней, чем роса.
И смотрит сквозь нее ручейник,
Как глазки строит стрекоза.
А синь чиста до изумленья!
А день с румянцем на щеках!
Еще б такое воскресенье
Да журавля держать в руках,
И так идти, прижав покрепче
(Удачу кто посадит в клеть?)...
И Дон желанной гостье шепчет:
«День добрый, дочка Осередь».

* * *

Годы, годы — все на снижке,
Как грибы, висят.
Тот из детства — самый близкий.
Этот — шестьдесят.
Жил порядочно, без срама,
Правдой той, что есть.
Почитал отца и маму,
Родину и честь.
Если шел не в цель, а мимо,
В чем-то был неправ,
Кто-то строгий и незримый
Дергал за рукав.
Мне ли, Ангел мой хранитель,
Большого желать?
Ты для груза выбрал нити
Прочные, под стать...
Всякий год хранил
И честно,
Бережно вел счет.
И на нити этой место,
Верю, есть еще.

Виктор Иванов

ПО ПРИКАЗУ ПЕТРА I

(Из истории основания города)

Первое поселение на месте Павловска было основано в 1685 году. Русское государство нуждалось в укрепленных пунктах для охраны своих южных границ, и в устье реки Осереды были поселены черкасы (украинцы) для сторожевой службы. Они следили за передвижениями крымцев, которые совершали регулярные набеги на южнорусские области.

В 1708 году Петр I приказал адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину заложить в устье Осереды крепость, но в 1708 году началось восстание Кондратия Булавина, и основание крепости пришлось отложить. Крепость была основана в апреле 1709 года. После Полтавской битвы, в результате которой русская армия одержала решительную победу над армией шведского короля Карла XII, были взяты в плен более 16 тысяч человек. Три тысячи из них были направлены на строительство крепости и верфи.

В городе была основана судовой верфь, на которой строили военные корабли для Азовской флотилии.

В 1711 году в город Осеред переведен гарнизон из Павловской крепости с северного берега Азовского моря. После неудачного для России Прутского похода сюда переселились жители отдаленных Турции городов Азова и Таганрога, а также Павловской крепости на реке Миусе. Со значительным притоком гражданского населения (только одних купцов сюда переселилось более 500 человек) в городе, к северо-востоку от крепости, начали формироваться селитебные территории — или «форштадт», как они именуются в исторической литературе. Формирование селитебных территорий в начале XVIII века, в отличие от других городов губернии, происходило по регулярному плану. Геометрически правильные кварталы прямоугольной вытянутой формы ограничивали прямые улицы, идущие вдоль водораздела и перпендикулярно Дону (направление юго-запад — северо-восток). Центральная, водораздельная улица (нынешний проспект Революции), начинавшаяся от городских восточных ворот, являлась той осью, вдоль которой разворачивалась вся композиция селитьбы. Купцы, выходцы из Казани, привезли с собой приходскую деревянную церковь Казанской иконы Божией Матери, которую немедленно установили в своей слободке и в том же 1711 году освятили.

В 1713 году из Таврова сюда было переведено Адмиралтейство.

В 1714 году Осередская крепость (иногда пишется: «город Осеред») была переименована в город Новопавловск, но название не прижилось, и в 1715 году город стал

Памятный знак на месте Новопавловской верфи

называться Павловском. Управлял городом обер-комендант. Павловск был сильной крепостью — его со всех сторон окружал дубовый палисад — и делился на 2 части: замок и форштадт. Гарнизон его составляли 5 пехотных полков и артиллерийская команда. Названия полков: Павловский, Тамбовский, Козловский, Коротоякский и Елецкий.

Петр I посещал Павловск несколько раз. Последнее его посещение датируется 1722 годом. Тогда он с женой возвращался из персидского похода и остановился в городе. Некоторое время здесь размещались резиденция царя, «государев зверинец» и сад с экзотическими для этих мест растениями.

Во времена правления Екатерины II для организованной российским правительством Донской экспедиции Адмиралтейств-коллегия возобновила строительство кораблей на Павловской верфи.

С середины XIX века Павловск постепенно приобретает славу промышленного и купеческого города на юге России.

Николай Анатольевич Комолов родился в 1973 году в городе Воронеже. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета, юридический факультет Российского государственного социального университета. Кандидат исторических наук. Работает в управлении культуры администрации городского округа Воронежа. Автор ряда книг историко-краеведческого содержания, многих научных и учебно-методических работ. Живет в Воронеже.

Николай Комолов

КАК ОСЕРЕД СТАЛ ПАВЛОВСКОМ

(Переименование города:
новые документы и факты)

Со дня переименования города Павловска, который с момента его основания в 1709 году по реке назывался Осередом, минуло более 300 лет.

Заселение этого района началось еще в конце XVII века¹. В начале 1699 года из Воронежа на реки Битюг, Осередь, Икорец был отправлен капитан Белгородского полка Денис Юрьевич Шникерт со ста солдатами и подьячим для переписи поселений русских людей и черкас. Острогожскому полковнику Ф.И. Куколеву (Куколю) следовало предоставить вожей (проводников). Они должны были довести переписную команду до «тех всех мест» и указать их «без утайки»². Печально известный указ Петра I от 23 апреля 1699 года об уничтожении новых селений на реке Битюг, реализованный в погроме осенью того же года³, вероятно, затронул и район реки Осереды. Спустя десять лет в месте ее впадения в Дон были заложены крепость и верфь.

Е.А. Болховитинов полагал, что переименование Осереда было связано с памятью о Павловской крепости, устроенной в 1702 году в устье реки Миус и уничтоженной после поражения России в войне с турками 1711 году⁴. Эта версия получила большое распространение. Ее восприняли павловские краеведы в XIX веке⁵, она же попала и в Википедию⁶. Однако первый воронежский историк не знал, что в Приазовье в конце XVII — начале XVIII веков существовали два населенных

пункта с названием «Павловский». Один из них начал строиться в 1697 году на Петрушиной косе как первая русская крепость на Миусском полуострове. Город был разрушен в 1702 году из-за строительства новой Троицкой линии⁷. В документе 1711 года он назван «старым Павловским»,⁸ поскольку к этому времени на левом берегу реки Миус, замыкая один из флангов вышеупомянутой оборонительной линии, был возведен Павловский шанец — земляное укрепление, представлявшее правильный четырехугольник с бастионами по углам. Он фигурирует в списке населенных пунктов Азовской губернии 1709 года.

Шанец не был разрушен после подписания Прутского мирного договора. Он упоминается как место сбора конницы в 1738 году и почти полностью сохранился до наших дней⁹. Существование этого укрепления, вероятно, и обусловило для различия «старого» и «нового» Павловска упоминание в документах Новопавловской крепости или Павловска на реке Осереды. Но поселения в Приазовье не передавали свое название создаваемому городу в Придонье, в который в феврале 1715 года губернатор Ф.М. Апраксин приказал собрать «изо всех мест» посадских людей, выселенных ранее из Азова и Таганрога¹⁰. В таком случае было бы уместнее переименовать Осеред в Новоазовскую или Новотаганрогскую крепости. Решение поставленного вопроса, как нам представляется, находится в другой плоскости.

Петр I активно пропагандировал культ широко почитаемых на Руси первоверховных апостолов Петра и Павла, в день памяти которых (29 июня по старому стилю) царь был крещен. Их имена были запечатлены в первых многопущечных кораблях Азовской флотилии 1696 года, заложенных в 1697 году в Приазовье, в городах Петровском и уже упомянутом Павловском, построенных в 1698 году на реке Медведице в Петровском (ныне в Саратовской области) и на месте слияния рек Хопра и Вороны в Павловском (с 1704 года назван Борисоглебском). В честь небесного покровителя царя получила свое название будущая столица империи с ее Петропавловской крепостью и одноименным собором. Последний в камне был заложен 30 мая 1712 года.

В Осередской крепости в том же году архиепископ Воронежский и Елецкий Арсений (Костюрин) освятил деревянный собор во имя апостолов Петра и Павла¹¹. Это свидетельство Е.А. Болховитинова, возможно, основанное на тексте несохранившегося закладного креста, позволяет заключить, что 75-летний архиерей для проведения чина освящения предпринял новое путешествие по Дону. Ранее, в 1709 году, он уже осуществлял подобное плавание вместе с Петром и видел место будущего Павловска. Архиепископ скончался 18 июля 1712 года, и по удивительному совпадению его тело месяц до погребения покоилось в Воронеже, в теплой «соборной церкви» в честь тех же первоверховных апостолов¹².

В память одного из них Осеред и получил свое окончательное наименование. 11 июня 1715 года азовский вице-губернатор С.А. Колычев проинформировал Ф.М. Апраксина: «Крепость...Серецкую по указу Е.И.В. во имя св. апостола Павла называть и писать Павловской приказу»¹³. В 1732 году городу был пожалован герб с изображением апостола, утвержденный в 1781 и 1799 годах¹⁴.

В 1769 году павловский бургомистр В. Рязанов от имени купечества подал донесение приехавшему академику Самуилу Гмелину. В документе приведены сведения о занятиях жителей, значимых событиях, существующих проблемах. Купцы были осведомлены о существовании указа, наименовавшего их город в честь апостола Павла, хотя и ошибочно полагали, что крепость основана и «собственно расположена» во время первого Азовского похода, строительство же началось около 1708 года¹⁵.

В их память глубоко врезалась чума 1738 года, от которой умерло более 200 купцов из 559. Закон не учитывал никакие форс-мажорные обстоятельства, и выжившие платили подушную подать за умерших вплоть до второй ревизии. 347 купцов занимались перепродажей товаров, закупаемых в Москве, на Лебедянской ярмарке и в донских станицах.

Архивное фото Павловска

Купечество беспокоил факт захвата отданных им земель влиятельным генералом М.И. Сафоновым. Затронута в донесении С. Гмелину была и проблема сохранения Шипова леса, куда ежегодно из крепости св. Дмитрия приезжали команды, вели лесозаготовки и сплавляли деревья плотами. Урон наносили и поселившиеся возле леса малороссияне, которые «нагло» опустошали его, способствуя превращению в открытое поле. Свою лепту в сведение лесов, несомненно, вносил и находившийся в уезде на р. Толучеевке железный завод генерал-провиантмейстера Римско-го-Корсакова.

Для краеведов будет небезынтересным факт отсутствия в Павловске отдельного архива и приспособления внутри крепости для хранения дел ветхого деревянного «покая». Канцелярия уверяла С.Г. Гмелина в немедленности выявления нужных ему сведений: «Есть ли надобность будет чего в них посмотреть, то кому Ваше высокоблагородие сие препоручить соизволите, показание учинено будет без умедления»¹⁶.

В надежде на помощь ученого гостя начальники обращались к нему с весьма неожиданными просьбами. Освященный Арсением (Костюриным) Петропавловский собор простоял «не более 12 лет» и ночью рухнул. Построенная на другом месте на казенные деньги соборная Преображенская церковь к концу 1760-х годов пришла в такую ветхость, что стены приходилось подпирать столбами, а людям в храме было опасно находиться. Запросы в высшие инстанции ничего не дали. Поэтому правящий в Павловске должность коменданта Василий Острцов в 1769 году просил С.Г. Гмелина вставить этот рапорт в журнал и «со временем яко о богоугодном деле, где пристойно, представить»¹⁷. В 1773 году во время пожара храм сгорел, а молодой академик умер в следующем году, так и не закончив путешествие. Только в 1780 году на месте канувшего в Лету храма был выстроен каменный Преображенский собор с приделом св. апостолов Петра и Павла¹⁸.

Несколько примечательных документов по истории Павловска сохранились в научном архиве Русского географического общества. Два из них принадлежат перу штатного смотрителя уездного училища Василия Кашина. В 1849 году он составил небольшое «Историческое и этнографическое описание города Павловска»¹⁹. В вопросе основания и наименования города краевед не был оригинален, переписав информацию у Е.А. Болховитина.

В. Кашин не скрывал своего восхищения личностью Петра, связывая с ним, со слов старожилов, уцелевшие в городе «из памятников древности» девять тополей. Руки царя смогли даже преодолеть природу песчаной почвы, чего не удалось сделать его последователям, ибо «никаким искусством» и трудами посаженные деревья на местном грунте не могут существовать более 6–10 лет. Между тем тополя, росшие на окраине города, как бы сторожили его более 140 лет, «а взаимный взгляд на них жителя ежеминутно» воскрешал гений императора Петра Великого²⁰. Отметим, что попытка привязать вековые деревья к его имени, особенно там, где не сохранилось материальных памятников — достаточно распространенный пример в мемуарах и преданиях.

Связь города с царем обеспечивали не только деревья, но и две иконы, принесенные им в дар (Преображения Господня и Божией Матери) и сохранившиеся в кафедральном соборе.

Очень ценным является приведенное В. Кашиным свидетельство о старожиле купце Гаврииле Панкратове, в доме которого в свою бытность в Павловске останавливался Петр. Это могло быть лишь в 1722 году. Купец имел семь сыновей. Один был «жестоко умерщвлен» во время войны с турками (видимо, в 1735–1739 годах), пять умерли от морового поветрия (без сомнения, это 1738 год). Оставшийся сын Иван «по одиночеству своему» принял фамилию Одинцов. Его внуки Федор и Иван пользовались, по словам В. Кашина, несмотря на весьма ограниченное состояние, достойным уважением всех сословий. Иван Одинцов служил попеременно городским головой. Его деятельностью Павловск был спасен в 1849 году от затопления из-за соединения половодья с Тамбовским озером²¹. История о пребывании Петра I в доме его прадеда, конечно, укрепляла авторитет градоначальника.

В. Кашин засвидетельствовал упоминаемые Е.А. Болховитиновым основные промыслы жителей Павловска. В сельском хозяйстве главный из них состоял в выращивании на бахчах арбузов и огурцов. Несмотря на нередкие убытки, павловцы продолжали, по их словам, приведенным смотрителем училища, «засевать землю деньгами». С 1836 года жители начали «в избытке» заниматься хлебопашеством.

Женщины, кроме огородных и полевых работ, специализировались на вязании одной иглой шерстяных русских чулок и варежек, заготавливая товар на сумму до 1000 рублей серебром в год. «Это постоянное занятие от 10 до 70-летнего возраста с ними неразлучно, гонит ли корову в стадо, идет ли на базар, в огород и проч. Всегда с чулком в руках, словом сказать, с этим занятием разлучает их только сон»²².

В 1850 году Василий Кашин стал очевидцем проезда через город Павловск великого князя Александра Николаевича. Спустя неделю после этого события он, обуреваемый еще не утихшими чувствами, передал в краткой зарисовке эмоциональный настрой, царивший накануне. Это свидетельство не столько информативное, сколько запоминающееся своей искренней преданностью.

«Вот едет! Вот едет!... сколько приятной суеты, сколько отрады русскому провинциалу видеть царя... Улицы города 3 и 4 ноября до глубокой ночи и рассвета награждены были толпою народа, бродившего с безотчетною радостью от квартиры, предназначенной Его Императорскому Высочеству до заставы города с живою верою и нетерпением видеть в жизни хотя раз наследника царя... сама стихия, как бы стремясь к ожиданию Его, чтобы вместе с народом торжествовать столь радостное событие, волновалась сильным ветром, метелью, ураганом, градом и дождем...»

Александр приехал полвосьмого утра 5 ноября, и, продолжает изливать дифирамбы автор, «успокоилось сердце русского народа, утихла стихия». В 8 часов он принял хлеб-соль от городского головы и почетных граждан, а затем расспросил о состоянии города.

В. Кашин, стоя в толпе и «читавши на лице каждого безотчетные чувства и преданность», передал далее отношение жителей Павловска к незаурядному событию.

«При выходе наследника из экипажа некоторые, крестьяне, говорили: “Батюшка наш

царь, он бедненькой озяб, Господи, согрей Его, ах! бедненький!” Другая, посмотрев наследника, толкает подругу и говорит: “Пойдем скорей на базар, купим говядины и придем опять смотреть”. На это отвечала ей подруга с огорчением: “Как ты глупа, базар от нас не уйдет, и мы всегда сыты, а царя, Боже сохрани, теперь не посмотреть, то приведет ли Бог его в роду видеть, иди, если хочешь есть, ненасытная, а я не пойду, лучше голодом пробуду день, как тебе не грех”. И женщина, заключал В. Кашин, с начертанным на лице чувством совести осталась до последнего прощального ура, сопровождаемого в 9 часов утра «со святою преданностью и с чувством радости запечатленного события в сердце каждого»²³.

Еще одно небольшое сочинение на 29 листах «О жителях города Павловска»²⁴ написал в 1855 году священник местной Казанской церкви Ипполит Скрябин. Автор обрисовал их внешний облик, быт, язык, одежду, пищу, обычаи, в том числе погребальные, свадебные обряды, крестные ходы, болезни, предания²⁵.

В отличие от В. Кашина, упоминает И. Скрябин уже не о тополях, а о нескольких «величественных вербах», насажденных рукой царя и растущих на земляном валу со времени основания города. «Вот незабвенный памятник деятельного пребывания Петрова в сем крае», — резюмировал священник²⁶. Деревья сохранились в местечке, называемом Рай-городок²⁷. Во время ярмарки, писал И. Скрябин, здесь работал трактир и винная выставка, шел пир горой: «Пьют, гуляют, веселятся — точный земной рай, бедный забывает свою бедность, а богатый теряет свое достоинство и солидность»²⁸. По мнению автора, главный нравственный недостаток павловцев — непомерное честолюбие. Среднестатистический горожанин «равен в церкви, горд в обществе и богат на рынке».

Из шести полковых церквей уцелели только две: Казанская и Покровская, остальные сгорели в 1744 году. «Памятниками их существования остались в земле одни кости покойников».

Утраты, причем новейшие, коснулись и документальных реликвий. Перепечатанную В. Кашиным одну из грамот казанского митрополита Тихона петровской эпохи к своей переселившейся на Осеред пастве И. Скрябин уже называет утерянной.

В сознании жителей Павловска в середине XIX века сохранялись передаваемые из поколения в поколение рассказы о том, что Петр заселял Азов и Таганрог лучшими и богатейшими семействами, которые затем были переселены в их город. Эту связь со своим основателем павловцы продолжали ощущать и спустя полтора века через предания о посаженных царем-реформатором деревьях и подаренных им иконах.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Комолов Н.А. Павловская крепость в XVIII в. // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный бюллетень. Воронеж, 2008. Вып. 6. С. 129.

² РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 408. Л. 1–2.

³ Загоровский В.П. Петр Великий на воронежской земле. Воронеж, 1996. С. 68, 76.

⁴ Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Вступит. статья и примечания А.Н. Акиньишина. Воронеж, 2011. С. 81–82.

⁵ Кашин В. Историческое и этнографическое описание города Павловска 1849 г. // Научный архив Русского географического общества (далее — РГО). Р. 9. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.

⁶ Электронный ресурс. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Павловск_\(Воронежская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Павловск_(Воронежская_область)). — Дата обращения: 30.04.2016.

⁷ Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII — начале XVIII в.: завоевание, колонизация и управление: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 133, 172, 309.

⁸ Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону, 2009. С. 87.

⁹ Аваков П.А. Строительство военных укреплений на южных рубежах России в 1702–1711 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 61–64.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103. Л. 54–55. Это было связано с необходимостью повысить собираемость губернских налогов до передачи Бахмута (в 1924–2016 гг. — г. Артемовск), где многие занимались промыслами, Поместному приказу.

¹¹ Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 81.

¹² Комолов Н.А. Архиепископ Арсений (Костюрин). 1704–1712 / Воронежские архипастыри от святителя Митрофана до наших дней: Историко-биографические очерки / Ред.-сост. А.Н. Акиньшин. Воронеж, 2003. С. 91–93.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103. Л. 174 об.; Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. Воронеж, 1997. С. 194.

¹⁴ Описание Воронежского наместничества 1785 года / Отв. ред. В.П. Загоровский. Воронеж, 1982. С. 66; Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 88.

¹⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук (далее — СПбФ АРАН). Р. I. Оп. 100. Д. 16. Л. 21 об.

¹⁶ Там же. Л. 13 и об., 16 и об., 21–22.

¹⁷ Там же. Л. 11 и об.

¹⁸ Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 84.

¹⁹ Научный архив РГО. Р. 9. Оп. 1. Ед. хр. 18.

²⁰ В. Кашин также писал о сохранившихся развалинах земляного вала, но не привязывал к ним тополя. В другом источнике упоминается, что на самом валу росло 11 «весьма древних тополей», будто бы существовавших со времен Петра (Исторические черты и статистическое описание Воронежской губернии // Отечественные записки. 1828. Ч. 34. № 98. С. 365).

²¹ Озеро, расположенное на расстоянии двадцати саженей от Дона, появилось от «великого прилива» поймы воды в 1728 г. Прежде на этом месте была населена слобода, в которой квартировал Тамбовский полк, отчего и озеро получило название Тамбовское. Оно никогда не пересыхало, так как подпитывалось родниками (Научный архив РГО. Р. 9. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 26 об.; Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 87).

²² Там же. Ед. хр. 18. Л. 1–9; Ед. хр. 36. Л. 22 об.

²³ Там же. Ед. хр. 26. Л. 1 и об.

²⁴ Там же. Ед. хр. 36. Текст сильно выцвел и плохо читается.

²⁵ Любопытное предание связано с расположенным в двух верстах от Павловска высоким островом, называемым Городищем. По рассказам стариков, во время пребывания в крае татар на острове были ханский терем и капища (Там же. Л. 29).

²⁶ Там же. Л. 27.

²⁷ Этот земляной возвышенный редут в 1827 г. находился при шлагбауме, который раньше назывался Красными воротами (Исторические черты и статистическое описание Воронежской губернии. С. 365).

²⁸ Там же. Л. 27.

Владимир Верещагин

С ПАВЛОВСКИХ КОРАБЛЕЙ НАЧИНАЛАСЬ АЗОВСКАЯ ФЛОТИЛИЯ

В 1783 году 2 мая (по новому стилю — 13-го) эскадра русских кораблей под командой вице-адмирала Федота Клокачева вошла в Севастопольскую (Ахтиарскую) бухту, чем было положено начало Черноморского флота. В строю эскадры были построенные на верфях Павловска «новоизобретенные» корабли «Хотин», «Азов» и бот «Битюг».

...1770 год. На правом берегу Осереды слышался стук топоров и молотков, визг пил, командный крик мастеров-корабелов. Здесь строились боевые корабли Донской (будущей Азовской) флотилии. Им было суждено освободить от турецкого владычества Азовское и Черное моря, способствовать армии в овладении Крымом, завоевать право выхода русских судов в Средиземное море через проливы Босфор и Дарданеллы. Пусть это были малые «новоизобретенные» суда, но служили на них героические люди — российские моряки, которые своими подвигами совершили великие дела. Строители торопились подготовить корабли к спуску на воду, пока стоит полая вода, а когда спадет — корабли в Азов не провести: в некоторых местах Дона становилось мелко. 11 марта 1770 г. (по новому стилю 22 марта) уровень воды от межени поднялся на 12 футов, то есть на 3 метра 60 сантиметров.

А началось строительство кораблей в Ново-Павловском адмиралтействе по велению «Ея Императорского величества» Екатерины II в связи с объявлением Турцией 25 сентября 1768 года войны России. Императрица 24 декабря 1768 года повелела вице-адмиралу Сенявину Алексею Наумовичу придумать, «какие надобны суда» для борьбы с турецким флотом, построить их на Дону и действовать на Азовском и Черном морях. Генерал-комиссар И. Селиванов был послан на Дон «для приготовления тамо лесов к строению судов разной величины... и прочих разных строений».

Казна выделила на строительство флота 200 тысяч рублей. Непосредственное проектирование и руководство строительством «новоизобретенных» судов осуществлял мастер «полковничьего рангу» Иван Афанасьев (1705–1784) и его сын, подмастерье Семен Афанасьев (1730–1793), ставший впоследствии знаменитым мастером-строителем кораблей Черноморского флота. Четвертого сентября 1769 года Селиванов рапортом доносил в Адмиралтейств-коллегию: «В Павловске 1 числа сего месяца зало-

Строительство кораблей Азовского флота

жены суда: первого рода 1, длиною 104, шириною 27, глубиною 9 фут и второго одно ж, длиною 103, шириною 28, глубиною 8 фут 6 дюймов; да второго числа тож 2 судна второго рода. Поручена закладка еще двух второго рода в Павловске 3-го числа. 20 числа: «На Икорецкой верфи заложены 2 судна 3-го рода длиной 60, шириной 17, глубиной 6 фут, а прочие 4 судна заложены быть имеют... второго рода 2 и четвертого 2¹. Итого ж Икорецкой верфи 6 судов из заготовленных в близости к иной верфи лесов».

«Для построения больших судов в Павловске заготовлено лесу из Шипового, то есть ближнего к Павловску, леса». Для лесных работ было наряжено 1000 пеших и 1500 конных работников, а также 100 пар волов «с принадлежащим числом работников». Непосредственно на строительстве судов работали более 1000 человек: плотники, столяры, конопатчики, кузнецы, котельщики, маляры и другие. Условия труда и быта были чрезвычайно тяжелые, люди болели и умирали. Постоянно требовалась замена «убитых». 4 сентября И. Селиванов рапортом доносит: «В Икорце и Павловске адмиралтейских служителей и плотников больных более 400 человек...» 17 марта 1770 года А. Сенявин доносит рапортом из Павловска: «Больных как здесь, так и на Икорецкой верфи всякий день умножается и почти одна лихорадка. Я рассуждаю купить в малороссийских слободах вина до 1000 ведер, и настоя с полынью велено давать каждое утро кто пойдет на работу по чарке. Сим я думаю поощрять людей к работе, а может, сберегу здоровье их от утренней сырости...»

Работа спорилась «благодаря тщательной подготовке к строительству каждого судна в документах подетально, расписанию каждого работника на изготовление определенного вида деталей и определенного вида работ, заготовке необходимого количества гвоздей, болтов и прочего». Безусловно, огромное значение имело умелое руководство работами А.Н. Сенявиным и высокое мастерство кораблестроителей Афanasьевых — сына и отца.

11 марта (по старому стилю) 1770 года первый корабль первого рода, впоследствии названный «Хотин», ставший флагманским кораблем Азовской флотилии, был спущен на воды Осереды, чем положил начало своей боевой биографии.

Спуск на воду последующих кораблей происходил по мере их готовности с достройкой на плаву на Осереды и во время плавания их по Дону, «чтобы им успеть пройти мелководные места».

Наименования судам и прамам присвоены Указом № 413 «Ея Императорского величества» от 27 мая 1770 года.

¹ Размеры судов 4-го рода: длина 86, ширина 24, глубина 8 футов. 1 фут равен 0,305 метра.

График изготовления судов на Павловских верфях

Название	Родсудна	1769 год	1770 год	
		Закладка	Спуск	Отправка
«Хотин»	1	1 сент.	11 марта	10 апреля
«Азов»	2	1 сент.	14 марта	14 апр.
«Таганрог»	2	2 сент.	19 марта	8 апр.
«Новопавловск»	2	2 сент.	18 апр.	май
«Корой»	2	3 сент.	20 апр.	май
«Журжа»	2	3 сент.	24 апр.	май

По приказу Сенявина 22 мая 1769 г. прамы №1 и №5 прибыли в Павловск, но из-за задержки в Павловске для погрузки артиллерийских припасов не успели пройти дальше села Мамон, где сели на мель, так как уровень воды в Дону упал, там и зимовали. В рапорте А.И. Сенявина в Адмиралтейств-коллегию 17 марта 1770 года сообщается: «... два прамы, которые зимовали у села Мамон, как по именному Ея Императорского величества 15 февраля сего года указу велено возвратить к Павловску ...и предписано по приходе их, с прибылою водою вытащить на берег, и поставя под крышу хранить».

Павловчанам интересно знать, когда был в Павловске Федор Федорович Ушаков, впоследствии ставший командующим кораблями Черноморского флота (1790–1798 гг.) и русской Средиземноморской эскадры (1798–1800 гг.). Ф.Ф. Ушаков своими ратными трудами снискал славу непобедимого адмирала и за заслуги перед Отечеством в 2004 году Архиерейским Собором РПЦ «праведный воин Федор Ушаков прославлен в лике общецерковных святых». Вот как сам Ф.Ф. Ушаков свидетельствовал о пребывании в Павловске в собственноручно написанном документе, именуемом «Послужной аттестатной Список корабля Святого Павла бригадира флота капитана и кавалера Федора Ушакова 1788 год»: «...С 1769-го — в команде на праме № 5... с. Новопавловска до села Мамон вниз рекою Доном. В 1770-м — командиром прамы № 5, имея також в команде моей прам № 1, от села Мамон вверх по реке Дону, которые против сильного при разливе реки весеннего течения обратно в Новопавловск поспешно и доставлены...»

Но вернемся к строительству «новоизобретенных» судов. Главной их особенностью было плоское днище. Это ухудшало мореходные качества, но позволяло их провести через мелководье по Дону. На А.Н. Сенявина возлагалась ответственность не только за строительство судов, их вооружение, но и за подготовку команды к плаванию, для чего ему было выделено 567 человек вместо положенных 996. Они должны были обеспечить безопасность перехода судов в Таганрог, а затем превратиться в экипажи кораблей, способных к бою на море.

Корабли прибыли к месту базирования, достраивались, вооружались и в 1771 году по весне приступили к выполнению задач, поставленных Её Императорским Величеством Екатериной II, и успешно их решили.

Лето в Кулаковке

ПОЭЗИЯ КИСТИ

*Работы Валентины Семко
из фондов Павловского районного
краеведческого музея*

Первая встреча

Беседа

Вид из окна

Триптих «Мужчина и женщина»

Коридор

Уходящий

Птица

Алексей Николаевич Болдырев родился в 1981 году в городе Павловске Воронежской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в антологии «Русская поэзия. XXI век», «Литературной газете», журналах и альманахах «День поэзии», «Песни Ленского», «Новый Енисейский Литератор», в коллективном сборнике «Траектория». Живет в Павловске.

Алексей Болдырев

ВОЙНА И МИР ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Наша с тобой революция — очень культурна,
мы говорим «извини»

перед тем, как выстрелить в спину.
Гильзы — выбрасываем в урны,
разорванные сердца сравниваем
с гроздью рябины.

Мы с тобой перед боем разливаем виски,
не какой-нибудь пошлый спирт.
Ты — переодетая медсестрой —
должна тащить
раненого меня, чтобы это напоминало флирт.

Наши танки выкрашены в бело-синий,
пускай детям на детской площадке
они покажутся облаком.
Мы бросаем друг в друга
не разрывной гранатой,
но спелым разрывным яблоком.

Безусловно, мы не деремся 24 часа в сутки:
я прерываюсь на футбол, ты на сериал,
мы на five-o'clock.
И в перемирие я притащу ромашки там,
незабудки;
в бинокль — можно увидеть
сплетение рук и ног.

Да, наша революция очень культурна,
за слово «ниже пояса» — бегом под трибунал или к маме с плачем.
Хотя если это «слово» сказано в контексте умной беседы,
можно сгонять за коньяком и шоколадкой на сдачу.

А после, сбросив бронежилеты, мы
серьезно и исключительно культурно
пересчитаем все гильзы, не брошенные тобой (мною)
в расставленные — по краям окопа — урны.

ОБ УХОДЯЩЕЙ НАТУРЕ

Жизнь с бригадой «понаехавших тут»
проводит евроремонт в своей камере пыток.
Головой понимаешь, откуда ноги растут,
но уже не красив, не здоров, не прыток.

Когда-то был молод, как серп луны,
Спартак, Жюль Верн и слова на заборе.
Юный узник подгузников и той страны,
от которой остались лишь слова на заборе...

Осень под шум листвы катает некрологи,
без нас на Марсе будут яблони цвести,
ухожу от тебя навсегда в безумном монологе —
возвращаюсь, выбросив мусор, вспомнив слово «прости».

Неугомонные феи стареющим золушкам
превращают тыквы в кареты, но уже скорой помощи;
их принцы с артритом и протоколами — в принципе,
после полуночи без всякой магии — такие же овощи.

А жизнь — это просто, как ядерный тостер.
Она смертью грозила, намекала, пугала.
Вот умрешь от взгляда продавца в Доме Быта
и задумаешься, какая там после Валгалла...

НАТУРАЛИСТИЧНЫЙ

говорят, если дать обезьянам ручку и бумагу,
они напишут «Войну и мир» через тысячу лет,
но если дать то же самое человеку — убавится ведь отваги:
это все уже было — дела, расплата за газ и за свет!

там же сколько? четыре тома!
рука отвалится от авантюризма.
лучше с пятницы алкогольно-готовым
переживать выходных катаклизмы.

желтые листья развеваются в парках,
как волосы Дональда Трампа.
улетают птицы, оставляя родные кварки,
наполняются бары — пустеют дворовые рампы.

а что я вычитал в журнале «Королевский Queen»!
лежа рядом с прикроватной лампой,
актриса N. в 80-е бросила навсегда кокаин,
узнав, что им торгует бывший офицер гестапо.

обезьяны думают: ручка, бумага —
что нам с ними делать, братцы?
один шимпанзе — набравшись отваги —
выдал: *гостиная Анны Павловны начала понемногу наполняться...*

Леонид Андреевич Бричковский (1930–2021) родился в городе Тбилиси. Окончил Россошанский учительский институт, Воронежскую высшую партийную школу. 50 лет работал в журналистике. С 1963 по 1991 год был главным редактором павловской районной газеты «Маяк Придонья», создатель районного литобъединения «Донские родники». Член Союза журналистов СССР. Автор 5 книг публицистики и краеведения. Заслуженный работник культуры РСФСР, почетный гражданин г. Павловска Воронежской области, в котором прожил более 60 лет.

Леонид Бричковский

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ

(Олег Застрожный — человек из когорты настоящих комиссаров)

Олег Кириллович Застрожный был первым секретарем Павловского райкома КПСС в 1962–1975 годах. А мне посчастливилось работать и тесно общаться с ним на протяжении 15 лет: почти 3 года в Бутурлиновском районе и двенадцать — в Павловском.

А познакомились мы так. В 1960 году после окончания Высшей партийной школы меня назначили заместителем редактора районной газеты в Бутурлиновку. В секторе печати обкома партии посоветовали: приедешь — представься сначала первому секретарю, человеку интересному, незаурядному.

Помощник доложил о моем приходе, и через некоторое время меня пригласили в кабинет. Навстречу поднялся крупный, статный мужчина с легкой ироничной улыбкой.

— Расскажите, молодой человек, в нескольких словах о себе, кто вы и откуда?

Я сказал фразу, которую позже использовал в очерке, опубликованном в «Коммуне»:

— Отец мой был поляк, родился я в Тбилиси, — и после секундной паузы добавил: — Случайно.

Он улыбнулся. И я почувствовал, как с меня спало напряжение. Я и сейчас убежден, что контакт между нами родился именно тогда, в ту первую встречу.

Примерно через месяц-полтора я держал первый экзамен.

Готовился пленум райкома. Обычно отчет о нем давал редактор. Но на этот раз он был в отпуске и куда-то уехал. Пришлось писать мне. Положение осложнялось тем, что Олег Кириллович никогда не говорил по написанному тексту. На половинках машинописных листов он набрасывал тезисы, каждый с абзаца. Это, собственно, был общий план, который потом следовало раскрыть и логически связать. Тот, кто работал с Олегом Кирилловичем, хорошо это знает. Такие доклады сложно излагать. Для меня это была первая проба. После публикации партийных материалов, я ждал вызова «на ковер», но его не последовало. Не случилось и телефонного звонка. Но когда месяца через три собирался очередной пленум, редактор с некоторым недовольством сказал:

— Отчет будешь писать ты. Первый просил.

Следующий шаг в нашем сближении был сделан примерно полгода спустя. В то время в районном Доме культуры сложилась интересная труппа самодеятельных актеров. Она-то и завоевала одной из первых в области звание народного театра. Возглавил его профессиональный артист, искалеченный на войне, — Степан Яковлевич Деев. Труппа была большая и имела такой запас актерского мастерства, что позволяла себе ставить одновременно два масштабных спектакля: драматический и музыкальный. Один состав играл в спектакле «Без вины виноватые», а другой — в опере Н. Лысенко «Наталка-Полтавка». Мне довелось петь Петра. Именно тогда я впервые заметил большой интерес секретаря райкома к театру, самодеятельности и вообще к культуре. Он нередко появлялся на репетициях, высказывал советы, предложения. Позже стало известно, что и приглашение профессионального артиста на должность режиссера народного театра — заслуга Застрожного.

После премьеры наши отношения заметно укрепились.

О бутурлиновском периоде жизни Олега Кирилловича можно писать отдельный очерк. Но мы будем говорить, естественно, о его пребывании в Павловске. Середина прошлого столетия отмечена непредсказуемыми реформами, как правило авантюрными, первого «либерал-демократа» Хрущева. Он положил начало длительному периоду «оттепели без процветания и культа без личности». Хрущев действовал спонтанно. Сегодня он создает совнархозы и ликвидирует МТС, завтра сокращает число районов и упраздняет все районные газеты, женит космонавтов против их воли, образует территориальные производственные управления сельского хозяйства и т.д. Парторгом обкома партии одного из них назначается первый секретарь Бутурлиновского райкома КПСС О.К. Застрожный. Вся организационно-перестроечная чехарда проходила в условиях раздуваемого фарсового культика личности «нашего дорогого Никиты Сергеевича» и ожидания коммунизма, приход которого лихой реформатор назначил на 1980 год.

Прошло 8 месяцев после нового назначения, и в 1962 году Олег Кириллович направляется секретарем Павловского райкома. А 12 февраля 1963 года из обкома позвонили в редакцию и сказали, что через день в Павловске состоится пленум, который среди других вопросов рассмотрит мою кандидатуру на должность редактора, правда, несуществующей газеты, и что мне срочно надо туда выехать.

Так снова мы оказались вместе. Именно в Павловске в полной мере я узнал Олега Кирилловича Застрожного как партийного руководителя, как старшего товарища, которому присущи лучшие человеческие качества: деловитость, строгость, доброжелательность, уважение к людям, глубокая заинтересованность происходящим во всех сферах жизни. У тех людей, кому приходилось с ним сталкиваться по работе, тесно общаться в различных ситуациях, порой довольно сложных, вызывали удивление его начитанность, всесторонняя образованность, компетентность при рассмотрении каких-то непростых проблем. С ним было интересно говорить обо всем: от идеологии и политики до истории, литературы, фигурного катания и даже до мультиков. Однажды он с грустью заметил:

Олег Кириллович Застрожный

— Что-то неладное у нас творится. Детей стали воспитывать не на примерах нашей героической истории, а на экзотических Чебурашках. Все это может плохо кончиться.

Как в воду глядел: начали с Чебурашки, а кончили уродцами Диснея, телепузиками и прокладками с крылышками. А сам создатель Чебурашки теперь в Соединенных Штатах.

Застрожный любил и ценил юмор. Не считал для себя унижительным извиниться перед товарищем, если был не прав. Такое дважды случилось у него и со мной. В то же время областное руководство, как правило, его недолюбливало за независимость и самостоятельность в поступках и суждениях. Как-то секретарь обкома упрекнул его за это. Олег Кириллович с достоинством ответил:

— Фронтовой осколок в спине не позволяет мне угодливо кланяться.

Именно в это время хрущевский волонтеризм достиг своего апогея. Партию разделили на две: промышленную и сельскохозяйственную. Партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и другие органы росли как грибы: два обкома, два облисполкома — и так далее сверху вниз. Многие ответственные коммунисты неодобрительно относились к таким надуманным идеям. Тем не менее, пленум Павловского райкома обсудил эту острейшую проблему и принял постановление, какое требовали сверху.

Но вот как повел себя первый секретарь. В заключительном слове Олег Кириллович сказал:

— Я верю, пройдет немного времени и эта глупость будет исправлена.

Для того чтобы на это решиться на официальном собрании, да еще в присутствии секретаря обкома, надо было иметь большое мужество и крепкие нервы.

Запомнился еще один выразительный случай. В райком пришла делегация педагогов города.

— Олег Кириллович, помогите, пожалуйста, добраться на учительскую конференцию в Калач. За нами не приехал автобус.

Застрожный горестно улыбнулся, но пошутил:

— Вы ведь теперь не наши...

В результате деления партии создалась нелепая ситуация: села входили в Павловский район, а сам город подчинялся Калачеевскому горкому.

— Ваши... ваши были и будем! — ответили учителя.

— Это верно. Конечно же, мы вас отправим. А эту дурь, надеюсь, переживем.

Партийный секретарь оказался прав: со снятием Хрущева партийные и другие органы объединились, так что город Павловск снова вошел в Павловский район.

Любое дело, за которое брался Олег Кириллович, он всегда доводил до конца. И исполнял его настойчиво, горячо, вовлекая в процесс многих руководителей и специалистов.

Так было и с началом строительства крупнейшего предприятия, которое сегодня называется «Павловскгранит».

Геологи закончили изыскание, строители согласились приступить к рытью котлована, Москва высказала свою поддержку. А затем дело почему-то застопорилось. Застрожный нервничал, но настойчиво искал причины случившегося. Когда телефонные разговоры с министром, его заместителями не дали положительного результата, он решил придать вопросу партийную значимость и внес его на рассмотрение пленума райкома. Принятое постановление тут же направил в обком, а сам поехал в Москву, в ЦК партии, в министерство строительства. И все-таки добился справедливости. В Павловск понаехали крупные чиновники, потянулись строители, был создан «Стройтрест» — и дело закипело.

Параллельно со строительством карьера стал возводиться жилой район Гранитный.

— Именно в это время меня, инструктора промышленного отдела райкома партии, — вспоминает директор Павловского лесхоза И.И. Лубашевский, — по предложению Олега Кирилловича назначили заместителем управляющего «Стройтрестом». Мне представилась возможность быть в самом центре большой стройки и часто встречаться с крупными руководителями: министром, его заместителями, обкомовскими и другими чиновниками. И я всегда поражался умению Застрожного легко находить со всеми общий язык, твердо отстаивать общие интересы, добиваться принятия нужного решения. Он глубоко знал стройку, ее нужды. Никогда ни перед кем не заискивал, не унижался. Действовал напористо и убедительно. Я часто ловил себя на мысли, что он выше своих собеседников на голову. Он был большой, красивый, внешне похож на Маяковского, кстати, любил его стихи и при случае читал их. И еще я бы отметил одну черту Застрожного: доверие молодежи. Это при нем пришли в райком В.Е. Шарыкин, В.Ф. Чаплыгин, И.А. Марадудин, Б.А. Голосниченко. Мы все получили благословение Олега Кирилловича и прошли при нем большую жизненную школу.

Строительство было в самом разгаре, число строителей перевалило за две тысячи. И вот однажды в кабинете первого, когда некоторые члены бюро просматривали свежий номер районки со сменной страницей «Маяк Придонья на стройке», кто-то сказал: «А хорошо бы иметь многотиражную газету. Вот только одна завыка...»

Олег Кириллович мгновенно уловил всю значимость высказанного предложения.

— Какая завыка?

— В специальном постановлении ЦК партии записано, что многотиражки создаются там, где коллектив превышает три тысячи человек.

Судьба газеты была решена. Секретарь райкома уже загорелся, и остановить его было невозможно.

Тоже пришлось много затратить времени, обивая пороги и в Воронеже, и в Москве. Но когда все-таки дали добро, правда, уже после его отъезда из района, Олег Кириллович радовался как ребенок.

Мне особенно приятно отметить большую роль Застрожного в возрождении и становлении районной газеты, которая с марта 1962 года росчерком хрущевского пера прекратила свое существование. Редакционное здание занимала детская музыкальная школа. Журналистов пришлось приглашать из Павловска, Лосева, Верхнего Мамона. Начали думать, как назвать районку. Вариантов было много. Вместе с Олегом Кирилловичем отобрали четыре и отправили их в обком. Скоро пришел ответ: «Маяк Придонья».

И за то, что эта газета победила во Всесоюзном конкурсе, двум журналистам было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», а 12 газетчиков, полиграфистов и сельских корреспондентов стали отличниками печати — тоже большая заслуга первого секретаря.

Ежегодно бюро райкома принимало постановление в поддержку газетных выступлений. Олег Кириллович часто повторял: «Газета — тот же райком, только с другим названием». В этом мы видели большую поддержку и чувствовали огромную ответственность, которая на нас ложилась. В то же время он полностью доверял нам. Не было случая, чтобы какой-то материал требовали на согласование, он строго пресекал попытки администрирования со стороны некоторых ретивых аппаратчиков.

Застрожному до всего было дело. Он не терпел расхлябанности, равнодушия. До его приезда город находился в очевидном запустении, утопал в песках. Даже митинги и демонстрации толком проводить было негде. На песчаном пустыре между нынешней гостиницей и зданием администрации печально стояла скособочившаяся трибуна. Вот здесь и проходили праздничные торжества.

Центральный сквер с редкими засохшими американскими кленами был обнесен штакетником времен доисторического материализма, такие же ветхие деревянные ворота с калиткой-вертушкой знаменовали собой центральный вход. И только небольшой памятник В.И. Ленину, который сейчас находится на территории детского санатория, хоть как-то оживлял эту унылую картину.

Олег Кириллович сам загорелся идеей благоустройства Павловска и зажег десятилетия, сотни людей, убедил их в том, что город можно сделать красивым и своими силами. При нем было положено начало асфальтированию улиц. Затем оделась в асфальт центральная площадь. К 50-летию Великого Октября установили величественный памятник В.И. Ленину работы академика Нероды. Павловчане всегда будут благодарны первому секретарю райкома за впечатляющий мемориальный комплекс, прекрасный бульвар, который летом горит яркими тюльпанами, голубые ели и, наконец, элегантную лестницу к Дону. Во всем этом и многом другом угадывается глубокая заинтересованность творчески одаренного человека, желавшего сделать свой город привлекательным.

Затем с присущей ему страстностью он взялся за стадион. Рассказывает Сергей Иосифович Воробьев:

— С весны 1968 года я работал директором стадиона, на котором рос бурьян и паслись козы. И вот меня пригласил первый секретарь и сказал: «Будем строить крытый стадион с трибунами, дорожкой, волейбольной и баскетбольной площадками. Как вы на это смотрите?»

— Чего тут смотреть? Я за, но нужны деньги, материалы.

— Строительству надо закончить не позже октября, и в День работников сельского хозяйства мы проведем на новом стадионе большой праздник, устроим выставку — пусть колхозы, совхозы, перерабатывающие предприятия покажут всем свои достижения. Каждое сделает себе павильон.

И работа закипела. Из Ростова привезли проект. Завезли материалы, появились строители. Многие сделали студенты и преподаватели педучилища, техника. Олег Кириллович один-два раза в неделю появлялся на стройке и ежене-

дельно от меня и других спортивных руководителей требовал информацию о ходе работ. К указанному сроку стадион был готов, — в то время один из лучших в области. И с той осени все праздничные торжества проводились здесь.

Заведующий отделением физического воспитания педучилища Виктор Андреевич Гуров дополняет:

— Я считаю Олега Кирилловича партийным работником с большой буквы. Он буквально заражал всех своим энтузиазмом. Надо было видеть, с каким желанием студенты, преподаватели участвовали в асфальтировании проспекта, строительстве стадиона. Трудно поверить, но он был закончен буквально за два с половиной месяца. На наших глазах родилось чудо. Мы и сейчас проводим там со студентами занятия, и я всегда рассказываю им об этом удивительном человеке.

Таков был Олег Кириллович во всем. Я уже упоминал о его тяге к культуре. И в Павловске он многое сделал для ее развития. Он приглашал из Воронежа артистов. Они жили здесь по две-три недели, а кто и дольше. И делали из самодеятельных кружков коллективы высокого художественного мастерства. Так были созданы известная агитбригада, участница зональных смотров в Ростове, Орле, и ансамбль «Зори Донские», который не без помощи Застрожного дважды гастролировал в Чехословакии. Работали народный университет культуры, книжный клуб-магазин, был налажен выпуск павловских сувениров. К сожалению, после ухода Олега Кирилловича из района многого из этого не стало.

Но самая яркая черта Застрожного — постоянное, я бы сказал, каждодневное стремление общаться с людьми. Вот характерный пример. Олег Кириллович вернулся из Москвы с XXIV съезда партии. На второй день пригласил заведующего отделом пропаганды и попросил составить график его выступлений как делегата. На них он рассказывал о работе съезда, принятых решениях и задачах районных парторганизаций во всех колхозах и совхозах, на крупных предприятиях, учительской конференции, побывал у медиков, работников культуры и т.д. Его часто можно было видеть с беседами и лекциями в РДК. Но особенно доставляло ему удовлетворение встречаться с рабочими, животноводами, механизаторами именно на производстве. Ни одна поездка по хозяйствам не обходилась без взыскательного и доброжелательного разговора в цеху, на ферме. И сейчас, спустя много лет, люди добрым словом вспоминают встречи с первым секретарем.

«Беседы, лекции, самодеятельность — все это хорошо, — скажет скептик. — А как экономика, производство?»

Готовя этот материал, я полистал подшивки районной газеты тех лет. Вот, к примеру, 1974 год, последний, когда во главе района был Застрожный. Годовой государственный план заготовок животноводческой продукции выполнен: молока — на 102 процента, мяса — на 101, яиц — 118 и шерсти — на 106 процентов... Хотел бы обратить внимание читателей на то, что сельское хозяйство района тогда развивалось в комплексе. Динамичного развития не имеют не только многие хозяйства, но и районы.

Николай Иванович Зубанов работал при Олеге Кирилловиче 7 лет председателем колхоза и 4 года начальником управления сельского хозяйства.

— Это было лучшее в моей жизни время. Мы как раз начали создавать спецхозы в Воронцовке, Петровке, Ливенке. Не все шло гладко, много было сложностей. Но никогда Олег Кириллович не повышал голоса. Бывало, приедет в колхоз, зайдет в правление. Спросит, как дела, как здоровье? А потом уже побывает на фермах, на полях. На полевом стане обязательно сначала подойдет к поварам, попробует обед. Не только бригадиров, но и многих механизаторов знал по имени-отчеству. Его всегда тянуло к людям, никогда не проходил мимо них...

Меня могут упрекнуть, вот, мол, нарисовал розовый образ, ну не может быть человека без сучка и задоринки. И будут правы. У Олега Кирилловича, как у каж-

дого из нас, были и свои слабости, и недостатки. Но Павловский секретарь — это личность. А вокруг личностей нередко суетятся мелкие люди, завистливые, чванливые и мстительные. Их и сейчас немало. Именно интриганы, размахивая какими-то разоблачительными бумажками, создали тогда конфликтную ситуацию в аппарате райкома. Она и ускорила развязку. Олег Кириллович был назначен начальником областного управления культуры, а его оппонент изгнан навсегда с партийной работы.

Но не будем развивать эту тему. Во-первых, как гласит народная мудрость, о тех, кого уже нет с нами, — или хорошо, или ничего. А во-вторых, у Олега Кирилловича было главное — стержень в жизни. Что это такое, пояснила известная писательница и журналистка Клара Скопина. В конце 70-х прошлого века она написала книгу, в которой сравнила Застрожного с комиссарами: в критический момент они встают во весь свой исполинский рост и ведут за собой людей на правое дело. Олег Кириллович относится к поколению фронтовиков, которые, идя в бой, говорили: если не вернусь, считайте меня коммунистом! Он таким и был до конца: равнодушным, принципиальным, идейно преданным, яростным, беспощадным к лени, нерадивости и увертливости. Он был неистовым коммунистом и настоящим партийным секретарем.

Павел Вислогузов

ПО ЗАКОНАМ ГАРМОНИИ

(Иван Дикунов — народный художник России
с павловскими корнями)

Когда этот номер готовился к печати, пришла скорбная весть о кончине Ивана Павловича Дикунова — художника мирового масштаба, талант которого всецело служил искусству и людям. Откликаясь на его смерть, выражая соболезнование родным и близким покойного, губернатор Воронежской области Александр Гусев подчеркнул: «Об Иване Дикунове неправильно говорить в прошедшем времени. Он остается с нами в своих знаменитых знаковых работах, ставших яркими достопримечательностями и визитными карточками региона. Это памятники Пушкину, Платонову, святителю Митрофану, любимому Биму, котенку с улицы Лизюкова...»

Оставил И.П. Дикунов такие памятники и на родной ему Павловской земле.

Павловск по праву гордится своим земляком известным воронежским скульптором Иваном Павловичем Дикуновым. Он был профессором, заслуженным деятелем искусств, народным художником Российской Федерации, лауреатом Государственной премии... Работал он, как правило, в творческом сотрудничестве со своей женой, тоже известным скульптором Эльзой Пак. А теперь мы можем говорить уже о целой династии скульпторов Дикуновых. На этом поприще сейчас трудятся их сыновья Максим и Алексей. Художницей стала и дочь Наталья.

Иван Павлович дважды избирался председателем Воронежского отделения Союза художников России, являлся членом его правления. Региональная пресса и центральные средства массовой информации уделяют большое внимание работам и личности И.П. Дикунова. А его скульптурные произведения получают высокую оценку в различных художественных изданиях. В 1997 году вышла книга «Иван Дикунов и Эльза Пак», рассказывающая о творческом союзе двух выдающихся скульпторов. Немало других печатных работ посвящено деятельности Ивана Павловича и Эльзы Николаевны.

Родился Иван Дикунов в 1941 году в пригороде Павловска — живописном селе Петровка. Как ни трудна доля деревенского жителя, вынужденного всегда в поте лица добывать хлеб насущный, сельские просторы никогда не утрачивали для него своей привлекательности и самобытности. Петровка — большое русское село, расположенное на благодатной равнине роскошной Осередной поймы. Светлые струи

одного из исторических притоков Дона приносят свежесть, питая ароматное разнотравье далеко раскинувшихся лугов. С севера постоянно ощущается дыхание Шипова леса с его особой волнующей терпкостью. Кажется, нигде нет столько соловьев и такой их заливистой трели, как в Петровке, в ее густых и плодовых садах.

Ваня рос подвижным, энергичным и любознательным. С малых лет потянулся к красоте родных мест. Замечали за ним не раз, что он, бывало, вдруг остановится перед каким-либо деревом, удивившим его своей оригинальностью, или редкой птицей и внимательно, долго рассматривает, задумчиво улыбаясь. Красота — вещь труднодостижимая. Она привлекала мальчика и заставляла его размышлять над ее истинной природой и высоким смыслом. Эта черта сохранилась в нем и поныне.

Явные эстетические интересы ребенка заметили еще в школе — в частности, учитель рисования Сергей Владимирович Ракитин. Его умелые педагогические знания однозначно поспособствовали развитию природных задатков Ивана. Будущий скульптор, как вспоминают его ровесники, рано увлекся лепкой. С глиной он не расставался. Вскоре на выставках в школе и в районе появились его работы. И они уже тогда получали высокую оценку. А по окончании десятилетки Иван подарил родной школе метровый бюст В.И. Ленина.

И еще одно обстоятельство, сыгравшее, наверное, решающую роль в развитии таланта скульптора и в становлении Дикунова как личности, — это семья. Отец и мать его были потомственными сельскими тружениками. С первых дней существования колхоза и до последнего часа своей жизни они трудились, как говорится, не покладая рук. Евдокия Ивановна в основном на прополке и уборке хлебов, свеклы, картофеля, не отменявших еще и ее нелегкие домашние хлопоты. А отец, Павел Максимович, сорок лет проработал кузнецом. В семье росло еще четверо детей: Александр, Мария, Иван и Евгений. Братья и сестра всегда были трудолюбивыми и глубоко понимающими цену того, чем занимались их родители. Дети в таких семьях ответственные за свои поступки, самостоятельны и целеустремленны. Старший, Александр, стал в итоге инженером-конструктором, Мария — агрономом, Иван — художником-скульптором, самый меньший, Евгений, — строителем электростанций.

Окончив школу, семнадцатилетний Иван Дикунов отправился в Ленинград с заветной целью — учиться изобразительному искусству. В 1959 году его мечта осуществилась: он стал студентом Ленинградского художественного училища (бывший ВХУТЕМАС). Окончив его в 1964-м, поступил в Ленинградскую академию художеств. В это время судьба свела его с Эльзой Николаевной Пак, и с того времени стали они не только мужем и женой, но и единомышленниками, неразлучными друзьями по творчеству.

Они с удовлетворением вспоминали свои академические годы: «Мы все впитывали, как губка. Преподаватели — прямые потомки старой петербургской интеллигенции — учили не только тайнам ремесла, здесь было дано очень много, но и всей душевной щедростью делились самым главным — знанием русской культуры. История, литература, музыка, театр, старое и новейшее искусство — все это облекалось в живую связь времен и облекалось в души и умы студентов академии, использовалось лучшее, что было создано в русской культуре XX столетия — “матвеевская”, восходящая к Родену, школа ваяния с ее живым, полнокровным ощущением жизни, отрицающим готовые каноны и умозрительные схемы».

Дикунов и Пак окончили академию по мастерской известного советского скульптора М.К. Аникушина. Творческое сообщество Воронежа тепло встретило молодых скульпторов. Вскоре у них появилась своя мастерская, и они заявили о себе на различных выставках, стали членами Союза художников.

Только скульптор — вовсе не одиночка, заточивший себя в студии. Искусство монументальной скульптуры — это искусство мужественных и сильных людей, объединяющее в себе вдохновение и тяжелый труд мастера-исполнителя. Труд разносторонний, но требующий в одинаковой степени сноровки, крепкой хватки и высокой мастеровитости. Возможно, И.П. Дикун и сложился как скульптор и стал известным в России, потому что, наверное, нет на свете того инструмента, которым бы он не владел, и нет ремесла, которое не поддавалось его умелым рукам.

Иван Павлович Дикун

С этими замечательными людьми Иваном Павловичем и Эльзой Николаевной мне посчастливилось познакомиться много назад. Знакомство состоялось в связи с сооружением памятника в Русской Журавке 368 воинам-односельчанам, погибшим во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Работал я председателем колхоза и внес предложение общему собранию членов сельхозартели на месте наскоро поставленного сразу после войны памятника соорудить к 30-летию Победы современный монумент, выражающий подлинное величие подвига воинов, отдавших жизнь за Родину. Колхозники горячо поддержали идею, ибо не вернувшиеся с поля боя воины были для них, так или иначе, близкими людьми.

Поехал в Художественный фонд. Встретились с Иваном Павловичем и Эльзой Николаевной, они внимательно выслушали наши пожелания. А замахнулись мы тогда на многое: даже высеченные в мраморе имена решили покрыть сусальным золотом.

Во время создания монумента встречались еще несколько раз и в их мастерской в Воронеже, и у нас в Русской Журавке. Наконец идея авторов воплотилась в реальность: скульптура женщины, олицетворяющей Родину-мать, поддерживает истекающего кровью воина, не выпустившего из рук оружия. С тех пор эта величественная скульптурная группа возвышается над степью и напоминает о наших героических защитниках, память о которых сохранится, доколе будет жива Россия.

Сколько помнится, не было дня, чтобы к подножию памятника не возлагались цветы. Многие машины, идущие по дороге в сторону Калача и обратно в направлении Верхнего Мамона, проезжая мимо священного мемориала, почтительно замедляют скорость.

Одновременно Иван Павлович и Эльза Николаевна создали памятник и в Павловске. Этот монумент представляет собой фигуру женщины с поднятыми руками, как бы просящую мира и счастья всем людям на земле. Позднее комплекс был дополнен бюстами павловских Героев Советского Союза, установленными на постаментах.

А когда мне довелось возглавить Павловский сельскохозяйственный техникум, то, внимательно присмотревшись к территории учебного заведения, я обнаружил отсутствие того, что еще могло бы способствовать созданию духовной атмосферы, формирующей личность молодого специалиста-агрия. Тогда и пришло решение установить здесь бюсты знаменитых ученых В.В. Докучаева, К.А. Тимирязе-

ва и В.П. Горячкина. Благодаря таланту Дикунова и Пак такая идея была достойно воплощена в жизнь.

Наш земляк и его спутница отличались удивительной работоспособностью, что в немалой степени повлияло на масштабность их профессионального успеха. Диапазон творчества Ивана Дикунова и Эльзы Пак довольно широк. Очень интересна портретная галерея, созданная ими. Как отмечают искусствоведы, в ней нет идеализации, нет застывшей символики. Их герои — разные люди Воронежской земли, из повседневности их дел складывается навсегда запечатленная история. Скульпторами созданы портреты металлургов, председателя колхоза, профессоров, хирурга, ветерана войны. Произведения отмечены подлинной гармонией, глубинным проникновением в их душевные качества, социальный и профессиональный статус.

В этом очерке не ставится задача исследования творчества наших известных воронежских скульпторов. Это дело искусствоведов, и уже вышло немало серьезных работ на эту тему. Уверен, эта тема будет продолжена, поскольку произведения Ивана Дикунова и Эльзы Пак представляют большой интерес и в научном, и эстетическом направлениях. Особенно важно то, что в русле их идей выдвигается, можно сказать, абсолютная ценность — человек со всем тем, что служит ему же, человеку: здоровье, высокая культура взаимоотношений, духовность, умение создавать для своего бытия прочную материальную основу. Словом, человек деятельный и счастливый.

Круг творческих интересов Дикунова и Пак удивляет своей масштабностью. Это не только монументальные произведения, но и личности великих творцов. Так, ими запечатлены образы Кольцова, Никитина, Крамского, Есенина, Шолохова. И никто не скажет, что Дикунов и Пак повторяют ранее созданное другими авторами. Ими найдены новые глубинные подробности и детали, заставляющие по-новому ответно звучать тончайшие струны зрительских душ. Памятники А.С. Пушкину, можно сказать, не новость в России. Есть прекрасные произведения, достойные имени великого оригинала. Однако Иван Павлович в 1999 году решил создать образ поэта в своем видении и успешно доказал неисчерпаемость

Памятник Андрею Платонову в Воронеже работы Ивана Дикунова

этой вечно значимой темы. Ему удалось показать в камне немеркнущий образ гения. Его Пушкин удивительным образом изображен вечно живым и современным.

Однако в творческом арсенале Дикунова и Пак немало образов, не звучавших ранее ни в чьей интерпретации. Скажем, их памятник М.Е. Пятницкому, чьи заслуги в развитии нашей русской культуры неоспоримо велики. Он — собиратель народных песен в Воронежском крае, создатель Русского народного хора и активный пропагандист песенного мастерства. Благодаря таланту Дикунова и Пак песенный раздел истории нашей национальной культуры имеет теперь знаковое воплощение, полюбившееся всем воронежцам и многочисленным гостям нашего города.

Может, я и не прав, но мне все чаще приходит мысль: если скульптор создает памятник известному деятелю и создает его талантливо, он одновременно как бы возводит монумент и самому себе. Так, проходя мимо памятника Петру I в Питере, кто-то скажет: «Велик самодержец!» А кто-то произнесет: «Велик Фальконе!»

В 1999 году в центре Воронежа был установлен памятник нашему всемирно знаменитому земляку Андрею Платонову работы Дикунова и Пак. Он единственный в России, не считая мемориальной доски на доме на Тверском бульваре столицы, выполненной другом писателя Ф.Ф. Сучковым.

Памятник прекрасен. Кажется, авторам удалось передать всю глубину внутреннего мира создателя «Чевенгура». Приходится удивляться и восхищаться талантом ваятелей, сумевших проникнуть в сокровенные особенности личности литератора. Ведь известно, что Платонов, не понаслышке знавший жизнь (электротехник, мелиоратор, поборник электрификации, эколог планеты, публицист) и немало написавший о ней, шел своим путем в литературе, путем подвижника без признания, был, говоря словами Бориса Пастернака, «прославленный не по программе / И вечный вне школ и систем».

Разглядеть в писателе секреты его внутренней натуры и передать в памятнике сложные взгляды на действительность способен только художник высокоталантливый. Платонов изображен идущим вперед против ветра и всевозможных препятствий, возникавших на его пути несчетно. Выражение лица, поза идущего, даже заложенные в карман руки и теплый шарф на шее — все подчеркивает значительность фигуры и верность сказанных им однажды слов: «А без меня народ неполный».

Глядя на памятник, лишний раз убеждаешься в правоте слов современного воронежского писателя Виктора Будакова: «Платонов всю жизнь стремился как бы раздвинуть горизонт, объять родной край и Вселенную, стремился найти что-то небывалое, что бы избавило мир от сиротства. И шел он не сам по себе, а разделяя крестный путь своего народа». А далее он снова прав, высказывая убеждение, что Платонов — современник вечности. Удивительно, как могут совпадать мысли, изложенные на бумаге и отлитые в металле.

Дикунов и Пак также создали ставшую одним из любимых символов Воронежа трогательную скульптуру «Белый Бим Черное ухо», ставшую воплощением духа творчества Гавриила Тропопольского, писателя-борца, неустанного радателя о земле и людях, о малых реках и почвах, флоре и фауне.

Глубоко осознавая присутствие в человеке высшего духовного начала, Иван Павлович и Эльза Николаевна не могли в итоге не обратиться к образам святителя Тихона Задонского и Митрофана, епископа Воронежского. В их памятниках талантливо передана гармония образа русского священника: смирение, спокойствие, сдержанность и в то же время — воля и достоинство. А подлинной художественной площадкой этих выдающихся произведений стало пространство старинного русского города Воронежа.

М. Лазарев пишет: «Созданные И. Дикунным и Э. Пак в содружестве с архитекторами монументально-декоративные комплексы не “вырываются” в сложившийся архитектурный образ города и этим особенно привлекательны. Точно “вписываясь” в окружающую среду, их творения живут в пространстве улиц и площадей как яркие эмоциональные узлы. Они как бы являются неким эстетическим канонem. Они не просто радуют глаз, но утешают и воспитывают городскую публику».

Речь идет, прежде всего, о Центральном детском парке, который стал местом волшебного царства грез. Ими блестяще выполнено оформление театра оперы и балета. В нем пластично реализована идея возвышенной духовности в традициях и принципах классического декорирования храма искусства без нарушения основ современной архитектуры.

Значительная работа выполнена скульпторами при создании Воронежского театра кукол. Это целый комплекс, украсивший город. Создатели его — И.П. Дикун и Э.Н. Пак, архитекторы Н.С. Топоев и В.Г. Фролов, художник-монументалист В.Д. Клепиков, инженеры-конструкторы С.В. Пучков и В.В. Щекалев — были удостоены Государственной премии в области литературы и искусства.

Театральный комплекс — масштабное зрелище, включающее уникальное по своему замыслу сказочно-фантастическое здание, парадный дворик, игровой городок. Здесь нет места скуке, здесь все звучит на высоком подъеме. Яркие эмоции вызывают колонны-светильники, каждая из которых завершается скульптурным изображением самых интересных сказочных героев.

За всем этим великолепием и праздничной торжественностью, несомненно, ощущается поистине титанический труд двух художников. Но он свят, ибо составляет смысл их жизни.

Иван Павлович никогда не порывал связи со своей малой родиной — Петровкой и Павловском. В меру представившейся возможности навещал родные места, встречался с родственниками, друзьями и черпал в привычной и до боли знакомой и близкой природе и здешних замечательных людях энергию и вдохновение.

*Стихи
павловских
поэтов*

У СОСНОВЫХ ХОЛМОВ, МИМО ГОР МЕЛОВЫХ

Надежда Глущенко

* * *

Это все уже когда-то было,
Шел ребенок сквозь осенний лес.
Время не бежало, оно плыло.
За руку вело в страну чудес.

Все уже цвело, и все кружило,
Загоралось, гасло и влекло.
Лето пахло, а зима вьюжила,
И весна дарила нам тепло.

Только зрелости примета — осень —
Оставляла в воздухе следы.
Жизнь пройдет, со всех нас
кто-то спросит,
Сколько утекло уже воды...

Это все уже когда-то было.
Эти песни, эти же слова.
Время пробежало и застыло.
Ну привет, я — вот она. Жива.

* * *

Дни пролетают как синие птицы,
Время стремится меня приручить.
Время несется, торопится, мчится,
Чтобы разрушить и нас разлучить.

Время несется в неизвестные дали,
Как же охота его обмануть!
Чтобы не ведать тоски и печали,
Чтобы в тумане под утро уснуть.

Мы прорастаем корнями друг в друге,
И прирастает душою к душе.
Время, помедли. В далекой разлуке
Дай нам немного пожить в мираже.

* * *

Все отцвело, в листву оделось,
Дорогой выстланы луга.
Заря на небесах зарделась,
Трава торопится в стога.

Остановиться, мир послушать,
Поллюбоваться красотой.
Самим себе поведать душу
И свой сердечный непокой.

В тревожном с совестью разладе
Поймать себя и не узнать.
Весной, в окошко грустно глядя,
В автобусе стихи писать.

Любовь Куделина

ИЮЛЬ

Ах, июль! Это лета макушка!
Когда в полдень стоит тишина,
Вдруг заплачет где-то кукушка,
Отмеряя кому-то года.
Замер лес, не тревожимый ветром.
Бойких птиц не слышны голоса.
Лишь деревья, пронзенные светом,
Тянут ветви свои в небеса.
Тишина в летний полдень такая,
Что услышишь, как там, вдалеке,
Детвора, о заботах не зная,
Веселится весь день на реке.
А над всем этим гордо и строго
Все плывут и плывут облака.
И зовет меня дальше дорога
В даль далекую издалека.

ОДИНОКИЙ ПАСТУХ

Звучала музыка печально,
И тихая вернулась грусть.
Я вспомнила любовь случайно,
Забыв про возраст. Ну и пусть.
Ведь с музыкой ко мне вернулась
Тоска несбывшейся мечты,
Незабываемая юность,
Легко сжигавшая мосты.
Друзей погибших всплыли лица
В уснувшей памяти моей.
И синяя вернулась птица,
Летавшая за сто морей.
А музыка все льется, льется,
Звучат аккорды в тишине.
Та песня грустная поется
И о тебе, и обо мне.
Мотив простой у той свирели:
«Огонь любви моей потух,
Дни счастья быстро пролетели...»
Так одинокий пел пастух.

Александр Лазаревский

НАМ ЛЮБА ВОЛЯ...

Русло Дона, как невеста,
Изгибая стан прелестный,
Укрывает раненых бойцов.
Непрерывный гул сражений,
Кровь и горечь поражений,
Все смешалось в облике донцов.

Вот уздечка, словно речка,
В ухе сотника колечко
Да усталый есаула крик:
«Кзаки, нам люба воля,
Вот такая наша доля,
Мы своих границ не отдадим!»

Завязалась снова битва,
Православная молитва,
Вновь и вновь в бою сверкнул клинок,
Вот хрипят от боли кони —
Казачки пошли в погоню,
Поучись и ты у них, сынок.

Снег кровавый под копытом,
Лучше быть в бою убитым,
А не затеряться, не пропасть.

Пуля-дура не догонит,
Хоть со мною рядом ходит,
Пусть попробует донскую масть.

Знаю, мать ночами плачет,
Для нее сын много значит,
Но Отчизна — тоже наша мать.
Мы любви своей не скроем
И обидеть не позволим,
Ведь на том стоит казачья рать.

Девки, вы нас вспоминайте,
Кто вернется — тех ласкайте,
Сладкой медовухи не жалея.
А коль смерть принять придется,
Душа к солнышку взметнется
И опустится в ковыль степей.

Александр Лисицкий

МОЙ ТИХИЙ ДОН

Средь лугов заливных, меж крутых берегов
Воды плавно уходят на юг, на Азов.
Мой прославленный друг и свидетель веков,
Дон, к тебе прихожу на приветливый зов.

Я люблю твой задумчивый мир тишины,
Безмятежную даль, сладкий сон берегов.
Меньше века назад дерзкий голос войны
Оглушил эту землю, лишил ее снов.

Шепчут ивы, склонившись над тихой водой,
Ветерок чуть колышет цветы на лугах.
Дон, твоя тишина — это памятник твой
Всем солдатам, оставшимся в этих цветах.

Меж крутых берегов и лугов заливных,
У сосновых холмов, мимо гор меловых
Воды тихо уходят на юг...

НОЧЬ

Малый город тих.
Предрассветный час.
Тихо льется стих.
Хорошо сейчас.

Выйду в полумрак —
Ночь, прохлада, тишь.

Редкий лай собак
Над молчаньем крыш.

Башни силуэт
Вижу через тьму.
Я часовни свет
Взглядом обниму.

Мерно бой пробьет
Скоро пятый час.
Новый день встает.
Хорошо сейчас.

ДЫНЯ

Вот и лето удалилось,
В тучах солнышко сокрылось.
Только на моем столе,
Налитая, в янтаре,
Золотит на блюде донце
Дыня — маленькое солнце,
Веселит и зазывает,
Сладким духом разливает
Шлейф недавних теплых дней
В стылой комнате моей.

Сергей Лисицкий

* * *

В крае, где ночи
Ярче зарниц,
Нынче я ловчий
Песен и птиц.
Свистом ли,
Сетью —
Все мне с руки...
Не для корысти
Ставлю силки.
Байки-погудки
Слушать я рад.
Люб мне их гулкий
Песенный лад.
Снова и снова
Вслушавшись в речь,
Редкое слово
Мыслю сберечь.
Я, что краюху,
Слова берегу.
Доброе — другу,
Злое — врагу.

ПОРОГ

Все знакомо
И дорого сердцу —
От сучка
На сосновой стене
До лежанки
С чугуною дверцей
Наша горница
Видится мне.
И щербатый,
О две колоды,
У сеней наших
Старый порог,
За который
В далекие годы
Перебраться
Никак я не мог.
Я о нем
Свою думу теплою.
О пороге,
Что врос в траву...
Ведь с него
Я ступил на землю,
На которой
Сейчас живу.

Ирина Наконечная

* * *

Ты сойдешь на пустом полустанке,
Городская — стройна и хмура, —
Где газетой прикрытые банки
Без надзора томятся с утра.
И неловко на шпильках по доскам
Мимо белого — в утках — ручья,
Вся в репьях кучерявая моська
Строго глянет: «Да вроде своя».
Подгулявшие за год заборы
Огибает угрюмый монах.
А вверх, погляди — синь да горы,
А внизу — бурелом да овраг.
Вот идешь — близорукие хаты
Подследят любопытным окном,
Кто такая, зачем и куда ты,
И, конечно, узнают о том.
Вдруг в овраге, заросшем крапивой,
Загудит заблудивший телок,
И внезапно ты станешь... счастливой!
Хоть какой, да ведь свой уголок.

А на выгоне, будто некстати,
Ярко вспыхнет в твоей голове,
Как девчонкой в застиранном платье
Здесь каталась по пыльной траве.

ПОСЛЕ БУРИ

Дунул ветер. Будто вздрогнула земля.
Испугались, поменялись тополя,
Недовольная, поморщилась река,
А гроза уже отсюда далека.
Распахнули облака глаза свои,
С писком возятся под стрехой воробьи,
И кузнечик очень длинные усы
Осторожно мочит в капельке росы.

Виктор Пахомов

ГАРМОНИСТЫ

Для обоих нас дело привычное —
Проходить мимо окон не раз,
Где живешь с волосами пшеничными,
С голубыми озерами глаз.

Сердце полно тревогою давнею,
Только вот не поймем, почему
Ты ко мне не идешь на свидание,
Никогда не спешишь и к нему.

А ведь ростом равны мы и возрастом,
И гармошка у нас на двоих.
Веселим мы у тихого озера
И тебя, и подружек твоих.

А частушки над озером кружатся,
По-над лугом и рощей летят.
Лучше нет, чем с Чупаховской улицы,
И красивей и звонче девчат.

Не тревожишься ты и не маешься,
Но понятно и мне, и ему,
Что однажды когда-то достанешься
Ты кому-то из нас одному.

Иван Пахомов

НАГРАДЫ

Он дедовы нашел награды
И приколот себе, как смог.
А тут и дверь открылась в хату —
Сам дед явился на порог.

Внук поджидал такого часа
И дедушке отковырял:
«Товарищ старшина запаса,
Простите, что медали взял».

Дед молча постоял немножко,
Сказал: «Ну, ладно. Вот дела...»
И, как юла на тонкой ножке,
Внук завертелся у стола.

То он в «атаку» шел с отрядом,
То полз к «врагу» за «языком»...
Звенели в комнате награды,
А внук командовал... «полком».

...Старик смотрел на все на это
И вспоминал о той войне.
И почему-то раны деда
Вдруг так заныли на спине,

Как будто мысль о лихолетье
Покой растеребила их.
Дед тихо молвил: «Дети, дети,
Не знать бы вам наград таких».

Николай Проскурин

ГЛАЗА

То голубой, то нежно-синий
Струился свет в твоих очах —
Как будто с морем воедино
Смешалось небо сгоряча.

Я околдован: что такое
Со мною вдруг произошло?
Как будто пламя голубое
Меня внезапно обожгло.

Что за пленительность во взоре?
Кто тайну в них захоронил?
Я погружался в них, как в море,
Как в небе высоко парил.

Их цвет не передать словами,
Но с ними будто я знаком...
Такие ведь глаза у мамы,
Меня вскормившей молоком!

Ольга Владимировна Попович родилась в селе Митрофановка Воронежской области. Окончила Орловский государственный институт культуры. С 1994 года живет в городе Павловске, работает методистом отдела по культуре и межнациональным вопросам администрации Павловского муниципального района. Автор методических сборников по итогам исследовательской фольклорно-экспедиционной работы в Павловском районе. Член литобъединения «Донские родники». Публиковалась в региональных изданиях, коллективных сборниках. Лауреат областного конкурса «Живая нить традиций», фестиваля «Калитвянский причал».

Ольга Попович

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ГОВОР

(Уникальное исследование
истории и диалектов
сел Павловского района)

Исследование диалектов сел Павловского района Воронежской области — это кропотливая и долгосрочная работа, итогом которой стали собранные слова-диалектизмы, позволяющие проникнуться уважением и любовью к родному языку, а также позволяющие узнать не только о происхождении слов, но и о своих корнях.

Диалектам свойственна устная форма существования, это неотъемлемая часть народной культуры. Всего через несколько лет уже невозможно будет зафиксировать многие диалектные слова и устойчивые выражения, которые встречаются у жителей сел и деревень. Поэтому изучение диалектной лексики, каждого диалектного слова — это познание истории своего народа, края, района, села. В словах, дошедших до нас, мы слышим отзвуки далеких времен.

Для науки представляет определенную ценность каждое слово, независимо от того, входит ли оно в литературный язык или является только принадлежностью какого-либо местного говора, потому что оно появилось в речи народа для того, чтобы им обозначить, назвать предмет, признак, действие, отношения между людьми.

Потерять диалектные слова — это значит потерять для истории нашего народа, его духовной культуры, его языка значительную часть того, что составляло содержание жизни миллионов людей в течение многих столетий. Вот почему так важно сохранить эти неоценимые сокровища живой народной речи, богатого местного говора, традиций, культуры и истории нашего края.

Воронежская область — настоящая мозаика говоров. И связано это, прежде всего, с ее историей. Воронежский край заселялся неравномерно. Славянские поселения были здесь еще в VIII–IX веках. Но в XI веке набеги кочевников вынудили здешнее население уйти в другие места. Недолговечные и маленькие поселения время от времени возникали во времена Золотой Орды и Дикого поля, а крупные начали строить только во второй половине XVI века как сторожевые заставы и пункты Белгородской засечной черты. Вот тогда-то из разных уголков Руси и стало стекаться сюда население с совершенно разными говорами.

Одними из первых на современную территорию региона пришли служилые люди — из тульских, орловских, рязанских, курских земель. Их речь при всех отличиях объединяли южнорусские черты. Например, во многих селах Воронежской области до сих пор говорят «ишшо», «кладбишше», «они идутъ», «он помня». В восточных районах скажут «лапки», «губьки», «на пече», в западных — «у церков», «унучья». Часто бабушки говорят «на чердаку», «в бани»... Все это следы взаимовлияния древних склонений, которых было не три, как сейчас, а больше. Одна из самых интересных особенностей южнорусской речи — яканье: «берягли», «набярү», «ляжыть», «ня верил», «ня ходя». Русские народные говоры многочисленны и разнообразны, в большей мере они распространены в сельской местности, «это особая, развивающаяся по своим законам разновидность русского языка». В русском языке различают северное и южное наречие.

Жители разных уголков Воронежской области могут говорить по-разному, единого воронежского диалекта нет. Воронежский говор, как и речь населения Павловского района, — смесь южнорусского «ГЭканья» и «маААсковского» растягивания первых гласных и проглатывания последних.

Южные районы Воронежской области богаты речью, доставшейся от украинских переселенцев. Этот местный говор удивителен — он не соответствует ни украинскому литературному языку, ни русскому. Например, про медведя тут скажут «мидвидь» (в украинском «ведмидь»). Для некоторых из этих сел характерна еще одна особенность: молодежь не стесняется говорить между собой на диалекте.

Конечно, диалекты интересны не только особенностями произношения. Они могут удивить и необычным значением слов. Для обывателя это частенько повод повеселиться, для исследователя — свидетельство необычайной глубины и сложности языка.

В Павловском районе, как и во многих других районах Воронежской области, образовался особенный выговор и скопилось много диалектных слов, понятных только местным жителям.

В большинстве сел Павловского района живут «хохлы». Русских, которые проживают с ними по соседству, называют «москалями» (так же они именуют себя и сами).

В «москалячих» селах Павловского района — Бабка, Ливенка, Ерышевка, Русская Буйловка — «акают». Наиболее типичные признаки такого наречия — это отсутствие отличий между гласными звуками «а» и «о» в безударном положении. «А» произносится более открыто: «вАда». Есть и очень древний тип аканья, когда гласный звук, стоящий перед ударением, сильно сокращается. Встречается и яканье, когда говорят «лЯса», «сЯстра», «пЯсок». Глаголы настоящего времени третьего лица часто произносят как: «носюТЬ», «кормюТЬ», «ходюТЬ», «ездюТЬ». Так говорили еще в Древней Руси.

Почти на всей территории Павловского района произносят особый звук «г-фрикативный», очень похожий на «х», однако произносимый достаточно звонко, звучно. В глаголах, стоящих в третьем лице, после «т» ставится мягкий знак. Вместо «мене» произносится «мене».

В «хохлачих» селах Павловского района — Александровка, Воронцовка, Петровка, Елизаветовка, Лосево, Покровка, Большая Казинка — «балакають не тики стары люды — балакаеть и молодь, в основном селяне».

Нынешние «хохлы» практически в первозданном виде сохранили уникальный малороссийский диалект, который принесли на нашу землю их предки. «Хохлами» называют себя жители юго-западных районов области. Диалект, на котором разговаривают «хохлы», относится к юго-восточному наречию украинского языка, среди местного населения называется «хохлацким языком» — на самом деле это слобожанский диалект украинского языка.

Собранные слова ценны тем, что в них запечатлен определенный лексический состав, характеризующий быт русского человека, материальную и духовную его культуру. Диалекты небезразличны всем, кого волнует дальнейшая судьба русского языка, кто хочет знать свое прошлое, ведь литературный язык вырос из диалектов. Поэтому изучать говоры — значит сохранить для потомков богатство русского языка.

Работа основана на личных наблюдениях и беседах с местными жителями, она снабжена списком информаторов с указанием фамилии, имени, отчества и даты рождения.

Особенно ценно то, что исследовательская работа «Диалектные слова сел Павловского района» широко используется на школьных уроках, факультативных занятиях по краеведению, уроках народной традиционной культуры, занятиях дополнительного образования.

СЕЛО АЛЕКСАНДРОВКА

Автор материала: Могильниченко Валентина Владимировна, (1969 г.р.), директор МКУК «Александровское КДО».

Александровка основана в 1740-е годы на реке Осереде в 18 километрах от города Павловска. В 1741 году в Петербурге произошел дворцовый переворот, в результате которого на престол была возведена императрица Елизавета Петровна. Сыгравший видную роль в этом перевороте Роман Илларионович Воронцов в царствование Елизаветы сильно возвысился, получил большие земельные пожалования, в числе которых были и земли на реке Осереде. На эту землю он «накликал» черкас (украинцев) из Черниговской, Харьковской, Курской губерний и основал сначала село Воронцовку, затем Александровку. Это было в 40-е годы XVIII века. Но не исключено, что на Осереде свободные хлебопашцы жили и раньше. Воронцов их, как и «накликанных» украинцев, сделал своими крепостными. Отсюда и произошло заимствование украинского говора в слободе Александровской. До сих пор многие селяне говорят на «хохлацком» языке.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА АЛЕКСАНДРОВКА

Балакать	— говорить
Бурякы	— свекла
Бубун	— воздушный шарик
Взвар	— компот

Вычэря	— ужин
Гульбыщэ	— праздничное мероприятие
Гвиздок	— гвоздь
Дивка	— девушка на выданье
Дытына	— ребенок
Застёла	— половик
Колыска	— колыбель
Кавун	— арбуз
Кишка	— кошка
Лоша	— жеребенок
Лыхо	— беда
Олия	— подсолнечное масло
Отрута	— яд
Очи	— глаза
Повитка	— сарай
Пивэнь	— петух
Риздво	— рождество
Снидать	— обедать
Смитытя	— мусор
Скыдать	— снимать вещи, обувь
Трэба	— надо
Тюлька	— теплый пуховый платок (из козьего пуха)
Хвиртка	— калитка
Цэ	— это
Чавун	— чугунок
Числынык	— календарь
Шафляда	— ящик в столе
Шолкоплюшка	— теплая куртка

СЕЛО АЛЕКСАНДРОВКА ДОНСКАЯ

Село Александровка Донская расположилось на левом берегу Дона.

В XVIII веке это место облюбовали украинские переселенцы. Они свой поселок стали называть Дуванкой. Название это происходит от турецкого слова «диван», что означает «совет», «собрание». Позаимствовав у татар, хлебопашцы украинского происхождения стали произносить это слово как «дуван», придав ему иное смысловое значение.

У села было несколько других названий, что позволяет выяснить историческое прошлое села.

В середине XVIII века землю эту вместе с селом захватил князь Трубецкой. По традициям того времени село стали называться по имени одной из его дочерей — Марфино. Затем оно называлось по имени его родственницы — Дунино.

В конце XVIII века село перешло во владение князя Александра Щербатова и получило название Александровка. Это название за ним закрепилось окончательно. В те времена в Павловском уезде была еще одна Александровка — на реке Осереде. Чтобы отличать, село на Дону стали называть «Александровка Донская».

В настоящее время в простонародье село называется и Дуванкой и А-Донской. Сокращение «А» сливается в разговоре со словом Донской, и получается единое слово — Адонская.

Большая часть коренного населения села говорит на украинском «хохлячем» говоре, пришедшим на землю Александровки-Донской в XVIII веке вместе с украинскими переселенцами.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА АЛЕКСАНДРОВКА ДОНСКАЯ (ДУВАНКА)

Записано со слов жителей села Александровка-Донская: Балабаевой Зои Митрофановны (1939 г.р.), Кривобоковой Галины Александровны (1961 г.р.), Литвиновой Натальи Викторовны (1973 г.р.).

Вареття	— лоскутки ткани
Гарбуз	— тыква
Глэчик	— кувшин
Груба	— русская печь
Грубка	— печка
Додолу	— на пол
Доливка	— глиняный пол
Доломына	— гроб
Драбына	— деревянная лестница
Мыснык	— полка для мисок
Ночевы	— корыто
Погрэбыца	— подвал
Прызьба	— фундамент вокруг дома
Ряднына	— мешковина
Сирныкы	— спички
Снидать	— кушать
Сокрыа	— топор
Хвирточка	— калитка
Цыбуля	— лук
Чаплийка	— кочерга

СЕЛО БАБКА

Село Бабка возникло в XVII веке. Старинные документы гласят, что здесь уже в 1615 году существовало небольшое поселение. Место было известно как государственная откупная вотчина «Бабий юрт» или «Бабий ухажай».

Воронежские стрельцы и полковые казаки арендовали ухажай для рыбалки. Сначала это было небольшое поселение свободных русских людей на речке Трепице. Сегодня на месте старого русла речки — цепь озер: Раскаты, Трепицыно, Карасеватое, Дунайчик, Растошное... Всего их около 30-ти.

В начале XIII века по Указу Петра I сюда были переселены с северных губерний России дворцовые крестьяне. На карте реки Дон 1768 года селение обозначено как деревня Бабка государственная.

В 1840-х годах в селе обосновались казаки. За храбрость в войне с Турцией они получили вольную и право селиться, где им захочется.

Три четверти населения села Бабка составляют «москали» и разговаривают на русском языке.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА БАБКА

Записано со слов коренных жителей села Бабка: Максимовой Валентины Федоровны (1936 г.р.), Дуровой Веры Васильевны (1934 г.р.).

Из сохранившихся диалектов разговорной речи у людей старшего поколения села бытуют следующие слова:

- мене (ударение на последний слог) — мне;
- наворить (ударение на «о») — наварит;
- поисть (ударение на «и») — поест;
- трава (ударение на первый слог);
- ватета — вот эта;
- ладна — хорошо, хорошая.

Интересной особенностью некоторых местных жителей является добавление к словам, обозначающим действие, приставку «по»:

- повымела;
- повырвала;
- повымыла;
- повынесла.

СЕЛО БОЛЬШАЯ КАЗИНКА

Село Большая Казинка расположено на левом берегу Дона. Возникло в начале XVIII века во время переселения на эту землю украинских вольных хлебопашцев. Свое название село получило от названия речки Казинка (по Далю слово «казистый» значит «красивый»). Заселение велось беглыми людьми из центральных районов русского государства, которые уходили от гнета феодалов, и жителями Украины. Сначала село называлось Фасановка. В нем проживало в то время 1663 мужских душ. В середине XVIII века огромные территории плодородной земли попали в руки титулованных помещиков Воронцовых, Бутурлиных, Трубецких. Прежние жители Казинки были закрепощены полковником, князем Николаем Ивановичем Трубецким. В конце 70-х годов XVIII века уже сын Трубецкого получил в наследство 4422 души мужского пола и 24 852 десятины земельных и лесных угодий между реками Казинка и Данило. Занимались местные жители в прошлом земледелием, животноводством. Помещики и более зажиточные крестьяне разводили пчел. Так как в основном в селе жили переселенцы из Украины, то и большая часть населения говорит на украинском языке (т.е. «хохлачем»).

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА БОЛЬШАЯ КАЗИНКА

Записано со слов коренных жителей села Б. Казинка: Трапезниковой Галины Григорьевны (1956 г.р.), Маньшиной Натальи Викторовны (1957 г.р.).

Вихоть	— тряпка мыть посуду
Видусиль	— отовсюду
Глэчек, крынка	— кувшин для молока
Жабурыньня	— тина
Зависки	— шторы на окнах
Куринь	— плетеный сарай
Крушня	— корзина
Кысляк	— кислое молоко
Насинья	— семечки
Ночьвы	— ванна, корыто
Ослон	— скамья
Огудына	— ботва с бахчевых культур
Прать	— стирать
Прызьба	— завалинка
Пидстелы	— половики

Робыть — делать
Стовпэць — столб
Шипшина — шиповник
Цебэрка — ведро

СЧИТАЛКА

Як у нашего Омэлки
Тай мала була симэйка
Вин та она, та старый, та стара,
Та два парубка усатых,
Та дви дивкы косатых,
Та дви Хрысти в намысти,
Та дви ляльки в колысци.

СЕЛО ВОРОНЦОВКА

Воронцовка — село Павловского района Воронежской области, расположено в 35 километрах к северо-востоку от города Павловска на левом берегу реки Осере-ди, на опушке Шипового леса. Во время дворцового переворота в 1741 году, в результате которого на престол была возведена дочь Петра I Елизавета, заметную роль сыграли братья Воронцовы. Один из них — Роман Илларионович Воронцов — получил землю на реке Осере-ди.

В то время здесь в небольшом числе уже несколько десятков лет жили вольные украинские хлебопашцы, которых Воронцов позднее закрепостил (даже сейчас часть села называют Крыпаки). На эту землю он перевел также крестьян из своих других владений, привлёк сюда на поселение украинцев из Львовской области. Так постепенно сложилось село со своими традициями, обрядами и «хохлячей» разговорной речью. Временем его основания нужно считать начало XVIII века. В 40-е годы XVIII века оно получило название Воронцовка в честь Р.И. Воронцова, который был крупным вельможей, сенатором, генерал-аншефом.

О Воронцовке писал В.И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России»: «Громадное промышленное село Воронцовка Павловского уезда Воронежской губернии (в 1897 г. 9541 житель) представляет из себя как бы одну мануфактуру деревянных изделий... Промыслом занято более 800 домов. Изготавливали телеги, тарантасы, колеса, сундуки и т. п., всего на сумму до 267 тыс. руб. В слободе действовали училище, богодельня, 5 салотопных и 25 кожевенных заводов. Слобода славилась ярмарками и еженедельными базарами. В 1899 году Воронцовка представляла одну мануфактуру деревянных изделий. Население состояло из кустарей-краснодеревщиков, колесников, кузнецов. Были еще бондари, гребенщики, маляры, сапожные, портные, набойщики домотканого полотна.

Самостоятельных хозяев — менее трети; наемные рабочие в мастерских хозяев редки. Население слободы — промышленное, не деревенского типа, земледелием почти не занимается (кроме огородничества), имея нищенские надёлы. Население питается скудно, одевается “щеголеватее прежнего”, “но не по средствам” — во все покупное» (Ленин В.И. ПСС. Т.3. С. 399).

В последней четверти XIX — начале XX века Воронцовка была волостным центром, при этом численность населения почти в три раза превышала численность уездного города Павловска.

До 1962 года Воронцовка являлась центром бывшего Воронцовского района.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ
СЕЛА ВОРОНЦОВКА

Записано со слов коренных жителей села Воронцовка: Грезина Владимира Федоровича (1949 г. р.), Толстых Валентины Федоровны (1950 г.р.), Грезина Юрия Ивановича (1954 г.р.), Момотовой Валентины Александровны (1966 г.р.).

Або	— или
Абощо	— что ли, что-нибудь
Абыколы	— когда-нибудь
Абыхто	— кто-нибудь
Волосся	— волосы
Бажать (забажалось)	— хотеть, захотелось
Бачу	— вижу
Блыще	— ближе
Важко	— тяжело
Варяныци	— кружочки теста
Вдосвита	— на рассвете
Виткиль	— откуда
Виник	— веник
Витер	— ветер
Вылыкый	— большой
Высивкы	— отруби, оставшиеся после помола пшеницы
Вязы	— шея
Вылыкдэнь	— праздник Пасхи
Глёд	— боярышник
Городок	— палисадник
Гробкы	— кладбище
Гыдкый	— некрасивый
Долоня	— ладонь
Дрици	— дрожжи
Дырывий	— тысячелистник
Дыруны	— драники
Ехыдна (ный)	— злой, язвительный, вредный человек
Жалибныця	— сочувствующая, жалеющая женщина
Жахать, нажахать	— пугать, напугать
Жужелныця	— шлак от перегоревшего угля
Жыто	— рожь
Жылизяка	— железка
Забажалось	— захотелось
Забув	— забыл
Завбилшкы	— такой величины
Заговыны	— последний день перед постом
Зазахать	— завидовать
Закапэлок	— угол или место за печкой
Закацубла	— замерзла
Заплющать	— закрывать глаза
Зарикаться	— давать слово
Заробиток	— заработная плата
Затышок	— тихое, защищенное от ветра место
Захлять	— ослабеть от голода, болезни, обессилить
Зовыця	— золовка

Зэлэнэц	— незрелый фрукт
Каганэц	— самодельная лампа со слабым освещением
Кагат	— длинная куча
Кэди-ныкэди	— еле-еле
Клыкаты	— звать, окликать
Кодло	— шайка не хороших людей
Комашня	— муравьи
Колы	— когда
Копыця	— стог сена или соломы
Кортыть	— хотеть, соблазняться
Красыло	— губная помада, румяна
Кропова	— крапива
Крыльщик	— кровельщик
Крэйда	— мел
Кытыцы	— бахрома
Канцур	— конец чему-то
Лимпасетыкы	— разноцветные леденцы
Лантух	— тент
Ластивка	— ласточка
Лоскотать	— щекотать
Лускать (насиння)	— щелкать семечки
Лякаты	— пугать
Лыпочка	— пьянчужка
Мабудь	— наверное
Манюнький	— маленький
Маркый	— светлый, легко пачкающийся
Матэ	— мать
Молодык, на молодыка	— новолуние, во время новолуния
Мыгычка	— мелкий дождь с туманом
Мыланка	— Милания. Святочный обряд, совершаемый 13 января
Мылувать	— заботиться, охранять. (Бог мылуе)
Мылыцы	— костыли
Мынтусы	— лакомства
Мэтэлык	— мотылек, бабочка
Мэтэлыця	— снегопад
Мявкаты	— мяукать
Навколюшках	— на коленях
Накуевдыть	— напутать, сделать неправильно
Налагодыть	— собрать, положить
Нализався	— напился допьяна
Наморывся	— устал от работы
Наямлыть	— нагрузить больше чем надо
Нышком	— сделать что-то украдкой, не оглашая
Ныдиля	— воскресенье, а так же неделя
Нызабарем	— скоро, вскоре
Нысусвитный	— так говорят о глупом человеке. Дурак нысусвитный
Обыдва	— оба
Ожына	— ежевика
Оклунок	— неполный мешок чего-либо
Опивночи	— в полночь
Охлять	— отощать, оголодать
Охолонуть	— остыть, прийти в себя

Очэрэт	— камыш
Очумаця	— прийти в себя
Парпанет	— кошелек
Пивныкы	— ирисы цветы
Пивтора	— полтора
Пишкы	— пешком
Прымха	— привередливый человек
Пыка	— лицо
Распанахатъ	— разорвать, разрезать небрежно
Ратыця	— коровье копыто
Розбышака	— хулиган, несдержанный человек
Роздряпать	— расцарапать
Свайба	— свадьба
Сволок	— центральная балка на потолке
Свырбыть	— зудит, чешется
Скубты	— ощипывать птицу
Смыркае, смыркаеця	— вечереет, наступают сумерки
Стэжка	— дорожка
Стылыця	— готовить постель ко сну
Стэля	— потолок
Торкаця	— прикасаться
Триска	— щепка
Улаштувать	— что-то уладить
Ушныпыця	— долго ходить в одной одежде
Хабур	— чабур — хлам, ненужные вещи
Хлибына	— булка хлеба
Хрыстыны	— крестины
Хэкнуць	— уронить, разбить
Цокы	— туфли на высоких каблуках
Цураться	— чуждаться, (ны)цурайся — не отказываясь, нечуждайся
Чиринь	— место на печи, где лежали и спали
Чэрэда	— стадо коров их личных хозяйств
Чэрэднык	— пастух, человек, пасущий чэрэду
Чувырло	— неряха
Чучмэк	— иностранец
Швыдко, швыдче, скоріше	— быстро, быстрее, скорее
Шкарэбэрти	— сделать что-то как попало, как-нибудь
Шыбка	— стекло в оконной раме
Ятровка	— жена брата мужа
Якшаться	— водиться с кем-то, дружить

СЕЛО ГАВРИЛЬСК

Первое впечатление у людей, слышащих название Гаврильск, что речь идет о городе. Но название оказывается обманчивым. Гаврильск — это село Павловского района Воронежской области. В настоящее время является административным центром Гаврильского сельского поселения.

Историю возникновения села Гаврильск известный воронежский топонимист В.А. Прохоров описывает следующим образом:

«Возник данный населенный пункт в середине XVIII века как поселение

украинских крестьян, называемых тогда черкасами. Позднее население было закреплено графами Воронцовыми. Отмечено на карте 1780 года.

Название село получило по речке Гавриле, на которой находится».

Население села Гаврильск многонационально, по переписи 2002 года здесь проживают 13 национальностей: русские, таджики, украинцы, турки-месхитинцы, киргизы, немцы, узбеки, ногайцы, чеченцы и т.д. В их число входят народы, живущие преимущественно в пределах нашей страны, группы людей принадлежащие к народам, проживающим в бывших союзных республиках СССР, а также к народам стран дальнего зарубежья (немцы).

Каждый из народов Гаврильска отличаются по языку, укладу жизни, культуре, а также по трудовым навыкам. В большинстве сел нет такого разнообразия народов, как в Гаврильске. Самыми многочисленными жителями села Гаврильск были украинцы. Отсюда произошло смешение языков. В настоящее время в селе определен диалект — хохлячий. Многие слова, используемые в речи хохлов, схожи с русскими словами. Но есть и такие слова, которыми пользуются только хохлы.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА ГАВРИЛЬСК.

Автор материала: Бессонова Наталья Васильевна, (1962 г.р.), художественный руководитель Гаврильского СДК.

Исты	— кушать
Наче	— как будто
Намысто	— бусы
Ополонук	— половник
Огырок	— огурец
Паляныця	— каравай
Парубок	— парень
Спивать	— петь
Тяпкувать	— полоть
Хворостына	— лозинка
Хустына	— платок
Це	— это
Чэрэвыкы	— туфли
Чудно	— смешно
Чуешь	— слышишь
Шукать	— искать
Як	— как

СЕЛО ГРАНЬ

Село Грань состоит из трех частей: Йёнивка, Новосэливка, Грань. Самая старая — Грань — возникла в середине XVIII века. И сейчас люди говорят «на Грани», в отличие от других мест села. Эта часть расположена за Домом культуры (в селе говорят: за клубом) на ул. Озерная.

Хутор Ионов, или, как у нас говорят, Йёнивка, образовался примерно в это же время, но потом был присоединен к селу и начал застраиваться примерно в 30-е годы XX-го века. Сейчас это ул. Первомайская и называется она Новосэливкой.

Жители села — хохлы (украинцы) говорят на «хохлячем» языке.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА ГРАНЬ

Записано со слов коренных жителей села Грань: Прорешной Марии Николаевны (1926 г.р.), Корсуновой Екатерины Сергеевны (1930 г.р.), Гоголевой Надежды Даниловны (1947 г.р.), Бородиной Любови Ивановны (1954 г.р.) — учителя русского языка, Урывской Надежды Викторовны (1974 г.р.) — заведующей Гранским СДК.

Баркан	— забор
Батько	— отец
Брюхо	— живот
Базарь	— рынок
Белозорька	— растение валерьяна
Викно, виконце	— окно
Вивца	— овца
Волокуша	— борона
Галушки	— вермишель
Горище	— чердак
Дийнычка	— ведро с носиком (подойник) для доения
Жала	— крапива
Жлукто	— бочка из дерева для смешивания золы для отбеливания при стирке
Журыться	— грустить
Забережни	— оттаявшие берега
Загорбок	— затылок
Зляк, злякаться	— испуг, испугаться
Зыбка	— колыбель
Кирэц, кирчик	— ковш для воды
Кошолка	— корзина
Крыныца	— родник
Клуня	— амбар возле кузницы
Коганец	— фитиль лампы
Киска	— маленькая коса
Копанка	— в низине огорода яма для сбора воды для полива
Куштовать	— пробовать
Лыдка	— нога
Ляпэнэк	— изделие из теста (вареник, оладьи)
Ляда	— деревянная дверь, закрывающая яму
Мастыло	— масло или жир
Маты	— мама
Мисто	— место
Мирно	— спокойно
Мишанка	— каша
Нахиляться	— наклоняться
Обид	— полдень, второе значение обед (приглашение поесть)
Обэрэмок	— охапка дров
Очеп	— жердь, просунутая в железное кольцо (для устойчивости колыбели)
Окрипэц	— укроп
Оришки	— сдобное изделие из теста без начинки
Прядка	— деревянный станок

Прыпычек	— полка у печки
Прискрынок	— в сундуке выемка для мелких вещей
Пальть	— жечь
Пивзына	— связанные палки крест-накрест лыком, для удержания копны
Пранык	— деревянное приспособление для стирки
Панчохи	— носки
Торбынка	— сумка
Фиртка	— калитка
Хмары	— тучи
Цап	— козел
Цуцэня	— маленький щенок
Черепашня	— место для добычи ракушек
Щипаньцы, рваньцы	— клецки из теста
Шмоття	— вещи
Юшка	— бульон, уха, второе значение кровь
Якось	— как-нибудь

НАЗВАНИЯ ОЗЕР СЕЛА ГРАНЬ

Интересны и необычны названия озер, их количество для такого маленького села огромно.

Озеро Вильховатое (Ольховатое) носит свое название потому, что по берегам, с обеих сторон, растёт Ольха, других деревьев нет. Оно имеет необычный коричневый цвет из-за падающих в воду шишек Ольхи.

Озеро Кривое, названо потому, что оно как бы виляет (кривая линия).

Озеро Обьездное. Рядом с этим озером шла дорога, которая как бы объезжала его.

Озеро Максимовское — рядом хутор Ново-Максимова, народное название — Бутылки.

Озеро Рогозок — окружено зарослями рогозы.

Озеро Шейки — это озеро, как шея, соединяет между собой другие два: Лопатино и Раковое.

Озеро Раковое — название говорит само за себя. Говорят, что это очень глубокое озеро, в некоторых местах достигает в глубину до 16 метров. Раньше водилось много раков.

Озеро Ямына — свое название озеро получило из-за расположения: рядом с селом находился глубокий овраг, который постоянно заливался талой водой. Со временем озеро стало похожим на маленький пруд.

СЕЛО ЕЛИЗАВЕТОВКА

Особенности речи жителей села Елизаветовки связаны с тем, что в XVII веке здесь жили русские, украинцы, было здесь также много пришлых, приезжих людей (эфиопы, негры, поляки, чехи) — как говорят елизаветовцы, «иностранцы».

Население Елизаветовки было разделено на 2 части: 1-я часть — любочане, 2-я часть — маштыкане. Эти названия идут с далеких времен.

В XIX веке владели селом два помещика. Один был пан Любицкий — он был предводителем Павловского дворянства, и ему принадлежали три улицы к северу села (нынче это улицы Советская, Ленина, Ворошилова (Галерка)).

Южная часть — современные ул. 30 лет Победы, 8 Марта, пр. Революции, ул. Шишкарева, поселок Южный — эта территория принадлежала Машлыкину. Местное население, крестьяне, должны были платить ему оброк.

Местным топонимом является название «Фараония» и население «фараоны». Появилось оно 300 лет назад, когда Петр I после турецкого похода в 1711 году направил пленных турецкой армии в наши края для строительства кораблей на Павловской судовой верфи. Их разместили в селах Гаврильская слобода и в других слободах по реке Осереде. Так как крепость Павловская была небольшая, для охраны пленников нужны были караульные — это бывшие воины стрелецкого войска.

Со временем стрелецкое войско устарело. Оно не было пригодно для службы. Поэтому стрельцов перевели в охрану села. В Петербурге таких называли фараонами, потому что их головные уборы были похожи на головные уборы египетских царей-фараонов. И когда их перевели в село, его стали называть «Фараонией», а население села — «фараонами», это название сохранялось до XIX века, а в словесном обиходе осталось даже до нынешних дней.

Новый помещик Боровиков переименовал это село в честь своей дочери Елизаветы — Елизаветовка.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА ЕЛИЗАВЕТОВКА

Записано со слов коренных жителей села: Попенко Зинаиды Александровны (1940 г.р.), Чигасовой Натальи Ивановны (1953 г.р.), Чертовой Ирины Юрьевны (1978 г.р.), Ворвулевой Зинаиды Тимофеевны (1929 г.р.), Беленко Светланы Григорьевны (1974 г.р.), Колесниченко Натальи Дмитриевны (1965 г.р.).

Предметы быта

Тарилка	— тарелка
Пляшка	— бутылка
Стил	— стол
Чавун	— чугунок
Рэптух	— сетка для сена
Пидвода	— телега
Грибынецъ	— гребешок
Дыркач	— старый веник
Копыстка	— деревянный кухонный предмет для помешивания
Напирнык	— чехол на перину
Налыгач	— веревка
Стеля	— потолок
Човын	— лодка

Строения, мебель

Виконьця	— ставня
Яслы	— детский сад
Коморка	— сарайчик
Лавка	— магазин
Клуня	— кладовка
Овчарня	— сарай для овец
Горище	— чердак
Выхид	— подвал со ступеньками
Батиг	— кнут
Птышня	— ферма для птицы
Пиддувало	— в печке, для сбора золы
Хлив	— сарай для скота

Одежда

Куфайка	— фуфайка
Теплушка	— телогрейка
Кохта	— кофта
Рукавыци	— варежки
Плюшка	— верхняя женская одежда
Гузык	— пуговица
Капылюха	— шапка

Пища

Лушпынья	— очистки
Рванци	— клецки
Затирка	— мучной суп
Яешня	— яичница
Бламенжи	— сладости
Выршок	— сметана
Гляганка	— кислое молоко
Блынцы	— блины
Кэндюх	— говяжий желудок
Перепичка	— хлебное изделие

Растения

Сояшнык	— подсолнечник
Рыпьях	— репейник
Очерэт	— камыш
Рыпьяхы	— колючки репейника
Хрин	— хрен

Животные

Цуцыня	— щенок
Кошеня	— котенок

Отвлеченные имена существительные

Годына	— хорошая погода
Пылюга	— пыль
Глынянык	— горшок с глиной, для подмазки печи
Гаманок	— кошелек
Забовтюха	— грязнуля
Куриво	— сигареты
Кышмотыння	— волокна в середине тыквы
Луки	— луг
Мидякы	— медные деньги
Скобэлка	— шпатель
Сидало	— насест для кур
Скатыртына	— скатерть
Чагарнык	— заросли кустарника
Чвакотня	— жидкое месиво

Наречие

Докучи	— вместе
Ураньци	— рано утром
Тоди	— тогда

Глагол

Мазать	— белить
Плюхать	— щелкать семечки
Не лотошись	— не спеши
Гукать	— звать
Лыснуть	— ударить
Мыгычка	— мелкий дождь
Смалыть	— обжигать перья

СЕЛО ЕРЫШЕВКА

Село Ерышевка основано вольными людьми, беглыми, выходцами из областей Центральной России в 1699 году. Ерышевка располагалась на верхушке Богатого лога, по ярам и яругам между Битюгом и Осередью, у самой кромки Шипова леса.

По документам, в 1701 году сюда привезли дворцовых крестьян из Балахоновского и Суздальского уездов общей численностью 4919 человек, из которых 3409 человек умерли, 1141 — сбежали. Привыкшие к мирной жизни в центральных районах страны, откуда они были выселены, дворцовые крестьяне не могли сразу приспособиться к особенностям пограничной жизни и службы. Историки писали: «Здесь нужно было быть не только пахарем, но и воином». Без этого «татарве» с юга было бы невозможно противостоять. А Ерышевка была такой — и потому выстояла. И устояла, возделывая при этом на пашне «пашаницу», рожь, горох да арбузы, почитая Казанскую Божью мать — покровительницу и защитницу.

В селе и сейчас мужики — палец в рот не кладут. Что ни двор, то свой характер независимый, со своим суждением и понятием. Жители соседних сел называют ерышевцев «москалями», а еще сами жители о себе говорят: «Москалями нас дразнят ливенцы».

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА ЕРЫШЕВКА

Автор материала: Данилова Анна Васильевна (1944 г.р.), учитель русского языка и литературы Ерышевской СОШ.

Звуковые особенности:

1. Яканье и аканье

Часнок — чеснок

Сляпой — слепой

2. Употребление «г» фрикативное

Кохти (когти)

3. Употребление «е, и» в окончании родительного падежа женского рода вместо «и» (ы)

Жил у Свете (Светы).

4. Начальное «хв» вместо «ф»

Хванера — фанера,

Хвёдор — Фёдор

5. Неправильное употребление рода существительного и прилагательного

Яблыка — яблоко

Красивыя сирень — красивая сирень

Маленький мышь — маленькая мышь

6. Употребление женского рода вместо среднего

Новая платья — новое платье

7. Употребление «щ» вместо сочетания «шт»
Що (что), в Ерыщёвке (Ерышовке)
8. Употребление окончания «Я» в глаголе 3 лица
Она прыгая — она прыгает
Он зная — он знает
9. Неправильное употребление формы глагола
Куда идешь — куда идешь
10. Неправильное употребление конечных звуков в некоторых наречиях
Куды, туды — куда, туда
11. Неправильное звуковое употребление отрицательных местоимений и наречий (гоканье, ыканье)
Ничаго — ничего
Пычаму — почему
12. Начальное «к» вместо «ф» или «г»
Калоши — галоши,
Кухвайка — фуфайка
13. Употребление в речи йотированных звуков (йэти) в начале слова
Ети — эти

Будя	— будет. (<i>Нехай будя так</i> — пусть будет так)
Бучить	— залить бочку горячей водой
Верьи	— столбы у ворот
Вичярушки	— сиделки у кого-либо на дому
Вялёк	— деревянная дощечка для выколачивания белья
Гас	— керосин
Гичка	— зеленые листья свеклы
Дранка	— перемолотое зерно
Жилка	— леска
Зараз	— сейчас
Загнетка	— часть русской печи
Молодуха	
или молодичка	— молодая жена.
Казюля	— гадюка
Квасули	— фасоль
Кокурка	— сдобная выпечка
Корец	— ковш для воды
Куёлдать	— сделать необдуманно, неправильно, кое-как
Кулёма	— неопрятный, без вкуса, не обдумывающий свои поступки человек
Кулючки	— игра в прятки
Мирошник	— мельник
Навой	— деталь ткацкого станка
Оброзник	— вязанное вручную длинное узкое кружево, которое крепят к потолку перед образами
Пашаница	— пшеница
Порты	— мужские брюки
Рубель	— (устаревшее) деревянное приспособление для глажки белья
Хавира	— сарай для инструментов
Утирка	— полотенце
Ушное	— жидкая каша из гречки (подают на поминках)

СЕЛО ЛИВЕНКА

Диалекты Ливенского сельского поселения значительно отличаются от других соседних сел. Обуславливается это в большей степени географическим положением села. Ливенка — достаточно молодое село, и заселено оно было позже остальных, так как не было особо выгодным для захватчиков.

Возникло государевым Указом Петра I от 17 ноября 1699 года, когда повелено было в Воронежской губернии по рекам Битюг и Икорец и их притокам начать поселение однодворских крестьян. Примерно в 1708 году выселенцы Даниловской волости Костромского уезда у истоков ручья Кисляй основали поселение, названное Верхний Кисляй, которое только с 1810 года стало называться Ливенкой.

Именно в большей части выселенцы из Даниловской волости повлияли на присущий нам южный диалект, и поэтому в Ливенке много людей с фамилией Даниловы. В 1708 году после разгрома Булавинского восстания часть жителей Бобровской слободы, принимавших участие в восстании, бежали и осели в селе Верхний Кисляй, что также оказало немалое влияние на диалект. У многих жителей села фамилия Бобровские.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА ЛИВЕНКА

Записано со слов коренного жителя села Ливенка: Болгова Якова Тимофеевича (1923 г.р.), ветерана Великой Отечественной войны.

Пунька	—	временка
Рыга	—	сарай
Клубанка	—	канавка
Прясло	—	забор плетеный, плетень
Стулица	—	маленький стул
Йисть	—	кушать
Примостка	—	дополнительная кровать
Картохи	—	картофель
Квасули	—	фасоль
Анадыся	—	на днях
Понева	—	юбка
Какурки	—	булки
Поддульки	—	груши
Бармакы	—	грабли
Чепок	—	щеколда
Сыпуха	—	зола

СЕЛО ЛОСЕВО

Лосевское сельское поселение основано в 1697 году заднепровскими черкасами, бежавшими из Украины от социального гнета и религиозных притеснений польских магнатов и шляхты. Называлось поселение на украинский манер — Битюцкой слободой.

В 1702 году указом Петра I управлять слободой назначен Петр Лосев. После его перевода в 1710 году слободу стали именовать Лосевской.

В последующие годы в поселение стали заселяться семьи со всей Руси. Так основной разговорный украинский язык стал дополняться русскими словами. Такой диалект стали называть суржиком, а у нас в селе — хохлячим языком.

К примеру, в смешанной семье с родителями разных национальностей, поневоле рождалось особое наречие, понятное обеим сторонам диалога. Интересен опыт обращения со звуком, передаваемым в русском языке буквой «ф». В украинском языке такого звука нет. Вместо него часто используют звук, передаваемый буквами «хв» или «кв». В селе Лосево и сейчас многие жители говорят «квасоля» вместо «фасоль», фонарик именуют «хвонариком», а форточку «хворточкой».

В настоящее время многие лосевцы также разговаривают на «хохлячем» языке, переданном им от бабушек и дедушек.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА ЛОСЕВО

Записано со слов коренных жителей села Лосево: Филимоновой Марии Егоровны (1938 г.р.), Славгородской Галины Дмитриевны (1963 г.р.).

Варгы	— варезки
Вэрчик	— свернутый пучок сена или травы
Вовна	— овечья шерсть
Выхванаживаться	— хвастать
Вытрыбэньки	— пустое времяпровождение
Горно	— горка, сопка
Голичерва	— навзничь
Драялка	— чистящая щетка
Дрывытня	— пень для рубки дров
Драндулет	— мотоцикл
Дытына	— ребенок
Загатки	— деревянные круглые палки, вбитые на реке, где течение, на которые привязывали объемные вещи для стирки
Заслинка	— заслонка для печи
Исподне	— нижнее белье
Кильдим	— времянка в саду
Купки	— вырезанные квадратики дерна, заготовливаемые для скота
Кладка	— мостки на реке для стирки белья
Курчата	— цыплята
Кваша	— блюдо из калины и сухофруктов
Крышеныки	— резаные сушеные яблоки и груши
Копыца	— копка сена
Лататыння	— ряска, заросли на реке
Лижнык	— тканая (круглая или прямоугольная) дорожка на пол или на скамейку
Ныдониски	— обноски
Покуть	— с краю
Пидмэт	— место возле сарая с кормом для скота
Пэрэтыка	— межа на огороде
Прыколошматыть	— прибить
Прыгандобыть	— приделать, присоединить
Прышпандорыть	— пришить
Прысинки	— порог
Снопинье	— грязные волосы
Сварганыть	— сварить
Свитлычко	— красный угол с иконами в хате
Тики-тики	— только-только

СЕЛО МИХАЙЛОВКА

Слобода (село) Михайловка, лежащая в 15 верстах от уездного города Павловска, возникла в первой половине XVIII века. Старожилы рассказывали, что в далекие-далекие времена село являлось вотчиной зажиточных помещиков: генерал-майора Михаила Петровича Сафонова, первого генерал-губернатора Воронежской области, а затем — С.А. Мамонтова и А.П. Щербатова. Помещики имели сыновей, которых звали Михаилами. В их честь село и получило свое название — Михайловка. Основателями его стали украинские хлебопашцы. Впоследствии сельская община попала в большую зависимость от частновладельцев.

Крестьяне неоднократно выступали против своих господ. Уже в середине XVIII столетия в слободе Михайловка вспыхнули волнения русских и украинских крестьян. Три тысячи человек выступало против помещиков, а в 1766 году — против генерала Сафонова. Началось расхищение земельных богатств под видом «Наградного пожалования». Украинские пашенные крестьяне и однодворцы, которые до этого свыше 50 лет обрабатывали здесь свои поля, объявили, что у помещика быть не хотят, с земли, ими возделанной, не сойдут и никаких обещаний не послушают. Восставшие самовольно захватили крепостную землю, где выкосили сено, потолкли скотом и, распахав, засеяли хлебом. Для подавления восстаний были направлены гусарские полки. В Михайловской слободе в результате царского вмешательства погибло большое количество крестьянского населения.

Так как основателями села были украинские крестьяне, которые в своем разговорном обиходе употребляли хохлячий диалект, то с уверенностью можно предположить, что он переходил из поколения в поколение и сохранился до сегодняшних дней.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА МИХАЙЛОВКА

Записано со слов коренных жителей села Михайловка: Куделиной Зинаиды Николаевны (1933 г. р.), Лесовой Марии Петровны (1925 г. р.), Фоминой Лидии Алексеевны (1954 г. р.).

Мыхалевка	— Михайловка
Стилэц	— стульчик
Кфасуля	— фасоль
Налыгач	— поводок
Прылыгать	— привязать
Пичь	— русская печка
Трошкэ, тришкэ	— немного
Ничь	— ночь
Чоловик	— человек
Дядько	— дядя, мужчина
Лыстя	— листва, листья
Гарна	— хорошая, красивая
Запынать, напнуть (напынать)	— завешивать, накрывать
Куток	— край
Засувать	— закрывать
Оповнык	— половник
Ничь	— ночь
Кисто	— тесто
Пужарь	— пожар, огонь
Лэвко	— лев
Видмидь	— медведь

СЕЛО ПЕСКИ

Село Пески раскинулось на добрый десяток километров по обе стороны древнего «казацкого шляха» по-над тихим Битюгом. Село окружено бескрайними полями, а по весне утопает в буйном цветении садов.

В XVI веке жизнь на территории Воронежского края была очень беспокойна. В степи кочевали татары. Для охраны южных границ правительство вынуждено было начать переселение в степи населения русских северных территорий, а с юго-запада сюда переселялись, спасаясь от польской шляхты, украинцы. В результате этого в устье реки Битюг был возведен стоялый острог. С этого момента начинается история сел Ливенка, Лосево. Немного позже — села Пески, что по словарю Даля означает «дыбки» (возвышенность). Заселяли село «пришлые люди хохлы».

Первая улица в Песках «Соловьивка» называлась по фамилии Соловьевых, проживающих там. Эта улица примыкала к Лосевской сотне (сотня — деление сел по 100 дворов). Между собой жители называли село «Писькивська стинка», так как вокруг села был густой лес, как стена. Постепенно леса вырубались и остались у хутора Хвощеватый, где окончательно исчезли уже в 1942–1943 годах.

Время никогда не стоит на месте. Год проходит за годом, унося в прошлое и отдаляя все дальше и дальше самые различные события в жизни села, но до сих пор в разговоре местных жителей-старожилов проскакивают слова и выражения, присущие именно этой местности.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА ПЕСКИ

Записано со слов коренной жительницы села Пески: Песковской Нины Григорьевны (1935 г.р.).

Билиа нижки пид лижком	— возле ножки под кроватью
Грядушка	— спинка кровати
Гля	— смотри
Колготиться	— беспокоиться
Лижко	— кровать (лежанка)
Нэ мынэ	— не пройдет стороной
Нэнька	— нянька
Подкрадухи	— тапочки
Пролески	— подснежники
Утирка	— полотенце
Унуня	— внук
Як що б	— если бы

СЕЛО РУССКАЯ БУЙЛОВКА

Автор материала: Свистова Валентина Федоровна (1946 г.р.), краевед, учитель русского языка и литературы Русско-Буйловской СОШ.

Русская Буйловка расположена на левом берегу Дона. Еще в давние времена люди заметили, что на берегу Дона высится огромный Буил-камень (возможное место поклонения древних славян), в этих местах выходящий на поверхность большой гранитный массив.

Первая часть названия очень старая и чем-то напоминает слово «буйный», то

есть сильный, большой. По этому камню село и получило название. На месте Буил-камня и по сей день осталось озеро Камень.

«Русская» — потому, что на правом берегу Дона (где так же выходит гранит) есть Украинская Буйловка, основанная черкасами, т.е. украинскими казаками.

Русскую Буйловку населяли русские люди: каширские — выходцы из Каширы (Подмосковье), липовские — из Липовки и др. Большое количество переселенцев было беглыми. В XVIII веке проходило Генеральное межевание земель, и буйловские крестьяне записались однодворцами, т.е. государственными крестьянами.

В последнее десятилетие XVII века люди здесь начали оседать на постоянное жительство. Селились не только мелкие служилые люди. Шли сюда монастырские крестьяне, могли здесь обживаться и беглые крепостные из уездов Центральной России. Через несколько лет они все записались однодворцами. Село Русская Буйловка всегда считалось однодворческим.

К концу XIX века — в начале XX века Русская Буйловка была волостным селом, где имелась церковно-приходская школа, открытая в 1896 году, земская школа в центре села, называемая большой; в 1913 году к 300-летию династии Романовых была открыта «красная школа». Имелись 2 монопошки (лавки по торговле водкой), магазины купцов Лебедевых и Зайцевых. Была учреждена волость, где были волостной старшина, писарь, урядник.

Язык жителей относится к южнорусскому наречию, говор — **аканье**. Соседство хохлацких поселений оказало влияние на диалект «г»-фрикативным звуком. Диалекты русских и слобожанских хохляцких поселений восходят к старославянскому языку, который в наше время сохранен при богослужении в церкви.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА РУССКАЯ БУЙЛОВКА

Аршин	— старинная мера длины
Астаметовый	— шерстяной
Брыль	— шляпа
Бухарка	— тыква
Варок	— место для загона скота
Вечерушки	— посиделки, дом в котором собирались парни и девушки
Вязанка	— кофта из шерсти
Верьи	— столбы у ворот
Горница	— зал в доме
Горнушка	— отверстие в стене для хранения спичек
Гарчик	— мера веса
Грабалка	— совковая лопата
Городчик	— палисадник
Доёнка	— ведро для молока
Дрот	— проволока
Дурында	— распаренный жмых для пирожков
Житинки	— астры
Жилка	— леск.
Жуковка	— форма для выпечки хлеба
Замашка	— вид конопли, которая созревает раньше.
Зараз	— сейчас
Зем	— пол в комнате (земляной)
Зирка	— самодельный светильник
Корсет	— женская безрукавка (<i>устар.</i>)

Каток	— деревянный прибор подрогач, чтобы легче было ставить чугуны в печь
Коситенок	— жеребенок
Кострика	— утолщенная часть стебля, корка
Коты	— тапочки
Кокурка	— небольшая сдобная булка
Конопи	— конопля (растение)
Куг	— камыш
Куёлдать	— делать неправильно
Кулинка	— название растения, белена
Кулючки	— игра (прятки)
Кутюнок	— щенок
Лежень	— часть дымохода
Мирошник	— мельник
Моланья	— молния
Мост	— дощатый пол в доме
Навой	— деталь ткацкого станка
Нит	— деталь ткацкого станка для накручивания нити.
Огурешник	— место для посадки огурцов.
Оковалок	— небольшой кусок мяса
Опленки	— небольшие санки
Отиньи	— ботва от картофеля
Перекачик	— перевозчик через реку
Повойник	— головной убор женский
Подзорник	— занавеска для кровати
Подставка	— часть рубашки
Почахур	— ненужная вещь
Припетка	— часть русской печи.
Полица	— полка для хранения продуктов
Постать	— небольшой участок в огороде
Серберина	— шиповник
Ушное	— кулеш из зеленой гречки с мясом
Хреновина	— аджика из корней хрена
Цибарка	— ведро
Цыгарка	— папироса
Цыплок	— цыпленок
Чиблеты	— ботинки
Шпаровать	— мазать глиной

СЕЛО ПЕТРОВКА

Название село получило предположительно по имени князя Петра Щербатова, который был его владельцем после генерала Сафонова во второй половине XVIII века.

Село Петровка расположено в 14 км к северо-востоку от Павловска. Основали его вольные украинские хлебопашцы, поселившиеся здесь еще в первой половине XVIII века, которые вскоре были закрепощены генералом М.П. Сафоновым. Он объявил своей собственностью все земли, лежащие в излучине рек Дон и Осереды. Русских и украинских крестьян, живших в слободах Петровке, Михайловке, при помощи воинских команд он обратил в своих крепостных.

О назначении управляющих в слободы оповещали мирское управление малороссиян (громаду). Низшим звеном управления в слободах были выборные долж-

ностные лица: атаманы, старосты, старшины, сборщики и судьи. Малороссияне имели свое мирское управление, подобное тому управлению, к которому они привыкли за многие годы своей жизни на Украине.

Отсюда и заимствование украинского говора в селе Петровка. До сих пор многие селяне говорят на «хохлацком» языке.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА ПЕТРОВКА

Записано со слов коренных жителей села Петровка: Кузнецовой Татьяны Ивановны (1983 г.), Шаруновой Полины Викторовны (1973 г.).

Бигать	— бегать
Викно	— окно
Виконница	— ставни
Вэлэбэнь	— ветер
Выглядать	— выглядывать
Выхид	— подвал
Ганчирка	— тряпка
Гарна	— хорошая
Городок	— палисадник
Глягонка	— простокваша
Гэркий	— горький
Дротына	— проволока
Дратувать	— дразнить
Дрывэтэнь	— поленница
Жаровня	— сковорода
Зацыпынь	— повесить
Зарисло	— заросло
Зрабыть	— сделать
Колыхает	— закипает
Краснэнька	— красная
Лыгать	— привязывать
Мылицэ	— костыли
Мыска	— миска
Налыгач	— узда
Окуч	— угол для иконы
Сенцы	— прихожая
Стрыбать	— прыгать
Спитки	— рукавички
Чавунчик	— чугунок
Хворать	— болеть
Якже	— как же
Якиж	— какие
Ярок	— канава

СЕЛО ПОКРОВКА

Село Покровка возникло в начале XVIII века. Сначала это были два хутора Перебой и Ильмень («ильмень» в старых русских диалектах означает пойменное озеро), которые основали заднепровские казаки, переселившиеся из Лосевской слободы. Занимались ильменцы и перебойцы разведением скота и мелким промыс-

лом. Свои жилища строили из вербы, хвороста, затем обмазывали их глиной с конским пометом, стены белили мелом, кровлю изготавливали из камыша или соломы.

В 1840 году в хуторе Ильмень начинается строительство храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы, которое было завершено в 1849 году. Именно после сооружения храма Ильмень получил название Покровка.

В 1859–1862 годы хутор Перебой имел 65 дворов, где проживали 294 мужчин и 327 женщин. А хутор Покровка имел 40 дворов, где проживали 170 мужчин и 185 женщин.

В 1882 году на собственные средства было окончено строительство здания училища, где обучали детей грамоте.

В Покровке имелось на 1891 год: 171 хозяйство, 181 строение, 2 торговых заведений, 16 промышленных заведений, всего числилось 1133 человека.

В 1900 году в Покровке появился фельдшерский пункт.

Село Покровка основано украинскими переселенцами, и большая часть коренного населения села говорит на украинском «хохлацком» говоре.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА ПОКРОВКА

Автор материала: Куцева Вера Алексеевна, директор МКУК «Покровское КДО».

Черыпки	— кухонная посуда
Зирка	— звездочка
Жуковка	— форма для выпечки хлеба
Хиба	— разве
Крышеныкы	— сухофрукты
Кирэць	— ковшик
Повитка	— сарай для скотины.
Стриха	— соломенная крыша.
Вечеря	— ужин
Попэрек	— ширина
Вподовш	— длин.
Прысинкы	— ступеньки
Шури	— крысы
Пасюк	— серая крыса
Брэхэнька	— интересная история
Обэrbэныця	— сильно упасть, получить ушиб
Нэцмеха	— неряха
Крыга	— льдина.
Ключка	— палка с крючком для доставания воды из водоема
Додильно робыць	— тщательно работать
Дэбэлы	— сильный, крупный
Попил	— зола
Сояшнык	— подсолнух
Шкарбованыцы	— разношенная мужская обувь
Годына	— хорошая погода
Ковтнуть	— глотнуть
Кужух	— тулуп
Журка	— полупальто

Расшэрэпэлась	— расселась на полкомнаты
Щелок	— зола из подсолнуха.
Шкрёбать	— идти приволачивая ноги.
Квач	— тряпка намотанная на палку

СЕЛО (ХУТОР) ШУВАЛОВ

Экономический хутор Шувалов появился во второй половине 19 века. Название дал известный в России и в Европе дворянский род Шуваловых. Хутор находился у каскада прудов и естественно выросшей роци. Здесь были построены казармы (общежития) и столовая для работников, помещения для скота (конюшня), амбары для зерна, склады, кузница.

Наемные сезонные работники (крестьяне), в основном вольные хлебопашцы с Украины, занимались разведением скота и выращиванием технических культур.

Жителей на хуторе было немного, так в 1900 году здесь проживало 68 человек. В революцию 1905–1907 годов в Шувалове квартировали части 29 Донского казачьего полка.

В 1932 году был организован совхоз «Красный Октябрь». В него входили хутора Шувалов, Момотов, Лысый, Хухрин, Дерезки, Круглый, Попасное, Долгонькое, Каменск. Их заселяли ссыльные из мест заключения и переселенцы из близлежащих сел и деревень (Александровки, Воронцовки, Пузево, Клёповки).

Диалекты в селе Шувалов разнообразны. В речи жителей села можно встретить как «москалячи», так и «хохляцкие» слова.

ИЗ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ СЕЛА ШУВАЛОВ

Записано со слов жителей села Шувалов: Бутриной Татьяны Николаевны (1959 г.р.), Лебедевой Натальи Михайловны (1973 г.р.), Курдюковой Елены Валерьевны (1986 г.р.), Сычевой Натальи Владимировны (1991 г.р.).

Анадысь	— вчера
Базы	— ферма (коровники)
Байдык	— трость
Времянка	— летняя кухня
Выход	— подвал (погреб)
Гаманок	— кошелек
Дранка	— молотое зерно
Дрыгало	— застывший бульон холодца
Думочка	— маленькая подушечка для дивана
Забубенный	— упрямый
Захарлать	— присвоить
Кит	— кот
Кречет	— петух
Куркуль	— жадный человек
Кухля	— человек, надевший на себя много вещей
Лобызать	— целовать
Латка	— игра в догонялки
Лыдка	— птичья голень
Лясик	— велосипед
Макуха	— жмых
Матрешка	— яркий женский шерстяной платок

Метровка	— распиленные дрова размером в 1 метр
Накликал	— позвал
Плюшка	— женская куртка
Пращ	— рогатка
Растрынькать	— потратить (деньги)
Трескать	— кушать
Триче	— трижды
Трухнем	— потрясем что-либо
Трухнул	— струсил
Тырло	— загон для коров
Хлобыстина	— прутик
Чахоня	— больной, не здоровый
Чуни	— вязаные тапочки
Шибко	— быстро

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Воронежский край XVIII века в описании современников. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1992. — 253 с.
2. Ампилов И. Павловск. Страницы истории. — Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография — издательство им. Е.А. Болховитинова», 2009. — 399 с.
3. Елецких В.Л., Кригер Л.В. Павловск. Визитная карточка. — Воронеж: «Творческое объединение «Альбом», 2009. — 47 с.
4. Елецких В.Л. Воронежское путешествие. — Воронеж: «Творческое объединение «Альбом», 2011. — 47 с.
5. Кригер Л.В. Павловская летопись. Осененные временем. — Воронеж: «Творческое объединение «Альбом», 2011. — 128 с.

Иван Николаевич Удодов родился в 1970 году в городе Павловске Воронежской области. Окончил художественно-графическое отделение Бутурлиновского педагогического училища, Литературный институт имени А.М. Горького. В настоящее время работает в Павловском районном краеведческом музее.

Иван Удодов

НЕБО ПЛАКАЛО, КОГДА ОНА УШЛА...

(Живопись и поэзия объединились
в таланте Валентины Семко)

Валентина Семко — художник исключительного таланта. Ее рисунки и картины всегда неожиданны, глубоко оригинальны и реалистичны. Это композиции зачастую сложные и многофигурные. Они могут задать трудный вопрос и не хотят непременно понравиться невзыскательному зрителю. Они полны аллегорий и аллюзий, их надо расшифровывать, угадывая смыслы, скрытые в картине. Валентина — прекрасный график. Ее виртуозный рисунок, ее гибкая и сильная линия доставляют эстетическое наслаждение. В рисунках сквозит поэзия, от них теплеет на сердце: поющие и танцующие девушки, молодая женщина, обнимающая сына на сельской улице, автопортрет в виде девочки, сидящей за столом в маленьком сельском домике, и добрая бабушка, наливающая молоко внучке.

Валентина умела быть разной — только скучной она не была никогда. У нее есть и веселые, сияющие, и трагические, философские картины. Основой художественного видения Валентины Ивановны был реализм, но она часто прибегала к сюрреалистическим приемам, и у нее это прекрасно получалось.

Больше всего восхищает в ее работах полет фантазии.

80-е годы были расцветом творчества В.И. Семко. Она экспериментировала с композицией, цветом, рисунком. Вначале в ее работах преобладал реализм в той форме, как его понимали в 70-е годы. Большое влияние на нее оказало творчество художника Юрия Ракши. После начала публика-

ций в советской печати работ сюрреалистов и абстракционистов Валентина живо заинтересовалась ими и начала использовать их приемы. Стены ей крохотной квартирки были сплошь увешаны картинами и рисунками. То и дело появлялись новые работы. Она могла написать картину за ночь, как это произошло с ее работой «Мавка». Так же за одну ночь была написана картина «Крюк».

Ее наброски — маленькие шедевры. Она превосходно рисовала «от себя», «из головы». Валентина свободно рисовала человеческие фигуры в сложных поворотах, в движении, и в этих рисунках не было ошибок! Именно эта легкость и мастерство позволяли ей писать сложные многофигурные композиции. Любила изображать человеческие лица: молодые и старые, детские, мужские, женские.... Рисовала реальных и выдуманных ею людей. У каждого выдуманного человека — свой характер, свои эмоции. Все они разные, и все по-своему прекрасны. Иногда аллегоричны — например, портрет «Зима», иногда — реалистичны, иногда — условны. Но каждый такой портрет — шедевр.

Беседовать с ней было настоящим удовольствием: начитанная, эрудированная, остроумная, обладавшая тонким чувством юмора, Валентина интересовалась литературой и сама писала стихи. Стихов сохранилось много: интересные, наполненные смыслами и эмоциями. Вообще и художественное, и литературное творчество Валентины Семко очень сложно и многозначно. В них нет и следа примитива и пошлости, глупости и пустопорожного пафоса. Нет лжи и лукавства.

Валентина Семко

* * *

Что Богу тайные мечты?
Ему молитвы нужен лепет.
Он, глядя с грозной высоты,
Твою судьбу небрежно лепит.
Ее исходный матерьял
Непрочен и недолговечен:
Творец надежду попирал,
Что будет труд его замечен.
Он глину месит кое-как,
Бросает на каркас кусками,
И не судьба уже, а так —
Существованье под руками.

* * *

Все те же кручи и вишневый сад,
Вода в реке тяжелая, живая,
Кузнечики поют как много лет назад,
И на закате солнце остывает.
Ночей все так же льется аромат,
Земли нагретой и ночной прохлады,

И перезвон чарующий цикад,
И звезд манящих в небе мириады.
Все та же прелесть плеска от весла,
Вода теплее теплого дыханья.
Она мне снова юность принесла
Для краткого мгновенного свиданья.

В душе тяжелой холод, неуют,
Огонь дрожит и, задыхаясь, тает.
Не для меня цикады вновь поют,
Не для меня восходы расцветают
Я столько лет не видела весну,
Я столько лет, как в бездну, провалилась —
Куда мне деть смертельную вину,
Что жизнь моя нелепой получилась.
А вдруг вот этот, будущий апрель
Страхнет оковы и с земли, и с сердца —
Оно взлетит, как жаворонка трель,
И нынешнее будет глупым скерцо.

90-е годы были тяжким и мучительным временем для нее. Приходилось браться за любую работу, продавать картины за ничтожные деньги. Сюжеты ее картин становятся все более и более трагическими. В стихах появляется надрыв. То, что ценилось совсем недавно, — превратилось в ничто. Страна погрузилась во мрак, и этот мрак ее убил. Она умерла перед самым Новым 2000-м годом. На ее похоронах лил дождь, будто само небо оплакивало художника. Она навсегда осталась в XX веке.

* * *

Неспетая песня — как тайная боль
Со мною живет, я с ней умираю.
В веселых спектаклях не выпадет роль —
Уж слишком я грустно играю.
И занавес черный упал предо мной,
Свет дальних огней и далекие звуки
Расстались, возможно, навеки со мной —
О, вечная тайна разлуки!

* * *

Черный ветер носит злую пыль по городу.
Обнаженных улиц мертвая река.
И в окно мне кажется свою песью морду
Старая бродячая тоска.
Воздух замороженный над домами съезжился.
Дверь из бесконечности. Мерзлые шаги.
Это пульс в виске. Не ищу возможностей.
Проклинаю памяти красные круги.
У весны покинутой белая истерика.
Снегом укрываются теплые следы.
Мерила я радости слишком мелкой меркою,
А теперь немерено выросло беды.

А. Хмелевский. Орлик

ПРИВОЛЬНЫЙ ОТЧИЙ КРАЙ

*Работы
павловских художников*

Н. Саврасова. Покровский храм

А. Ключников. Дорога в лесу

А. Хмелевский. Преображенский собор

Е. Куракова. Павловск

В. Саломатина. Пронькин яр (фрагмент)

А. Ключников. Старый Павловск
(фрагмент)

А. Трубчанинов. Проспект Революции

В. Саломатина. Зимняя рыбалка

*Стихи
павловских
поэтов*

СКРЫТОЙ СИЛОЙ ЗЕМЛЯ ТАК И ПОЛНИТСЯ

Николай Рыжков

* * *

Хвои терпкий запах,
Солнечно, свежо...
Держат сосны в лапах
С блестками снежок.
Пень — и тот в ушанке
Новой, снеговой.
По реке на санках
Мчится ездовой.
Вожжи в рукавицах,
В шерсть и мех одет.
На снегу струится
Синий санный след.

Михаил Свиридов

НЕ ПОТЕРЯЙТЕ РОДИНУ!

Я часто думаю: не сбиться бы с пути,
Не расплескать родной природы чашу,
Другой такой мне больше не найти,
Чем придонскую заревую нашу.
Где каждый куст обласкан и любим —
В краю родном, где счастье мне родиться, —
Туман над Доном, словно сизый дым,
Казачьей буркой у воды клубится.

Иду в поля и как завет пишу:
Я не чужой, я тут за все в ответе.
Не потеряйте Родину, прошу,
Она одна, и нет другой на свете.
Я чувством Родины уверенно силен,
Ее любовью отвергаю беды,
К добру и счастьем даром наделен,
Презрением к злу и торжеством победы.
Моей победе, что в душе ношу,
Ликую бурно, как умеют дети.
Не потеряйте Родину, прошу,
Она одна, и нет другой на свете.

Василий Сотников

РОДНИК

Живой прохладой звенит
Ручья поток журчащий
И путь спешит себе пробить
В глухой, безлюдной чаще.
Я об одном его прошу,
Что ссориться не будем!
И он спешит, и я спешу
Навстречу добрым людям.

НОЧЬ НА ДВОИХ

Ночь была жаркой и краткой.
Темно-густой, как смола.
Все, чем делились украдкой,
Вдруг догорело дотла.

Эта минутная слабость,
Эта кипучая страсть
Стала обоим не в радость,
Стала обоим не в сласть.

Будто крадем у кого-то
Свой удивительный миг.
Будто связались мы с чертом,
Делим весь мир на двоих.

Небо, тускнея, остыло,
Ветер улегся у ног.
Дай Бог любви моей силы,
Чтобы я все превозмог!

НЕУЖЕЛИ ВЕСНА...

Неужели весна пробудилась от сна?!
Как же я не заметил проталины?
Распрявилась былинка, стоит, как струна,
И поляны в бору — как подпалены!
Из землянки своей смотрит в мир муравей,
Протирая глаза, улыбается.
Все звенит, и поет, и резвится ручей,
И широкой рекой разливается.
А в низине, в лесу голубой-голубой,
Словно птенчик, подснежник проклюнулся...
Мы, наверно, повязаны общей судьбой:
Каждый год с ним встречаюсь, как с юностью.
С наступленьем весны и с приходом тепла
Скрытой силой земля так и полнится!
Ах, весна! Половодьем всю боль унесла...
Этот миг мне, как праздник, запомнится.

ДОН МОЙ СИНИЙ

С добрым утром и прохладой,
Дон мой синий, тихий друг!
Послужи ты мне отрадой,
Не спеши катить на юг!

Не спеши, разлейся морем,
Раступитесь, берега!
До чего же с птичьим хором
Ты мне, речка, дорога!

Василий Ставицкий

НЕЗАМЕТНО ПОДКАТИЛА СТАРОСТЬ

Незаметно подкатила старость
В суете и череде невзгод.
И уже надежды не осталось,
Что когда-то в жизни повезет.

Тяжело передвигая ноги,
Кутаясь в потертый воротник,
Медленно бредет совсем убогий,
Одинокий, брошенный старик.

И сжимает сердце камнем жалость,
Провалиться всем нам от стыда:
Как позор, на совести — усталость,
Словно встретил нищего отца.

Всех нас ждет подобная расплата,
Ничего не знаешь наперед.
Не судьба, а совесть виновата,
Что спокойно с подлостью живет.

Никому не посланы упреки.
В чем других сурово обличать?
Все мы и бездушны и жестоки,
Научились зло не замечать.

Алексей Сушков

ВОРОНЦОВАЯ РУСЬ

Буйным цветом зеленого с красным,
Словно праздника ждут бубенцы,
Майским солнцем и ветром обласканы,
Огоньками пестрят воронцы.

В разнотравье ковра разнолистного,
Будто в кружево, вплетена
Зверобоя трава золотистая
И нарциссов густых белизна.

В этом царстве убранства зеленого
Дева молча на склоне сидит —
Красотою земной умиленная,
Отрешенно о чем-то грустит.

А над этою дивной картиной
Высоко и на всех голосах
Заливается песнею длинною
Юркий жаворонок в небесах.

Пусть давно уже тропками пройдена,
Я как в детстве туда прошвырнусь —
На свою, хоть и малую, родину,
В Воронцовую милую Русь.

Ты любви своей частицу
В сердце бережно внесла,
Разреши мне объясниться
Звуком утренним весла.

Иван Удодов

* * *

Твоя постель опять не смята
И, словно льдина, холодна.
Уходит день за днем куда-то,
И ты опять совсем одна.

А жизнь несется, громыхая,
И кто-то пьет ее до дна.
Твоя постель опять пустая,
И снова ты совсем одна.
Настанет день —
Ты встрепенешься
И выйдешь замуж в добрый час...
И если вспомнишь нас —
То только криво усмехнешься.

* * *

Эти тонкие девичьи пальцы,
Эти губы, не знавшие ласки,
Эти ясные, чистые очи,
Эти волосы с запахом меда.
Ты уходишь куда-то далеко,
Между нами стена вырастает,
Сжали сердце холодные руки —
Мы уже не увидимся снова...
Мы уже не увидимся снова!
Мы уже не увидимся снова.
За бутылкой сию, вспоминая,
Эти тонкие девичьи пальцы,
Эти волосы с запахом меда...

Ирина Чумаченко

КАК СТРАННО НАЧИНАЛАСЬ ОСЕНЬ

Как странно начиналась осень
Жарой усталой день за днем,
Затем — сереющая проседь
Немного пролила дождем.

Пьянящий запах мокрых листьев
Вдаль разносился поутру,
Как тихий шепот старых писем,
Не нарушая тишину...

А гроздь калины засияла
Багряной красотой своей
И ярким пламенем мелькала
В кругу темнеющих ветвей.

И все же осень продолжалась
Порывом ветра на заре.
В лесу устало тень качалась,
Готовя все к стальной зиме...

Татьяна Шевченко

Я — ЖЕНЩИНА

Не нужно оправданий и признаний:
Никто из нас не знает, кто в плену.
Загадывай хоть тысячу желаний,
Я — женщина, и я тебя пойму.
Развеиваться золотом по ветру
Не надо предо мною сгоряча.
Мне не признаний надо от поэта —
Достаточно надежного плеча.
Ты думал, весь изрубленный судьбою,
Я в наказание тебе была дана?
А я сама испытана тобою.
Я — женщина. Так в чем моя вина?

ЖИЗНЬ КОРОТКА

Жизнь коротка, и бег ее стремителен.
И нам не усмирить его, пока
Спешим навстречу своему Учителю,
К которому приходят без звонка.
Чем оправдаться нам за опозданье:
Работа, долг, заботы, седины?
Придумать можно разные названья,
А на поверку выйдет — пыль одна.
С какой сумою постучишься в двери?
Что за постой ты сможешь предложить?
Что до последних бед в Него не верил?
Что думал, можешь без Него прожить?
Какой же ты приют душе готовил,
Ей, сирой и убогой, может быть?
Спасибо, Господи, что на Земле позволил
Жить и страдать, работать и любить.
Я постараюсь жизнь прожить негромко,
Исполнить, что начертано, вдвойне,
Чтоб на земле оставшимся потомкам
Не стыдно было помнить обо мне.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Тихо-тихо. День умаян.
За обрывом спит река.
И у нас над головами
Чистит звезды облаками
Чья-то добрая рука.

В колыбели лунным светом
Убаюкан темный лес.
Спите, горы,
Спите, степи,
Спите, взрослые и дети,
День давно исчез.

Юрий Шингарев

У БЕЛОГОРЬЕВСКИХ ПЕЩЕР

Ласкает Павловский причал
Волна затона...
Вот теплоход наш заурчал
Над гладью Дона...
До Белогорьевских пещер
Наш путь недолог.
По берегам Придонский лес —
Зеленый полог.
Вот остановка, брошен трап,
Сошли на берег,
А здесь — наверх, подъем — «стена»,
Тут будь уверен...
Путь восхождения непрост:
Здесь лифт — не худо б...
Зато потом, когда взойдешь —
Какое чудо!
Пейзаж — для кисти мастеров:
Лесные дали, внизу — река...
И нет уж слов, и нет печали...
Лазури полон небосвод —
И ширь какая!..
Я очарован красотой
Родного края.
А уж пещеры, монастырь —
Восторг особый!
Надежный был бы «поводырь» —
И сказ толковый.
Пускай же благодатью в душе
Продлится лето!
Не перестану я судьбу
Просить об этом...

ПОДВИГ ТАНКИСТА

Павловская земля богата героями Великой Отечественной войны, среди которых — имя командира роты 92-го инженерно-танкового Свирского полка (5-я ударная армия 1-го Белорусского фронта) гвардии лейтенанта Ивана Ивановича Олейникова, Героя Советского Союза. Он погиб за два месяца до окончания войны.

Данный материал собирали по крупицам более шести лет павловчанин Александр Стрельцов — представитель поискового движения, участник Военно-исторического клуба «Сорокопятка» г. Воронежа — и сотрудники Павловского краеведческого музея. Большую помощь в исследовании оказали родные героя — брат и сестра Виктор Иванович и Анна Ивановна Олейниковы, а также его племянник Александр Викторович Олейников.

* * *

Иван Олейников родился 21 августа 1923 года на хуторе Оселедков Павловского уезда Воронежской губернии в крестьянской семье. Его родители были заметными в сельской глубинке людьми: отец, Иван Филиппович, имел 7 классов образования и работал счетоводом, а мать, Анна Никитична, была продавцом в магазине.

Из всех богатств семья Олейниковых имела пятеро детей, маленький домик, расположенный над крутым яром, сарай, корову и участок земли 0,40 га. На огороде сажали кукурузу, картофель и овощи. Иван Филиппович мечтал, чтобы его дети получили образование. Старшие учились в семилетней школе в совхозе «Красный Октябрь». Ходили каждый день пешком в школу за семь километров, а младший Василий учился в начальной хуторской школе.

Старший сын Иван, окончив 7 классов и курсы трактористов, сел за рычаги колхозного трактора СХТЗ. В 1940 году вступил в комсомол. Был общительным, жизнерадостным заводилой, как его называли, за что его и избрали секретарем комсомольской ячейки. Поэтому, когда грянула война, он в первых рядах отправился на борьбу с врагом. Судьба уготовила ему немало испытаний, ведь Ивану выпало почти всегда быть в горниле сражений по боевой участи танкистов. Они сыграли решающую роль во время Великой Отечественной войны, прорывая оборону и сдерживая наступление противника.

После Орловского бронетанкового училища боевой путь младшего лейтенанта Ивана Ивановича Олейникова начинался с Центрального фронта, продолжился на Карельском и закончился на 1-м Белорусском фронте. Воевал он всегда смело и решительно. Вот строки из журнала боевых действий о его участии в наступлении на Севском направлении:

«24 марта 1943 г. командир танка Олейников И.И. в боях с немецко-фашистскими захватчиками проявил отвагу, мужество и героизм. В районе деревни Социализм Курской области противник перешел в наступление, стараясь захватить выгодные для него рубежи, применив 5 танков, артиллерию и большое количество пехоты.

В этом бою на помощь нашей пехоте, оказавшейся в трудном положении, прибыл на выручку танк Ивана Ивановича Олейникова. Не теряя времени, он с ходу вступил в бой и начал расстреливать врага. Противник обрушил губительный артогонь на его боевую машину, но, невзирая на опасность, Иван Иванович продолжал вести бой. Не выдержав огня, противник начал отступать.

Преследуя противника, танковый экипаж ворвался на боевые позиции врага, уничтожая гусеницами боевые точки фашистов.

Гитлеровцы открыли по танку артиллерийский огонь, но экипаж продолжал выполнять боевую задачу до полного срыва замысла противника. Танкисты под командованием Олейникова уничтожили 2 миномета, ручной пулемет, склад боеприпасов, около 30 солдат и офицеров.

Из наградного листа: «За проявленное мужество и героизм тов. Олейников достоин Правительственной награды — ордена “Красная Звезда”. Командир 255 танкового полка майор Мухин. 3 апреля 1943 г.»

Решением вышестоящего начальства вместо ордена “Красной Звезды” его наградили медалью “За отвагу” (20.04.1943 г.).

Таких боевых эпизодов было у Ивана Олейникова, как и у многих его однополчан, масса. Но не всем доводилось, что называется, «оживать» после похоронки, как Ивану.

В июне-июле 1944 года И. Олейников воевал на Карельском фронте в составе 29-й отдельной танковой Краснознаменной бригады 7-й армии. В бою 11 июля 1944 года его танк был подбит, а Иван Иванович получил ранение.

27 октября 1944 года на хутор Оселедков на имя Олейникова Ивана Филипповича было отправлено извещение, в котором было указано, что «...*Ваш сын Иван Иванович Олейников был ранен 11.07.1944 г. и, находясь в 245 ОМСБ, умер от ран 11.07.1944 г. Похоронен: Карело-Финская ССР, Питкярантский район, дер. Леппеля*». (На сайте ЦАМА РФ «Память народа» указано: Суоярвский р-н, Леппеля, южнее, 3 км, братская могила 85. Среди списка имен его фамилия значится под № 65). Извещение подписал начальник штаба 245 ОМСБ лейтенант Федоровский. Эту похоронку вручили матери Анне Никитичне. Дочь Александра вспоминала, как мама, прочитав похоронку, едва не умерла от горя. Она до сих пор помнит ее страшный крик, слезы и свой детский страх.

Однако вскоре вслед за похоронкой пришло письмо с фронта... от Ивана:

Иван Олейников

«4.09.1944. Нахожусь в госпитале. Сделали операцию, вынули осколок. Чувствую себя хорошо...»

После ранения Ивану Ивановичу предоставили отпуск домой.

Невозможно описать материнское счастье: после стольких пролитых слез на пороге маленького деревенского дома Анна Никитична вновь обнимала сына.

Младшие сестры до сих пор хранят воспоминания о той радостной встрече. В воспоминаниях маленькой Нюси остался один эпизод. ...За большим столом собралась вся семья. Все улыбались, смеялись, радовались, были такие счастливые. А я ползала почему-то возле стола, меня пытались взять на руки, но я все равно сидела у ног старшего брата, под столом... Ранение, как указано в документах ЦАМО РФ, было легкое, а на груди лейтенанта Олейникова сверкала медаль «За отвагу»...

Семья проводила Ивана на фронт и снова ждала от него вестей, и они приходили — долгожданные, потертые письма-треугольники, написанные наскоро, во время отдыха после боев.

«6.10.1944. Чувствую себя хорошо. Завтра еду на фронт бить немецкого зверя». В этом же письме он сообщал родным, что у него есть любимая девушка. Ее зовут Иванник Александра. В конце письма сообщил маме, что Шура ждет ребенка.

Наступил 1945 год. Самые тяжелые бои. На пути Красной Армии оставалась только одна мощная водная преграда — река Одер.

С 14 января 1945 года командир танкового взвода Олейников воевал в составе 92-го инженерно-танкового (тральщиков) Свирского полка 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, а уже в марте он командовал ротой этого же полка. Действовали танкисты на направлении главного удара.

Инженерно-танковый полк был создан для уничтожения минных, противотанковых и других заграждений. В этот полк подбирались воины, отлично владеющие боевой специальностью, способные в трудной обстановке проявить волю, решительность, инициативу. К числу таких воинов относился и командир танковой роты гвардии лейтенант Иван Олейников. В этом полку воевали, кроме Олейникова, еще три наших земляка: из Воронежа, Терновского и Калачеевского районов.

Тральщики первыми прокладывали дорогу для линейных танков и пехоты, они же чаще других попадали под мощный удар, то есть были своеобразной «мишенью» для фашистов.

Гвардии лейтенант И.И. Олейников участвовал в Варшавско-Познанской наступательной операции как составной части стратегической Висло-Одерской наступательной операции.

В отчете о боевых действиях 92 инженерно-танкового полка (тральщиков) при прорыве позиционной обороны противника на Мангушевском плацдарме 14 января 1945 года подполковник Попович так описывает события.

Главная полоса обороны противника перед фронтом наступления состояла из трех позиций по левому берегу реки Пилица. Все три позиции состояли из трех сплошных траншей, соединенных между собой сплошными минными полями. Подступы к траншеям были прикрыты проволочными заграждениями, усиленными лесными завалами.

Задача, поставленная 92 ИТП, состояла в следующем: проделать по три прохода в минных полях на танковый батальон. При прорыве переднего края обороны противника обеспечить продвижение бригады через минное поле на глубину обороны.

Передовые батальоны корпуса быстро преодолели полосу инженерных заграж-

дений противника и к 9 часам овладели его первой позицией. 5-я ударная армия, введя в бой сводную подвижную группу (220-я танковая бригада, 396-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк и 92-й полк танков-тральщиков), прорвала вторую полосу обороны и продвинулась вперед на 10 километров.

В боях в районе Грабув-Пилица (Польша), юго-восточнее города Варка Мазоведского воеводства, при прорыве обороны противника экипаж Олейникова одним из первых вышел на вражескую оборону и вывел свой взвод на заданное направление, обеспечивая проходы линейным танкам.

Когда танк-тральщик Олейникова вышел из строя, танкисты под командованием Ивана Ивановича продолжали вести бой и поддерживали огнем атакующие подразделения, уничтожая вражеские пулеметы. За мужество и отвагу в бою, за умелое руководство взводом Олейников был награжден орденом «Красной Звезды» (22.01.1945 г.)

Домой приходили письма от Ивана:

«22.1.1945 г. ...Я жив и здоров. Нахожусь на фронте, дела идут очень хорошо. Сейчас отдыхаем, т.е. готовимся к новым боям. На днях получу орден, сейчас я в Польше. Письмо пишу в доме помещика, который сбежал. Не обижайтесь, что долго не писал. Поймите, что настал долгожданный час, когда на всех фронтах идет наступление, каждый горит желанием быстрее разгромить врага в его собственной берлоге...»

В марте 1945 года рота танкистов Ивана Олейникова была задействована в боях за немецкий город Кюстрин. Это одна из старейших германских крепостей. Здесь сходились семь железных дорог, через город проходила «рейхсштрассе № 1» на Берлин. От Кюстрина до Берлина — 70 километров. Не случайно его называли «воротами Берлина».

В экипаже гвардии лейтенанта Олейникова помимо командира танка на начало операции состояли Джурабаев Садык Закирович 1925 г.р. (стрелок-радист), Жмаев Петр Васильевич 1911 г.р. (старшина, механик-водитель) и Антонов Федор Николаевич 1923 г.р. (старшина, командир башни).

Бои за немецкую цитадель были ожесточенными, но все же 7 марта к 19 часам наши воины ворвались в ее пригороды. В течение всей ночи не стихали уличные бои. Инженерно-танковая рота гвардии лейтенанта Олейникова расчищала дорогу наступающей пехоте через минные заграждения, проникая вглубь города. В короткой, но яростной схватке была уничтожена группа фашистов численностью до 100 человек, пытавшихся отсечь наших пехотинцев от танков. На своем пути танкисты Олейникова разбили несколько зенитных батарей и три крупнокалиберные пушки.

Гитлеровцы подняли противотанковую артиллерию. Преимущество в силе этом локальном бою перешло на их сторону. Однако танкисты не дрогнули. Гвардии лейтенант Олейников смело вел бой, увлекая за собой другие экипажи. Один из снарядов угодил в машину командира Олейникова. Танк горел, но танкисты яростно вели бой и продолжали сражаться. На помощь, видя сложную сложившуюся ситуацию, поспешил экипаж Ивана Иосифовича Бузмакова.

Прикрывая своим танком подбитый экипаж Олейникова, экипаж Бузмакова яростно продолжал вести бой, а в это время подоспевшая пехота помогала раненому экипажу Олейникова. Из танка достали раненых и обгоревших Ф.Н. Антонова и П.В. Жмаева.

Командир танка Олейников в соответствии с уставом защищал машину до последнего, продолжал вести бой. В танке с ним остался и стрелок-радист Садык Джурабаев.

Иван Иванович бил по фашистам даже из обжютого пламенем танка.

При прямом попадании в боевую машину погиб Джурабаев, но даже тяжелора-

ненный Олейников продолжал сражаться, вел дуэль с немецкими артиллеристами до тех пор, пока танк не взорвался.

Однополчанин Олейникова Александр Федорович Стукалов вспоминал: «Я хорошо помню этот бой и как доставали из подбитого танка тяжелораненого Олейникова и убитого Джурабаева. Олейников был весь изрешеченный осколками, особенно ноги...»

Звание Героя Советского Союза Ивану Ивановичу Олейникову присвоено посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года. Он умер от ран в марте 1945 года. Официальная дата смерти — 8 марта. Награжден орденами Ленина, «Красной Звезды» и медалью «За отвагу».

А на на хутор Оселедков было отправлено извещение о том, что Иван Иванович Олейников, командир танка Т-34 92-го инженерно-танкового Свирского полка, пропал без вести.

Родители не поверили — может, вновь ошибка — и стали искать сына, отсылая запросы в разные инстанции. Ведь шел конец войны. Сестра Лидия писала письма в военкомат, Красный Крест, откуда пришел ответ, что Иван Иванович погиб в 1944 году в Карелии и похоронен в братской могиле в дер. Леппеля. Но это уже было, и такую похоронку семья уже получала.

Родители на этом не остановились, еще теплилась надежда отыскать и любимую девушку сына, о которой он писал в письме. Александра Иванник, кто она? Жива ли? Кто родился у них? Вопросов было больше, чем ответов.

Первый ответ пришел из Красного Креста. В письме им сообщили, что награды Героя Советского Союза Ивана Ивановича Олейникова вручены супруге Александре Иванник. После гибели Ивана Олейникова ее отправили в Советский Союз — вероятно, в Подмоскowie. Есть сведения, что регистрировал их брак подполковник А.Ф. Суздалов. Где похоронили Героя Советского Союза Олейникова Ивана Ивановича, осталось неизвестным.

По учету погибших сержантского и рядового состава 5-й Ударной армии 21 марта 1945 г. № 0221 в списках безвозвратных потерь указан только Садык Джурабаев, которого похоронили в Бранденбургской провинции (Германия) в Фюрстенфельде, на южной окраине кладбища. Фамилии Олейникова в этом списке нет.

Война закончилась, многие вернулись с фронта, а Анна Никитична, надев черный платок, больше его не снимала. На всех семейных фотографиях разного времени она именно в этом черном платке.

За многие годы после войны семья Олейниковых, которая со временем переехала жить в город Каменск-Шахтинский Ростовской области, не могла установить место захоронения своего родственника-героя. Работу по поиску захоронения И.И. Олейникова вели поисковые организации. Виктор Иванович Олейников, младший брат героя, служил в Германии и тоже пытался разыскать могилу брата, но место, где погиб Иван Иванович, к тому времени относилось уже к территории Польши.

Так где же все-таки похоронен Герой Советского Союза Иван Иванович Олейников? Нужно отметить, что плановые воинские захоронения выполнялись специальными командами воинских частей и соединений.

В послевоенный период была развернута работа по переносу братских и одиночных могил, их укрупнению. Это относится и к захоронениям в районе польского города Костшин-над-Одрой (бывший германский г. Кюстрин).

Основными документами, которые содержали данные о захороненных советских солдатах, были так называемые «паспорта», которые составлялись во время проведения эксгумации польскими властями. Эксгумации советских военнoслу-

жащих проводились в 1948–1954 гг. и 1957–1958 гг. Их осуществляли польские бригады, а работа финансировалась из бюджета нашего государства. В фамилиях при этом допущено много ошибок.

Погибших в Кюстрине перезахоронили в местечке Мендзыжеч. По протоколу перезахоронений в Зеленогурском воеводстве на военном кладбище в местечке Мендзыжеч похоронены 138 советских солдат. Перезахоронение проводилось с 01.06.1953 г. по 01.07.1953 г. Установленные фамилии заносились в отдельный список, который являлся приложением к протоколу. В одном из протоколов в указе об эксгумации по списку № 20 указан **Олейник И.И.**

Можно предположить, что эти данные относятся к Герою Советского Союза Ивану Ивановичу Олейникову.

На родине свято чтут память о герое. Имя И.И. Олейникова носит улица в селе Шувалово Павловского района, о его подвиге напоминает также мемориальная доска.

В городе Павловске установлен бюст И.И. Олейникова.

Зоя АПАНАСЕНКО,
*хранитель фондов Павловского районного
краеведческого музея,
секретарь общества краеведов
им. Е. Болховитинова*

Леонид Бричковский

РАЗГОВОР СЫНА С ОТЦОМ, ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

14 июля 1942 года

Они встретились в Тифлисе, столице древней Грузии. Он служил в местном гарнизоне Красной Армии, она — домработницей в семье известного в городе партийного работника. Он родился и вырос на украинско-польской границе в Ямполье в семье бедного поляка. У его родителей, батрачивших на пана, было четыре сына. Семье выпала трагическая судьба. Отец рано умер. Мать билась из последних сил, чтобы хоть как-то накормить четырех сыновей. Старший, Андрей, после призыва в армию оказался в Грузии. Двух средних, Ефрема и Виктора, в 1938 году арестовали. Оба строили укрепления на границе, которая проходила у них за огородом. «Бдительный доброжелатель» настроил анонимку, обвинив их в связи с польской разведкой. Виктор через несколько лет вернулся, а Ефрема по приговору трибунала Закарпатского военного округа расстреляли, о чем с годами сообщила бумага о его реабилитации.

Мать была родом из воронежской глубинки, песенного села Белогорье. Ее семье пришлось пережить не менее трагические события. В годы Первой мировой войны, а затем и гражданской, после голода и свирепого тифа, большая семья потеряла мать и десять из двенадцати детей. Вот тогда-то старшая дочь и уехала в Тифлис на заработки.

Здесь они познакомились и поженились. Сохранившееся в домашнем архиве свидетельство бюро ЗАГСа Тифлисского горисполкома подтверждает, что «Бричковский Андрей Николаевич и Побединская Нина Николаевна вступили в брак 31 августа 1927 года...»

Казалось, счастье наконец улыбнулось им. Но нет. Какой-то злой рок преследовал молодую семью. Через две недели после рождения не стало первенца. Для молодоженов это было тяжелое потрясение. И поэтому, когда врач настойчиво посоветовал сменить, как сейчас бы сказали, климат, чтобы спасти часто болевшего второго сына, собрав свои нехитрые пожитки, они покинули Тифлис. Так мы оказались в Белогорье у маминого отца, моего деда.

Отец, коммунист с 1929 года, пошел в Павловский райком ВКП(б) стать на учет. Ему предложили поехать на хутор Красные Дачи бригадиром, а через полгода он уже стал председателем колхоза в Березках. Мне рассказывали, что и сейчас в

семьях Дубовых и Германовых есть фотографии отца и других сельских активистов 1934 года.

В январе 1935 года образовался Белогорьевский район. Родители в это время после тяжелых операций находились в Белогорье. И когда отец поправился, теперь уже Белогорьевский райком рекомендовал его председателем колхоза в Сапорино. Дело у него ладилось, колхозники поддерживали, через два года хозяйство заняло место среди лучших в районе. В 1939 году отца послали на открытие Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства в Москве. Затем он работал в аппарате райкома: заведовал сектором учета и орготделом. А инструктором у него была З.Д. Ефремова. Почти пятнадцать лет спустя мне, комсомольскому работнику, первый секретарь Белогорьевского райкома партии Зинаида Дмитриевна вручила партийный билет и сказала напутствие-благословение: «Будь таким, каким был твой отец».

Весной 1941-го он попросился в село, и за две недели до начала войны его избрали председателем басовского колхоза «Красный строитель». Мы переехали в Басовку и поселились в пустовавшей хате в Кристине — так местные жители называют улицу, приютившуюся под меловыми кручами вдоль Стародонья.

Война приближалась к порогу и нашего дома. 7 июня 1942 года мы проводили отца в армию. Дальше все произошло как будто в немыслимом калейдоскопе. Он успел прислать всего два письма-треугольника, исписанных химическим карандашом. И многие десятилетия сначала мать, а потом я хранили их как драгоценные реликвии. Письма были по-военному короткие и конкретные, ничего лишнего. Но за пожелтевшими от времени строками видится любящий муж, заботливый отец и патриот. Я хочу их процитировать, ведь это говорит сама история.

Письма из далекого 1942 года:

«12 июня. Воронеж. Здравствуйте, дорогие Ниночка и сыночек Леня. Крепко вас целую несчетно раз. Желаю вам успехов в жизни. 10-го благополучно приехали в Воронеж. Куда направят дальше, напишу потом. Писем пока мне не пишите. До свидания. Крепко всех целую, остаюсь жив и здоров твой муж А. Бричковский. Еще раз тебя, Нина, и тебя, сын Леня, крепко целую. Привет всем».

«15 июня. Воронеж. Здравствуйте, дорогая Нина и сыночек Ленечка. Посылаю вам сердечный привет и крепко вас целую. Нина, 14 июня я получил новое обмундирование. Если бы я сейчас приехал домой, то ты бы меня не узнала. Я из председателя колхоза стал настоящим бойцом и 16 июня уезжаю громить врага. Привет бате, Нине, Нелли. Желаю вам всего самого лучшего в вашей жизни. Крепко всех целую. Не скучай, до свидания. Бричковский А.Н.»

Это были последние отцовские весточки, приветы и поцелуи.

Уже после войны на наш запрос Центральный архив Министерства обороны прислал извещение: «Рядовой Бричковский Андрей Николаевич, находясь на фронте Великой Отечественной войны, пропал без вести 14 июля 1942 года». Военная судьба отца оказалась безжалостно короткой: 14 июня получил обмундирование, 16-го выехал на фронт, а 14 июля — ушел в вечность...

Но в моей душе остались еще взволнованные диалоги-разговоры с моим отцом, которые я веду все эти прожитые без него годы.

— Отец, мы не получили на тебя похоронку, а сообщение «пропал без вести» оставляло хоть какую-то надежду. К тому же ты просил «писем пока не пишите». Вот мы и не писали. Да и не знали куда. И так прошли многие годы. Матери уже давно нет. Всего 54 года было ей отмерено: сказались тяжелая болезнь, оккупация и послевоенное лихолетье. Да и я уже давно пожилой человек. Вот и решил

рассказать тебе о том, что было дальше после расставания с тобой, как мы жили, что перенесли вместе с односельчанами.

Ровно через месяц после твоего отъезда в Басовку ворвались немцы. Как я узнал много лет спустя, 6 июля лучшее соединение вермахта — 6-я армия Паулюса, бравшая Париж, — вышла к Острогожску, повернула на юг и вдоль правого берега Дона устремилась в тыл нашему Юго-Западному фронту, отходившему из-под Харькова после тяжелого майского поражения. В этот же день фашисты бомбили переправу у Белогорья, так что твое роковое «14 июля пропал без вести» случилось где-то в наших краях. Но где, так и не удалось узнать. Трижды я запрашивал Центральный архив и трижды получал казенный сухой ответ.

Начались семь с лишним страшных месяцев фашистской оккупации. Беды и страдания людей нарастали как снежный ком. Перебирая в памяти драматические события тех дней, я останавлиюсь, на мой взгляд, на главных из них. Мой рассказ о людях, которых ты знал, отец.

10 июля. Около 9 часов вечера. Проливной дождь и раскаты грома. Протарахтел мотоцикл. Немцы на ломаном русском языке объявили о выселении басовцев. Времени на сбор не дали. Похватали, кто что мог. Мы взяли теплое одеяло, документы, какую-то еду, что-то из одежды и, главное, корову. Она-то и спасла нас потом от голода. Как выяснилось позже, так поступили все. Всю ночь, мокрые, грязные и испуганные, мы с трудом двигались на Сиротовку. А навстречу шли оккупанты. Я и сейчас помню их ухмыляющиеся рожи, засученные рукава и короткие широкие голенища кованых сапог.

8 августа нас снова всех согнали на пустырь, у многих отобрали коров, какие им приглянулись, и под охраной солдат с овчарками погнали дальше. Голодные, измученные добрались мы до Подгорного. Немного передохнули, и снова в нелегкий путь. Через день мы оказались в Буденновском, где нам приказали остановиться на жительство. Мать встревожено сказала: «Лучше будет, если мы уйдем в другое село». Она опасалась, что нас, как семью коммуниста-руководителя, выдают. И, как показали последующие события, не ошиблась. Мы перебрались в Скорорыб, где жили белогорьевцы, разыскали родственников и там дождались освобождения.

Это случилось 17 января 1943 года. Неожиданно в селе появились четыре танка с красными звездами и красноармейцы в белых полушубках и валенках. Трудно описать охватившую всех нас радость и ликование. Танки окружили старики и плачущие женщины. Они тянулись к танкистам, словно хотели руками потрогать их и убедиться, что это действительно свои, родные, долгожданные. Мальчишки как воробы облепили боевые машины и наперебой спрашивали, куда надо целиться по фашистам.

Но не ко всем пришел этот светлый день. В первый же месяц оккупации в Басовке случилась страшная трагедия. Ты лучше меня знаешь, отец, что в селе еще с начала двадцатых годов существовала секта федоровцев. Не очень большая, но агрессивная. Помню твои рассказы о том, как много приходилось их убеждать, что Советская власть вам не враг, что лучше трудиться сообща, а дети пусть учатся и играют в пионерские игры. Об этом же постоянно говорили учителя в школе. Зинаида Трофимовна Блащенко, моя учительница истории, она сейчас живет в Павловске, вспоминает:

— К сожалению, наши усилия не всегда приносили желаемые результаты. Или мы не умели достучаться до ребячьих и родительских сердец, или наши оппоненты лучше владели ситуацией. Многие оставались единоличниками, в день выборов уходили из села, детям не разрешали быть пионерами и комсомольцами.

Так вот, отец, нас выгнали из села, а сектанты решили остаться, посчитали — им незачем уходить. Дескать, не сегодня-завтра немцы форсируют Дон и уйдут на

восток. Не для того, мол, их ждали, чтобы теперь от них уходить. С таким настроением федоровцы и остались. Почти половина из них — 70–80-летние старики. Они-то и составляли ядро секты и диктовали свою волю. Около 60 человек разместились за околицей в Крутом яру, поросшим лесом. А вскоре кто-то сообщил немцам, что эти люди роют в лесу землянки. Оккупанты боялись партизан, как огня. И участь оставшихся федоровцев была решена. 4 августа 9 человек в селе и 54 человека через несколько дней в Крутом яру были расстреляны. Трагедия, что и говорить. Фашисты зверствовали. Но ведь сектанты ждали их как своих избавителей от антихристов-коммунистов и их «бесовской власти». Поэтому и остались.

Драматизм усиливался еще и тем, что заложниками религиозного фанатизма стали 18 детей. И среди взрослых не все были федоровцы. Одни не смогли устоять против влияния секты, другие по каким-то своим соображениям остались с ними. Недавно по областному телевидению прошла передача. Оказывается, и сегодня в двух селах Воронежской области действуют секты федоровцев: одна — в Петропавловском районе, другая — где-то под Воронежем. Их идеология несколько не изменилась. Сектанты всегда несут с собой зло. И потому кощунственно сравнивать басовскую трагедию с Хатынью, как это делают некоторые журналисты в последнее время. Жителей белорусской деревни заживо сожгли за связь с партизанами, помощь им в священной борьбе с оккупантами. А в Басовке все было наоборот. Предатели встретили фашистов хлебом-солью, каравай вручила Александра Арепьева. Впоследствии в Буденновске она стала сексотом-доносителем, а ее шеф Федор Кисилев дослужился до бригадира полицейских. После изгнания немцев обоих посадили на скамью подсудимых, и они получили по заслугам.

Прости, отец, что я затронул щекотливую тему и невольно побеспокоил память давно ушедших людей. Но правда того требует. Многие годы об этом факте молчали, хотя знали о нем все: райком, райисполком, комсомол, другие организации. Ни районная газета, ни тем более областные ни разу не затронули ее. А все потому, что была известна подоплека случившегося. Но в последние годы появились публикации, в которых басовских сектантов сравнивают то ли с белорусскими партизанами, то ли с краснодонскими подпольщиками. Но истина одна и о ней должны знать все.

Отец, в те же драматические июльские дни 42-го случилась еще одна большая беда. В Белогорье, как ты помнишь, сходились три дороги: из Россоши, Подгорного и Сагунов. Нескончаемым потоком отходили наши войска, эвакуированные из западных областей техника, скот, беженцы. Они стремились в наше село потому, что на десятки километров вверх и вниз по Дону, кроме как в Белогорье, не было переправы, а немец наступал. Паром и понтонный мост работали круглосуточно. И все равно затор был огромный. А тут еще в самые последние дни какой-то провокатор стал проверять документы...

В понедельник 6 июля в 9 часов утра в небе появилось первое звено натужно ревущих самолетов. Они заходили со стороны Басовки и вдруг на наших глазах словно опрокинулись: из-под них посыпались черные чушки. Когда земля застонала от взрывов бомб, кто-то испуганно крикнул: «Это же немцы! Бомбят переправу!» С каждым заходом самолетов становилось все больше. Так продолжалось почти двое суток. Переправа была уничтожена. В первый же день мы с матерью, как и другие жители, прятались в меловых кручах. Появилось много военных. Они искали места, где можно переправиться. Им помогали, как могли.

В моих воспоминаниях мне помогают твои сохранившиеся документы, отец. И в первую очередь трудовая книжка. Вот первая запись. «Общий стаж работы по найму до поступления в РК ВКП(б) составляет 18 лет». И последняя: «7 июня 1941 года. Уволен с работы Белогорьевского РК ВКП(б) в связи с переходом на

другую работу». И подпись «Секретарь райкома Кошарный». Помнишь, отец? Это когда тебя направили как раз в Басовку. Ну, а об Андрее Степановиче Кошарном ты иногда говорил дома как о человеке строгом и уважительном. Ему выпала нелегкая судьба.

Когда весной 43-го мы вернулись в Белогорье из оккупации, слышали разговоры: дескать, Кошарного арестовали, а за что — никто не знал. Потом все это как-то не то что забылось, но в тяжелое послевоенное время не было главным. А когда я стал взрослым, начал поиск. Разговаривал с людьми, знавшими секретаря райкома. Они мялись, и никто ничего вразумительного не говорил. И уже в восьмидесятые годы я обратился в областное управление КГБ и получил ответ. Эта информация печатается впервые после тех событий, происшедших в далеком 1942 году.

«УКГБ по Воронежской области сообщает, что по архивному уголовному делу проходит Кошарный Андрей Степанович, 1906 года рождения, уроженец с. Елизаветовка Павловского района Воронежской области, на день ареста первый секретарь Белогорьевского РК ВКП(б). Военным трибуналом за необеспечение эвакуации населения и материальных ценностей района сначала приговорен к высшей мере наказания. Затем постановлением ВТ от 23 сентября 42 г. по ст. 58-14 УК РСФСР приговорен к 8 годам ИТЛ (начало срока с 18.08.42 г.) без конфискации имущества и поражения прав. Прибыл 29.09.42 г. в пересыльный пункт г. Усмани из тюрьмы №2.

24.05.43 г. переведен в г. Челябинск “Челябметаллургстрой НКВД”. По сообщению первого спецотдела УООП Челябинского облисполкома, освобожден 29.04.1944 г. из лечебного учреждения Челяблага, причина освобождения и куда убыл неизвестно».

Такая вот еще одна черная отметина войны в судьбе человеческой. «За необеспечение эвакуации... высшая мера». А как в тех условиях можно было эвакуировать скот, тракторы, комбайны, людей, когда отступал целый фронт? Белогорье, его окрестности, луга от Молочного озера и до Кирпичанской криницы были забиты войсками. И потом, как рассказывал мне в 70-е годы П.Ф. Горбатенко, второй секретарь райкома того времени, они ждали команды из области, их строго предупредили не паниковать. Но команды так и не последовало. И то, что высшую меру заменили на 8 лет без конфискации и поражения прав, говорит об ослаблении страстей и горячки первых дней, о возобладании здравого смысла.

Хотелось бы надеяться, что в Павловске, Елизаветовке или где-то в других местах живут родственники Андрея Степановича Кошарного, и мои заметки помогут им хоть что-то узнать о судьбе близкого им человека.

Отец, на сегодня пока все. Об остальных событиях, может быть, мы поговорим позже, когда еще представится случай...

Евгений Николаевич Седов родился в 1930 году в городе Павловске Воронежской области. Учился в Воронежском СХИ и аспирантуре ВНИИ садоводства имени И.В. Мичурина. Академик РАН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, крупный ученый семеновых культур. Автор и соавтор 44 книг, более тысячи научных статей. Почетный профессор Воронежского государственного аграрного университета, Почетный гражданин Орловской области. Награжден многими государственными наградами. В настоящее время консультант селекционного центра по плодовым и ягодным культурам ЦЧО ВНИИСПК. Проживает в Орловской области.

Евгений Седов

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Воспоминания

Я вспоминаю учительницу Наталью Владимировну Зоберн... Она учила мою маму и меня, но я не могу сказать точно, сколько лет ей было тогда. Ясно, что немало. Уже достаточно старенькая, она продолжала работать с нами и в тяжелые годы войны. Именно от нее, литератора, я впервые услышал пророческие слова, и они запали мне в душу на всю жизнь: «Ребята, из вас выйдут замечательные агрономы, учителя, инженеры». А я думал, о чем она говорит? Только что из нашего класса ушли люди из военкомата, без особых церемоний сказавшие: «А ну, выворачивайте карманы», — и унесли с собой сумку трофейных гранат, пистолетов и патронов. Народ мы были хулиганистый, учиться, считали, вроде и ни к чему — условия к тому не располагали. Из-за холодов можно было не ходить в школу, в классе замерзали чернила, и писали мы на перевернутых листах книг.

При таком отношении к образованию трудно надеяться на что-то путное, но прошло много лет, и все, что предрекла мудрая учительница, так и случилось. Сердечное ей спасибо.

Война вступила в наш город Павловск, где мы жили с мамой и братом. Наши отступали, занятия в школе прекратились. В городе — безвластие. Со своей стороны мы в бинокль видим немцев, а они не решаются форсировать Дон.

Их пушки обстреливают город. Тогда я впервые увидел мародерство, когда взламывают магазины и все тащат по своим домам.

Мне 12 лет, и мы бегаем по городу, не думая об обстреле. Нам все интересно. В одном подвале обнаружили соль. Люди мгновенно образовали очередь и уносили, кто сколько мог. И меня мама дважды посылала. «Хорошо, что взял», — похвалила она. В недалеком будущем ее стоимость станет такова: килограмм соли — килограмм масла.

А все началось с Алексеевки. Мы сажали картошку...

В нашей провинциальной школе города Павловска незабвенные наши учителя на прощание нам говорили: «Получили “хорошо”, рассчитывайте на “отлично”, если будете сдавать в любой столичный вуз». И это оказалась правдой: мы все получали на балл выше. Все, кто поступал в институты, поступили, и все успешно окончили учебу. И не пропали в жизни. Когда сейчас говорят, что Россию спасет провинция, я в том не сомневаюсь. В маленьких городках и деревнях отношение российских учителей осталось такое же, и их воспитанники еще покажут себя с лучшей стороны.

В детстве меня увлекала Природа. Я написал с большой буквы, потому что не могу выделить что-то одно. Прежде всего, Дон — как говорили, батюшка-Дон. В него впадают речка Осередь и еще одна маленькая речушка, название не вспоминается.

На правом берегу — меловые горы и пещеры, и их протяженность длиннее, нежели в прославленной лавре. Во времена моего детства там еще сохранялись настенные росписи. Вокруг песчаные почвы. Ковыль. Озера. Леса. Думаю, это тот участок земли, где собрано все богатство и разнообразие средне-южной России. Был у нас и великолепный сосновый бор. По местной легенде, городской глава Одинцов на свои деньги укреплял пески и высадил сосновые леса. Рядом простирались черноземы и заливные луга. Меня всегда тянуло бродить среди этого разнообразного великолепия. Даже зимой ходил один через замерзший Дон, чтобы пройти по зимней дороге среди леса, покрытого инеем. К тому времени относиться и мое желание стать лесником. Я еще не знал, кем буду, но твердо знал: все это мне нравится. Это не оставляло меня равнодушным, и я хотел, чтобы это осталось у меня на всю жизнь.

Вспоминается один из эпизодов. Война... Я иду по разбитому городу и захожу в здание районной библиотеки. Двери сняты, окна выбиты, книги свалены со стеллажей. На полу валяется ворох художественной литературы. В ту пору я обратил внимание лишь на небольшую книжицу с цветным рисунком на плотном переплете: С.И. Исаев. «Мичуринские сорта плодовых и ягодных культур». Взял, перелистал.

Мне 12 лет. Вместо модной тогда книги «Приключения капитана Врунгеля» я, школьник, беру селекционную книгу.

Пройдет еще лет десять и станет ясно: селекция — моя жизнь. Пройдет еще немного времени, и я познакомлюсь и подружусь с Сергеем Ивановичем Исаевым. Странная штука жизнь! И нет ничего горше, если ты что-то не успеваешь сделать или сказать. Часто встречаясь с Сергеем Ивановичем, я так и не сказал ему о том случае и не показал ту книгу. Думаю, это бы его обрадовало.

Прошло 52 года. Бывают дни, работаю в кабинете, и мне попадаете на глаза эта книга. И я думаю, как интересно устроена жизнь. С.И. Исаев — продолжатель дела И.В. Мичурина; в то время — работник НИИ садоводства им. И.В. Мичурина; позднее — декан, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова; через много лет — официальный оппонент при защите мною докторской диссертации.

Эта книжечка для меня — очень дорогая память, храню ее до сих пор.

В годы моей юности асфальтированной автомобильной нынешней дороги Во-

ронеж — Ростов не было, и добраться к нам в Павловск можно было только паромом по Дону. Когда учился в Воронеже, то доезжал до Подгорного и 45 километров шел пешком. Шел и радовался, что живу в таких прекрасных местах. Молодость! Приходил домой и вечером бежал в кино. А однажды поезд не остановился и прокатил меня до Россоши, и оттуда я шел уже 60 километров.

Чем ближе было окончание школы, тем все больше выявлялись предпочтения и стремления. Даже теперь для меня является неожиданным мое тогдашнее желание подписаться на «Ботанический журнал». И сейчас такой узкопрофильный журнал надо читать очень серьезно, а тогда мне, школьнику? Но это было. В журнале описывалось, как где-то в степи нашли какой-то редкий вид травы, и было дано ее название. В одном из домов, где мы жили, я обнаружил агрономические книжки и жадно читал их вместо приключенческих романов.

Отглядываясь назад, не перестаю удивляться самому себе, поскольку не было ничего, что бы меня подталкивало именно в этом направлении. Даже среди самых отдаленных предков не было никого, кто бы мог передать мне такую генетическую предрасположенность.

Мама, Антонина Емельяновна, родилась 23 июня 1899 года в семье служащего. В 1916 году окончила Павловскую женскую гимназию, работала учительницей начальных классов в селе Семеновка. В 1920 году перешла на работу делопроизводителем в райздраве и горсовете. В 1926 году вышла замуж за Седова Николая Яковлевича. В 1930 году мы переехали в поселок Алексеевку Воронежской (теперь Белгородской) области, а в 1933 году — в г. Лиски (одно время назывался г. Свобода, затем Георгию-Деж, теперь снова Лиски) Воронежской области. В Лисках мама работала ликвидатором безграмотности при ликбезе райкома союза потребкооперации и учительницей школы взрослых при Лискинском горно. В сентябре 1941 г. вернулись в г. Павловск, где мама стала секретарем отделения ВОС (Всероссийское общество слепых). На пенсию вышла в 1954 году и в 1956 году переехала в Орел, где и жила с нами. Всю жизнь она была мечтательницей, романтиком и читала художественную литературу запоем. Даже в 95 лет она еще могла прочитать правнукам на память стихи Пушкина или Лермонтова.

Отец, Николай Яковлевич, родился 6 декабря 1903 года в семье крестьянина-середняка. С 8 лет пошел в начальную школу. Затем по настоянию родителей перешел учиться в духовное училище. Революция прервала его учебу там, и он стал работать в хозяйстве у своего отца. В 1926 году женился, отделился от отца и до 1930 года занимался сельским хозяйством. На лето брал в аренду пахотную землю в Донбассе и выращивал арбузы. Большую часть времени занимался извозом по найму на своей лошади. В 1930 году вступил в колхоз «Путь Октября», отдав свою лошадь в общую конюшню. Вскоре мы переехали в поселок Алексеевка, где он работал кладовщиком склада лекарственных растений, инструктором по заготовке лекарственного и технического сырья. После были еще разные должности, но все прервала война. 22 января 1942 года в возрасте 39 лет был призван в армию, четыре раза ранен (дважды — тяжело). Награжден медалью «За отвагу». Участник Парада Победы в Москве. После демобилизации работал директором Павловской пекарни...

В феврале 1947 года осужден за халатное отношение к служебным обязанностям к 3 годам лишения свободы. Вина его состояла в том, что он послал необорудованную машину на сахаром в Воронеж, а ехать ни мало ни много 180 километров. На обратном пути машина попала в дождь, сахар намок и утек через борта. Тогда с этим было строго — три года заключения. Пришлось мне оставаться за хозяина. После отсидки и до выхода на пенсию отец работал в Павловской ремонтной стройконторе. Несмотря на нелегкую жизнь, он отличался веселым, неунывающим характером, искренне всему радовался и гордился успехами сыновей в

учебе. С ним легко было общаться. С матерью прекратил совместную жизнь в 1956 году, когда она переехала на постоянное жительство в нашу семью в Орел. Умер в 1976-м.

Брат Леонид родился в сентябре 1933 года. Учился в школе очень хорошо (закончил с серебряной медалью). После окончания Московского химико-технологического института имени Д.И. Менделеева работал в НИИ пластмасс. Стал крупным специалистом в области химии пластмасс. При его непосредственном участии зарождалось производство полиэфирных смол и на их основе стеклопластиков. В возрасте 43 лет имел более 100 научных трудов и свыше 20 изобретений. Владел немецким и польским языками, переводил с английского. 28 сентября 1976 года автокатастрофа под Москвой прервала его жизнь, когда он в качестве гига вез немецких коллег на экспериментальный завод. На похороны приехал отец, коллеги из других стран. Через месяц не стало отца.

Дед по материнской линии — Емельян Тихонович Иванов. Умер в зиму 1941–1942 годов в глубокой старости. Прожил долгую трудовую жизнь. По рассказам бабушки и матери, работал у купца в качестве шибая (заготовителя). Был большим любителем чая. В хорошем настроении мог вместе с собеседником сидеть за ведерным самоваром по несколько часов. На вид угрюм. Имел строгие нравы, соблюдал посты. Лечился народными средствами.

Бабушка Прасковья Ивановна выросла в бедной семье. С детства не получила образования, так как с 12 лет работала ученицей у портного. Разносила заказы и выполняла другую черновую работу. Через 12 лет стала работать у хозяина в качестве швеи. Ее ремесло очень пригодилось всем нам в годы войны, когда многую одежду приходилось перешивать. Она выполняла заказы, несмотря на преклонный возраст. За свою работу, как правило, получала натурой (зерно, крупа, картошка). Была добродушная. Во время праздников любила выпить стопочку. С ней было легко и весело. Можно было поговорить и о религии. Хотя и была верующим человеком, не обижалась, как многие, когда в разговоре с ней кто-либо критически отзывался о Боге. Помню, на вопрос, есть ли на свете черти и бесы, она не задумываясь ответила: «Раньше были точно, а теперь все повывелись». Умерла она в Орле в 1959 году в возрасте 86 лет после операции.

Бабушка по отцовской линии Мария Сергеевна жила в Макеевке. Умерла она в возрасте 90 лет. За год до смерти мне пришлось увидеть ее: высокая, сухоощавая, добрая старушка. Деда по отцовской линии я не видел и ничего о нем не знаю.

Мои первые впечатления относятся к 1933 году. Был голод, и помню, как родители во дворе под окном высаживали картофельные очистки. Появление всходов, прополка и ожидание урожая произвели на меня огромное впечатление: «Как, из очисток и — растения?» Может, тогда подспудно я проникся растениеводством?..

В этом же году мы переехали в г. Лиски и поселились на улице Советской во флигеле. Во дворе располагались склады, а в одном были цементные чаны (дошники) для квашения капусты. Удивляла быстрая резка капусты на электрической машине. После рабочие в резиновых сапогах уплотняли капусту, прежде чем закрыть деревянными крышками. Рядом находился двор детского сада, куда меня и отдали. Хотя двор был проезжим, возле крыльца я посеял семена дыни и на удивление родителям и соседям вырастил зрелый плод, вполне съедобный. И опять спрашиваю сам у себя: откуда у меня такое стремление ко всему такому?

В сентябре 1937 года пошел в 1-й класс. Учился хорошо. После уроков и в выходные дни с ребятами, а когда и сам уходил за город в сосновый лес. Однажды притащил ежа, он некоторое время жил в комнате, выстукивал дробь своими коготками. Перед войной во многих квартирах появились электрические лампочки. Значительным событием и семейной радостью стало приобретение патефона.

В магазинах на прилавках лежали основные продовольственные товары: колбасы, сыры, конфеты, сахар в кусках и в головках. Как и наша, большинство семей жили скромно. Конфеты только по праздникам. В 1941 году переехали на новую квартиру, в новый дом с электричеством. К сожалению, пожить нам в том доме не пришлось.

22 июня началась война. Уже в первые месяцы немецкие самолеты бомбили железнодорожные составы. Нагло, безнаказанно, не опасаясь, самолеты с черными крестами низко пролетали над городом. После бомбежки долго горели вагоны и рвались снаряды. Мы, любопытные, бегали смотреть на это зрелище. Первое время я, как и многие, не понимал ужаса, который неизбежно ждал нас впереди, но потом все невзгоды, горечи и беды ощутил сполна.

А пока, как и все, был в приподнятом настроении: «Мы — непобедимая страна, война будет скоротечной и закончится, безусловно, победой на территории врага».

К сожалению, так думал не только я, но и многие взрослые.

**Римма Викторовна Лю-
тая** окончила музыкальное
училище, Литературный
институт им. А.М. Горько-
го. Работала художником в
театре, ответственным
секретарем в газете и регио-
нальной организации Союза
композиторов России. Вы-
пускающий редактор право-
славного издания «Вестник
Антониевского храма». Пу-
бликовалась в журналах
«Смена», «Литературное
обозрение», «Москва»,
«Подъём», «Простор», «Но-
вая Немига литератур-
ная», «Сура», «Гостиный
двор». Дипломант нацио-
нальной премии «Золотое
перо Руси». Член Союза жур-
налистов и Союза компо-
зиторов России. Живет в Во-
ронеге.

Римма Лютая

«ЗАБЫТОЕ», НЕЗАБВЕННОЕ...

(Судьбы чудотворной православной иконы
и людей, сохранивших ее)

Могим ли павловчанам сегодня извест-
тен образ «Ахтырско-Козельской»
иконы Божьей Матери, почитаемый
чудотворным? Ее первообраз «Ахтыр-
ский» был чтим русскими музыкантами, поэта-
ми, художниками... А между тем в течение не-
скольких советских десятилетий XX века эта
православная святыня сохранялась как семей-
ная реликвия в Павловске Воронежской обла-
сти. Поразительна и судьба этой иконы, и судь-
ба ее хранителей, долгие годы остававшихся
практически в безвестности. Пришло время
рассказать о них.

«Ахтырско-Козельская» икона Божией Матери

Как известно, образ «Ахтырской» Божьей
Матери был явлен в XVIII веке, обнаруженный
священником Покровской церкви села Ахтыр-
ки Харьковской губернии в начале июля 1739 го-
да во время сенокоса около храма. Именование
иконы, как это бывает часто, привязано к месту
обретения святыни, но звучит оно необычно.
Татарское название «Ахтырка» означает «Бе-
лый яр» и указывает на то, что на месте села
прежде был татарский юрт — иначе говоря, стан
кочевья. Знаковые переключки: харьковская
Ахтырка, павловская Тахтарка... Эти, на пер-
вый взгляд, лирические сопоставления, возмож-
но, совсем и не случайны, а провиденциальны.

Со времени обретения иконы неоднократно люди, с верою обращавшиеся к этому образу Богородицы, получали помощь, многие исцелялись от лихорадки и иных хворей. В 1751 году Святейший Синод принял решение: почитать икону как чудотворную.

С «Ахтырской» иконы был сделан ряд списков, в ее честь освящались церковные приделы в разных местах и строились храмы. Одна из современных копий с копии «Ахтырской» иконы была создана со списка, переданного в Новодевичий монастырь, и доставлена в ныне возобновляемый Вознесенский храм города Козельска. Почему именно туда? Потому что именно в этом храме был обретен в дореволюционные времена, в XIX веке, еще один чудотворный список иконы, получивший именование «Ахтырско-Козельская» Икона Божией Матери. После революции в годы гонений на Православную Церковь козельский храм был закрыт и превращен в хозяйственное помещение мукомольного завода, а святой образ Богородицы был на долгие десятилетия сбережен верующими от поругания.

С историей моего рода и, в частности, моего прадеда по материнской линии Василия Алексеевича Жирова (28.01.1872–01.06.1963) и двоюродной бабушки Татьяны Васильевны Жировой (20.12.1896–03.02.1985) связана судьба именно этой, «Ахтырско-Козельской», иконы Божией Матери. Есть все основания полагать, что речь идет именно о подлиннике иконы. Точнее, о чудотворном образе Богородицы, обретенном на Калужской земле в городе Козельске в Вознесенском храме.

Эта икона перешла ко мне по материнской линии от двоюродной бабушки, Татьяны Васильевны Жировой, которая всю жизнь была членом нашей семьи, жила с нами до конца своих дней и умерла в Воронеже в возрасте 89 лет. Татьяне Васильевне икона была передана на сохранение ее отцом, Василием Алексеевичем Жировым, незадолго до его кончины на 92 году жизни (похоронен в Павловске Воронежской области на Старом кладбище в черте города — ул. Юлиуса Фучика, 7). А ему самому, благочестивому мирянину, икона была поручена с целью укрыть, сберечь этот святой образ в безбожные послереволюционные времена, когда по всей стране с остервенением методично разрушались, перестраивались и осквернялись церкви, монастыри, памятники прежней эпохи и исторические захоронения.

Эти сведения сообщила мне Татьяна Васильевна. Бабушка завещала мне икону «Ахтырско-Козельской» Божией Матери с наказом хранить ее до времени, когда атеизм изживет сам себя, и передавать потомкам только по прямой женской линии. В случае невозможности сделать это, очередная хранительница должна отдать образ в новый православный храм, не имеющий собственной святыни.

По Промыслу Божьему принять решение, определившее нынешнее местонахождение иконы «Ахтырско-Козельской» Божией Матери, суждено было мне, Римме Викторовне Лютой. В отсутствие прямых наследниц и наследников, имея проблемы со здоровьем, несколько лет назад я передала икону в дар строящемуся в Воронеже храму во имя святителя Антония (Смирницкого), архиепископа Воронежского и Задонского, чьи мощи до сих пор не обретенны и находятся под спудом.

Адрес храма: город Воронеж, улица Тепличная, 22А. Икону принял настоятель храма протоиерей Николай Бабич, мой духовник в течение уже многих лет.

Описание иконы «Ахтырско-Козельской» Божией Матери, хранившейся в нашей семье

Писана икона на дереве, размер доски небольшой: без киота 11 см в высоту и 9 см в ширину. Киот не массивный, не изукрашенный: деревянный, гладкий, темно лакированный; внутренняя часть киота, обрамляющая икону, выполнена из покрытого позолотой гипса или левкаса, местами растрескавшегося от времени и

Лицевая сторона иконы

перипетий, которые образу пришлось претерпеть вместе с людьми; обратная сторона киота также выполнена из дерева и довольно сильно повреждена.

Сюжет и композиция образа «Ахтырско-Козельской» Божией Матери (как и первообраза ее, «Ахтырской») особенные, они выделяют эту икону в ряду иных Богородичных образов. Поэтому сразу следует дополнить описание указанием на символическое значение изображенных деталей, принятое в иконографии, которая восходит к образцам итало-греческого искусства. На лицевой стороне образа в левой его части — поясное изображение скорбящей Девы Марии с нимбом вокруг печального лика. Темно-русые волосы Ее открыты, плащ-мафорий не покрывает главы Пречистой, что говорит о незамужнем положении Девы Марии. Традиционно багряный цвет плаща-накид-

ки указывает на царственное происхождение Богородицы и, одновременно, на будущие Ее страдания. Две звезды украшают мафорий, на левом и правом плече, и это свидетельствуют о неизменном и совершенном девстве Богородицы — и до, и после Рождества Спасителя. Под мафорием видна туника, изумрудно-голубой цвет которой символизирует духовную и телесную чистоту Матери Христа; а отделка одеяния золотой каймой по вырезу горловины говорит о пребывании Ее в Божественном Свете и о причастности Ее к Славе Господней. На руках, соединенных ладонями в молитве — золотистые поручи: это знак сослужения Богородицы (а в Ее лице и всей Церкви) Первосвященнику Господу Иисусу Христу.

Справа от Девы Марии как внезапно возникшее, мгновенно материализовавшееся в воздухе страшное видение — Голгофский Крест с Распятым Сыном Пречистой, Спасителем и Господом нашим. Притом фигура Иисуса Христа на иконе изображена значительно меньшего размера, чем фигура Богоматери: этот пугающий образ будущего только пригрезился, явился Пресвятой Деве из пока отдаленного времени. Символика изображения торжественна, но драматична: зеленовато-темен фон иконы и скорбно выражение бледного лица Пресвятой Девы, молитвенно сжавшей руки и возведшей очи к Небесам.

По преданию, совсем юная Богородица во время молитвы увидела Крест и страждущего на нем Христа, Своего будущего Сына, и прошла всю дальнейшую жизнь, зная об этой Его судьбе. Таков изображенный на иконе образ Божией Матери — нашей Милосердной Заступницы и Владычицы Небесной, умудрившей Свое чистое юное сердце в великих страданиях.

На оборотной стороне иконы рукописный текст: «Изображение чудотворного образа Божией Матери АХТЫРСКО-КОЗЕЛЬСКОЙ, явленной во граде Козельске на чердаке Вознесенского храма 1868 года июня 6 дня, при священ. иерее Димитрии Соколове». И немного ниже: «С сим образом благодать моя и сила». Весь текст, т.е. оба эти свидетельства оформлены единой прямоугольной рукописной рамкой, в каждом из четырех углов которой, подобно маленькой печати, скрепляющей стороны рамки, изображен крест, заключенный в квадрат.

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ЖИРОВЫХ

XX век своими драматическими общественно-политическими передрягами, войнами, революциями и репрессиями разрушил нормальный жизненный уклад и традиционную социальную структуру, коснувшись практически каждого рода в России. Понятно, что полноценную семейную летопись вести было невозможно, да и реалии атеистических советских времен, мягко говоря, предостерегали от фиксации достоверных фактов личной и родовой истории.

Попытаюсь хотя бы отчасти воссоздать цепь некоторых событий из нашей семейной истории на основе известных мне отрывочных сведений, а также описать характер участников этих событий, следуя от более давних к более близким временам.

Поразительно, но в истории культуры города Павловска значение рода Жировых до сих пор не обрело своей действительной величины. Более того, имя крупнейшего представителя этого рода, Василия Алексеевича Жирова, не просто неизвестно ни местным павловским, ни воронежским краеведам: оно словно было старательно вымарано из общественной памяти, а большая часть связанных с ним документов как будто умышленно уничтожена. Пока доступно в основном лишь то немногое, что сохранилось в семейном архиве. Причина этого «забытия», возможно, когда-либо проявится, но все может сложиться и иначе. Поэтому, скорее всего, сообщаемые здесь фактические сведения окажутся важны, а некоторые документы, не исключено, и уникальны.

Василий Алексеевич ЖИРОВ

Мой прадед Василий Алексеевич Жиров с 1902 года был соборным регентом Преображенского собора и преподавателем пения в Реальном училище, в Ольгинской гимназии и в Высшем начальном училище города Павловска Воронежской губернии, а также в течение многих лет — организатором и участником всех значительных культурно-музыкальных событий Павловска. Сама я видела Василия Алексеевича только будучи пятилетним ребенком на исходе его жизни, и судьба прадеда открыта мне лишь отчасти; там много странных и по сей день непонятных для меня несовпадений.

Первое. Василий Алексеевич Жиров записан как рожденный 28 января 1872 года в селе Высокое Лазинской волости Мосальского уезда Калужской губернии в семье крестьянина. В то же время в одной из анкет советского времени в графе «место рождения» им собственноручно указано: «г. Москва» (сохранился черновик анкеты, написанной В.А. Жировым). А дореволюционный гражданский статус, род занятий и профессиональное мастерство Василия Алексеевича были отнюдь не крестьянскими. По словам бабушки, отец Василия Алексеевича, мой прапрадед, был кулинарум в богатых московских семействах, а переехал в Москву из Гусь-Хрустального.

Оборотная сторона иконы

По крайней мере, В.А. Жиров именно из Москвы в начале XX века был приглашен на службу в Павловск — небольшой уездный город на реке Дон; здесь и окончил свои дни. Прадед был прекрасно образован — безусловно, излишне и не по профилю для сына крестьянина. Он окончил Московское Синодальное училище церковного пения и хора по специальности «Хоровое и регентское дело»; учился у композиторов Ипполитова-Иванова и Танеева; был членом Русского хорового общества, регулярно получал годовые отчеты его и, будучи в Москве, всегда посещал симфонические концерты Императорского Музыкального общества (некоторые из концертных программ 1890-х годов сохранились); писал каллиграфическим почерком и письма, и нотные тексты; легко читал сложнейшие нотные партитуры, сам сочинял церковную хоровую музыку, создавал и обработки народных песен. Имея красивый низкий певческий мужской голос (бас-профундо, или бас-октавист), Василий Алексеевич выступал также как профессиональный вокалист, исполнял оперные арии и романсы, при необходимости и аккомпанируя себе. Не говоря уж о том, что руководил не только учебными хорами, но и несколькими сводными павловскими хоровыми коллективами: мужским и смешанным хором; сводным хором церковных певчих; являлся душой и организатором многих концертных мероприятий, а также превосходно играл на фортепиано и скрипке.

В.А. Жиров. Москва. 1890-е годы

Скрипок же Василий Алексеевич имел несколько, разного размера и все хорошего качества; одна из них была работы Амати. Ее он подарил своей музыкально одаренной внучке, моей маме, Тамаре Александровне Ивановой, освоившей в школьные годы скрипичное мастерство, а впоследствии уже в послевоенное время с отличием окончившей дирижерско-хоровое отделение Воронежского музыкального училища и ставшей педагогом. Я лично в детстве держала в руках этот драгоценный инструмент и помню его удивительный, слегка глуховатый, мягкий и глубокий звук. К сожалению, родители мои вынуждены были продать семейную реликвию за бесценок в трудные времена, чтобы похоронить внезапно скончавшуюся от инфаркта мою родную бабушку, Марию Васильевну Жирову.

О судьбе прочих скрипок ничего определенного сказать не могу: я родилась и росла в Воронеже, скрипки находились в Павловске. Один сохранившийся скрипичный футляр от прадеда, еще дореволюционных времен, стоявший, как написано на нем красным восковым карандашом, пять рублей в пору, когда за десять рублей можно было приобрести корову, летом 2019 года передан мною в дар Павловскому краеведческому музею.

Второе. При всех своих знаниях и изрядном профессиональном мастерстве в графе «образование» в анкете советского времени прадед указал: «низшее». Полагаю, он был поражен в правах и как «лишениец» вынужден был, по известным причинам, скрывать действительный уровень своей образованности и профессионализма. Обнаруженные архивные документы, связанные с жизнью семьи Жировых в начале советской эпохи, пока весьма отрывочны. Имевшийся рояль, большую часть мебели, посуды и нотной библиотеки реквизировали (очевидно, для нужд революции), а половина дома была захвачена: ее либо отобрали, либо выну-

дили отдать или продать за гроши слугам новоявленных властей. Сохранилось письмо Василия Алексеевича к юрисконсульту Ивану Степановичу Пискунову, где прадед просит его совета в том, как можно разрешить тяжелую ситуацию с домом, куда вселены бесперемонные и агрессивные посторонние люди.

Третье. В царской России к Василию Алексеевичу Жирову обращались в письмах «Ваше высокоблагородие». А по учрежденной Петром I в 1722 году «Табели о рангах» это титулование используется при обращении к лицам, имеющим чины VI–VIII классов (то есть штаб-офицерские, или средние чины); так же обращались и к их женам. И предположить, что в царской России к кому-либо обращались «не по чину», невозможно. Даже общим для всех дворян титулом — «Ваше благородие» — выражалось благородное происхождение потомственного дворянина, его принадлежность к роду, чьи заслуги перед отечеством официально были признаны (или отмечались личные достижения при личном дворянстве). В 1832 году этот общий титул получили и почетные граждане. Очевидный факт: Василий Алексеевич Жиров был и титуловался как дворянин, имевший к тому же весьма значительный чин по «Табели о рангах».

Он был приглашен из Москвы в Павловск Воронежской области местными предпринимателями и купечеством (Одинцов, Зайцев, Меркулов, Антонов) еще в 1900-м году. Это был шаг, надо сказать, весьма разумный и перспективный с точки зрения развития культуры города. В ту пору Павловск отнюдь не был безынтересным уездным захолустьем, а напротив, представлял собою место, приятное для проживания людей семейных и серьезных — как ныне говорят, человеко-ориентированное. От Москвы не так уж далеко, торгово-промышленный уклад крепкий, верфь и речной порт действуют, имеется пожарная часть, Казначейство, Дворянское собрание, купеческий клуб, Высшее начальное училище... Город, основанный в 1709 году Петром Первым, обладал гармоничной архитектурой, умеренный климат радовал, судоходный Дон и природные красоты добавляли ему привлекательности; здесь находился красивый каменный Преображенский собор, неподалеку — Покровский и Казанский храмы; впечатляли комплексы зданий Ольгинской женской гимназии и Духовного училища...

Тридцатилетний Василий Алексеевич согласился принять приглашение павловчан, тем более что местные власти предложили ему в Павловске на выбор несколько домов для оперативного переселения из Москвы. Прадеду понравился дом на углу улиц Набережной и Никольской, 1880 года постройки, из мореного дуба, обложенного кирпичом, с видом на донские просторы, принадлежавший наследникам Студенцовым. Его он и приобрел, и перебрался туда с семьей в 1902 году.

1 июля 1902 года открылось Павловское реальное училище, сначала в небольшом доме в центральной части города; но постройка нового просторного здания, ставшего одной из достопримечательностей Павловска, долго ждать себя не заставила. Преподавателем пения с самого начала деятельности этого учебного заведения и стал талантливый и образованный московский педагог Василий Алексеевич Жиров.

Однако педагогическая работа была лишь малой частью того многообразного кипучего существования, в котором реализовала себя его активная натура. Соборный регент Преображенского собора и руководитель хора в Реальном училище, он стал организатором и участником множества концертов с участием возглавляемых им павловских сводных мужского и смешанного хоров, сводного хора певчих и многих его воспитанников...

Сохранившиеся афиши начала прошлого века дают представление о напряженной и плодотворной его деятельности на ниве павловской культуры. Фактически все значимые концерты в городе формировались с участием коллективов, возглавляемых В.А. Жировым, а также включали его выступления как вокалиста, сольные и ансамблевые.

Под управлением Василия Алексеевича в Павловске зазвучали ярчайшие партитуры, шедевры русской хоровой школы: Д. Бортнянский, М. Глинка, П. Чайковский, П. Чесноков, А. Даргомыжский, С. Рахманинов, А. Кастальский, М. Иполлитов-Иванов, А. Рубинштейн, А. Гречанинов, Н. Черепнин, Вик. Калинин, А. Архангельский, Э. Направник... Таких программ академической хоровой и вокальной музыки нынче, увы, и представить себе трудно не только в провинциальном, но и в губернском городе. Исполнялись и собственные сочинения В.А. Жирова: в храмах — богослужебные хоры, в концертах — ансамбли на стихи русских поэтов и обработки народных песен.

Василий Алексеевич собрал солидную музыкально-нотную библиотеку, включавшую как партитуры, так и профессиональный теоретический материал: книги, брошюры. Большая часть библиотеки, к сожалению, о чем уже упоминалось, оказалась утрачена.

Он был чрезвычайно — глубинно, а не показательно — набожен; в павловском доме напротив его спального ложа в отдельном кабинете, выгороженном нотными шкафами из палисандрового дерева, имелся большой иконостас, скрытый за непрозрачными дверцами массивного шкафа. Последняя предосторожность была особенно актуальна в советскую эпоху. Помню, что видела ребенком этот таинственный шкаф и я; помню прадеда, очень худого и как будто прислушивавшегося к чему-то внутри себя, словно уставшего ждать чего-то, подобно Симеону Богоприимцу... Помню его стройные «музыкальные» пальцы, уверенно державшие длинный смычок и что-то прекрасно-волшебное игравшие на скрипке...

Регулярные концерты с участием В.А. Жирова формировали общественную среду Павловска и имели огромное нравственно-воспитательное значение.

Так, скажем, сбор от концерта 22 февраля 1904 года предназначался «на усиление средств на нужды родного флота»; 14 ноября того же года сбор был направлен «на покупку теплой одежды для войск Дальнего Востока»; 2 февраля 1905 года деньги от продажи билетов на концерт собирались «в пользу беднейших семейств, призванных на Дальний Восток запасных нижних чинов г. Павловска»; 5 февраля 1906 года — «на усиление средств Павловского Благотворительного общества»; 8 марта 1909 года — «на усиление средств Родительского комитета Реального училища» и так далее.

Будучи отцом многочисленного семейства, состоявшего из супруги Марии Ивановны, десяти детей (еще двое умерли во младенчестве) и двух вдовых бабушек — собственной матери Евдокии Ивановны Жировой и тещи Надежды Семеновны Шапошниковой (в замужестве Щипановой), — Василий Алексеевич умел находить общий язык с представителями старшего и младшего поколений, любил и понимал детей, и не только своих. Благодарные письма от учащихся заведений, в которых он преподавал, — тому подтверждение. Являясь человеком не богатым, но живущим в определенном достатке, он особенно сочувствовал и стремился помочь нуждающимся и страдающим детям, и они отвечали ему ответным доверием и благодарностью. Неудивительно, что один из его павловских воспитанников, которому с юных лет по-отечески помогал советом и делом Василий Алексеевич, до самой кончины В.А. Жирова регулярно писал письма «Дорогому В.А.Ж.» — письма, исполненные любви, заботы, стремления снова и снова повидаться в Павловске, чтобы пообщаться лично. А отправителем их был Виктор Александрович Коноплев, впоследствии — иерарх Русской Православной Церкви, епископ нескольких епархий, в конце жизни — митрополит Калининский и Кашинский Алексей. Эпистолярное наследие это показывает, как велика роль настоящего умного и сердечного преподавателя в воспитании крупной личности — православного иерарха, каковым стал со временем одаренный мальчик из обычной провинциальной семьи, рано оставшийся без родного отца, но, по счас-

тью, с отроческих лет получивший опеку и духовную поддержку своего мудрого наставника и учителя — Василия Алексеевича Жирова.

После скоропостижной смерти сорокашестилетней супруги Марии Ивановны Василий Алексеевич больше не вступал в брак. В круговороте испытаний для профессионального православного музыканта, умевшего ценить гармонию, главным стержнем и смыслом жизни осталась глубокая Вера. Он стремился сохранять и создавать прекрасное, а душевной опорой, вкупе с семьей, стала для него работа и общение с воспитанниками.

А бремя домашних забот и воспитание всех многочисленных детей, оставшихся у Василия Алексеевича Жирова после кончины супруги, взяла на себя вторая по старшинству дочь — Татьяна Васильевна Жирова (старшая дочь Анастасия Васильевна уже состояла в браке).

По словам дочери В.А. Жирова Татьяны Васильевны, отец ее Василий Алексеевич и до, и после 1917 года часто ездил из Павловска в Калужскую губернию: в Козельск и в Оптину пустынь. Но с кем состоялись там его встречи, с кем вел прадед регулярные духовные беседы — мне осталось неизвестно. В одно из таких посещений Козельска и была передана ему чудотворная икона «Ахтырско-Козельской» Божией Матери, долгие годы сохранявшаяся в нашей семье.

А после революции прадед особенно часто повторял дома кондак Романа Сладкопевца «Плач Адама», исполняемый в храме в Неделю сыропустную, и не оставил этой привычки и после известного постановления советского правительства 1928 года о запрете регентско-композиторской деятельности.

Татьяна Васильевна ЖИРОВА

Моя двоюродная бабушка, Татьяна Васильевна, родилась в Москве 30 декабря 1896 года. В Павловске Воронежской области, куда семья Жировых в 1902 году переехала из Москвы, Татьяна Васильевна жила до 1935 года. Приняв на себя заботы об остальных братьях и сестрах, она отказалась от собственной семейной жизни, расторгла помолвку с женихом, австрийским подданным, и все остальное время до последних дней своих сохраняла девство. Самой младшей из жировских детей, оставшейся у Татьяны Васильевны на руках, была моя родная бабушка — Мария Васильевна. Впоследствии она вышла замуж за Александра Сергеевича Иванова, и в Павловске в этом браке родилась моя мама, Тамара Александровна Иванова.

В годы гражданской войны множество детей лишилось и дома, и родителей. Придонье наполнилось такими малолетними страдальцами. И, спасая чужих детей от гибели в смутное и голодное время, выпускница Ольгинской гимназии с отличным знанием Закона Божьего, математики, которую очень любила, а также немецкого и французского языков, деятельная и милосердная христианка Татьяна Васильевна Жирова организовала в Павловске детский дом, где стала и директором, и педагогом, и воспитателем...

Большинство детей Василия Алексеевича разъехались по городам и весям; на работу и жительство в Воронеж перебралась семья Ивановых; уехала в областной центр и Татьяна Васильевна. Она регулярно навещала оставшихся в Павловске близких: старшую сестру Анастасию Васильевну Жирову и пожилого отца Василия Алексеевича, который особенно доверял своей самоотверженной дочери Татьяне и всегда с любовью называл ее «наша Танечка».

Татьяна Васильевна Жирова перенесла все тяготы XX века: Первую мировую и Гражданскую войны (имея свидетельство об окончании курсов сестер милосердия и дореволюционного, и советского образца); претерпела лихолетье большевизма, с упоением разрушающего «старый мир», и голод 1930-х годов; с младшей

сестрой Марией и малолетней племянницей Тамарой была в фашистском пересыльном лагере на Западной Украине в период Великой Отечественной войны. И всегда возила с собою, храня на груди, небольшую икону особенно чтимого ею святого Серафима Саровского. И до, и во время, и после войны Татьяна Васильевна много работала, была востребована как отличный, предельно честный бухгалтер; в зрелом возрасте была оперирована по диагнозу «рак гортани», успешно; потом воспитывала меня и брата, даже и моего сына — своего правнука — окружила на два с половиной года его младенчества мудрой заботой.

Я родилась в Воронеже, и именно двоюродная бабушка Татьяна Васильевна, будучи членом нашей семьи, фактически оказалась при мне домашней бабушкой-воспитательницей с гимназическим дипломом «домашней наставницы». С младенческих дней живо помню ее рядом — маленькую, худенькую, интеллигентную и бесконечно любящую «нашу Танечку».

Родная моя бабушка, Мария Васильевна, оставшись в первый же год войны вдовой, в нездоровье своем жила отдельно в небольшом частном домике, который принадлежал Татьяне Васильевне, в пригороде Воронежа — на улице Ухтомского, 34, у Курского вокзала. Шумная коммунальная квартира на пятом этаже в центре города, на улице Кирова, где обитала наша семья Харченко, не годилась для бабушки Марии: она страдала болезнью сердца, полученной в военные годы на разгрузке вагонов, и ей требовался свежий воздух и более спокойный жизненный уклад. И все же жизненный путь ее не был долог: Мария Васильевна умерла в возрасте 59 лет в санатории во сне — от разрыва сердца; мне тогда было только девять. А бабушка Таня, тихий ангел-хранитель семьи, еще долго жила с нами — и это счастье, что она была рядом... И с первых дней моей жизни несколько раз в году вывозила меня из городского плена «на волю» — в любимый Павловск.

Долгое время жилье наше в воронежском многоквартирном доме «сталинского» проекта постройки 1956 года было коммунальным; соседей расселили, когда родителям моим было уже за сорок. Татьяна Васильевна уединялась, чтобы отдохнуть ночью или почитать что-либо свое в отдельном углу комнаты, который был отгорожен для нее от прочего пространства густонаселенной жилой территории высоким шкафом и длинными шторами на специально изогнутом моим отцом багете. Это была ее небольшая келья, где, полагаю, бабушка ежедневно молилась, хотя жизнь духа в советские годы, за редким исключением, оставалась ее личной территорией. Нередко звучащее сегодня благодаря книге о Тихона (Шевкунова) парадоксальное и точное сочетание «несвятые святыне» полностью приложимо к судьбе Татьяны Васильевны Жировой. Кристально честная и чистоплотная во всем; умная, доброжелательная, миротворная, интеллигентная и хорошо образованная; книголюб с абсолютно ясным умом до последнего вздоха. Притом — мастерица-рукодельница (бабушка вязала, шила, вышивала и чего только не умела), замечательная кулинарка, умудрявшаяся быстро и вкусно готовить на семью из минимума продуктов; всем помощница, незаметно бравшая на себя самые разные посильные для нее хлопоты... Расторгнув помолвку в молодости, она никогда больше не искала замужества, не имела своих детей. И, вероятно, живя в атеистическом государстве, была тайной монахиней в миру. Последнее это понимание пришло ко мне уже после ее ухода, да и то отнюдь не сразу.

Бабушка Таня оставила мне в наследство благодарную память о своей бесконечной любви и заботе, а главное — опыт подлинно православной жизни. Дореволюционную «Библию» на старославянском языке... тяжелую настольную лампаду на подставке... некоторые документы из частично сбереженного ею семейного архива. Среди нескольких особо хранимых ею книг и старинных икон был один небольшой образ: небольшая темноватая икона с неясным изображением женс-

кой фигуры и распятием в деревянном киоте. Как обнаружилось впоследствии — «Ахтырско-Козельская» икона Божией Матери.

Татьяна Васильевна скончалась дома у меня на руках (в буквальном смысле) от эмфиземы легких, стремительно развившейся как осложнение после гриппа. Я в ту пору была в декретном отпуске по уходу за ребенком и находилась дома, но болела тем же гриппом с высокой температурой, хотя и была рядом, готовая помочь при необходимости бабушке или обиходить своего маленького сына. В какой-то момент

Т.В. Жирова. Павловск. 1960 г.

бабушка позвала меня, задыхаясь, попросила посадить ее на кровати и побыть рядом. Произнесла: «Я вот-вот умру. Ты же выполнишь то, о чем я недавно просила тебя, и ты pomoжешь мне и спасешь то, что надо?.. Видимо, принимать решение придется тебе, понимаешь?..» — «Да-да, конечно, — скорее обещаю я, желая ее успокоить, привыкнув к тому, что домашние воспринимали меня как семейного лекаря. — Сейчас свежей теплой водички тебе попить принесу, легче дышать будет, и врача вызову». Выйдя из комнаты, я сразу позвонила в скорую помощь, но когда вернулась из кухни с чашечкой воды, бабушка Таня уже не могла говорить и вскоре, вздохнув в последний раз, отошла. Скорая помощь приехала через три часа после вызова, и врачи только констатировали смерть.

Татьяна Васильевна Жирова похоронена в семейной ограде на Коминтерновском кладбище Воронежа рядом с сестрами Марией Васильевной и Зинаидой Васильевной Жировыми, своей племянницей и моей мамой Тамарой Александровной Харченко, моим отцом Виктором Ивановичем Харченко и моим сыном — своим правнуком Родионом Вячеславовичем Лютым.

После кончины бабушки Тани я не сразу поняла, о чем она напоминала мне в последние мгновения своей жизни. Мы с нею были очень дружны, она всегда давала мне мудрые житейские советы, обучала рукоделию и вместе со мною решала сложные школьные математические задания, если что-то у меня не получалось; вообще многому учила, в том числе и своим примером, и время от времени позволяла листать толстенную «Библию», напечатанную на тончайшей бумаге, а по достижении мною шестнадцати лет отдала мне золотой нателный крест своей мамы, моей прабабушки, Марии Ивановны, и ее же изящный комплект украшений (браслет и сережки червонного золота).

В наших не частых, но регулярных беседах Татьяна Васильевна аккуратно, постепенно, малыми дозами давала мне поражавшую мою душу информацию, рассказывая мне о некоторых событиях из нашей семейной истории, показывая старинные фотографии, письма. Записывать ничего не велела. Казалось, отчего-то я занимала какое-то особенное место в ее мыслях, и я радовалась этому вниманию моей замечательной мудрой и строгой, но очень любящей домашней подруги. Благодаря тем разговорам история нашего рода понемногу открывалась мне. К сожалению, пришедшему позднее, тогда я, отвлекаемая учебой в

двух школах, потом занятиями в музыкальном училище, театром, чтением и множеством мирских интересов, которыми живет молодость, мало ее слушала, а слушая, не все усваивала. И многое вовремя было мною не понято, а невосполнимое количество ценных деталей и фактов оказалось утрачено или вовсе не узнано.

Однажды в последний год своей жизни Татьяна Васильевна, призвав меня для важного разговора, поведала, что в нашей семье имеется святыня, которая передана ей на сохранение моим прадедом и ее отцом, Василием Алексеевичем Жировым. Он получил ее с целью тщательно сокрыть в семье и постараться сберечь; и святыня обнаружит себя уже после ее, бабушкиной, смерти. «Потом поймешь, о чем речь, сейчас не расспрашивай, всему свое время, — уточнила она. — Просто запомни: до определенного момента она должна переходить к членам нашего рода по прямой женской линии. Ты примешь ее. А если дальнейшая передача будет уже невозможна, то место ей будет в новом храме, в котором нет собственной святыни. Похоже, что решать придется тебе...»

Я запомнила сказанное, хотя едва ли в тот момент поняла. Какой новый храм мог привидеться тогда, в середине «застойных» восьмидесятых? Новостройки были совсем другие. Но яснее в 1984 году бабушка говорить не стала. Тем более что Советский Союз казался незыблем и могуч, а наша молодая семья — я и муж мой и единомышленник Вячеслав Дмитриевич Лютый — были довольно спокойной парой.

Пощадив меня, как всегда и всех щадила, Татьяна Васильевна ничего не добавила тогда, в 1984 году, к своему наказу, только повторила: «Придет время — сама поймешь, только не забудь, сделай это».

После кончины бабушки многое стало меняться, причем события нарастали лавинообразно и развивались каким-то судорожным образом. Навалились проблемы бытовые и социальные, семейные, учебные, нездоровье; мой, а следом и Вячеслава, отъезд в Москву на учебу в Литературный институт; потом — неожиданный развал СССР, смерть моего отца, затем родителей мужа...

Очень показательный пример того, как много значат молитвы и само присутствие на земле праведника, и как разнится окружающий мир с ним — и без него. «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся...» — да, это именно так. Но это теперь мне понятно: многое хорошее случалось в моей жизни именно по молитвам бабушки. А тогда я, еще вполне самодельная церковная «захожанка», относилась к Православию скорее как к прекрасному историко-культурному наследию, радуясь, конечно, что в роду моем, как я знала, были истинно верующие и духовно просвещенные люди.

Итак, довольно долго этот круговорот событий определял наше домашнее бытие. Семейные иконы я из дома в Москву не увозила, только крестик, носимый с шестнадцати лет, был со мною везде. В столице душа моя была как будто не на месте, и я стала чаще ходить в храм — то сама, то с мужем; свечки поминальные я бабушке Тане ставила. Другим родным тоже, но ей — чаще и сердечнее всего. Все думала: «Вот не спасла я ее, а она просила...» Снилось мне Татьяна Васильевна часто, как будто напоминала о чем-то важном.

Со временем Господь дал нам с Вячеславом новое понимание Веры, новое ощущение семьи; через несколько лет мы повенчались в московском храме святых бессребреников Космы и Дамиана. В Воронеже мы с мужем по-прежнему бывали наездами, жили довольно трудно, учились и работали, в том числе и ночами. И в одно из посещений родного дома, помогая маме прибирать квартиру, выронила я бабушкину темную икону. Образ упал с небольшой высоты: я вытирала его над столом. Но от оклада вдруг отскочила задняя стенка, и открылась надпись... Это была «Ахтырско-Козельская» икона Божьей Матери.

Тут я и вспомнила о давней уже просьбе бабушки Татьяны Васильевны, поняла, о чем она напоминала мне во сне; мозаика сложилась. Стала расспрашивать знакомых, искать более подробную информацию — и узнала, что Вознесенский храм в Козельске не действует, а в его здании уже много лет находится мукомольный завод. Решила ожидать дальнейшего развития событий и оставила икону дома. Потом еще несколько раз узнавала о судьбе козельского Вознесенского храма — она все не менялась. А далее — передала икону, как и наказала мне бабушка, в новый храм, не имеющий святыни — строящийся храм святителя Антония (Смирницкого) в Воронеже.

В октябре 2019 года состоялась поездка моя в Козельск и Оптину пустынь для участия в юбилейных X Козельских чтениях, где история пребывания иконы в нашей семье была публично мною оглашена. А Вознесенский храм города Козельска, совсем недавно переданный Православной Церкви, начал медленное возрождение, в середине 2019 года приняв под свой кров небольшую женскую монашескую общину.

Дмитрий Федорович Солодовченко (1928–2011) родился в селе Мамоновка Верхнемамонского района Воронежской области. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. Служил в ракетных войсках стратегического назначения. После увольнения в запас работал юристом и жил в Павловске. Многие годы занимался изучением жизни и творчества А.С. Пушкина. Автор книг «Этюды о Пушкине», «Тайны Пушкина». Публиковался в журнале «Подъём», региональных изданиях, сборниках и альманахах. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Дмитрий Солодовченко

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНД И БЫЛЕЙ

**ПАВЛОВСК — НА ПРЯМОЙ
ТИФЛИССКОЙ ДОРОГЕ**

Ж

елезной волею Петра I город Павловск с сильной крепостью, многочисленной артиллерией, пехотными войсками, корабельной верфью стал крупным торговым центром. Более 120 лет он был лучшим уездным городом Воронежской губернии.

Проходящая через Павловск прямая Тифлисская дорога имела важное стратегическое значение, соединяя центры России с Закавказьем. Кроме простого люда, через Павловск проезжали наместники императоров, главнокомандующие войсками Кавказа, государственные чиновники, дипломаты...

Эта дорога — прямой тракт к величайшей гордости нашей, к Александру Сергеевичу Пушкину, его стихам и прозе, его близким друзьям и знакомым, к декабристам, их незаслуженно забытым героическим именам — и их потомкам, которыми мы гордимся.

Тифлисская дорога соединяет наш город со своим старшим братом, с самым красивым городом нашего государства — Санкт-Петербургом, с его богатой и разнообразной жизненной аурой.

В 1816 году император Александр I послал на Кавказ командующим корпусом и главноко-

мандующим в Грузии легендарного героя Отечественной войны 1812 года А.П. Ермолова, командовавшего в 1812 году дивизией, корпусом, воевавшего с Францией еще в 1805–1807 годах.

Проезжал Ермолов на Кавказ, конечно, через наш Павловск. Вместе с ним ехал блистательный гвардеец Николай Николаевич Муравьев — создатель колыбели Северного тайного общества декабристов, куда вошло множество лицейских одноклассников Пушкина, а еще больше — гвардейских офицеров, впоследствии сменивших серебро и золото эполет на кандалы.

Вряд ли сомнительно, что Ермолов и Муравьев, много раз проезжавшие через наш Павловск, ни одного раза не останавливались здесь — ведь деяния Петра Великого не могли не тронуть патриотов, добывших славу Отечеству своим военным талантом. Не один раз проезжал Ермолов Павловск и с А.С. Грибоедовым, который в 1818 году получил назначение в русскую миссию в Персию, а с 1822 года служил на Кавказе в его штате.

Служа на Кавказе, А.П. Ермолов много сделал полезного для сближения грузинского и русского народов, заботился о благосостоянии края, хотя при этом к горцам был жесток. Декабристы недаром желали видеть его в составе свободного правительства.

Император Николай I, ненавидевший Ермолова за связь с декабристами, задержку присяги на целых восемь дней в 1825 году отстранил его от всех должностей. Сменил его фаворит царя граф Иван Федорович Паскевич, получивший звание генерал-фельдмаршала лишь благодаря военным дарованиям генералов И. Бурцева, Н. Муравьева, одноклассника Пушкина по лицейскому полковника В. Вольховского, М. Пущина и других декабристов.

В 1826 году через Павловск на Кавказ проехал 22-летний любимец всего лейб-гвардейского конного полка, красавец, внук генералиссимуса А.В. Суворова — Александр Аркадьевич Суворов.

За участие в восстании декабристов Николай I послал его служить на Кавказ. Внука Суворова-Рымнинского, князя Итальянского нельзя было арестовать, не возбудив тем самым общественное мнение.

Служа в корпусе, которым командовал Ермолов, Суворов получил боевое крещение во многих сражениях и узнал, что И.Ф. Паскевич добывал победу, славу себе, «загребая жар чужими руками».

Незначительный, но хорошо характеризующий Суворова инцидент произошел во время обеда, данного офицерами генералу Паскевичу, сменившему недавно Ермолова. После тостов за Паскевича Суворов провозгласил здравицу в честь Ермолова. Прямота и откровенность были унаследованы им от деда — так же, как и храбрость.

В 1828 году за личное мужество, выполнение приказов под огнем противника Суворову было даровано возвращение с Кавказа в Петербург, где он был назначен личным адъютантом императора. Возвращался он в Петербург через наш город.

В 1831 году Пушкин, живший в ту пору в Царском Селе по соседству с царской резиденцией, 4 сентября записал в дневнике: «Суворов привез сегодня известие о взятии Варшавы... Государь пожаловал его полковником».

В 1826 году вместе с А.С. Грибоедовым через Павловск проскакал легендарный поэт-партизан, генерал Д.В. Давыдов. Это ему Пушкин адресовал строки, полные страсти и огня.

Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне...

Давыдов был вызван на Кавказ еще Ермоловым для командования частями корпуса, а начальником штаба к нему назначили Н.Н. Муравьева. В 1829 году, побывав в Павловске, А.С. Пушкин приехал на Кавказ.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин упоминает фамилию генерала Н.Н. Муравьева пять раз, описывая его в боевой обстановке как хорошего знакомого. Известно, что это произведение император Николай I печатать не позволял.

Шеф жандармов Бенкендорф, узнав, что Пушкин читал это произведение в рукописи московским приятелям, сделал Пушкину строжайшее предупреждение.

Чтение же во второй раз в действующей армии лицам, состоящим под надзором, грозило Сибирью. Следовательно, Пушкин читал «Бориса Годунова» только очень близким друзьям, среди которых был и Н.Н. Муравьев, и родственникам. А близкие друзья — это родственник Пушкина декабрист Захар Чернышев, В. Вольховский, однокашник Пушкина по лицей, генерал Раевский, М. Пущин-декабрист, брат лицейского однокашника И. Пущина, тоже декабриста, и брат Левушка. Муравьев по жене был еще и родственником Пушкина, и ближайшим другом генерала И. Бурцева, тоже декабриста. Блестяще выполнив задание в Египте и Турции по заключению договора, Муравьев был вызван в 1833 году в Петербург, где прожил более 4-х месяцев. Он был в том же обществе, на балах, что и Пушкин с женой.

В кабинете Муравьева, в Скорняково, находились портреты самых близких людей, в том числе Никиты Муравьева и Пушкина.

Все упомянутые факты свидетельствуют об очень близких отношениях Пушкина и генерала Н.Н. Муравьева.

В 1855 году Муравьев, находившийся 20 лет в опале, неожиданно был вызван императором. Тогда шла тяжелая Крымская война. На Кавказ в ответ должна была высадиться тридцатитысячная армия Омар-паши.

России нужен был генерал, который организовал бы отпор Шамилю и Турции.

Н.Н. Муравьеву снова предложили пост главнокомандующего Кавказским корпусом и предложили чин генерал-адъютанта.

«...Знаю, не из любви ко мне, — сказал царь прерывистым голосом и со смущением, — но из преданности твоей к Отечеству поручаю тебе это дело, полагаюсь на тебя, прошу тебя о том...» Муравьев записал этот разговор с Николаем I.

Талант и мужество в руководстве войсками позволили грозному Шамилю принять русское покровительство, город Карс пал, а в Париже был подписан мирный договор.

О славе Н.Н. Муравьева писали не только русские, но европейские и американские газеты.

Не раз проезжал через Павловск Муравьев, оставляя нашему городу силу своего духа и любовь к Отечеству. Но на отдых он поселился в Скорнякове Задонского уезда. Там он и нашел вечное успокоение.

В монастырском садике, за оградой, близ главного собора находится монолитный надгробный памятник с надписью: «Николай Николаевич Муравьев. Начал военное поприще Отечественной войной 1812 года. Кончил Восточной под Карсом в 1856 году».

В 1844 году через Павловск спешил на Кавказ крупный государственный деятель, потомок русского посла в Англии, генерал-фельдмаршал, Светлейший князь Михаил Семенович Воронцов.

В 1823–1844 годах он — новороссийский, бессарабский генерал-губернатор, способствующий развитию хозяйства и торговли края.

В 1844 году царь сделал его своим наместником с неограниченными полномочиями на Кавказе. Полномочия Воронцова закончились в 1856 году. Закончилась в этом году и его жизнь как большого государственного деятеля, отдавшего 50 лет служению своему Отечеству.

В 1818–1820 годах К.Ф. Рылеев не только проезжал через Павловск, но очень часто и подолгу находился в нем. Он писал: «...Любуемся восхитительным местоположением. Под вечер бродим по берегу Дона». Кондратий Федорович часто бывал у офицеров 72-го резервного батальона, квартировавшего в Павловске, в нем постоянно пользовался почтой. Рылеев служил в конноартиллерийской роте в Острогжске, где обрел личное счастье — милую кроткую жену.

В 1830 году М. Ю. Лермонтов всем семейством — с бабушкой, тетушками, кузинами — поехал на Кавказ на лечение. В первый же год Лермонтов страстно полюбил красоту гор Кавказа. «Как сладкую песню отчизны моей, / Люблю я Кавказ!» Любовь к Кавказу — Горячеводску (Пятигорску), Кисловодску — была у Лермонтова так велика, так всеобъемлюща, что она не могла не передаться павловчанам.

В 1837 году, когда после двухдневных страданий Пушкин скончался, Лермонтов написал «Смерть поэта». Он сказал в этом стихотворении все, что думал сам о Пушкине, и все, что думал каждый русский. За 12 строк из этого текста Лермонтова отправили 19 марта 1837 года в ссылку на Кавказ через Павловск.

В январе по прямой Тифлисской дороге Лермонтов приехал в Петербург. Целый месяц «Смерть поэта» — на виду высшего общества. Ничья слава не знала такого внезапного взлета.

В 1840 году за дуэль с Барантом Лермонтов был предан суду и снова отправлен на Кавказ. Он участвовал в ожесточенных боях, подвергался смертельной опасности. Был представлен к ордену и золотому оружию «За храбрость». Но царь не соизволил дать награды, а лишь дал отпуск в Петербург. Отпуск закончился оскорбительным приказом — через 48 часов отправиться снова на Кавказ... Снова знакомая дорога. И, может быть, поэт останавливался в Павловске, чтобы сделать отметку в подорожной, сменить лошадей, полюбоваться раkitой, которую, по рассказам, посадил Петр I.

У подножья горы Машук 15 июля 1841 года Лермонтов был убит майором в отставке Мартыновым на хитро и подло подстроенной дуэли.

Прах Лермонтова предали земле в Пятигорске. Но весной 1842 года прах премьера Пушкина был провезен в последний раз по прямой Тифлисской дороге. Покойся Лермонтов рядом с матерью, бабушкой и дедом...

Лермонтов нашел вечный покой, как и предсказали его грустные строки:

Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

В нашем прекрасном городе, который становится еще лучше, в октябре 1838 года со своим воспитателем В.А. Жуковским останавливался наследник Российского престола Александр Романов. Об этом Жуковский в своем дневнике записал: «...В 4 часа утра мы покинули Павловск».

В свое время павловская газета «Маяк Придонья» писала: «6 июня, в день рождения великого русского поэта А.С. Пушкина, павловчане и студенческая молодежь стали свидетелями исторического события в жизни нашего города. В этот день на здании центральной библиотеки, носящей имя гения земли русской, была торжественно открыта мемориальная доска с изображением поэта.

Митинг открыл заместитель главы администрации города В.П. Литвинков, который предоставил слово известному в районе пушкинисту Д.Ф. Солодовченко. Со словами признательности творчеству А.С. Пушкина к собравшимся обратились поэты Г. Севрюков, М. Анпилов, и.о. директора библиотеки Н.И. Рыбальченко, педагог ДДТ А.Е. Евдакова.

Мемориальная доска выполнена мастерами из ОАО «Горизонт» (директор В.А. Губерт) по инициативе Д. Солодовченко и эскизу местного художника И. Удодова».

Теперь никто не сомневается, что Пушкин дважды был в нашем городе. Как видим, через Павловск проезжали многие выдающиеся предки, являющие собой гордость, славу и пример истинного служения своему народу.

А.С. Пушкин, словно заглянув в растлевающие от американской морали души некоторой части нынешнего поколения, предупреждает: «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности».

Прислушаемся же к мнению Пушкина!

БЫЛ ЛИ ПУШКИН У НАС В ГОСТЯХ?

Этот вопрос в 1998 году я услышал от милой ведущей нашего местного радио, позже — от сотрудников районной газеты. На мой утвердительный ответ в редакции возразили: в газете «Коммуна» в феврале 1999 года рассказывалось о поездке Пушкина из Воронежа на Кавказ через Острогожск, а не через Павловск.

Моя же уверенность основывалась на прочитанной мною в 1990 году обстоятельной, строго документированной статье действительного члена Географического общества Академии наук СССР Б. Петрова. Она публиковалась в «Маяке Придонья» и называлась «На прямой тифлисской дороге» (О пребывании К.Ф. Рылеева, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова в Павловске).

«Может быть, за девять лет появились новые факты?» — подумал я и отыскал «Коммуну» от 10 февраля 1999 года. Да, в ней есть статья под названием «Наконец я увидел Воронежские степи». Автор — Н. Гамов. Нахожу в тексте то, что интересует не только одного меня: «По царскому “Почтовому дорожнику” Пушкин выбрал самый короткий путь из Воронежа. Тракт проходил: Воронеж — Масловка — Олень-Колодезь — Хворостань — Петропавловка — Коротояк — Острогожск».

Но чем подтверждается столь категорическое «...Пушкин выбрал?» Ведь сам поэт писал: «...но я своротил на прямую тифлисскую дорогу». Подтверждения в газете нет.

Я вспомнил, что в нашей районной библиотеке есть книга Н. Гамова «Пушкин в краю Воронежских степей». Надеюсь в ней найти подтверждение, я запросил книгу. На странице 13 читаю: «“Почтовый дорожник” был, несомненно, на руках Александра Сергеевича. По нему он выбрал, наверное, самый короткий почтовый тракт из Воронежа».

«Наверное!» Категорического утверждения нет. Лишь предположение уважаемого Н. Гамова. Значит, надо обратиться к статье Б. Петрова, чтобы в ней, возможно, отыскать следы пребывания Пушкина в Павловске.

Разбираю свой архив, нахожу 144-й пожелтевший номер «Маяка Придонья» со статьей Б. Петрова «На прямой Тифлисской дороге». Материал объемный, в шести номерах газеты. В нем автор приводит известный из «Путешествия в Арзрум» факт, что Пушкин из Москвы поехал в Орел повидаться с легендарным героем Отечественной войны 1812 года генералом Ермоловым, а оттуда он свернул на тракт Орел-Саратов, чтобы в Ельце выехать на прямую, первоклассную Тифлисскую дорогу. По ней на Кавказ в разное время через Павловск проехали генерал Ермолов и генерал-фельдмаршалы граф Паскевич и князь Воронцов, тот самый, в которого Александр Сергеевич метнул эпиграмму «Полумилорд, полукупец». Б. Петров пишет, что в «Почтовом дорожнике» Российской империи указывались все дороги, протяженность каждой и их станции. Тифлисская: С.-Петербург — Ставрополь — Тифлис, протяженность 2590 верст. От Москвы она шла через Серпухов, Тулу, Богородск, Ефремов, Елец, Изволы, Задонск, Хлевное, Животинное, Воронеж, Новочеркасск, Ставрополь.

Мемориальная доска,
посвященная
А.С.Пушкину

«Почтовыми станциями — “почтовыми местами”, — пишет Б. Петров, — на тифлисской дороге в пределах Воронежской губернии (согласно «Почтовому дорожнику» — Д.С.) были: Воронеж — Рогачевка — Можайск — Средний Икорец — Шестаково — Лосево — Павловск — Казинка — Нижний Мамон — Бычок — Матюшкин Лог. Так, в Павловске и районе — в Казинке и Лосеве — Пушкин был! Был дважды — в мае и сентябре».

Этот убедительный факт пребывания поэта в Павловске подтверждается еще и другим документом, приводимым Б. Петровым в той же статье: «Я обнаружил в только что вышедшем путеводителе по пушкинским местам Гатчинского района Ленинградской области карту путешествий А. Пушкина (составители П. Померанцев и И. Бабков). На ней также путь поэта южнее Воронежа показан не через Острогожск, а по левому берегу Дона прямоиком на Казанскую. Сейчас можно уточнить эту карту: дорога пролегла через Павловск с переправой через Дон после Матюшкиного Лога».

Б. Петров еще более укрепляет свою правоту: «Павловск был тогда судоходным, а Острогожск — на внутригубернской дороге III класса Воронеж — Валуйки, р. Тихая Сосна уже тогда начала мелеть. Таким образом, ездили на Кавказ не через “уединенный Острогожск”, как писал К. Рылеев, а через бойкий Павловск».

Кроме того, Пушкин писал в «Путешествии в Арзрум»: «Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине». А ведь как утверждает специалист, географ Б. Петров, «воронежские степи — это и есть левобережье Дона между Воронежем и Матюшкиным Логом, в том числе окрестности Павловска».

Дабы вовсе исключить все сомнения и возражения относительно пребывания Пушкина в Павловске, сошлемся еще на одно доказательство: на статью члена Союза журналистов СССР В. Чирикова «По пути на Кавказ», опубликованную в «Маяке Придонья» за 1985 год. В ней автор пишет: «О том, сколько же длилось пушкинское мгновение в Павловске-на-Дону, в нашем распоряжении нет доказательных подтверждений. Но то, что поэт посетил этот городок — бесспорно. Пушкин-летописец прямо выводит нас на Павловск: “Я своротил на прямую тифлискую дорогу”. На ней и стоял Павловск. Миновать этого пункта на маршруте путешественник не имел права — предписание царского Указа всякому путешественнику по подорожной».

(Заметим, что подорожная Пушкиным была взята 4 марта 1829 года в канцелярии Петербургского военного губернатора и гласила: «Почтовым местам и станционным смотрителям от С.-Петербурга до Тифлиса и обратно, Г-ну чиновнику

10 класса Александру Сергеевичу Пушкину, следующему от С.-Петербурга до Тифлиса и обратно, предписываю почтовым местам и станционным смотрителям давать означенное в подорожной число почтовых лошадей без задержания и к проезду всякое оказывать пособие...»)

Сегодня во всех книгах о путешествиях Пушкина по родной земле наш Павловск указан на его пути. Еще до войны в Павловске были старожилы, которые передавали изустную легенду о том, как поэт останавливался у вековой ракиты отдыхать и расспрашивал о Петре Великом...

Значит, был Александр Сергеевич в нашем Павловске! Выходил на станции, которая обычно находилась в центре города, разминал ноги, разговаривал со смотрителем, ямщиками. А как же не пообедать после многочасовой езды? Нельзя исключить совсем, что Пушкин и ночевал в Павловске...

Ирина Сергеевна Наконечная родилась в городе Павловске Воронежской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Работает обозревателем районной газеты «Вести Придонья». Печаталась в местной периодике, журнале «Новый мир», коллективных сборниках. Член литературного объединения «Донские родники». Живет в Павловске.

Ирина Наконечная

НЕ БЫВАЕТ ТАЛАНТА БЕЗ ТРУДА

(Рассказы о творческой семье Ушаковых)

Без одобрения руководителя народного ансамбля национальной песни «Белояр», аккомпаниатора народного хора имени Марии Мордасовой, народного хора ветеранов, художественного руководителя ДК на сцену «Современника» не выходит ни один номер.

Евгений Ушаков ежедневно участвует в любом творческом процессе, лично интересуется готовностью коллективов к выступлению. Он обладатель более пятидесяти наград районного и областного уровней, а также звания «Лучший по профессии» в номинации «Лучший руководитель творческого коллектива». Как же ему удастся везде поспевать и добиваться таких впечатляющих успехов? Евгений Васильевич поделился секретом творческих успехов.

При чем тут мороженое?

Горожане старшего и среднего возраста наверняка помнят задорную краснощекую продавщицу мороженого, которая многие годы торговала лакомством на улицах старого города. Ее интригующий призыв: «Горячее мороженое!» собирал детвору со всей округи. И в самом деле, из чудо-контейнера действительно валил пар, как будто там и вправду кипело нечто горячее. Многие дети воспринимали это как чудо.

Евгений Ушаков

Так вот, веселая мороженщица имела талант не только удивлять ребятшек. Нина Михайловна Алексеева самоучкой освоила игру на баяне и балалайке и приохотила к музыке внушка Женю — нашего героя, которого сегодня все знают как баяниста-виртуоза и талантливого композитора.

Евгений попал в музыкальную школу в достаточно позднем возрасте (13 лет) и окончил ее за 2,5 года по классу баяна, сдавал экзамены экстерном — год за два. Его преподавателями были Анатолий Пилипенко и Николай Булкин. Поступил в Воронежское культпросветучилище. И так получилось, что вместо того, чтобы сдавать государственные экзамены, уехал на гастроли в Германию в качестве руководителя ансамбля русских народных инструментов и аккомпаниатора хореографического ансамбля «Калинка» г. Борисоглебска. Далее судьба свела его с Новохоперском, и лишь пятнадцать лет назад он вернулся в родной Павловск.

Музыка нас связала

Сейчас в подчинении Евгения Васильевича все народные коллективы, соответственно, он курирует и их концертные программы. Рабочий день может затянуться до двух часов ночи.

При этом нельзя забывать и о собственном творчестве: композитор усердно и заинтересованно работал над выпуском сборника при поддержке Воронежского областного центра народного творчества и кино. В него вошли авторские песни на стихи павловских поэтов, а также положенные на музыку Евгения Ушакова строки московского стихотворца Юрия Рассветова. Исполняет их ансамбль «Белояр», хор имени Мордасовой и хор ветеранов, краснодарский ансамбль «Казачьи зори», народный артист России Ярослав Евдокимов. Кроме того, всегда достойно отмечаются праздники и юбилеи творческих коллективов, готовятся интереснейшие программы, куда обычно входят авторские инструментальные и песенные произведения.

В любой профессии есть свои плюсы и минусы. Понятно, что человек сцены себе не принадлежит, внимания семье уделяется меньше, чем хотелось бы. Это плата за зрительскую любовь, общение с талантливыми людьми. Евгений Васильевич убежден, что работает с настоящими профессионалами. Рядом с ним такие неординарные артисты, как Александр Лисицкий, Илья Бричковский, Людмила Чувикова, Юрий Халваш, Галина Киричкова, Артем Иосипчук, Петр Кузьменко, Николай Шатский, Василий Дубовой, Елена Ушакова. Кстати, последняя является супругой Евгения Васильевича и тоже блистает на сцене.

Со сцены — на трактор

Не все же блистать, надо позаботиться и о хлебе насущном. Покинув объятия Эвтерпы (музы-покровительницы поэзии и музыки), супруги спешат на свои три гектара в селе Данило и из артистов превращаются в фермеров. Евгений садится за штурвал трактора, и вся семья обрабатывает плантации чеснока. Продукцию реализуют в Воронеже.

— Я по гороскопу Телец, меня тянет к земле, — поделился Евгений Васильевич. — К тому же всегда был равнодушен к сельскохозяйственной технике.

Коль у человека есть талант — он, как правило, разносторонний и проявляет-ся во всем. Хотя у Евгения Васильевича на этот счет своя точка зрения.

— Талант не может существовать сам по себе. Это как машина без бензина — элементарная, красивая, притягивает взгляд, но далеко не уедет. Талант это, прежде всего, труд. Без труда не бывает большого творчества.

Портрет нашего героя итожит мнение Елены Владимировны Слащевой, директора ДК «Современник» МКУК «ЦКС»:

— Евгений Васильевич буквально живет работой, можно сказать, даже в ущерб личным интересам. Болеет за каждого члена коллектива. Это увлеченный, талантливый, горящий душой человек, истинный профессионал. Мы, весь коллектив «Современника», гордимся тем, что судьба дарит нам возможность общения и совместной работы с ним.

Ирина НАКОНЕЧНАЯ

УКРАСЫ МАСТЕРИЦЫ

Чтобы носить высокое звание «Народный мастер Воронежской области», человек в своих работах должен сохранять основы традиционного мастерства, народных промыслов, заниматься просветительской деятельностью и способствовать сохранению уникальной самобытности родного края.

Руководитель хора ветеранов и солистка трех творческих коллективов ДК «Современник» МКУК «ЦКС» Елена Ушакова плетет из бисера старинные нагрудные украшения. Она изготовила уже более 60 монисто, 20 из которых — для женских сценических костюмов Павловского народного хора имени Марии Мордасовой.

Бисероплетением мастерица занимается 10 лет и представляет Павловский район на всевозможных выставках и фестивалях различных уровней. Чтобы изучить секреты увлекательного занятия, она побывала в этнографических экспедициях в селах Павловского и соседних районов. У старожилов училась искусству создания старинными украшениями из бисера.

Елена Ушакова

Сколько разнообразных изделий сделала рукодельница на сегодня — уже и считать невозможно. Первый свой диплом она получила в 2013 году за участие в районном фестивале «Мастер хорошего настроения». Потом были награды на фестивалях и выставках «Душевные наряды», «Русь песенная, Русь мастеровая», «Воронежские узоры» и другие. В 2019 году Елене присвоили почетное звание «Народный мастер Воронежской области» за возрождение русских народных украшений. К ним у мастерицы отношение особое — уважительное. Однажды, когда начинала заниматься бисерным творчеством, ей в руки случайно попали монисто и гайтан села Пузево (старинные женские нагрудные украшения, атрибуты праздничного народного костюма Воронежской губернии). Считалось, что они являются также амулетом, защищавшим женщин от злых языков и сглаза. На основе материалов из книг и многих сайтов рукодельница попыталась воссоздать нагрудные украшения, которые творили мастерицы несколько веков назад.

— Самое сложное для меня — понять значение каждого орнамента. В 2013 году мне удалось воссоздать монисто, но до идеала было еще далеко. На изучение каждого орнамента ушло пять лет, — рассказала Елена. — Когда погружаешься в изучение традиционных нагрудных украшений, постепенно приоткрываешь мироощущение наших предков, их обычаи, верования. Сердцу ценно и дорого полученное «наследство». Удивляет, как берегли все это богатство наши бабушки, сохраняя в традиции и цвет, и узоры-обереги. Хотелось бы, чтобы молодое поколение могло не только видеть в книгах, но и примерять украшения, которые носили предки.

Татьяна МЕНДАК

СЛОВНО МУЗЫКА, ЗАСТЫВШАЯ В КАМНЕ

(Изящная архитектура Павловска)

Живописно то место на берегу Дона при впадении реки Осере-ди, где стоит Павловск. Изначально он был крепостью и су-доверфью, поэтому планировка города рациональна и компактна. Во время Великой Отечественной войны эта местность не была оккупирована фашистами, и в городе не шли тяжелые бои, поэтому старые дома, церкви и общественные здания хорошо сохранились до наших дней.

В XVIII веке Павловск был деревянным. То и дело в городе пылали пожары, самый страшный произошел в 1793 году. Тогда Павловск выгорел дотла. Пришлось его отстраивать заново и по новому плану. Вышло распоряжение, чтобы в городе улицы проектировались широкие, расстояние между домами было регламентировано, предписывалось сажать между усадьбами сады. По месторасположению Павловск как бы зажат между Доном, Осередью и высохшей речкой Самаркой. Новые здания можно было строить только в восточном направлении. Поэтому нет смешения архитектурных стилей, исторический центр в основном сохранил свой облик.

Старые деревянные церкви или обветшали или сгорели. Новые церкви и собор строились уже из кирпича. Что характерно, они

возведены в петербургском стиле. В Павловске нет церквей с куполами-луковками, как в Москве. Преображенский собор построен явно под влиянием архитектуры Петропавловского собора в Петербурге в 1786 году. Высокий шпиль и барочный купол были украшением здания. В 1867 году собор приобрел окончательный вид — надстроили колокольню и установили башенные часы, привезенные из Женевы. Они отбивают время и по сей день.

С ростом благосостояния Павловска деревянных домов строилось все меньше, а кирпичных — больше. К концу XIX века сформировался свой стиль и архитектурная мода. Павловск отличается от других уездных городов своими старыми зданиями. Бревенчатых домов практически нет. Деревянные дома обязательно обмазаны глиной, побелены или обиты тонкими дощечками. Даже у частных домов нет простых, гладких стен. Обязательна фигурная кладка. Каменщики украшали здания карнизами, наличниками, орнаментом и добились в этом большого мастерства. Наиболее частый мотив — андреевский косой крест. Это память о флотском прошлом Павловска. Купеческие дома, как правило, очень нарядны.

Самые красивые и большие старинные здания в Павловске — не церкви, как в боль-

Здание Павловского педагогического колледжа

шинстве уездных городов, а школы. Женская гимназия построена в русском стиле с огромными окнами актового зала, а ее крыша — как в здании бывшей Московской городской Думы или бывшей венской Академии художеств.

Павловское реальное училище до сих пор поражает гостей города своей величественностью и строгой красотой. Огромный центральный двухэтажный корпус, над которым возвышается полусферический купол, увенчанный символом знаний — глобусом; два симметричных крыла и два флигеля, на которых установлены два четырехгранных купола с круглыми слуховыми окнами; кованая изгородь в стиле модерн — все это создает впечатление торжественности и гармонии.

Духовное училище построено в русском стиле с элементами готики. Оно очень большое и просторное. Главное его украшение — уникальная ковровая кладка стен. Не каждый мастер сможет сложить из кирпича такие узоры!

Дома купцов просторные и красивые. На берегу Дона стоит купеческий особняк, в ко-

тором сейчас располагается станция юных натуралистов. Очень интересен его сложный кирпичный декор. Самый красивый особняк — дом Одинцова, в котором сегодня находится краеведческий музей. Он эклектичен — с угловой башенкой, увенчанной яйцевидным куполом, с красивой лепниной по фасаду и с ажурным чугунным литым парадным входом.

По улицам старого Павловска любят побродить гости города, которые удивляются ажурной красоте зданий. Действительно, здесь воочию можно увидеть пример того, что архитектура, как раньше говорили, — это музыка, застывшая в камне. Всех впечатляет и вид на Дон со смотровой площадки, на которую можно выйти после прогулки по парку. Сочетание природной красоты и великолепия старинных зданий, сохранивших исторический облик, привлекают в Павловск все больше туристов.

*Иван УДОДОВ,
сотрудник Павловского районного
краеведческого музея*

ПОДПЕВАТЬ ЛУЧШЕ ХОРОМ...

(Народные песенные традиции
Дворца культуры «Современник»)

Традиция петь хором в России имеет очень давнюю историю. Еще в древней Руси люди собирались вместе и исполняли самые разные песни. Люди пели за работой — когда сеяли и убирали урожай, шили и вязали. Пели за столом, в моменты отдыха и в праздник, во время богослужения и в походе. Во время торжеств все пели огромным хором: даже цари пели в хоре. Пела вся Россия. Современное состояние хоровой культуры дает надежду, что эти традиции в нашей стране не будут утрачены. Наш самобытный хор носит имя знаменитой воронежской певуни Марии Мордасовой. Уникальные традиции воронежской песенной культуры, которые закладывала и развивала она, коллектив хора хранит и с успехом представляет зрителям на сценических площадках больших и малых городов, сел и деревень России. Павловские мастера, возрождая старинные, подлинно народные формы коллективного искусства, широко используют все его жанровое многообразие, присущее именно нашему краю. В то же время выступления прославленного заслуженного коллектива удивляют зрителей и слушателей свежестью, молодым задором и колоссальной внутренней энергией.

Интересна история зарождения коллектива, которая начиналась в 1956 году. Огромный вклад в его создание и развитие внесли заслуженный работник культуры России И.Д. Сероштанов, директор РДК в те далекие годы, заслуженный работник культуры Н.Ф. Ефремов, первый секретарь райкома КПСС О.К. Застрожный. Надолго связала свою жизнь с коллективом заслуженный работник культуры России Т.Г. Шелякина. Именно под ее руководством хор стал участником ВДНХ в Москве, лауреатом союзных и российских смотров, конкурсов, выезжал даже за пределы страны, совершив незабываемый гастрольный тур в 1974 и 1976 годах по Чехословакии. В 1970 году хору присвоено звание «народный». А в 1998-м по решению Воронежской областной Думы хору дали право носить имя народной артистки СССР М.Н. Мордасовой.

А приказом Минкультуры России хору из

Павловска присвоено звание «Заслуженный коллектив народного творчества»! Всего в нашей области такое звание еще имеют всего два коллектива.

Тридцать лет назад художественным руководителем хора стала Л.И. Чувикова. Ее творческая деятельность получила тоже общественное признание — в 2009 году Людмила Ивановна удостоена звания лауреата премии Правительства РФ «Душа России». Талант, высокое исполнительское мастерство, умение раскрыть «душу песни» снискали Людмиле Ивановне славу одной из лучших самодеятельных солисток района и области. Слаженность звучания сложных хоровых партий, умелый подбор репертуара, выразительное многоголосие, общая сценическая культура — заслуга руководителя.

Широкий и разнообразный диапазон исполняемых коллективом произведений — от песен, звучащих *a capella*, до частушек и песен современных авторов; от величавых хороводов до практически театральных постановок. Особое место в репертуаре хора занимают произведения о России и родном крае, особенно воронежских и павловских поэтов и композиторов: В. Руденко, А. Токмакова, Е. Новичихина, И. Пахомова, Л. Бричковского и других.

Сейчас в коллективе 30 участников, для которых хор без преувеличения стал второй семьей! Ведь только чувство глубокой общности людей рождает атмосферу творчества и сотрудничества, способность трудиться в команде. Пение в хоре — это культурный досуг, эстетическое развитие, раскрытие творческих способностей в любой области жизни и в любом возрасте. Талант и трудолюбие певцов, их любовь к русской песне высоко оцениваются на фестивалях и конкурсах.

Взять хотя бы последние годы. Каждый из них стал заметной творческой вехой. 2017 — Гран-при на Всероссийском конкурсе исполнителей народной песни памяти Людмилы Зыкиной (Нижегородская область). 2019 — Гран-при на Всероссийском фестивале-конкурсе «Поет село родное» (г. Брянск). 2020 — диплом лауреата 1 степени на Всероссийском конкурсе «Осенний разгуляй» (г. Тамбов)...

Кстати, наш русский народный хор ждет новых участников. Новичков здесь всегда встречают радушно. Без сомнения, хоровое пение объединяет людей, дает им душевный подъем и чувство братского согласия. Когда голоса сливаются в унисон или сложных гармонических аккордах, человек чувствует, что он не одинок. Как сказал классик, «идите в хоры и обретете гармонию!»

Важную роль в деятельности коллектива играет народный ансамбль русских народных инструментов «Донские россыпи». Их совместная работа — необыкновенно слаженный творческий союз! Этот коллектив павловских музыкантов радует своих поклонников уже более полувека. Эти годы принесли коллективу заслуженную славу, признание и успех.

Его руководителями были Т.В. Иванов, Е.А. Ушаков, М.В. Шмаков.

В 2004 году из Новохоперска в коллектив был приглашен молодой и талантливый баянист Евгений Васильевич Ушаков, который стал привлекать в ансамбль новых участников. На его приглашение откликнулись искусные музыканты, и почти сразу были завоеваны престижные творческие высоты. В 2006 году коллектив получает звание «народный».

За время своего существования ансамбль завоевал немало титулов и наград и как аккомпанирующая группа народного хора имени Марии Мордасовой, и как сольный инструментальный коллектив.

Значительным событием в творческой биографии коллектива стали несколько по-

ездок по городам России. В 2006 году ансамбль народных инструментов принял участие в заключительном этапе Всероссийского фестиваля-конкурса народных хоров и ансамблей «Поет село родное» в г. Курске, где был награжден дипломом Государственного Российского Дома народного творчества Министерства культуры России как лучшей аккомпанирующей группы фестиваля.

В ноябре 2010 года «Донские россыпи» показали свой класс на II Всероссийском фестивале-конкурсе оркестров и ансамблей национальных инструментов народов России «Многоликая Россия» в городе Орле. По результатам конкурса наш ансамбль вошел в тройку лучших коллективов России.

Одна из самых ярких побед была одержана на XV Всероссийском фестивале-конкурсе народных хоров и ансамблей «Поет село родное», который прошел в сентябре 2019 года в городе Брянске, где совместно с народным хором имени М. Мордасовой «Донские россыпи» Дворца культуры «Современник» были удостоены Гран-при!

Сейчас в уже известном далеко за пределами региона коллективе одиннадцать музыкантов. Все они — разных возрастов и разных профессий, но они крепко объединены талантом и любовью к музыке, к русским народным инструментам!

*Ольга СТУЛЬНЕВА,
заместитель директора
«ДК «Современник» МКУК «ЦКС»*

Площадь у Дворца культуры «Современник» всегда многолюдна

ЖИВОПИСЦЫ ОКУНУЛИ СВОИ КИСТИ

(Родной край в картинах местных художников)

Город Павловск богат талантливыми художниками. Среди них есть художники-профессионалы, а есть и художники-любители. Все они обожают свой город и с удовольствием изображают его на своих работах. Уж очень натура хороша! Павловск прекрасен во все времена года. Художник Алексей Трубчанинов пишет тонко выверенные по цвету пейзажи и создает фантастические графические листы, где главный герой — сказочный Павловск. Наталья Саврасова пишет городские пейзажи с любовью, превращая, например, обычную старую кирпичную стену в нечто праздничное и веселое. От ее наивных и очень добрых картин

веет теплом даже тогда, когда она изображает зиму. Елена Куракова достигла успехов в акварели, и родной город в ее работах предстает то солнечным, то дождливым, то снежным. Александр Ключников пишет родной город ярким и цветным. Работы Александра Хмелевского строго реалистичны и точны в изображении. Валентина Дмитриевна Саломатина любит изображать Дон и окрестности Павловска, тщательно прорабатывая детали. Валерий Петров работает с уникальным материалом — берестой. На ней он рисует павловские архитектурные достопримечательности.

Иван НИКОЛАЕВ

Департамент культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъем»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов должны сообщить редакции: краткую биографическую справку; домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, регистрация); ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала в формате Word.

Корректор Стрельникова Е.С.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Телефоны редакции: директор-главный редактор — 228-64-12 / 8-903-858-64-12, заместитель директора-главного редактора, шеф-редактор (ответственный секретарь), отдел поэзии — 228-64-15 / 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор, отдел верстки — 228-64-09 / 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 228-64-13 / 8-903-858-64-13, производственный отдел — 228-64-16 / 8-903-858-64-16.

Электронный адрес журнала «Подъем»: **podiem@mail.ru**

Сайт журнала «Подъем»: **<http://www.podiemvrn.ru>**

Электронный архив журнала с № 1, 2001 г. по № 6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
ISSN 0130-8165.

Журнал «Подъем»
Главный редактор **И.А. Щёлоков**
№ 4 (691). Подписано в печать 05.04.2022.

Дата выхода в свет: 25.04.2022.

Индекс 73312.

Тираж 850 экз.

Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «School Book». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,5 + 0,75 п.л. цв. вкл. Отпечатано с готового оригинал-макета

ГБУК ВО «Журнал «Подъем». Заказ № 0463. Цена свободная. 12+.

Адрес редакции: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес издателя ГБУК ВО «Журнал «Подъем»: 394030, Воронежская область,
г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес типографии ООО «Типография Для Вас»:

620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 52а, офис 3

Тел. 8 (343) 211-03-00 www.tdvas.ru

Журнал «Подъем» зарегистрирован Министерством печати и массовой информации РСФСР.

Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

Учредитель (соучредители): Союз писателей России.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться
в ООО «Типография Для Вас».

В. Семко. Менестрели

Ближайшие публикации журнала «Подъём»

- **К 350-летию со дня рождения Петра I:**
поэма Сергея Луценко «Азов», главы из романа
Владимира Василенко «Прутский поход»,
очерк Игоря Маркина «Воронежский узел»:
Петр I – свидетельства и предания
- **Страницы прозы:** рассказы Евгения Новичихина,
Виктора Перегудова, Валерия Платонова,
Людмилы Володиной
- **Стихотворения Льва Коськова, Федора Сухова,
Михаила Болгова**
- **Рубрика «Писатель и время» представляет очерк
Михаила Крупина «Читая брата» – о выдающемся
современном писателе Владимире Крупине**
- **Статьи Татьяны Грибановой, Станислава Хатунцева,
Людмилы Колосовой**

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ:

73312,
объединенный
электронный каталог
«Пресса России»:
<https://www.pressa-rf.ru>

73312,
электронный каталог
«Пресса по подписке»:
[https://www.akc.ru/
itm/podem](https://www.akc.ru/itm/podem)

«Почта России»:
[https://podpiska.
pochta.ru/press/P3239](https://podpiska.pochta.ru/press/P3239),
индекс П3239

Подписка
по Воронежской области:
П3239, «Почта России»